

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Архипова Ольга Фёдоровна

Преподаватель, русского языка и литературы, Ямальский многопрофильный колледж, г.Салехард

REGIONAL COMPONENT IN THE TEACHING OF LITERATURE IN THE VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

Arkhipova Olga Fedorovna, teacher, Russian language and literature, The Yamal versatile college, Salekhard

АННОТАЦИЯ

Исследования по внедрению в учебный процесс среднего профессионального учебного заведения творчества русскоязычных писателей Ямало-Ненецкого автономного округа, не относящихся к коренным малочисленным народам Севера.

ABSTRACT

Study on the implementation in the educational process of secondary vocational education institution works of Russian writers of the Yamal-Nenets Autonomous District, non-indigenous peoples of the North.

Ключевые слова: преподавание литературы, региональный компонент.

Keywords: teaching of literature, the regional component.

Суровые условия проживания в ямало-ненецком автономном округе создали особую культурную среду и удивительную литературу. В условиях современных социокультурных изменений при сохранении фундаментальных основ педагогической науки целесообразна адаптация образования к конкретным условиям региона с учетом этнического состава его жителей. Модернизация образования выдвигает идею пересмотра содержания образования, в том числе и в области литературы, через согласованность знаний, умений и навыков, получаемых человеком на разных уровнях личностного и профессионального становления.

В Законе РФ «Об образовании» закреплены 2 компонента государственного образовательного стандарта, учитывающие федеративный характер устройства России – федеральный и национально-региональный. Региональный компонент обеспечивает особые потребности и интересы в области образования народов страны в лице субъектов Федерации и включает в себя ту часть содержания образования, в которой отражено национальное и региональное своеобразие культуры (язык, литература, история, география и т.д.). Каждый народ, имеющий свою культуру, формирующуюся веками в процессе трудовой деятельности, вырабатывает свои собственные, характерные только для традиционного склада жизни данного общества, идеи и опыт воспитания детей. Хотя эти идеи самобытны и присущи только людям особого психологического типа, составляющего народность, они делают богаче и разнообразнее мировую педагогику, являясь некоей «свежей струей» в общепринятой системе обучения и воспитания детей, а потому заслуживает должного внимания и уважения.

Актуальность проблематики регионального компонента подтверждается также значительным объемом научных исследований, проводимых в этом направлении.

В системе профессионального образования в ЯНАО, в частности, в Ямальском многопрофильном колледже (ЯМК) в курсе русской литературы изучается «Литература Ямала», которая формирует представление о национальной литературе как о социокультурном феномене, занимающем специфическое место в жизни нации и человечества.

Однако, региональные особенности изучения литературы не должны и не могут ограничиваться изучением творчества только национальных авторов. Региональный компонент в изучении литературы должен охватывать и творчество авторов, проживающих и работающих на территории округа, но не являющихся представителями коренных малочисленных народов.

Для разрешения этих проблем на базе (ЯМК) в течение полутора лет проводятся исследования по внедрению в учебный процесс творчества русскоязычных писателей ЯНАО, не относящихся к коренным малочисленным народам Севера.

В ходе этих исследований:

1. Определены теоретико-литературные понятия, помогающие освоению духовного богатства художественных произведений.
2. Изучена литературоведческая, искусствоведческая психолого-педагогическая и методическая литература по теме исследования.
3. Проанализированы программы по литературе в УЗСПО (учебные заведения среднего профессионального образования) и методические пособия по литературе.
4. Проведено анкетирование и опрос учащихся и преподавателей, анализ работ учащихся.
5. Проведен педагогический эксперимент и качественно-количественный анализ данных, полученных в ходе эксперимента.

6. 6. Сформулированы и систематизированы принципы изучения РПЯ (русскоязычных писателей Ямала) на уроках литературы, определяющие расширенное представление о литературе Ямала и позволяющие сделать более глубоким понимание русской литературы.

7. 7. Составлен перечень произведений РПЯ (русскоязычных писателей Ямала) для изучения в условиях ограниченного количества учебных часов в Ямальском многопрофильном колледже.
Для изучения учащимся предлагались следующие произведения:

№ п/п	Наименование произведения	Автор	Жанр	Количество учебных часов
1	«Миров связующая нить»	Александр Херсонский	Художественно-публицистическая книга (отрывок)	1
2	«Две ели»	Юрий Афанасьев	рассказ	2
3	«Концлагерь Комариный»	Николай Дудников	рассказ	2

Цель эксперимента состояла в том, чтобы подтвердить зависимость между изучением творчества РПЯ (русскоязычных писателей Ямала) и развитием у учащихся необходимых эмоционально-художественных способностей и качеств.

В качестве критериев освоения творчества РПЯ учащимися были выбраны следующие показатели:

- расширение представлений о литературе Ямало-Ненецкого автономного округа, и, как следствие, более глубокое понимание русской литературы;
- углубление представления о тематике и героях произведений писателей ЯНАО;
- развитие способностей к пониманию образности языка, осмыслению сюжетов.

Итогом опытно-экспериментального обучения в 4-х группах, учащиеся стали контрольные срезы в форме письменных работ, проведенные в контрольных и экспериментальных группах СПО.

Учащимся было предложено выполнить ряд заданий:

- Выбрать одно из произведений РПЯ, наиболее понравившееся с обоснованием выбора.
- Написать краткую рецензию к одному из изученных произведений.

Эти задания позволили проверить целый спектр знаний, умений и навыков, полученных учащимися УЗСПО при изучении творчества РПЯ в частности, знание проблематики творчества писателей, своеобразии его позиции по проблеме, раскрытой в конкретном произведении.

Многу были получены следующие результаты: в контрольных группах самое большое затруднение вызвали задания на оценку художественного своеобразия произведения и его связь с землёй Ямала, следовательно, данные умения связаны с нашим регионом и требовали определённых пояснений со стороны преподавателя. (Данный вид задания выполнили лишь 33% учащихся). Тогда как в экспериментальной группе данное задание выполнили 53% учащихся. Беседы со студентами и материалы анализа работ позволяют судить о том, что интерес к произведениям местных писателей в экспериментальных группах выше, чем в контрольных, так как позволяют не просто расширить представления подростков о литературе благодаря новым именам, но и дать возможность почувствовать себя частью в цепи литературных и исторических событий, установить связь между своей судьбой и судьбой, и культурой своего родины.

Работа в этом направлении продолжается, в эксперимент вовлекаются новые группы учащихся, одной из форм по изучению творчества РПЯ.

КОНТЕКСТ КАК ОПОРА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА И В ПОСТРОЕНИИ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА (НА ОСНОВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Байжанова Анар Хусаиновна

магистр филологии, старший преподаватель, Казахский Гуманитарно-Юридический, Университет, Астана

Касымбекова Ботагоз

студентка Казахского Гуманитарно-Юридического Университета, Астана

CONTEXT AS A SUPPORT IN THE SPEECH ACTIVITY OF AN INTERPRETER AND IN CONSTRUCTING A TRANSLATION MODEL (BASED ON LEGAL TEXTS)

Baizhanova Anar, master of philology, senior lecturer at Kazakh, University of the Humanities and Law, Astana

Kassymbekova Botagoz, student of Kazakh University of the Humanities and Law, Astana

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу роли контекста в речевой деятельности переводчика и в построении модели перевода. Теоретическая база основана на работах выдающихся лингвистов и переводчиков (И. Найда, Г.В. Чернов, В.Н. Комиссаров и т.д.). Исследование охватывает изучение особенностей перевода, обусловленных влиянием определённого контекста, и ставит своей целью анализ юридических текстов.

ABSTRACT

The article is dedicated to analyzing the role of context in the speech activity of an interpreter and in constructing a translation model. Theoretical exploration is based on the works of prominent linguists and translators (Y. Nayda, G.V. Chernov, V.N. Komissarov, etc.). The research comprises the investigation of peculiarities of translation which can be influenced by the particular context and is aimed to analyze legal texts.

Ключевые слова: контекст, перевод, речевая деятельность, модель перевода.

Keywords: context, translation, speech activity, translation model.

This article is devoted to studying the influence of context on the differences in understanding the meaning in the translation from English into Kazakh and vice versa.

Translation attracts the attention of the representatives of various areas of linguistics. Translation as a kind of verbal activity of the individual (translator) is a part of its communicative and social activities as a whole, the translation cannot be considered in isolation from the source text and the target text. The relevance of this work is determined by a variety of approaches to the study of translation and the process of their integration. The relation between translation and content of the text makes it possible to analyze the role played by the context in understanding the meaning of the text and what place it occupies in the translation model. Translation model is a dynamic system of interpreter actions with respect to which the context is an external factor. Thus, the analysis of the role of context in understanding the meaning makes it possible to study the correlation of internal and external factors of the translation process.

The object of research is the role of context in translation based on theoretical assumptions and comprehensive analysis of legal texts.

Subject of research consists in the differences in the use of an interpreter a context in the translation of law texts.

The aim of the research is to define the place of the context of the model of translation and its role in understanding the meaning of the translated text.

The originality and diversity of translation activity have been reported in many researches in the field of translation theory and practice, teaching methodology of Foreign Languages and other spheres of study. Specificity of translation activity is reflected in the scientific works of such authors as V.N. Komissarov, Y.I. Recker, A.V. Fedorov, A.D. Shweicer, V.S. Vinogradov, A.A. Leontyev and etc.

Context plays an important role in translation / interpreting, as it was pointed out by Zhinkin that the idea or meaning can't be recreated on the base of one sentence. One sentence can't give the whole idea of the text, to know the main idea, we need the whole text.

Translation is a specific verbal and cogitative activity. As a kind of verbal activity, has a system of motives and goals, translation involves the functioning of the mental mechanism, and therefore, "the basis of translation are universal mechanisms speech production and speech perception". Its specific features manifested in the way of universal implementation of these mechanisms. The translation process at all stages of a heuristic character.

An interpreter do not have ready preset under "value – meaning – value", in its activity it performs sequential selection from a variety of different types of opportunities. However, he performs complex mental operations that based on his own linguistic and cognitive knowledge. With that, the translation process is holistic and it should be emphasized simultaneity of all operations.

Translation is a special kind of speech activity, having characteristic common for speech activity as a whole, as well as its own special features. It is intended to bring to the fullest extent bilingual communication to the natural, monolingual. The features of this type of speech activity are determined by the need for the translator's professional translation competence. The latter includes the following competencies:

1. Linguistic competence covers all aspects of language common to any native speaker (knowledge of the system, normal language, its vocabulary, grammatical structure, etc.), as well as specific features, which are caused by the fact that the translator must have sufficient linguistic competence in the two languages area. The translator requires knowledge of two languages "as translator / interpreter", i.e. not separately, in conjunction, that V.N. Komissarov calls "ordered bilingualism" [4, p. 26]. Linguistic competence of an interpreter should be comprehensive, because its nature and boundaries are imposed to translator from outside. In this context, a major role is played by the ability to quickly expand their language skills, especially in comparative terms; high flexibility and plasticity of interpreter's language competence;
2. Text-competence – the ability to create different types of texts in accordance with the language in the collective rules and stereotypes. The translator must know the correlation of such rules in the two languages, the ability to build different types of texts, knowledge of the differences in the overall strategy of the text in two languages;
3. Communicative competence. In addition to the ability to interpret the meaning of the utterance, communicative competence of an interpreter requires the ability to compare inferential ability of representatives of the two linguistic groups and, if necessary, to enter the missing background information.

This speech activity unit of translation is a complex term of semantic verbal decision based on infers activities and speech communicative act with the text, realized in the course of a few forms and speech activities due to specific and regulated translation of communicative situation. In this sense solutions include a range of verbal reasoning as products of speech activity of reading, which are logical operations on the individual thoughts and subsequently transformed into a discussion.

Very important for the translation activities are conclusions of A.I. Novikov, confirming the results of the experiments: "... the content and meaning – they are different mental education" [5, p. 34], even though both are the result of understanding. Refers to a mental sphere (A.I. Novikov, A. Smirnov, Leontiev, N.I. Zhinkin) and it is associated with the activity of thinking (Vygotsky, N.A. Slusarev, L. Dobraev etc.), when it is necessary to address the links between concepts, judgments and inferences, i.e. to implement meaningful solutions.

Based on the above mentioned, we can conclude that the translation is a specific type of synthetic speech activity, because it combines the features of different types of speech activity – expressive and receptive. Translation can be oral and written, i.e., it is both oral and written speech activity.

Thus, the translation from one side has all the characteristics of speech activity in general, on the other hand it has differences from other types of speech activity because of its features, despite this, translation and speech activity are integral parts of one whole.

Let us recall the arguments of Y. Naida defending a thesis on the universality of the transformational model as the only adequate model of translation [1, p. 3-4]. As suggested we find there are two translation systems. The first system is reduced to the formulation of a series of rules that specify what should be done to ensure that for any unit or combination of units of the source language to find an appropriate form in the target language. In some embodiments, translation theory postulates the existence of an intermediate language, through which the transfer. But no matter, whether entered into the model of translation, this intermediate structure, this approach is based on application of the rules at the level of the surface structures of the language. The second system provides a more complex procedure including three stages:

- 1) analysis, in which the surface structure of the message in language A is analyzed in terms of grammatical transformations based on grammatical relations and meanings of words and phrases;
- 2) transfer, during which material subjected to analysis is transferred from language A to language B;
- 3) remodel, during which the transferred material is processed to the final adaptation of the final message to the norms of the target language.

Like other models of the translation model of trial and error cannot claim to universality. In particular, it cannot be applied in an emergency situation, such as simultaneous translation, when the residence time is reduced to a minimum version required automatism and translation skills. Overall, however, this hypothesis is supported by the observation of the activities of translators (materials of these observations will be discussed below).

Probabilistic forecasting model was used by G.V. Chernov in describing the mechanism of generating verbal expression in the interpretation. According to him, simultaneous translation is carried out by a simultaneous process of listening and speaking, often arriving before the end of the interpreter statements. Mechanisms to ensure this simultaneity, are, according to G.V. Chernov mechanism probabilistic forecasting incoming messages to the interpreter and proactive mechanism synthesis in the generation of an interpreter posts in the target language. The essence extends when this hypothesis is to ensure that in the process of hearing the original translator speculated about a particular semantic or verbal conclusion of the author's intentions. The nomination is based on their subjective assessment of the subconscious priori probabilities of further development of the verbal situation [6, p. 53-56].

It seems that the reduction of interpretation to model probabilistic forecasting would be unlawful. Like other types of translation, interpretation readily admits the use of different strategies depending on the situation. This was not denied by G.V. Chernov when he wrote that "the proposed

model semantic-level semantic probabilistic forecasting not only denies the possibility of direct substitution strategy of lexical and syntactic correspondences in the joint venture (with simultaneous translation) without going to the deep level in a separate proposal, but, on the contrary... confirms the heuristic principle of choosing a strategy translator" [6, p. 136].

Simulation of the translation process as a species of speech activity necessitates the involvement of data from different scientific fields. In light of such rapidly science developing, the theory of speech activity, cognitive linguistics, etc. model transfer time cannot be represented in the form of a strict sequence of steps of the algorithm of specific acts of speech activity.

To construct a dynamic model of the translation process should be presented not as a substitution element – one language instead of the other elements, but as a kind of verbal activity. Translation is thus included in the total structure of the production activities of the community. The main argument in favor of an understanding of translation as a special type of speech activity is, firstly, that the translation as a means used by more than one, but two languages; and secondly, that; these funds are transferred thoughts, do not belong to the translator. The understanding of translation as a dynamic process of achieving goals, the basic concepts of the theory of translation must also be interpreted dynamically.

Translation model proposed in this paper, on the basis of several models of speech production and speech activity. The components of this model (actions and operations) are non-additive. Actions and operations at each subsequent level committed with the need to incorporate the results of actions and operations at the previous level. In isolation from the whole process of transfer of operations of any level is not only ineffective, but may not exist, they are meaningless because they are subordinate to the overall process.

From the very first level context plays a crucial role in the translation process. Perception and further cognitive "treatment" is not subjected to a single word or sentence, and complex sentences. And there is a process of embedding information in subsequent perceived already perceived content of the text. The image of the content of the text to which an interpreter, dynamic, it is constantly formed in the mind of the translator in the translation process. Have to say, in essence, such a bidirectional way: it aims to form of expression in the IT and simultaneously on a form of expression in the PT. Directly with IT translator is found only at the level of perception, the end of which there is a reference image and text. Further work has been going on with the image, but directly PT has only in the last level – the level of implementation. Translation thus begins with the IT context and context ends TP.

Translation has never done "from scratch", the translator uses the context of expanding or narrowing the field of perception at the first level – level of perception. But at last, the implementation level, is no longer used IT context, and the context of the PT. Also in the process of translation as a translator in various proportions are two kinds of cognitive experience is a generic and coming. The content of the text, becoming part of the cognitive experience, gives the translator to choose further actions to translate a particular text. However, frequent cases; when to convey the meaning of the text is acceptable knowledge gained as a translator before and under its basic cognitive experience. Knowledge relating

to the closest experience, are not used. The ratio of the nearest and general cognitive experience as translator (not only knowledge of the language) allows him to structure the perceived content of the text in your mind, and then to express the content of this structure the most appropriate way.

The analyzed material shows that the context is used differently, not only in the texts of different styles, but also within the same text. With a minimum reliance on the context, when the meaning of the translated sentence can be transferred and "in a vacuum", the translator does not implement transformation. Conversely, in most cases, the transformation characteristic of the second type on supports context, indicating that context to the impact action interpreter. Also, some of the differences are caused by reliance on the context of the stylistic and genre features of texts.

Conducting transformation is impossible without dynamic interaction model levels when the perceived content of the "transition" from the second to the third level model, and then the fourth, and further actions are carried out taking into account the results of the previous levels. But also awareness of the lack of the necessary transformation is impossible without such interaction levels. If understanding and adequate expression of the meaning or value statements offer

enough elements in its composition, the translator is not necessary to interpret the elements of statements about the context. So, there is no need to use the closest experience. Conversely, if for understanding the meaning of words or meaning of a sentence and their subsequent transfer to the PT adequate funds within them is not enough, you will inevitably find a translator to support the content and context of use for the closest translation cognitive experience.

References

1. Nayda Y., Taber T. The Theory and Practice of Translation, Leiden, 1969
2. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985
3. Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Вопросы теории перевода, 1978. № 127
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002
5. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой
6. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода, 1987

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ РЕЧИ ГЕРОЕВ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»

Белякова Наталья Александровна

Преподаватель, Национальный Исследовательский Университет, Высшая Школа Экономики, г. Нижний Новгород

COMMUNICATION MODALITY IN SPEECH OF THE HEROES OF THE EPIC POEM 'BEOWULF'

Natalia Belyakova, teacher of the National Research University, Higher School of Economics In Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

В статье приводится определение коммуникативной модальности, рассматриваемой в сопоставлении с текстовой модальностью. Анализируются и классифицируются модально отмеченные высказывания героев поэмы «Беовульф» с положительным знаком.

ABSTRACT

The definition of communication modality, opposed to the textual modality is given in the article. Modally marked positive utterances of the heroes of the poem "Beowulf" are analyzed and classified.

Ключевые слова: коммуникативная модальность; текстовая модальность; функционально-коммуникативный подход; одобрение; похвала; комплимент; самооценка

Key words: communication modality; textual modality; functional-communicative approach; approval; praise; compliment; self-appraisal.

В настоящей статье представляется рассмотрение категории модальности с точки зрения функционально-коммуникативного подхода, сопряженного с принципом антропоцентризма. В соответствии с этим принципом человек является организующим звеном высказывания как на уровне его порождения (интенции), так и на уровне восприятия (рецепции), а коммуникация может быть определена как «обмен текстами в процессе речевого акта, где обязательно находит выражение отношение, личностная оценка адресантом предмета своего сообщения» [6, с.8]. Иными словами, коммуникация обязательно предполагает наличие субъективной оценочности. Коммуникатор может высказывать свое мнение относительно предмета своего сообщения или относительно своего собеседника, что делает возможным разграничить данные

два объекта субъективизации в рамках оппозиции текстовой и коммуникативной модальности.

При рассмотрении модальности как текстовой категории [5] особое внимание обращает на себя отношение автора к действительности посредством эксплицитного или имплицитного отношения к своему сообщению. Данное положение подтверждают слова И.Р. Гальперина о том, что создавая существующий лишь в воображении мир, художник слова не может оставаться к нему беспристрастным, и он либо прямо, либо косвенно непременно выражает свое отношение к изображаемому [3, с. 123], раскрывая тем самым перед читателем постулаты своего мировоззрения.

В отличие от авторской модальности [4], где все события, характеристики и реплики героев пропущены сквозь призму мироощущения автора, коммуникативная

модальность, трактуемая с точки зрения функционально-коммуникативного подхода, рассматривается как категория, выражающая субъективно-оценочное отношение говорящего (коммуникатора) к слушающему (реципиенту) и может быть приравнена к оценочности в рамках содержательной стороны данных категорий.

С точки зрения рассмотрения коммуникативной модальности как категории, противопоставленной текстовой модальности, англосаксонская эпическая поэма «Беовульф» является очень ценным и, пожалуй, уникальным материалом для анализа, поскольку, во-первых, «Беовульф», как и всякое другое художественное произведение, и героико-эпическое в частности, пронизано модальностью, и особенно оценочной модальностью. Во-вторых, являясь (по мнению многих литературоведов) фольклор-

ным произведением, поэма содержит минимально возможную долю авторской субъективизации. Это позволяет говорить о речевом взаимодействии между героями, в ситуации отсутствия авторского влияния, как наиболее приближенном к аутентичному и наиболее достоверно передающем миропонимание людей той эпохи, их фундаментальные ценности.

Анализ положительных оценочных высказываний героев данного произведения позволил разделить их на следующие классы: комплимент, похвала и одобрение. Комплимент представляет собой обусловленную социальными конвенциями оценку реципиента при первом речевом взаимодействии, когда у коммуникантов не имеется оснований для выражения иного оценочного отношения.

«naéfre ic máran geseah	«our kinsmen's consent; never have I seen greater
eorla ofer eorþan ðonne is éower sum,	noble on earth than the one that you are,
secg on searwum»	warrior in armour».

Предметом модально отмеченных высказываний на начальной стадии коммуникации является внешний облик воина: хорошее оружие, обмундирование и выправка – это те внешние атрибуты, которые являлись идентификатором военного опыта и мастерства и служили, таким образом, критериями доверия – недоверия при первом речевом взаимодействии коммуникантов, ко-

гда собеседники не располагали основаниями для формирования мнения о друг друга. Именно поэтому в обращениях к защитникам наблюдается частое использование метонимического переноса, основанного на замещении воина главным показателем его боевой способности – оружием, что, например, можно наблюдать в случае характеристики дружины Беовульфа одним из стражников Хродгара:

« faétte scyldas	«plated shields,
graége syrcañ ond grímhelmas»	steel-hued shirts of mail and masked-helms»

Другим проявлением оценочного высказывания с положительным знаком, находящим свое отражение в поэме, является похвала. Похвала понимается как выражение положительной оценки, ассоциируемой с конкретным поступком. В эпической поэме похвала предстает как

воспевание героя и воздание ему хвалы за его подвиги, в основании которой лежит чувство благодарности за его отважные поступки.

«ná scealc hafað	« now a warrior has,
þurh drihtnes miht daéd gefremede	through the Lord's power, performed a deed
ðe wé ealle aéar ne meahton	which we all before could not
snyttrum besyrwan»	with schemes contrive»

Самой пространной и емкой из всех трех разновидностей оценки является одобрение. Под одобрением понимается оценочное высказывание, которое полностью принадлежит отдельному субъекту, то есть не обусловлено общепринятой конвенцией и не является формой выражения благодарности. Наиболее частые основания для одобрительных речений включают в себя: происхождение, верность воинскому долгу и смелость.

Анализ одобрительных высказываний героев данного произведения показал, что самую главную роль в раннесредневековом обществе играли моральные каноны. Именно человек с четко выраженными принципами моральной ответственности – homo moralis [7, с.17]

выходит на первый план в древнеанглийском героическом эпосе, значительно затмевая интеллектуальные и эмоциональные составляющие человеческого естества. Физическая сила и разум также были достойны уважения, однако находились на периферии одобрительной шкалы.

Подобная сдержанность находит свое выражение и в экспликаторах самооценки героев поэмы, которая характеризуется, с одной стороны, самокритичностью героев, и уверенным характером, с другой. При вступлении в речевое взаимодействие речь главных персонажей поэмы отличается глубоким чувством уверенности в собственных силах, сопряженным со стремлением осуществить продуктивную самопрезентацию и саморекомендацию:

«Ic mé mid Hruntinge	«I for myself with Hrunting
dóm gewyrce oþðe mec deað nimeð.»	will gain glory, unless Death takes me.»

Обещания-клятвы героя проявить всю свою доблесть в сражении, называемые Е.Г. Барминой «хвасторечью» [1, с. 90], встречаются только в случаях обсуждения проблем, связанных с грядущими сражениями. Выражение подобной завышенной самооценки уступает место

высказываниям иной тональности, когда Беовульф рассказывает об уже выигранных им сражениях, прибегая при этом к значительно более сдержанному оцениванию собственной роли в победе. Его скромная самооценка подчеркивается признанием помощи внешних сил, когда он упоминает помощь Бога или стечение обстоятельств:

«ætrihte wæs	«at once was
gúð getwaéfed nymðe mec god scylde»	the warfare at an end, unless God shielded me».
«þæt ic ðý waéþne gebraéd.	«that I the weapon drew,
Ofslóh ðá æt þaére sæcce þá mé saél ageald»	slew then in the strife, when an opportunity was yielded to me»

Подобная разновекторность в самооценке героев поэмы может объясняться двойственностью самой переходной эпохи раннего Средневековья, сочетавшей в себе как христианские традиции, проявлявшиеся в принижении собственной роли при описании событий, так и языческие черты, нашедшие свое отражение в «хвасторечи» героев.

Список литературы

1. Бармина Е. Г. Прагматическая характеристика речевых эпизодов в древнеанглийской эпической поэме «Беовульф». Дис. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, Санкт – Петербург, 2004
2. Бигунова Н.А. Иллокутивные функции речевых актов положительной оценки (на материале англоязычного художественного дискурса)// Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2013. Вып.2. с. 7-13
3. Гальперин И.Р. Разные категории языка в аспекте лингвистики текста// Сборник научных трудов Моск. гос. педагогического института ин. Языков им. Мориса Тореза, выпуск 158, Москва, 1980, с 119-133
4. Дидковская Е.А. Средства выражения модальности в предложении и тексте (на материале короткого рассказа современной англоязычной прозы). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, Москва, 1991
5. Донскова О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте (на материале англо-американской драмы XX века). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, Москва, 1982
6. Мусаева Г.Ф. Роль категории модальности в реализации прагматических установок в художественном тексте. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, Баку, 1991
7. Чететка В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира (на материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, Воронеж, 2005

АНЕКДОТ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бирюков Николай Георгиевич

Кандидат филологических наук., доцент, Ростовский государственный, экономический университет (РИНХ), г.Ростов-на-Дону

ANECDOTE AS A SPECIAL GENRE OF FICTION: DIACHRONIC ASPECT.

Biryukov Nikolay Georgievich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Rostov State University of Economics (RINH) Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется анекдот как жанр художественной литературы. Целью статьи является показать эволюцию жанра и его трансформацию в других жанрах литературы с периода поздней античности до времени классицизма. Анекдот, который сформировался изначально как жанр короткого рассказа о незначительном происшествии из жизни исторического лица, постепенно трансформировался в произведения крупной формы, такие как новелла. Сюжеты анекдотических народных повествований прослеживаются в средневековой латинской литературе, в частности в лирике вагантов. Анекдот занимал особое место в культурной жизни Востока, сочетая в себе аллегорию исламской мудрости и бытового прагматизма. Анекдотические сюжеты во многом сформировали фабулы произведений таких классиков как В.Гюго и П.Мериме. И по сей день анекдот остаётся одним из самых интересных и продуктивных жанров, только с тем различием, что сегодня анекдот- это исключительно фольклорный жанр, развивающийся в бытовом дискурсе.

ABSTRACT

The article analyzes the anecdote as a genre of literature. The purpose of this article is to show the evolution of the genre and its transformation in other genres of literature from the period of Late Antiquity to Classicism. The anecdote, that was formed initially as the genre of a short story about a minor incident from the life of a historical person, gradually transformed

into larger works such as a novel. The plots of the satirical folk stories can be traced in Medieval Latin literature, particularly in Goliardic poetry. The anecdote took a special place in the cultural life of the East, combining allegory of Islamic wisdom and everyday pragmatism. The anecdotal stories largely formed the plots of the works of such classics as Victor Hugo and Prosper Merimee. Up to now the anecdote remains one of the most interesting and productive genres, with the only difference that today the anecdote is solely a folklore genre, developing in everyday discourse.

Ключевые слова: анекдот, фольклор, сюжет, фацеция, комическое, смеховая культура.

Keywords: anecdote, folklore, plot, facetiae, comic, culture of laughter.

Анекдотом приятно считать короткий рассказ чаще всего комического содержания, с остроумной, но иногда поучительной концовкой. Впервые анекдот появился в эпоху античности в среде афинской знати, и, как правило, передавался «из уст в уста», неся в себе отражение бытовых, политических и философских проблем. Анекдотом также было принято считать повествование о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. До нас дошли немногие письменные памятники, содержащие анекдотические черты в своих сюжетных линиях, к примеру «О семи мудрецах», а также сказания о Сократе, Катоне, Цицероне.

Многие историки, биографы и философы для оживления изложения включали в свои труды небольшие рассказы назидательного и характерно-логического свойства (Плутарх, Диоген, Лаэртий). Но анекдот как жанр художественной литературы и неотъемлемая часть фольклора, сформировался благодаря «Тайной истории» Прокопия Кессарийского, известной также под название «Анекдота», в которой высмеивались нравы двора императора Юстиниана и его жены Феодоры. Создавая своё монументальное полотно изображающие эпоху, автор всячески гиперболизировал события, используя различные сказания, об императоре бытовавшие в придворной и народной сфере. Прокопий Кессарийский дерзко искажил многие реалии времени, зачастую важные события политической жизни описал как незначительные, а табуированную частную жизнь царственных особ и знати преподнёс как самое значительное, то, что способно влиять на исторические судьбы цивилизации. Прокопий Кессарийский – выдающийся византийский писатель советник полководца Велисария, происходил из сенаторской аристократии, участвовал в походах против персов, вандалов и остготов. «Тайная история» была создана по образцу Фукидида и выступает в творчестве Прокопия Кессарийского антитезой другому произведению «О постройках», где император прославляется автором.

На востоке анекдот зародился в глубоком средневековье и сосредоточен в образе народного мудреца-острослова Хаджа Насреддина. Он многолик и многогранен, ибо народная молва сделала его современником различных исторических деятелей: Тимура и Баязида I, сельджукского султана Алаэдина. Хаджа Насреддин в истории фольклора Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии слился с образами национальных поэтов-сатириков. К примеру, в Туркмении все анекдоты связаны с именем Кемине, в Таджикистане с поэтом Мушфики. Слава анекдота о Хадже Насреддине была известна также крымским и казанским татарам, народам Кавказа и Восточной Европы (румынам, сербам). Анекдоты о Хадже Насреддине носят преимущественно социально-бытовой характер. Народная традиция создала и хранит своего героя-защитника справедливости, борющегося против социального зла оружием смеха. В отличие от средневековой Европы анекдоты востока не содержат в себе антирелигиозной

направленности, они своего рода чарующие сказки о добре и зле заключающие в себе философскую мудрость исламского мира.

С четвёртого IV н.э в западной Европе стали появляться христианские анекдоты, именно в суровое средневековье, когда общественный уклад зиждился на догмах отцов Римской церкви, а литература в большинстве своём носила клерикальный и ограничено философский характер, в народной среде появлялись рассказы, подвергавшие осмеянию папу и иерархов церкви, государственных сановников, образование и общественную мысль в целом. В этих антиклерикальных рассказах присутствовал элемент комизма, созданный благодаря аллегорической образности, гиперболизации сюжетного действия. Как правило, в качестве героев таких повествований выступали животные, неверные супруги, трактирные завсегдатаи, жадные аббаты, высокомерные теологи.

Именно в средние века народный рассказ утратил всякую серьёзность и приобрёл всецело комический облик, выражающий скрытый протест против уклада сословного общества. В этом аспекте следует анализировать само понятие комизма на этом отрезке истории как философское отражение «худшего в лучшем, плохого в хорошем», что собственно говоря, в более позднее время получило своё толкование в художественной литературе и философской мысли.

Комическое, отражает эстетическое значение явлений, сущность которых противоречит логике развития человеческой жизни. Люди, их поступки, обычаи, нравы и другие явления, обладающие свойством комического, характеризуются несоответствием их реального положения в жизни тому месту, которое они стремятся занять. Комические явления держатся "важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых", как утверждал А.И. Герцен. Хотя с последним можно не согласиться, скорее наоборот комическое помогает людям жить, и является одним из двигателей к «моральному прогрессу личности» по утверждению В. Гюго. Противоречие между содержанием и формой таких явлений, несовместимых с эстетическим идеалом - вызывает смех, обнаруживающий всю их несостоятельность и утверждающий тем самым идеал прекрасного. Комическое, таким образом, есть смешное, но смешное лишь тогда поднимается до уровня комического, когда оно не определяется формальными нелепостями, носящими внешний характер (например, случай падения человека в воду), а выражает общественное содержание. Комически- безобразное саркастически уничтожается в искусстве в сатирических литературных образах, к примеру, взять произведения Мольера, Лукиана, Свифта. Отсюда следует, что комическое проявление реальности наиболее живо отражено в особом виде искусства - в художественной литературе. Комическое характерно и отражению человеческой доброты, оно способствует взаимопониманию между людьми, укрепляя в индивидууме веру в победу "лучшего начала в человеческом

естестве". Комическое – это своего рода «краеугольный камень» рассказа-анекдота, басни, очень популярных в средневековье, а в более поздние периоды истории, комизм найдёт своё отражение практически во всех жанрах художественной литературы.

Анекдотические сюжеты порождённые «народным духом» нашли отражение в лирике Вагантов, известной своей антиклерикальной направленностью, к примеру «Евангелие от марки серебра» или «Всепянейшая литургия», «Орден вагантов». Анекдотические рассказы нередко заключали в себе и модные в то время философские течения, которые хоть и были созвучны «духу времени», но были интерпретированы в соответствии с индивидуальными чертами личности автора, и если проанализировать творчество Вагантов, то можно увидеть искажённые схоластические начала, к примеру «Gaudeamus», где схоластическая традиция тесно переплетается с «житейскими радостями», которые прославлялись простыми людьми в шуточных коротких рассказах- анекдотах.

Анекдоты в период Северного Возрождения называли "смехотворными повестями" или на польский лад "фацециями" и "жартами". Веселая шутка получала в них все более и более перевеса и, наконец, в сборниках стали являться анекдоты весьма неприличного содержания, целью которых было не поучение и наставление читателя как прежде, а исключительно его забава. Таким образом, появились фацеции, т. е. смешные и скандальные анекдоты и разного рода рассказы, остроумные изречения шутки. Их собирателями часто являлись люди, очень известные серьезными заслугами и ученостью, например, итальянец Поджио Браччиолини, которого даже считают основателем этого рода литературных произведений. После появления в 1470 году сборника "Poggii Florentini Facietiarum liber", потом много раз издававшегося в самой Италии в XV и XVI в. и переведенного на французский и итальянский языки с латинского. В тоже время в Риме и Венеции стали появляться многочисленные другие издания анекдотических сборников. Из последователей Поджио Браччиолини более известными были: Генрих Бибель, Фришлин, в особенности Меландр, которого "Jocorum atque sciorum libri" явились в свет 1600 году. В литературе итальянского Возрождения получили большую известность "Mottie facezie" Арлотте, сборники Корнаццани, Доменики; во французской- "Moüen de parvenir", книга, приписываемая Бироальду де-Вервиллю или Рабле; в немецкой "Scherz mit der Wahrheit" и "Schimpf und Ernst" Иоганна Паули. В старинной описи библиотеки русских государей XVII века упоминаются некоторые из этих юмористических сборников. Крайнюю степень развитая этой шуточной литературы можно видеть в чрезвычайно любопытной книжке, изданной в первые годы XVII столетия, под названием "Facetiae Facietiarum"; здесь обыкновенные сюжеты фацеции передаются в ученой форме- это собрание ученых диссертаций, на которые потрачена, однако страшная эрудиция, со множеством цитат из древних и новых писателей и строгими приемами схоластической науки. В старинных литературных памятниках Польши западные фацеции принимались с большою охотой и даже затрагивали народную юмористическую струну. Некоторые авторы, как Рей или Кохановский, писали тоже подобные анекдоты стихами известные в наши дни как "Fraszki" Кохановского.

На мой взгляд следует остановиться, на периоде, когда народный рассказ-анекдот трансформируется и находит своё отражение в жанре - новеллы, которая в отличие от анекдота отличается строгостью сюжета и композиции, отсутствием обыденности событий, элементами символическими. Сюжеты новелл Боккаччо, Кавальканди, Страпароллы, Маргариты Наваррской полностью или частично взяты из народного анекдота. Новелла (буквально новость), литературный малый повествовательный жанр, сопоставимый по объёму с рассказом, но отличающийся от него генезисом и структурой. Новелла, как явствует её название по мысли И.В Гёте «есть нечто иное, как случившееся неслыханное происшествие», что и является общей чертой, роднящей этот жанр с анекдотом, указывающим на родство. Поэтизируя случай, новелла предельно обнажает ядро сюжета- центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события. Новелла есть искусство сюжета в наиболее чистой форме, сложившееся в глубокой древности в тесной связи с ритуальной магией и мифами и обращенное, прежде всего к деятельной стороне человеческого бытия. Новеллистический сюжет в отличие от анекдотического более сложный, но и подобно анекдоту строится на ситуативных антитезах и резких переходах между ними получает широкое распространение в эпоху Ренессанса, и в свою очередь трансформируется и упрощается во многих фольклорных жанрах: сказка, басня, шванк и, конечно же в анекдоте, который приобретает новое звучание. В форме комической и назидательной новеллы происходит становление ренессансного реализма, раскрывшего стихийно-свободное самоопределение личности в чреватом превратностями мире. Новелла, в своей сюжетной эволюции отталкиваясь от смежных жанров и анекдота, изображает экстраординарные, порой парадоксальные и сверхъестественные происшествия, разрывы в цепи социально- исторического и психологического детерминизма. Если анекдот даёт изображение комического происшествия, то новелла, вобрав в себя культ трагикомедии и игры случая, разрушает горько высмеивая ткань повседневности. Как уже было сказано выше, что новелла генетически связана с анекдотом, к примеру, новеллы третьего дня «Декамерона», восьмая новелла первой ночи «Приятных ночей» Страпароллы. А если говорить о «Гептамероне» королевы Наваррской, то это точная копия «Декамерона», и анекдотические сюжеты Италии переосмыслены на французский лад.

В эпоху религиозных войн анекдот получил широкое распространение и всенародную любовь во Франции. Правление династии Валуа ознаменовалось рядом громких скандалов, ненависть гугенотов выплеснулась в остро сатирических шутках, их жертвами были: Карл IX, страдавший умопомешательством, Екатерина-Медичи и её любовь к мистике и ядам, Генрих III прославившейся в истории любовью к представителям своего пола и склонностью к мистицизму. В XIX столетии Проспер Мериме создавая «Хроники царствования Карла IX» собрал исторические анекдоты того времени, которые легли в основу сюжета данного произведения: «В истории я люблю только анекдоты, а из них предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов, и характеров эпохи»,- писал Мериме в предисловии к роману. Нельзя не сказать в этом ключе о французском историческом- придворном анекдоте XIX

столетия, дошедшего до нас благодаря Этуэлю и Брантону, но самое на мой взгляд примечательное что комизм в содержание сюжетов очень относителен, скорее трагикомичен, что свидетельствует об диаметрально противоположных критериях юмора (шутки) в контексте исторических периодов. К примеру, анекдот о девице Шатонеф: «...она утопила своего мужа в сточной канаве, и завела двух любовников, унаследовал деньги покойного», именно факт убийства, но не супружеской неверности увековечил Шатонеф в историческом анекдоте. Как не прискорбно, но насилие вызывало смех и восторг, кровавые сцены описывались как шутка, в частности события Варфоломеевской ночи породили множество анекдотов, причём многие из них мистического содержания, которое оправдывало праведность католиков, а протестантизм как порождение ада, призванного потопить «Корабль Святого Петра». Некоторые анекдоты о Варфоломеевской ночи легли в основу сюжета романа «Молодые годы короля Генриха» Понсона дю Терраила, состоящего из коротких новел разных по содержанию, но логически объединяющих сюжет произведения в целом. Смех и жестокость- скорей всего свойство духа времени, ведь и в позднее периоды истории, когда человечество, раздираемое войнами утопало в крови, насилие было предметом смеха. Не меньшую популярность и экстравагантность, анекдот приобретает во Франции во времена Марии – Медичи, Людовика XIII и Людовика XIV. Правда предметом осмеяния уже не являлось насилие, а шутка не проповедовала кровь, оправданную религиозной догматикой. Анекдот носит тяжеловесный характер за счёт длинных речевых оборотов обозначающих, по сути, простые явления, а жертвами анекдота являются придворные, и как было и прежде, фигурантами остаются государственные и католические сановники, политические деятели других государств. Нередко героями анекдота становятся иезуиты. Орден Иисуса, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой как контрреформационная, централизованная полувоенная организация на протяжении всей истории французской монархии обладал безграничным влиянием во всех сферах жизни. Иезуиты сумели проникнуть в дома высшего дворянства, влиять на решение королевской власти, желали полностью контролировать деятельность других католических орденов на территории Франции, а соответственно стремились подчинить своей воле народное сознание. И как свидетельствуют многочисленные упоминания в исторических и литературных памятниках, иезуиты вызывали страх, были многим ненавистны, и соответственно подвергались анекдотическому высмеиванию как отмечает Л.Н. Великович в своей книге «Чёрная гвардия Ватикана», именно последние служило своего рода разрядкой ненависти и призрания. В придворных анекдотах была популярна тематика любовных похаживаний иезуитов, страсть к наживе и власти. Простой народ, как и несколько веков назад персонафицировал иезуитов в анекдотах с различными животными. Некоторые анекдоты про духовенство, можно смело назвать историческими, как например про духовника Марии- Медичи патера Лаврентия, над доверчивостью которого все смеялись, и которая его погубила. Из романа Георга Борна «Анна Австрийская», известно, что он принял исповедь у убийцы Генриха Наваррского, Равольяка, затем стал не угоден как свидетель королеве-матери и заговорщикам,

итак в одночасье стал жертвой заговора, в котором принимал участие. Это всех потешало в первую очередь молодого Ришелье, ставшего впоследствии всемогущим кардиналом и записавшим в своих воспоминаниях этот случай как анекдот.

Рассвет французского классицизма, ознаменовался интересом к античности и переосмыслено древних мифологических сюжетов. В трагедиях Корнеля и Расина, мы видим их смешение с современными реалиями в уличных театрах. Воскресают герои прошлого в забытых латинских анекдотах, например, анекдот «De Phylloxepe» (О Филоксене), который отказался хвалить песни Дионисия тирана Сиракуз. Анекдоты такого типа имели символическое значение, ведь как известно, многие художники в широком смысле слова, не обладали должным талантом, но имели почёт и признание благодаря высокому покровительству. Разоблачение духа претенциозности ярко выражено в комедиях Мольера, получивших в народной среде вольную интерпретацию в виде коротких смешных рассказов. Популярность народного рассказа- анекдота в Англии приходится, особенно на период реставрации Стюартов. Героями анекдота стали Оливер Кромвель и его соратники, а также лорды, которые впоследствии отказались от всех привилегий во имя идей покойного диктатора. Во времена королевы Анны в Лондоне появилось ряд публичных мест, именуемых fun-клубами, где молодые люди из знатных семей, надевали лохмотья, скрывая своё происхождение, устраивали себе досуг: поджигали дома бедняков, срывали вывески, разбивали фонари, распрягали лошадей и прогоняли прочь и многое другое. А затем придумывали комические истории о своих проделках приукрашивая события, и в короткой форме рассказывали друг другу. Свидетельство о деятельности подобных обществ прекрасно приводит Виктор Гюго в своём романе «Человек который смеётся». А в исследованиях историков и литературоведов можно встретить некоторые примеры анекдотического свойства, ярко иллюстрирующие и подтверждающие истинность происходящего в Лондоне описанную классиком французской литературы. В Лондоне был особый fun-клуб уродцев, о котором во многих странах Европы слагались анекдотические легенды, среди членов этого клуба был шут Франциска I Трибуле, а позже почётным членом стал Марат. Множество ужасающих анекдотов слагалось об этих противоречивых местах и в большинстве случаев героями повествований являлись жертвы представителей этих собраний.

В последующие века анекдот, безусловно, утратил «жанровую витиеватость» и свёлся к уровню некой байки, где в основу сюжетной линии были положены бытовые сцены, а исторический сюжет утрачивал свою смысловую актуальность. Сегодня анекдот нельзя уже рассматривать как литературное произведение со множеством сюжетных перипетий, ныне –это самый продуктивный жанр городского фольклора и не более. Но в любом случае из глубины веков и по наши дни анекдот- это самый «живучий» жанр, претерпевший длительную эволюцию, но сохранивший в своей сердцевине главную коммуникативную задачу- разрядку диалогического тупика.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров// Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С 250-296.

2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М: Художественная литература, 1990.
 3. Карасев Л.В. Философия смеха. М.: 1996
 4. Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб: Академический проект, 1997.
 5. Бирюков Н.Г. Анекдотические сюжеты в романе В.Гюго «Человек, который смеется». Статья. Русский язык и молодежная субкультура. Материалы региональной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ). 2005.
 6. Бирюков Н.Г. «Самая продуктивная» речевая стратегия: включенность в контекст культуры. Статья. Слово. Нравственность. Закон.
 7. Сборник научных трудов, посвященных юбилею профессора А.В. Осташевского. Краснодар: КубГУ. 2009.
- References.
1. Bakhtin M.M. The problem of the speech genres // Aesthetics of Verbal Art. (Russian) Moscow: Iskustvo, 1986. P. 250-296.
 2. Bakhtin M.M. Francois Rabelais's creative work and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. (Russian) Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1990.
 3. Karasev L.V. Philosophy of laughter. (Russian) Moscow: 1996.
 4. Kurganov E. Anecdote as a genre. (Russian) St. Petersburg: Akademicheskij Proekt, 1997.
 5. Biryukov N.G. Anecdotal stories in Victor Hugo's novel "The Man Who Laughs". Article. Russian language and youth subculture. The Materials of the Regional Scientific and Practical Conference. (Russian) Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics (RINH), 2005.
 6. Biryukov N.G. "The most productive" speech strategy: involvement in the context of culture. Article. Word. Morality. Law. Collection of scientific works devoted to the anniversary of Professor A.V. Ostashevskij. (Russian) Krasnodar: Kuban State University, 2009.

Л.С.ВЫГОТСКИЙ И ЛИНГВИСТИКА 19 - НАЧАЛА 20 ВЕКОВ К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ЗНАЧЕНИЯ

Бочкарева Татьяна Анатольевна

кандидат фил. наук, доцент, Саратовский Государственный Университет, им. Н.Г.Чернышевского, г.Саратов

L.S. VYGOTSKY AND LINGUISTICS OF THE 19-EARLY 20TH CENTURIES /TO THE PROBLEM OF THE GENESIS OF MEANING/ Bochkareva Tatyana Anatolyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov city

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — рассмотреть использование Л.С. Выготским лингвистических идей его современников в ракурсе исследования слова в генетическом плане. Сравнительный анализ трудов Л.С. Выготского и лингвистов 19 - начала 20 веков показал, что Выготский хорошо знал труды лингвистов указанного временного периода, разделял их взгляды и часто обращался к их мнению в своих работах. Отметим сходство концепций в понимании языка как деятельности, в методе анализа по единицам, в понимании слова как речевого и интеллектуального феномена, развитие значения которого аналогично процессам, происходящим в онтогенезе речи.

ANNOTATION

The purpose of the article is to consider how Vygotsky use linguistic ideas of his contemporaries from the perspective of the study of the word in genetic terms. Comparative analysis of the works of Vygotsky and linguists of the 19th - early 20th centuries showed, that Vygotsky knew the works of linguists of specified period of time, shared their views and often turned to their opinion in the works. We should note the similarity of concepts in the understanding of language as activity, in a method for analyzing of units, in the understanding of the word as a speech and intellectual phenomenon, development of which values is similar to the processes taking place in the ontogenesis of speech.

Ключевые слова: язык; речь; мышление; значение слова; внутренняя форма слова, мышление в комплексах. Keywords: language; speech; thinking; meaning of the word; inner form of the word, thinking in complexes.

Проблема «Л.С. Выготский и лингвистика» имеет два аспекта: 1) использование Л.С. Выготским лингвистических идей его современников и 2) влияние концепции Л.С. Выготского на последующее развитие лингвистики. Рассмотрим первый аспект проблемы в ракурсе исследований слова в генетическом плане.

Прочтение опубликованных работ Л.С. Выготского показывает, что он был хорошо знаком с лингвистическими исследованиями 19-го - начала 20-го веков. В его трудах используются идеи В. ф. Гумбольдта, А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Погодина, Г. Пауля, А.

М. Пешковского, Р. О. Шор, М. Н. Петерсона Е. Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы. Весьма показателен сам круг авторов: все это имена людей, либо навсегда вошедших в историю мировой лингвистики, либо людей, во многом определяющих ее как науку своего времени.

Рассмотрим несколько «ключевых» моментов, прежде всего, принципы анализа материала исследований и вычленения соответствующих единиц.

Вопрос об отношении мысли к слову в истории науки решался «от самых древних времен и до наших

дней – между двумя крайними полюсами – между отождествлением и полным слиянием мысли и слова и между столь же полным разрывом и разъединением» [2, с. 5].

Ошибочность крайних позиций Л. С. Выготский видит в стремлении ученых использовать «метод разложения единого целого на отдельные элементы..., элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому» [2, с. 6-7]. Он формулирует новый принцип анализа - анализ не по элементам, а по единицам, понимая под единицей «такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства» [2, с. 9].

По его мнению, такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова - в его значении, поскольку «именно в значении слова завязан узел того единства, которое мы называем речевым мышлением» [2, с. 9].

Значение слова, по Л.С.Выготскому, есть «единство обобщения и общения, коммуникации и мышления» [2, с. 12].

Крайне интересно, что выделение единиц, а не элементов проводится и в книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (русский перевод А.М.Сухотина). У Ф. де Соссюра: «Звуковая цепочка только в том случае является языковым фактом, если она служит опорой понятия: взятая сама по себе, она представляет собою лишь материал для физиологического исследования.... Эту двустороннюю единицу часто сравнивали с человеческой личностью как целым, состоящим из тела и души. Сближение малоудовлетворительное. Правильнее было бы сравнивать ее с химическим соединением, например, с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды» [10, с. 135].

Общий вывод Л. С. Выготского: «Поэтому плодотворным и в лингвистическом, и в психологическом отношении может явиться только такое изучение звуковой стороны, которое будет пользоваться методом расчленения ее на единицы, сохраняющие свойства, присущие речи, как свойства звуковой и смысловой стороны» [2, с. 13].

Такое единство взглядов в вопросе о выделении единиц анализа вряд ли можно назвать чистой случайностью. Скорее всего, это совпадение объясняется общими задачами пересмотра и переосмысления того материала, который был накоплен ко времени создания Ф. де Соссюром и Л.С. Выготским своих кардинально новых концепций лингвистики и психологии, в которых прежде всего необходимо было решить вопрос о том, что является предметом исследования и какие единицы будут при этом исследовании использоваться.

При построении своей концепции Л.С. Выготский опирался на ряд положений, разработанных в лингвистике (в так называемом «психологическом» направлении) и прежде всего - на труды А.А. Потебни и его учеников. В «Психологии искусства» он подробно излагает взгляды А.А. Потебни, который много внимания уделял положению о языке как деятельности и который деятельностный подход стремился применить ко всем аспектам функционирования языка и, в частности, - к генезису и бытию слова.

«Основным взглядом этой теории (теории А.А. Потебни- Т.А.Б.), пишет Л.С.Выготский, - является аналогия

между деятельностью и развитием языка...» [4, с. 43]. Много внимания Л.С. Выготским уделяется понятию внутренней формы слова у А.А. Потебни, понимаемое последним как «ближайшее этимологическое значение слова, при помощи которого оно приобретает возможность означивать вкладываемое в него содержание» [4, с. 43]. Для наглядной характеристики роли внутренней формы слова анализируется значение синонимов «луна» и «месяц». Подчеркивается чисто психологическая разница этих слов. Неслучайно, в итоге цитирование А.А. Потебни: «Внутренняя форма каждого на этих слов иначе направляет мысль...» [4, с. 44].

Почему для Л.С. Выготского эти положения А.А. Потебни представляются настолько важными, что он возвращается к ним и в «Мышлении и речи» [2, с. 143-146]? На наш взгляд, потому, что именно А.А. Потебня первым в истории языкознания поставил цель исследовать психологический аспект значения, т.е. значение в его становлении, пытался показать генезис значения. Он первым показал, что слово представляет собой не жесткую связь звуковой оболочки с закрепленным за ней значением как обобщенным отражением реальной действительности (кстати, такое понимание слова характерно и для большинства современных работ по семантике), а достаточно динамичное образование, в котором между «членораздельным звуком» и значением лежит «представление» («внутренняя форма») как признак, лежащий в основе обозначения, как способ означивания. Внутренняя форма и является «отношением мысли к сознанию», т.е. объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание, она вступает как способ передачи значения. См. подробнее работы Л.С.Выготского [4, с. 42-44; 2, с.143-146].

А.А. Потебне, как известно, принадлежит и заслуга выделения двух видов значения: «ближайшего» и «дальнейшего», в чем проявилось его понимание соотношения значения слова и понятия (вопрос, не получивший однозначного решения и до настоящего времени, поскольку, с одной стороны, проводится их отождествление, с другой - полное размежевание). Изучение «ближайшего» значения, которое «делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» [8, с. 20], которое «н а р о д н о», - область языкознания. «Дальнейшие значения» А.А. Потебни - это то, что в современной науке называется понятиями. По А.А. Потебне, они «личные», но именно «из личного понимания возникает высшая объективность мысли научная» [8, с. 20]. ««Дальнейшее значение» слова, или «понятие», - как пишет А.А.Потебня, - рассматриваемое психологически, то есть не с одной только стороны своего содержания, как в логике, но и со стороны формы своего появления в действительности, одним словом, - как деятельность, есть известное количество суждений, не один акт мысли, а целый ряд их» [9, с. 168].

При анализе слова как единицы речевой деятельности и единицы речевого мышления, единицы, отражающей «в наипростейшем виде единство мышления и речи» [2, с. 262], Л.С. Выготский исходил прежде всего из мысли о том, что значение слова неконстантно: оно не есть некая психическая данность, оно изменяется в процессе развития ребенка, оно изменяется и при различных способах функционирования мысли.

Приведем кратко этапы развития связи между словом и его значением, предложенные Л.С. Выготским.

Для первого этапа характерно «неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов», происходящее на основе субъективного, аффективно окрашенного соединения образов различных предметов в единое нерасчлененное целое.

На следующем этапе формируется «мышление в комплексах», в основе которых лежит «не абстрактная и логическая, но конкретная и фактическая связь между отдельными элементами, входящими в его состав» [2, с. 122]. Таким образом, в основе комплекса лежат реальные связи, открываемые ребенком в непосредственном опыте.

Л. С. Выготский экспериментально устанавливает пять основных форм «мышления в комплексах», лежащих в основе обобщений, возникающих у ребенка на этом этапе его развития, последней из которых является «псевдопонятие» - завершение предыдущих фаз и одновременно - «переходный мост» к новой и высшей ступени - к образованию понятий [2, с. 123-129].

«Псевдопонятие» - это конкретное, наглядно-образное обобщение, похожее с внешней стороны на понятия, которыми пользуется в своей интеллектуальной деятельности взрослый человек, но которое, вместе с тем, «по своей сущности, по своей психологической природе представляет собой нечто совершенно иное, чем понятие в собственном смысле этого слова» [2, с. 129]. При образовании обобщений подобного рода ребенок применяет совершенно иные, чем взрослый, интеллектуальные операции, но в функциональном отношении такой комплекс оказывается настолько эквивалентным понятию, что «в процессе речевого общения с ребенком и взаимного понимания взрослый не замечает отличия этого комплекса от понятия» [2, с. 132].

Установленный Л.С. Выготским тип «мышления в комплексах» со всеми присущими ему особенностями имеет место не только в онтогенезе речи, но и лежит в основе развития языка. История, развитая слова в каждом языке показывает, что «слово в процессе своего развития меняет свое значение таким же образом, как у ребенка» [2, с. 144]. Л. С. Выготский доказывает это, привлекая для анализа работы А.А. Потебни, Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.Л. Погодина, Р.О. Шор, М.Л. Петерсона. Многочисленные примеры этимологии слов («свинья», «бобер», «женщина», «медведь», «месяц», «бык», «бор», «корова», «мышь» и др.), взятые из работ А.А. Потебни [9, с. 114, 116, 146], Д.Н. Овсянико-Куликовского [6, с. 26-28], А.Л. Погодина [7, с. 146, 353], Р.О. Шор [11, с. 95-96] убеждают Л.С. Выготского в мысли, что в основе их номинации лежит «не логическая необходимость и даже не связи, устанавливаемые в понятиях, а образные конкретные комплексы («чувственные образы» по А.А. Потебне), связи совершенно того же характера, какие мы имели возможность изучать в мышлении ребенка» [2, с. 144] (Ср. понятие «внутренней формы» у А.А. Потебни).

Переносные значения слов, по мнению Л.С. Выготского, также возникают «не по закону логического мышления, а по закону комплексного мышления..» Далее Л.С. Выготский дословно приводит мысль Р.О. Шор (см.: [11, с. 74-75]).

Для Выготского эти факты из истории языка «работают» на его концепцию формирования значения слова в

онтогенезе речи: «в основе такого перенесения лежат совершенно конкретные фактические связи, как и в основе комплексов, образуемых в мышлении ребенка», подчеркивает он [2, с. 145]. И при понимании ребенком речи взрослого происходит «нечто подобно тому, на что мы указывала в приведенных выше примерах» [2, с. 146], т.е. слова ребенка и взрослого совпадают в предметной отнесенности, но не совпадают по своему значению. Приведенные факты, по мнению Л.С. Выготского, подтверждают его мысль о том, что «акты мышления, совершаемые ребенком с помощью речи, не совпадают с операциями, производимыми в мышлении взрослого человека при произнесении того же самого слова» [2, с. 146]. Подтверждением этой же мысли служат для Выготского и мнение Д.Н. Овсянико-Куликовского, которое он приводит, завершая раздел «мышления и речи», о том, что в первобытном языке необходима связь слова с образом.

Вывод всего исследования Л. С. Выготского в области исследования формирования понятий в онтогенезе состоит в том, что ребенок приходит к мышлению в понятиях только в переходном возрасте, который является возрастом кризиса и созревания мышления. Таким образом, та своеобразная сигнификативная структура, которую можно назвать понятием в истинном смысле этого слова, возникает из синкретических образов и связей, из комплексного мышления, из псевдопонятия.

Итак, сравнительный анализ трудов Л.С. Выготского и лингвистов 19-го - начала 20-го веков показал, что Выготский хорошо знал труды лингвистов указанного временного периода, разделял их взгляды и часто обращался к их мнению в своих работах. Отметим в качестве «ключевых» сходство концепций в понимании языка как деятельности, в методе анализа по единицам, в понимании слова как речевого и интеллектуального феномена, развитие значения которого аналогично процессам, происходящим в онтогенезе речи.

Литература

1. Ахутина Т.В., Наумова Т.Н. Смысловой и семантический синтаксис: детская речь и концепция Л.С. Выготского.- В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. - М.: Наука, 1983.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. - М.-Л., 1934.
3. Выготский Л.С. Проблема сознания — режим доступа к изд.: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/l_s_vygotskij_problema_soznaniya/4-1-0-4730
4. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Искусство, 1986.
5. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. - М., 1960.
6. Овсянико-Куликовский Д.Н. Язык и искусство. - СПб., 1895.
7. Погодин А. Л. Язык как творчество. Психологические и социальные основы творчества речи. Происхождение языка. - В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Т. 4. - Харьков, 1913.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. - М., 1958.
9. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
10. Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. - М., 1977.
11. Шор Р.О. Язык и общество. - М., 1926.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА КОММУНИКАЦИИ

Большова Анна Юрьевна

кандидат филол. наук, доцент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

THE PROBLEM OF STUDYING SEMIOTIC BEHAVIOUR OF COMMUNICATIVE SUBJECT

Bolshova Anna, Candidate of Philology, assistant professor of Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Знаково-символическая деятельность человека рассматривается в аспекте антропного принципа гуманитарной научной парадигмы. Особую актуальность в связи с этим получает проблема реализации бессознательного в создании образов моделируемой человеком действительности. Выявление и характеристика личностных типов представляется актуальным в плане определяющего фактора процесса интерпретирования реальности. В основу моделирования типа говорящей личности положен дискурс как главный инструмент самоактуализации и результат коммуникации, как первичная семиотическая реальность.

ABSTRACT

The person's semiotic and symbolic activity is taking into consideration in the aspect of anthropoid principle of humanitarian scientific paradigm. Thus the problem of realization of unconscious in the process of building of the image of reality created by the person becomes the most actual question. Revelation and characterizing of the personal types is actual for determining factor of the reality interpretation. The base of the modelling of the speaking person type is formed by the discourse that is the main tool of self-representation and the result of communication being the first semiotic reality.

Ключевые слова: личность как субъект интерпретации, психологические типы личности, бессознательное, дискурс, специфика вербализации сознания знаковыми (языковыми) структурами

Keywords: person as interpretative subject, psychological types of the person, unconscious, discourse, the specificity of verbalization of the consciousness by means of semiotic (language) structures.

Человек говорящий на протяжении всей истории своего существования всегда был интересен самому себе. Особенностью современной гуманитарной парадигмы является обращение к личности как субъекту коммуникации. Современный – холотропный (ориентированный на целостность) – модус трактовки реальности предполагает в этой связи актуализацию проблемы сознания. Языковая личность может быть рассмотрена как конструкт, способ описания сознания в процессе коммуникации.

Об эволюционном уровне человеческого сознания, которое, согласно теории К.Г.Юнга, понимается как синергетизм двух сфер – сознательного и бессознательного в человеке, – сигнализирует речевая деятельность. Лингвистика выступает инструментом в изучении механизмов опосредования через знаковые структуры содержания сознания.

Личность руководствуется собственными интересами и мотивами, хотя в конечном итоге в них преломляются общественные стимулы деятельности. Этим создается и утверждается ее индивидуальность, оригинальность. Для психологии личность выступает интерпретатором не только текстов и информации, но и всей действительности. Тексты, понятия, информация – это теоретическая действительность, ее определенные ограниченные фрагменты. Для личности объектом интерпретирования становится реальная действительность, осмысляемая ею в социальных, научных понятиях и категориях. «Интерпретирование есть процесс осознания субъектом действительности для создания своих отношений с миром. В этом смысле интерпретирование никак не является формализованной операцией, а наиболее динамической способностью – непрерывным движением осознания, осмысления, переосмысления» [6, с. 63]. Опираясь на процессуальный подход к мышлению, обоснованный С.Л.Рубинштейном, психология рассматривает как исходную точку

«отсчета» субъекта – личность, за которой изначально сохраняется «право» отнестись ко всему происходящему так или иначе (а не только к тексту), а ее интерпретирование выступает как постоянно возобновляющийся процесс: «в психологическом плане, сознание выступает реально прежде всего, как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя» [5, с. 275].

Главным при учете личности как субъекта интерпретации, по мнению А.Н.Славской, является не столько раскрытие индивидуальных особенностей мышления, сколько выявление личностных типов, которые, имея свои, уже сложившиеся способы социального мышления, могут определять характер интерпретирования: «Личностные типы, по нашему предположению, могут влиять на поверхностный характер возникающих мнений или, напротив, глубокий, когда субъект стремится к уяснению истинного положения дел» [6, с.70]. При этом с психологической точки зрения наиболее значимым является жизненный контекст личности, контекст ее жизненного пути (терминология А.Н.Славской). Именно в нем сначала складывается определенный тип, с определенным соотношением сознательного, неосознаваемого и бессознательного уровней, который затем – в свою очередь – определяет способ интерпретирования взрослой личности, становящейся субъектом своей жизни.

В большинстве случаев люди действуют совершенно автоматически, подсознательно выбирая наиболее естественный для своего характера способ общения. При этом большинство характеров вполне последовательны. И хотя некоторые черты характера перенимаются у других людей (родителей, братьев, учителей), в большей степени они характеризуются естественными проявлениями врожденных черт.

Идея разделения характеров на типы, как известно, принадлежит швейцарскому психиатру К.Г.Юнгу, который

разработал типологию личности в работе «Психологические типы» [11]. Система Юнга основана на понятии психологической установки (своеобразного мироотношения), которая может быть экстравертной либо интровертной. Юнг считал, что всякий человек стремится либо к восприятию объектов внешнего мира, либо стремится от них абстрагироваться: «Это различие есть, вероятно, не что иное, как различие темпераментов, противоположность двух типов духовного склада человека, из которых один определяется преимущественно субъектом, а второй – объектом» [12, с. 76]. Кроме этого, Юнг отмечает и преобладание той или иной психической функции (доминирующие функции сознания, проявляющиеся в человеке наряду с близостью его к одному из личностных типов), к которым он относил мышление, чувство, ощущение и интуицию.

Типы и функции личности — это реакция человеческого сознания на жизнь. Юнг не заключает индивидуумов в узкие категории, но намечает общие тенденции, или способы, бытия в мире. В пользу теории типов говорят определенные факты: кто-то предпочитает вечеринке чтение книги (интроверсия), кто-то ставит красоту выше логически доказуемого (чувство). Подчеркивая важность осознания своих склонностей в этих сферах, своей центральной задачей Юнг считал изучение бессознательного. При этом если материалом для формирования личного бессознательного становится прошлое индивида, то коллективное, или трансперсональное, бессознательное не проходит через личный опыт. Его составляющие и образы появляются, распределяясь между людьми всех временных периодов и всех культур. Хотя мы развиваемся по-разному и становимся уникальными индивидами, коллективное бессознательное является общим для всех людей и, следовательно, едино. Изначальными образами, воспоминаниями об инстинктивных энергиях коллективного бессознательного являются архетипы, которые обладают энергией создавать символы. С каждым архетипом может быть связано широкое разнообразие символов.

Участие бессознательного в создании образов определяется активностью архетипов коллективного бессознательного, когда «воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях» и «речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы» [12, с. 105].

Действие содержания бессознательного находит выражение в трансляции мифологем, составляющих скрытый план коммуникации, но обеспечивающих преемственность между поколениями. Значительная часть мифологии как составляющей бессознательного обеспечивает развитие сознания человека. Мифологемы создают представления о «правильности» развития человечества, а также формируют условия для человеческого понимания через архаические смысловые связи.

Современная наука в рамках холотропного подхода рассматривает знаково-символическую деятельность человека как медиатора, связывающего мир человека и мир космоса [1; 8]. Сам человек может быть рассмотрен как знак, преобразующий в своей деятельности сигналы одного порядка в реальность четырехмерного пространственно-временного континуума.

Изучение личности в семиотической реализации манифестирует антропный принцип гуманитарной научной парадигмы, в соответствии с чем человек выступает знаком сознания более высокого порядка [8]. Таким образом, семиотическая личность выступает интегрирующим звеном антропоцентрического и антропного подходов в описании способов постижения мира, реализуя тем самым принцип единства сознания и деятельности. На возможность проекции антропного принципа на лингвистическую сферу указывал проф. И.П.Сусов [7].

С позиции антропоцентрического подхода язык существует в структуре языковой личности в качестве ее языковой способности и обеспечивает реализацию речевой (устной и письменной) способности (умения) правильно оперировать знаковой системой на текстовом уровне. Текст на стадии его продуцирования представляет собой дискурс, вписанный в конкретную речевую ситуацию. Учитывая две формы опредмечивания сознания – дискурс и движение, можно говорить о лингвопсихологическом понимании дискурса как первичного коммуникативного события, «первичной семиотической реальности, характерными признаками которой выступает ситуативность, субъективность, уникальность, событийность» [9, с. 223].

В основе моделирования типа говорящей личности находится дискурс как главный инструмент самоактуализации и результат коммуникации, представляя собой речевое событие в определенной ситуации, уникальное с точки зрения формулирования коммуникантами своих интенций. Определенный характер дискурса опосредован внешними и внутренними факторами коммуникации: внешним фактором является стечение обстоятельств в социальной ситуации, внутренним – психоэмоциональное состояние субъекта коммуникации, доминирующий мотив поведения, специфика организации его когнитивной сферы.

Именно дискурс можно считать лингвопсихологической переменной, и специфика его исследования состоит в установлении особенностей письменной личности и ее устного поведения путем изучения факторов, влияющих на формирование дискурса личности. К релевантным лингвистическим факторам могут быть отнесены динамизм – пассивность, представляемые грамматическим залогом и предпочтительным выбором номинативных или предикативных конструкций; синтетичность – дифференцированность, отражающиеся в преимущественном использовании абстрактной или конкретной лексики; языковая креативность, проявляющаяся в логике переноса в метафоричных конструкциях; степень соотношения в тексте продуктивного (рецепт) и репродуктивного (ретушь) [4].

Установление психологических коррелятов избирательности личности в использовании тех или иных семиотических структур связано с процессом становления теории личности. «Предметом психологического исследования становятся особенности сознания разных субъектов, зависящие, в свою очередь, от особенностей их личности, которые проявляются в процессах смыслообразования как перехода от имплицитного к эксплицитному, от внутреннего к внешнему и обратно. С точки зрения психологии имплицитным может быть не только содержащееся в объекте и в тексте, но и в неосознаваемом мнении субъекта»

екта: интерпретирование и есть превращение этого имплицитного, подразумеваемого субъектом, в эксплицитное как явное, очевидное» [6, с. 68].

Проблема соотношения бытия и становления, ставшего и становящегося имеет непосредственное отношение к проблеме построения дискурса как процессу, подобному возникновению порядка из хаоса. В соответствии с синергетической методологией, весьма конструктивной считается исследовательская позиция – «становящийся» познающий субъект в «становящемся» познаваемом мире [2]: истина не дана, она формируется и изменяется в процессе познания.

Формирование смысла (а значит, истины – в ее индивидуальном проявлении) во многом может быть обусловлено типом личности. Тип личности – один из аспектов, влияющих на восприятие смысла текста.

В современной психологической литературе отмечают четыре компонента, или аспекта, описывающих тип характера: на что люди тратят свою энергию (экстраверт – интроверт); на какой вид информации они обращают больше внимания и запоминают (сенсор – интуит); как они принимают решения (логик – эмоционал); как они воспринимают окружающий мир (тактик – персервер) [10]. Каждый из этих компонентов связан с важнейшими аспектами нашей жизни, в результате чего тип сильно влияет на наше поведение и на реакцию со стороны окружающих.

Поскольку выделяют 4 аспекта, существует 16 возможных комбинаций. При этом типом характера называется код, отражающий предпочтения человека в каждом из четырех аспектов (методика оценки темперамента, созданная на основе работ К.Г.Юнга, представлена в опроснике Д.Кейрси и в расширенной версии юнговской модели, предложенной К.Бриггс и И.Бриггс-Майерс [10]. В результате можно говорить о сенсорно-планирующем типе (т.н. «традиционалисты»), сенсорно-импульсивном типе (т.н. «реалисты»), интуитивно-чувственном типе (т.н. «идеалисты») и интуитивно-логическом типе (т.н. «концептуалисты»).

Специфика вербализации у разных психотипов исследована лишь частично. Так, в работе Н.Д.Кулишовой были установлены корреляции черт психотипов с языковыми структурами и сделан вывод о том, что параметры знакового конструирования зависят от психических переменных. Эмпирические исследования подтвердили, что «концептуалисты», у которых сочетаются интуиция и мышление, обладают большей вербальной креативностью, чем остальные психотипы – «традиционалисты»,

«реалисты» и «идеалисты» [3]. Данные индексы ответственны для знакового конструирования и указывают на качества психики, описанные К.Г. Юнгом.

Таким образом, выделение характерных языковых черт личности в её письменном воплощении и психологической диспозиции, определяющей семиотическое поведение субъекта коммуникации, представляется важной теоретической задачей и составляет перспективу исследования – в рамках лингвopsихологии – процессов перехода энергии сознания в семиотическую материю. Именно такой подход позволит глубже понять тайну взаимодействия двух миров – внешнего (социального) и глубинного (бессознательного), которое соединяет человека в единое целое с универсумом через «семантический вакуум» (термин Налимова, Дрогалиной). В этом случае предполагается опора на антропный принцип гуманитарной парадигмы научного знания.

Список литературы

1. Александров И.А. Космический феномен человека: человек в антропном мире. М., 1999. С.177.
2. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб., 1999.
3. Кулишова Н.Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик. Автореф. дис... канд.филол. наук. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2001.
4. Лузаков А.А., Сухих С.А. Психология взаимопонимания//Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 3. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 4-26.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
6. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002.
7. Сусов И.П. Космические мотивы в науке о языке и в философии//Тверской лингвистический меридиан. Тверь. 1998. №.1. с. 99-111.
8. Сухих С.А. Личность в научном дискурсе // Лингвистический вестник: Сб. науч. тр. Вып. 4. – Ижевск, 2002. – С. 95-100.
9. Сухих, С.А. Текст как единица междисциплинарных исследований//Филология как фундамент гуманитарного знания: Сб.науч.тр. Книга 2. Краснодар, 2012. С.221-230.
10. Тайгер П., Баррон-Тайгер Б. Читать человека как книгу/Пер. с англ. – М., 2000.
11. Юнг К.Г. Психологические типы. Минск, 1998.
12. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного/Пер. с нем. – М, 1994.

ОБЪЕКТЫ ЖИВОТНОГО/РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА КАК ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ

Бородулина Н.Ю., Гливенкова О.А., Гуляева Е.А.

*OBJECTS OF THE ANIMAL AND VEGETABLE WORLD AS SOURCES OF METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION IN ECONOMY
Borodulina N.Y., Glivenkova O.A., Gulyaeva E. A.*

АННОТАЦИЯ

На основе метафорической модели «объекты животного/растительного мира → экономика» продемонстрирована концептуализация явлений и субъектов мира экономики в терминах животных и растений, представлена структура модели, показаны общие для европейских языков черты и национально-культурные характеристики, аксиологический потенциал анализируемой модели.

Ключевые слова и фразы: метафора, метафорическая модель, анималистические метафоры, растительные метафоры, оценка.

ABSTRACT

The conceptualization of phenomena and subjects of economic world in terms of animals and vegetables is demonstrated, the structure of the model is presented, common features and national cultural characteristics for European languages and axiological potential of the analyzed model are shown on the basis of the metaphorical model «objects of the animal/vegetable world → economy».

Key Words and phrases: metaphor, metaphorical model, animalistic metaphors, vegetable metaphors, estimation.

Целью настоящей статьи является детальное описание и выявление характеристик метафорической модели «объекты животного/растительного мира → экономика». Анализ проводится в русле когнитивно-дискурсивного подхода [1] на материале трех разносистемных языков, русского, английского и французского, что позволяет сделать вывод о наличии интернационального и специфического в процессе метафоризации языка экономики. Предполагается, что для европейских языков характерно сближение метафорических картин и формирование общего метафорического фона языка экономики, в котором выделяются как метафоры-термины, так и метафоры не термины.

В метафорической модели «объекты животного/растительного мира → экономика» в качестве источника выступают представители фауны и флоры, а в качестве цели - реалии мира экономики с акцентированием тех или иных характеристик, выражением оценки и отношения реципиента к описываемым явлениям и событиям, которые формируются в результате метафорического переосмысления. Языковой материал исследования получен методом сплошной выборки из ведущих русских, английских и французских газет (рубрика «экономика») и журналов, а также их Интернет-аналогов, словарных изданий, использовались примеры из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [7].

Обобщение результатов анализа позволяет следующим образом структурировать анималистические метафоры, используемые в русском, английском и французском языках:

1. Страны «животные». Среди анималистических метафор, обозначающих экономики различных стран мира, самыми употребительными являются метафоры, основанные на образах хищников, сила и мощь которых может заставить утрашиться страну с более слабой экономикой. Через законы животного мира метафоры позволяют почувствовать намерения и настроения ведущих экономических игроков. Так, тигриной экономикой принято называть экономики и экономические модели стран, демонстрирующие очень агрессивный рост: тигры / tiger / tigres. Кроме того, выделяются: «кельтский тигр» / Celtic Tiger / tigre celtique (экономика Ирландии); «балтийские тигры» / Baltic Tiger / tigres baltics (экономики стран Прибалтики); «балканский тигр» / Balkan Tiger / tigre des Balkans (экономика Сербии); «татранский тигр» / Tatra Tiger / tigre des Tatra (экономика Словакии); «латиноамериканский тигр» / Latin American Tiger / tigre latino-américain (экономика Чили). Страны, экономика которых за короткий срок совершила переход от отсталой, типичной для развивающихся стран, к высокоразвитой, получили название «четыре азиатских дракона» / Asia's Four Little Dragons / les quatre dragons asiatiques. К ним относятся Гонконг, Республика Корея, Сингапур, Тайвань. Особой разновидностью экономических хищников являются

«анатолийские львы» / Anatolian Lions / lions anatoliens (ряд городов Турции, в которых необычайно быстрыми темпами развивается индустрия). Не менее устрашающим представляется и образ России в виде «русского медведя». В.В. Путин на ежегодной пресс-конференции, пользуясь креативными метафорами, поразил всех оптимизмом в отношении экономики России: «Может быть, медведю надо посидеть спокойно, не гонять поросят и кабанов по тайге, а питаться ягодами, медом. Может быть, тогда его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания» [8]. В европейских языках можно встретить и другие анималистические метафоры, основанные не только на образах хищников, но и более мирных и спокойных животных. Так, крупные инвесторы в русском, английском и французском языках характеризуются как слоны / elephant / éléphant. Во французском языке африканские страны представляются как lions / львы, латиноамериканские как pumas / пума, а развивающиеся в экономическом плане страны как lièvre / заяц или tortue / черепаха: lions africains contre tigres asiatiques / африканские львы против азиатских тигров; la tortue nord-américaine (Québec) / североамериканская черепаха (о Квебеке); des petits «pumas» d'Amérique central (les petits pays d'Amérique centrale) / маленькие «пумы» Центральной Америки (о маленьких странах Центральной Америки).

2. «Рыночные животные». На примерах зоометафор языка экономики Е.Ю. Махницкая объясняет, что использование метафор связано, во-первых, с сугубо профессиональным элементом (например, черные бабочки – это подставные фирмы, создаваемые в целях безопасности от любых неожиданностей рынка), а во-вторых, с элементом эзотерики, тайны от посторонних (многие маркетинговые термины, такие как арготический термин собаки в значении «спекулятивные сомнительные акции, непригодные для обеспечения залога», скорее всего, не будут однозначно восприняты другими представителями экономических специальностей) [4]. Действительно, так называемые «рыночные животные» представляют собой самую большую и самую экзотическую группу анималистических метафор. В этом «финансовом зоопарке» можно увидеть четыре типа инвесторов (трейдеров): медведи, быки, цыплята и свиньи. Инвестор типа бык / bull / taureau верит, что рынок будет расти, и он в основном стремится купить. Метафора-термин возникла из-за того, что бык, атакуя, насаживает жертву на рога, подбрасывает ее вверх. Другой инвестор, медведь / bear / ours, ожидает рецессии и падения рынка. Обозначение связано с тем, что медведь топчет свою жертву, толкая ее вниз. Третий тип, цыплята / chickens, представляет собой символ нерешительности и трусости в англоговорящем мире (во французском

языке таких инвесторов называют *les froussards* / трусливые). Цыплята боятся потерять все, они очень бдительны и редко вкладывают. Английская метафора-термин, калькированная русским языком, *pigs* / свиньи восходит к английской поговорке *as greedy as a pig* (жадный, как свинья). Французский язык для этих инвесторов использует антропоцентрическую метафору *les casse-cou* / сорвиголова. Эта группа трейдеров не боится рисковать, у них совершенно отсутствует чувство страха. Таким образом, все кроме свиней могут обыграть рынок, а свиньи остаются ни с чем из-за жадности. «Рыночные животные» активно участвуют в терминологии, что особенно характерно для английского языка: *bull market* – рынок с тенденцией повышения цен; *bear market* – рынок с тенденцией к понижению; *bull campaign* – игра на повышение; *bear campaign* – игра на понижение; *bull account* – обязательства брокера при игре на повышение; *bear account* – обязательства брокера при игре на понижение; *bull trap* («бычья ловушка») – прорыв наверху ценового диапазона, сопровождаемый хорошими новостями; *bear trap* («медвежья ловушка») – ситуация, когда «медвежий» рынок меняет направление, становится «бычьим».

3. «Животные» на предприятии. На ассоциациях с животными выстроена известная классификация типов предприятий (схема-матрица Бостонской консалтинговой группы [3]), разделяющая все фирмы на четыре группы. Во-первых, это звезды / *stars* / *vedette* (*étoile*), которые приносят очень большой доход, но требуют существенных инвестиций для обеспечения темпов роста. Во-вторых, дойные коровы (денежные мешки) / *cash cows* / *vache à lait*, которые имеют высокую долю на рынке, но низкий рост объема продаж. В-третьих, дикие кошки (темные лошади, трудные дети) / *problem children* / *poids mort*, которые имеют низкую долю рынка, но высокие темпы роста. Наконец, в-четвертых, собаки (хромые утки) / *dogs* / *dilemme*, имеющие низкие темпы роста и низкую долю на рынке. Следует отметить, что английские метафоры легко калькируются русским языком, но не всегда находят соответствия во французском языке, который исторически долгое время противился англоязычным заимствованиям. Национально-культурную специфику можно наблюдать и в метафорических обозначениях сотрудников предприятия в соответствии с символикой животного. Так, согласно словарю Ларусс, во французской культуре человек, названный волком (молодым), имеет характеристику: «*homme ambitieux, désireux de réussir au plus vite et par tous les moyens dans le monde de la politique ou des affaires*» / амбициозный человек, желающий как можно быстро и любыми средствами добиться успеха в политике или бизнесе [10]. Согласно же словарю Даля, в русском языке характеристика человека-волка несколько иная: «человек угрюмый, нелюдим, волчистый; ненадежный, который в лес глядит» [2]. Предприниматели и служащие часто получают характеристики, свойственные животным. На предприятии можно также встретить амбициозных ястребов / *faucons*, осторожных старых лис / *vieux renards* и акул бизнеса / *shark business*. Интересно, что аксиологическая оценка интерпретируемых через данные метафоры субъектов может со временем измениться. Так, слово акула долгое время сопровождалось отрицательной коннотацией, заложенной в источнике метафоры. Сегодня называя кого-то акулой бизнеса, человек может вкладывать в данное обозначение и положительный смысл, имея

в виду предпринимательские способности, что явно просматривается в следующих примерах на фоне характеристики она очень умная и высокообразованная, широко мыслящая:

«Эта женщина диктует свои правила игры, она очень умная и расчетливая, настоящая акула юриспруденции» (НКРЯ. Прохорова О. Гленн Клоуз: 'Вдали от семьи я бы не согласилась работать'. 2009) [7].

«Современный российский бюрократ — это не бухгалтер в нарукавниках, а высокообразованная, широко мыслящая акула» (НКРЯ. Митрофанов С. Автономная вертикаль для тонущего «Титаника». 2003)[7].

Обстановка в коллективе также может быть показана через обращение к зоометафорам, что добавляет в характеристику описываемой ситуации оценочное значение, чаще отрицательное:

«Руководство «Шереметьево» знало, что этот тендер разворошит осиное гнездо» (НКРЯ. Стешин Д., Марков В. В Москве началась война с таксистской мафией // Комсомольская правда, 2005.02.06) [7].

«Многие помнят его фразу, вышедшую в «КП»: «Олигархи по отдельности милые люди, а вместе – стая волков!» (НКРЯ. Ушел академик Львов // Комсомольская правда, 2007.07.09) [7].

4. «Животные» в характеристике экономической деятельности. В анализируемых языках встречаются метафоры-термины, вербализующие различные аспекты экономической деятельности: Европейская валютная змея (змея в тоннеле) / *European Currency Snake*, *Snake in the Tunnel* / *Serpent monétaire européen* – соглашение о координации действий стран-членов Европейского экономического сообщества в отношении регулирования возможных колебаний валют этих стран относительно друг друга; галопирующая инфляция / *galloping inflation* / *inflation galopante* – инфляция, развивающаяся стремительными темпами; кошки и собаки / *cats and dogs* – сомнительные ценные бумаги; «прыжок (отскок) дохлой кошки» / *dead cat bounce* / *rebond du chat mort* – временный подъем на фондовой бирже (термин заимствован из английской поговорки «*even a dead cat will bounce if it falls from a great height*»).

Как видим, образы животных продуктивно используются в метафорической картине мира экономики. Отличительной особенностью зоометафор является использование пар животных: быки – медведи; волки – лисы; кошки – собаки. Иногда эти пары четко передают противоположные аксиологические оценки по шкале плохой – хороший: волки (удачливые игроки на бирже) и овцы (неудачные игроки); дойная корова (предприятия, приносящие постоянный, устойчивый доход) и тощие коровы (период бедности, лишений).

В выступлениях экономистов, аналитиков и руководителей разных рангов можно встретить и яркие, креативные метафоры данной модели. Примером может служить цитата В.В. Путина о государственном контроле над определенными секторами экономики, приведенная *New York Times*: «Курица может осуществлять владение яйцом, и пока она сидит на яйцах, ее даже будут кормить, но на самом деле яйца принадлежат не курам» [9].

Растительные метафоры также употребительны в языке экономики. Молодая поросль / *young shoots* / *les jeunes pousses* – так характеризуется молодое поколение

экономистов (молодая металлургическая поросль Екатеринбург; *des initiatives pour soutenir les jeunes pousses / инициативы для поддержания молодой поросли*)

Запуская процесс модернизации, и сокращая количество стратегических предприятий, Дмитрий Медведев так рассуждал о необходимости конкуренции: «Государство не должно рвать яблоки с дерева экономики, но оно должно помогать выращивать наш яблоневый сад» [5]. И растительные метафоры на какой-то период стали довольно продуктивными в русском языке. Экономисты и аналитики заговорили о «растительной жизни» государства и бизнеса, об «урожайных» контрактах и вреде «тепличных условий». Однако не всегда растительные метафоры содержат положительную оценку, основанную на надеждах на грядущий сбор урожая. В трудные годы кризиса Дмитрий Медведев, давая характеристику мировой экономике 2009 года, привел мнение одного из аналитиков: «кризис - растение многолетнее и очень живучее» [6]. Фокус ассоциации сменился в сторону сложностей борьбы с корневой системой растения. Но так или иначе простые познания и жизненный опыт помогают быстро и доходчиво передать (принять и осмыслить) сложную информацию, касающуюся кризисного состояния экономики.

Таким образом, метафорическая модель «объекты животного/растительного мира → экономика» очень продуктивна, она имеет как общие, так и национально-культурные особенности, отличается заимствованием англоязычных метафор, не всегда приживших выражений, которые пока еще требуется пояснять. Исследование, выполненное на материале трех европейских языков, продемонстрировало следующие тенденции в процессе метафоризации языка экономики: стремление к единому языку профессионалов, широкие возможности метафорического варьирования, формирование «гнезд» производных слов, подчиняющихся словообразовательным тенденциям, свойственным исконному языку.

Анализ метафорической модели «объекты животного/растительного мира → экономика» показывает, что в языке экономики метафора является чрезвычайно продуктивным инструментом терминообразования, а также образным лексическим средством, обеспечивающим доступность репрезентаций, динамизм профессиональной коммуникации и возможность выражения эмоционального отношения.

Литература

1. Бородулина Н.Ю. О перспективах исследования метафорических значений // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х Ч. № 3 (33). Ч.1 Тамбов: Изд-во «Грамота», 2014. С.52–55.
2. Волк. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=3640>.
3. Матрица БКГ // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F2%D0%E8%D0_%D1%CA%D3.
4. Махницкая Е.Ю. Типы метафор в экономическом дискурсе. // URL: http://www.confcontact.com/2012_10_24/3_mahnitska.htm.
5. Медведев ждет бума. URL: <http://vz.ru/economy/2010/6/18/411516.html>.
6. Медведев: Рано открывать шампанское, кризис – растение многолетнее и живучее. URL: <http://afn.by/news/i/119677>.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
8. Почему нельзя будить русского медведя. URL: <http://www.pravda.ru/world/19-12-2014/1240735-russia-0/>.
9. Цыплята Путина возвращаются на насест, - Forbes. // URL: <http://daily.com.ua/world/29-12-2014202335>.
10. Loup. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/loup/47900#romKZBYP0ftU0XBQ.99>.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОБЩЕЙ СЕМАНТИКОЙ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Евгения Валерьевна Чайчина

научный сотрудник, Бюджетного научного учреждения Республики Алтай, «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

Chaychina Evgenya, Institute of Altaic them. S.S. Surazakova, Gorno-Altaysk

АННОТАЦИЯ

В лексике современного алтайского языка значительное количество сложных слов образовано на основе атрибутивных отношений компонентов, когда первый компонент выступает в роли атрибута (определения) второго компонента. В данной статье рассматриваются некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия животных в алтайском языке.

ABSTRACT

THE FORMATION OF COMPLEX NOUNS WITH GENERAL SEMANTICS OF THE NAME OF ANIMALS IN ALTAI LANGUAGE.

In modern Altay language there are many complex words attribute components. In given article are considered some ways of formation of complex nouns with general semantics of the name of animals.

Ключевые слова: алтайский язык, словообразование, имя существительное;

Key words: the Altay language, word-formation, noun

Словообразование любого языка играет большую роль в его истории, так как оно является основным средством пополнения лексики языка новыми словами.

В настоящее время в современной алтайской лингвистике по словообразованию пока нет специальных работ. В первой «Грамматике алтайского языка, составленной членами Алтайской миссии» описываются парные

слова. «Парные слова в алтайском языке употребляются для выразительности, украшения речи, удвоение слов: ел јон или јон улус 'народ'. Или второе слово искусственно составляется созвучно первому: ы ыр чы ыр 'скрип'» [5, с. 30].

В «Грамматике ойротского языка» [6, с. 46] даны достаточно подробные сведения о словообразовании имен существительных. Здесь представлены следующие аффиксы: =чы, =тык, =лык, =даш, =чак, =аш, =ак, =чагаш, образующие имена существительные от имен существительных, =у, =ыш, =л, =ыт, =ык, =ма, =ым, =ын, =чи, =ыш, =мак, =кын, =ты, =м/ =ам, =ала, =ка, =кы, =к/ =ак, =кыш/ =гиш, =аачы, =ан/ =ен, =гык/ =дык, образующие имена существительные от глаголов.

Так же описан синтаксический способ словообразования в алтайском языке: Соединение двух слов может иметь значение отличное как от значений этих слов, каждого в отдельности, так и от значения суммы этих слов, например: ада-эне 'родители' (отец и мать), аяк-казан 'утварь, посуда (чашка и котел)' [6, 42 с].

Отдельные явления словообразования отражены в работах Н. А. Баскакова [3], Н. А. Кучигашевой [7], А. Т. Тыдыковой [12], О. Т. Молчановой [8].

Современные подходы проблемы словообразования имен существительных отражены в статьях Н. Н. Тыдыковой [13], А. Э. Чумакаева [14] и т.д.

В настоящей статье рассматриваются некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия животных в алтайском языке.

Материал исследования получен путем сплошной выборки из словарей: «Ойротско-русский» [10], «Алтайско-русский» [1], Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая» [2], «Морфемный словарь алтайского языка» [9].

В лексике современного алтайского языка значительное количество сложных слов образовано на основе атрибутивных отношений компонентов, когда первый компонент выступает в роли атрибута (определения) второго компонента. Между компонентами сложного слова нет живой атрибутивной связи, о ней можно говорить лишь условно, в плане соответствия отношений элементов сложных слов отношениям слов атрибутивных словосочетаний.

В образовании сложных существительных с атрибутивным отношением компонентов участвуют, как правило, две словоформы. Безусловно, между компонентами сложных слов, как и между другими единицами языка, существуют взаимоотношения, которые выражаются в избирательности компонентов по их грамматическому признаку и лексическому содержанию. Из-за лексического и грамматического сопротивления не любое слово может выступать в качестве компонента того или иного сложного слова [4, с. 18].

1. В роли атрибута выступают названия животных разных размеров, а в качестве определяемого названия животных. Например: кой шүлүзин 'белая рысь с темными пятнами' (кой 'овца', шүлүзин 'рысь'); ат шүлүзин 'красноватая с пятнами рысь' (ат 'лошадь', шүлүзин 'рысь'). Объяснение принципа подобного различия приводится у Г. Н. Потанина, который пишет, что у алтайцев есть ат шилюз 'лошадиная рысь с грубой шерстью'. Здесь определяемое слово ат, кой указывает на грубость шерсти.

2. В следующей группе сложных слов атрибут это – имена прилагательные с семантикой цветообозначения, второй компонент обозначает название животных или видовое название. Например: боро эрлен 'серая крыса' (боро 'серая', эрлен 'крыса'); боро тонкок 'серый хомячок' (боро 'серая', то кок 'хомяк'); өлө жарганат 'двухцветный кожан' (л 'пестрая', жарганат 'летучая мышь'); кара чымалы 'черный муравей' (кара 'черный', чымалы 'муравей'); кара адару 'земляная пчела' (кара 'черный', адару 'пчела'); кара бака 'жаба' (кара 'черный', бака 'лягушка'); кара балык 'линь' (кара 'черный', балык 'рыба'); кара баарчык 'скворец, букв.: черный скворец' (кара 'черный', баарчык 'скворец'); кара јылан 'гадюка' (кара 'черный', јылан 'змея'); кара момон 'крот' (кара 'черный', момон 'крот'); ак койон 'заяц-беляк' (ак 'белый', койон 'заяц'); сары балык 'сибирский остер' (сары 'желтый' балык 'рыба'); сары тонмос 'золотистый карась' (сары 'желтый', тонмос 'рыба'); ак тонмос 'серебристый карась' (ак 'белый', тонмос 'рыба'); ак айу 'белый медведь' (ак 'белый', айу 'медведь'); боро айу 'бурый медведь' (боро 'серая', айу 'медведь'); ак кийик 'олень' (ак 'белый', кийик 'дикий зверь'); јереен жарганат 'рыжая вечерница' (јереен 'рыжая', жарганат 'летучая мышь'); ак чычкан 'ласка' (ак 'белый', чычкан 'мышь'). Из опроса информантов вытекает, что в настоящее время данное слово вытеснено лексемой токтонон [11, с. 12] как – ласка.

3. В следующей группе сложных слов, первый компонент, указывает на место, где водятся данные животные. Например: суу чычкан 'водяная крыса' (суу 'вода', чычкан 'мышь'); чөл сыгырган 'степная пищуха' (ч л 'степь' сыгырган 'сеноставка'; көл бака 'озерная лягушка' (к л 'озеро' бака 'лягушка') и т. д.

4. Первый компонент сложных слов, определительный: кызыр уй 'яловая корова' (кызыр 'яловый, уй 'корова'); то кыр уй 'безрогая корова' (то кыр 'безрогий, бесхвостый, куций, обрезанный, уй 'корова'); меринос кой 'мериносовая овца' (меринос 'меринос', кой 'овца'); куран кой 'молодая овца' (куран 'ягненок, кой 'овца'); кунан айу 'медвежонок' 'медвежонок трех лет, трехлетнее животное' (айу 'медведь' кунан 'трехлетнее животное'); суйман бака 'остромордая лягушка' (суйман 'острая' бака 'лягушка'); окпын келескен 'прыткая ящерица' (окпын 'прыткая, келескен 'ящерица'); түндүк жарганат 'северный кожанок (летучая мышь)' (т нд к 'север', жарганат 'летучая мышь'); тай ат 'необъезженный конь' (тай 'жеребенок в возрасте двух лет', ат 'лошадь'). Таі чаще всего жеребенок – 'жеребенок в возрасте двух лет' и еще реже трех, например: азерб. даі 'жеребенок (чаще самец) от одного до двух лет', даіча 'новорожденный жеребенок', 'жеребенок от шести – восьми месяцев до одного года', 'годовалый жеребенок (самец)'; алт., каз., тат. таі 'годовалый жеребенок'; башк. таі 'жеребенок по второму году' [16, с. 91].

Также в «Ойротско-русском словаре» [10, 95 с] встречается той кунан 'свадебная корова четырех лет, которая приносилась женихом в дар зайсану' (той 'свадьба', кунан 'жеребенок трех лет, трехлетнее животное'). Слово гуан относится к третьей возрастной группе, в которую

входит молодняк лошади в возрасте двух-трех лет. Гунан выступает также в сочетании со словами, обозначающими молодняк других животных, прежде всего коровы, ср. алт. кунан бозу 'теленка двух-трех лет'; башк. конан үгэз 'бычок двух-трех лет'; кирг. кунан өгүз или кунан бука 'бычок от двух-трех лет' [15, с. 93 с].

В настоящее время, данное сложное слово является архаизмом.

Итак, в данной работе мы рассмотрели некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия животных в алтайском языке. В роли атрибута выступают название животных разных размеров и имена прилагательные с семантикой цветообозначения. Из проанализированного материала можно сделать вывод, о том, что в лексике алтайцев, у которых скотоводство и охота издавна являлись основным видом хозяйства, встречается достаточно много сложных имен существительных с общей семантикой названия животных. Которая прямо или косвенно отражает действительность, реагирует на изменения в материальной и культурной жизни народа.

Список литературы

1. Алтайско-русский словарь / под. ред. Н. И. Когунбаевой. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1991. 200 с.
2. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая. Часть I. Растения. – Новосибирск, 2007. 479 с.
3. Баскаков Н. А. Алтайский язык. – М., 1958. 255 с.
4. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. – М.: Наука, 1982. 186 с.
5. Грамматика алтайского языка. Репринтное воспроизведение издания «Грамматика алтайского языка», (Казань, 1869). – Горно-Алтайск: издательство «Ак Чечек», – 2005. 360 с.
6. Грамматика ойротского языка. – М.Л., – 1940. – 400 с.
7. Кучигашева Н. А. Имя существительное // Ученые Записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 5. – Горно-Алтайск, 1962. С. 123-126.
8. Молчанова О. Т. О некоторых аффиксах и основах, принимающих участие в формировании ряда географических названий Горно-Алтайской автономной области // Вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 1976. С. 138-156.
9. Морфемный словарь алтайского языка (с переводом на русск. и англ. языки) – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2005. 319 с.
10. Ойротско-русский словарь. Репринтное издание. – Горно-Алтайск: издательство «Ак-Чечек», 2005. 316 с.
11. Словарь говоров Кош-Агачского и Улаганского районов. – Горно-Алтайск: ИПБОЮЛ Высоцкая Г.Г., 2006. 134 с.
12. Тыбыкова А. Т. О личных именах алтайцев // Избранные труды. Теоретические вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. С. 108-114.
13. Тыдыкова Н. Н. Лингвистическая характеристика личных имён в героическом эпосе // Исследования по алтайскому языку. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2003. С. 71-79.
14. Чумакаев А. Э. Образование имен существительных от имен существительных и глаголов морфологическим способом в алтайском языке // Актуальные вопросы алтайского языкознания: Сборник научных статей. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2008. С. 89-95.
15. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М, 1961. С. 84-121.
16. Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1990. 169 с.

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ТУРИСТСКОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Дехнич Ольга Витальевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ "БелГУ", г. Белгород

Бабичева Наталья Сергеевна

менеджер по туризму, агентство путешествий "Каприз Вояж", г. Белгород

NEW WORDS IN TOURISM VOCABULARY (BASED ON ENGLISH)

Olga V. Dekhnich, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Associate of Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod

Natalia S. Babicheva, tourism manager, travel agency "Capris Voyage", Belgorod

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются понятие неологизма, как новообразования в той или иной лексико-семантической группе терминосистемы «туризм». Целью работы является выявление неологизмов в туристской лексике, а также их изучение посредством распределения по условным лексико-семантическим группам.

На первом этапе рассматривались понятия «термин», «терминология» в современном мире, и как следствие, появление новообразований в различных областях человеческой деятельности, конкретно в сфере туризма. На втором этапе работы было показано, на конкретных примерах, насколько пополнилась терминосистема туризма за последнее время и о чем это свидетельствует.

ABSTRACT

The paper deals with new words or neologisms in the sphere of tourism. The aim is to identify neologisms in tourism vocabulary, as well as their division into the lexical-semantic groups.

The first step is to review the concepts of "term", "terminology" in the modern language, and as a consequence, introduction of new words in various fields of human activity, particularly in tourism. Secondly the analysis of the examples shows the ways the terminology of tourism is enriched/

Ключевые слова: туризм; туристская лексика; новообразования; неологизм.

Keywords: tourism; tourism terminology; new words; neologism.

В настоящее время отсутствует единственно верное и общепринятое определение понятия "термин". Согласно работам многих известных авторов, таких как, к примеру, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, данному термину приводится более двадцати определений, ни одно из которых нельзя назвать полностью верным, в отношении всех аспектов речи и языка. Но остановимся на более популярном и доступном обозначении данного понятия, а именно термин – это слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т. п.

Как отмечают А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, и Н.В. Васильева, «...терминология как совокупность терминов составляет часть специальной лексики» [8, с.48]. Сама терминология, определяется двумя аспектами, такими как совокупность терминологических элементов и названий, а также учение об образовании этих же лексических единиц специальной лексики. Термины относятся не к привычной всем, повседневной, общей лексике, а к специальной, существующей в различных подязыках. То есть своего рода искусственно созданных терминологических группах, характерных для различных сфер деятельности, либо областей производств. К примеру, подязыки физиков, хирургов, химиков, астрономов, строителей, математиков, работников сферы туризма, рекламы и т.д. Соответственно, и одни и те же слова, встречающиеся в разных подязыках, имеют совершенно не схожие значения, хотя лексически идентичны.

Как отмечает К.Я. Авербух, к настоящему времени практически не осталось профессиональных областей и сфер, которые не были бы охвачены терминологическими исследованиями. Но, не смотря на достаточно глубокую изученность, широту знаний в той или иной области, терминологический арсенал продолжает активно пополняться новыми лексическими единицами [1, с.15].

Стремительное развитие науки и техники, достижения научно-технического прогресса сказываются в первую очередь на развитии языка, а точнее его лексики, порождая тем самым такое понятие как «неологизмы» - новые слова и значения слов для обозначения новых объектов, явлений и процессов. Развитие языка, в целом, происходит по пути наименьшего сопротивления, поэтому в большинстве случаев происходит процесс заимствования из другого языка или переосмысления старых словоупотреблений и значений.

Однако формирование новой терминологии в той или иной отрасли знания в большей мере зависит от усилий людей, работающих в ней или занимающихся ее развитием. В этом и заключается системность терминологии.

Появившиеся специальные слова становятся неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Со временем они выходят за рамки подязыка работников узкой специализации и становятся более доступными для понимания окружающими. Это неизбежно, однако неологизмов, с постоянным развитием языка, становится все

больше и люди, как правило, не обладают достаточными возможностями для того, чтобы освоить их все [3, с.117].

Индустрия туризма также испытывает на себе влияние глобализации, оказывающее эффект неизбежной трансформации. Исходя из истории развитие туризма и тех самых процессов глобализации на уровне языка, английский язык закрепился в качестве базового, в рамках международного туризма.

Каков все-таки выбор грамотного человека, основанный на разнице лексического значения слов «туристский» и «туристический», и имеет ли принципиальное значение этот выбор?

Обратимся к толковым словарям русского языка. В толковом словаре С.И. Ожегова, который пережил десятки изданий и который является руководством для многих лингвистов, приводится толкование слов «турист» и «туризм» и указывается на то, что прилагательное, образуемое от этих слов только одно – «туристский». Слова «туристический» нет ни в одном из изданий [7, с.803, с.1093].

В других словарях встречаются понятия и «туристский», и «туристический». Так, например, в толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.А. Кузнецова указывается, что от существительного «туризм» могут образовываться два прилагательных – «туристский» и «туристический», а от слова «турист» – только «туристский» [2, с.1129; 4, с.1353].

Таким образом, из словарей следует, что «туристский» является более универсальным прилагательным, которое можно использовать в любом контексте, в то время как «туристический» не всегда бывает уместно и правильно с точки зрения его лексического значения.

Терминосистема туризма, фиксируя в языке новые туристские понятия и реалии, находится в постоянном развитии. Существует множество способов пополнения данного подязыка терминами. В данной статье будут рассмотрены некоторые из них.

Во-первых, как говорилось ранее, заимствование терминов из других сфер человеческой деятельности, главным образом из социокультурной практики: например, acquisition, animation, carousel, courtesy coach, defaulter, domestic tourism, fullboard, halfboard, housekeeping, hospitality industry, mixed-use destination, restricted goods, scheduled service, stopover, standby, welcome pack.

Во-вторых, образование собственных новых терминов, то есть неологизмов. Одна из причин этой тенденции в том, что в контактирующем языке отсутствует термин-аналог в виде одного слова или словосочетания: например, agritourist – турист, который наблюдает, а также принимает непосредственное участие в сельскохозяйственном процессе.

Поскольку неологизмы входят в лексическую систему, их отличает системный характер связей, который можно пронаблюдать на словообразовательном уровне. Неологизмы образуются в различных сферах той или иной деятельности человека. В связи с этим системность новых

лексических единиц, как отмечает П. Н. Магомедгаджиева, проявляется и в функциональном плане [6, с.71].

Функциональный подход к термину «туризм» в индустрии туризма можно пронаблюдать, условно разделив новообразования на следующие лексико-семантические группы.

1. Типология туристов:

- *architourist* (*architecture + tourist*) – человек, который путешествует, в основном, с целью изучения архитектуры;
- *flashpacker* (*flash + backpacker*) – турист, путешествующий с шиком, на широкую ногу;
- *grey nomad* – пожилой человек, активно путешествующий, к примеру, в «доме на колесах»;
- *grief tourist* – человек, путешествующий на место недавней трагедии, с целью выразить скорбь и боль утраты по жертве или нескольким жертвам;
- *labor tourist* – человек, который живет в одной стране, а работает в другой;
- *narco-tourist* (*narcotics + tourist*) – человек, который едет за границу, чтобы взять образцы местных наркотиков или наркотических растений;
- *Par-Don* (*Paris + London*) – человек, который распределяет свое время между Парижем и Лондоном;
- *silent traveler* – путешественник, который практически не имеет прямого взаимодействия с туристической индустрией пункта назначения, предпочитая вместо этого навигацию, а также информацию, полученную с помощью мобильного устройства;
- *touron* (*tourist + moron*) – особенно невежественные или раздражающие туристы;
- *weather tourist* – человек, путешествие которого, заключается в исследовании, изучении торнадо, ураганов или других погодных феноменов.

2. Виды путешествий:

- *daycation* – путешествие на один день или на другое короткое время, не предполагающее совершение ночевки;
- *fake-ation* – отпуск, где значительное количество времени тратится на чтение почты и выполнение других связанных с работой задач;
- *fertility tourism* – путешествие в другую страну, с целью лечения бесплодия;
- *human safari* – путешествие или экспедиция разработанная, чтобы искать и наблюдать за людьми, особенно коренных племен;
- *mancation* (*man + vacation*) – путешествие, участники которого исключительно мужчины;
- *microvacation* – очень короткое путешествие;
- *minimoon* (*mini + honeymoon*) – короткое, незатейливое свадебное путешествие;
- *poorism* (*poor + tourism*) – путешествия, которые включают экскурсии, или жилые помещения в трущобах или опасных городских кварталах;
- *staycation* (*stay + vacation*) – проведение отпуска дома;
- *stem-cell tourism* – практика путешествия в другую страну для получения стволовых клеток на основе медицинских процедур;
- *uni-moon* (*uni- (“consisting of one”) + honeymoon*) – альтернатива свадебному путешествию, когда новобрачные путешествуют по отдельности, в разное время;

– *wayfinding* – искусство или ремесло оснащения территории знаками и символами, которые помогают путешественникам найти дорогу из места на место.

3. Термины, имеющие косвенное или прямое отношение к сфере туризма, но неразрывно с ней связанные:

- *baggage malaria* – малярия, полученная в результате укуса комара, случайно проникшего в багаж туриста, во время его пребывания за границей;
- *black-hole resort* – курорт, на котором блокируются все входящие и исходящие интернет сигналы;
- *destination wedding* – свадьба, которая проводится вдали от города, часто в каком-либо популярном месте отдыха;
- *shoulder season* – период в туризме между высоким и низким сезонами;
- *Stendhal’s syndrome* – головокружение, паника, паранойя, или безумие, вызванное просмотром некоторых художественных или исторических памятников или попытка увидеть слишком много таких артефактов в слишком короткое время [9].

Исходя из того, какое количество приведенных выше неологизмов появилось в сфере туризма за последнее время, следует отметить стремительное развитие данной области человеческой деятельности. Каждая из условно-созданных лексико-семантических групп, практически в равной степени пополняется новообразованиями, что говорит о цикличности и синхронности процесса. Стоит обратить внимание на то, что после проведенного анализа лексико-семантических групп неологизмов сферы туризма, легче всего в этом отношении группируются имена существительные, в меньшей степени имена прилагательные.

«Список литературы»

1. Авербух К. Я. Общая теория термина: Учебно-практическое пособие. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004.
2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004.
3. Карпова О. М. Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: Материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12-14 сентября 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2003.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура: Учебное пособие. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Магомедгаджиева П. Н. Некоторые аспекты стилистического транспонирования новой лексики в русском языке конца XX столетия: Статья. – Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета, 2010.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Сов. энциклопедия 7-е изд. – Москва, 1968; а также Ожегов С. И. Словарь русского языка. 25-е изд. – Москва: ООО «Издательство Мир и Образование», 2007.
8. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность: Учебник. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008.
9. Словарь неологизмов Word Spy – режим доступа: <http://www.wordspy.com/>

РОЛЬ СЛОВА В СОЗДАНИИ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ И ОБРАЗНОСТИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Джелалова Л.А.

учитель русского языка и литературы, средней школы №16, Россия, г. Димитровград

ROLE OF WORDS IN CREATING CULTURAL MEANINGS AND IMAGERY RUSSIAN PROVERBS

Dzhelalova LA, teacher of Russian language and literature, secondary school №16, Russia, Dimitrovgrad

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию ключевой лексики русских пословиц - этническому компоненту, способному формировать общий смысл изречения и являться единицей русской (ценностной) картины мира.

ABSTRACT

The article investigates the key tokens of Russian proverbs - ethnic component capable of forming a general sense of the sayings and is a unit of Russian (value) picture of the world.

Ключевые слова: пословица; ключевая лексема; образ-символ; коннотация; этнический компонент; русская (ценностная) картина мира.

Keywords: proverb; key token; image of the character; connotation; ethnic component; Russian (value) picture of the world.

Рассматривая слово не как прообраз вещи, а как «механизм накопления и сохранения культурой информации», – говорит А.Т. Хроленко в книге «Основы лингвокультурологии» (2006), – необходимо опираться на два уровня проявления культурного фона в лексике. Первый уровень – отражение в лексическом и фразеологическом составе языка и отечественном слове специфики материальной культуры, как считает ученый, изучен и описан основательно. Второй – проявление культурного фона в лексике – воздействие на язык и лексику, в частности, собственного мировоззренческого фактора, является на стадии разработки и, как утверждает А.Т. Хроленко, далек от завершения. В конце XX и первого десятилетия XXI веков обсуждался вопрос о наличии особой «культурной памяти» слова и методе «культурно-исторической диагностики, позволяющем увидеть результаты сопряжения языкового и культурного в слове (см. ст. Е.С. Яковлева «О понятии «культурная память» в применении к семантике слова» 1998) [4, с. 79–80].

Культурное значение слова, или слова, наделенного культурной памятью, по мнению Ю.Н. Караулов, достаточно высоко. Ученый говорит о словах такого рода следующее. Они [слова] «обладают высокой смысловой pregnance, т.е. способны выступать в качестве символа для большого семантического комплекса, играя роль смысловых вех, мнемических опор при понимании и продуцировании текста» [2, с. 205]. Примером сказанного могут служить ключевые лексемы русских пословиц «лапоть» и «сапог». В рамках нашего исследования их по праву можно считать национальными и символическими. Установлено, что названные нами лексемы не просто обозначают обувь русских людей, а являются своего рода механизмом накопления и сохранения культурой информации. Такая особенность позволяет им выйти за рамки обычного образа и символизировать социальное положение людей, носящих эту обувь. Анализ исследуемого материала показал, что лексема «лапоть» символизирует образ простого, бедного крестьянина, а «сапог» – человека зажиточного. Такое понимание находит свое подтверждение в пословицах из нашей картотеки: Сапог с сапогом, а лапоть с лаптем; Лапоть знай лаптя, а сапог – сапога; Сапог сапогу – брат (ровня); Правда в лаптях, а

кривда, хоть в кривых, да сапогах; Чем лаптю кланяться, так уж лучше поклонюсь сапогу и т. д.

В процессе исследования выявлено, что не менее символичны в русских пословицах и личные имена. Как утверждают ученые, в пословицы имена-символы пришли уже готовыми, т.е. известными всем без объяснения. В этом случае человек, используя пословицу по ситуации, знал, что означает в ней имя. Из общего числа исследованных нами изречений словаря В.И. Даля 234 содержат личные имена. Иван (Ивашка, Ванька, Ванюха) – 24, Фома (Фомища, Фомушка) – 22, Варвара – 11, Ерема – 9, Кузьма (Кузенька) – 7, Маланья (Малашка) – 7, Макар (Макарка) – 7, Сидор – 6, Яков – 6. Остальные имена встречаются реже, но даже малое их количество позволяет раскрыть коннотативную привязанность этих имен. Например, имя Варвара в народе любовью не пользовалось: Прогнали Варвару от чужого амбара; Проворна Варвара на чужие карманы; Варвара мне тетка, а правда – сестра и т. д. Возможно, корни негативного отношения кроются в этимологии: имя образовано от греческого *barbaros*, что означает «иноземец». Но не только эта особенность вызывает такую реакцию. В русском языке есть слово варвар (варварство, варварский), означающее «грубый человек, жестокий, невежественный», значение которого могло отразиться и на имени в устойчивых сочетаниях или пословицах. С именем Варвара связан также застеночек для пыток в Москве, который располагался у церкви великомученицы Варвары, у Варварийского креста, перекрестка (Не спрашивают Варвару на расправу). Определено, что в контексте паремий по такому же принципу раскрывают свою коннотативную привязанность и другие имена. Авдей – добродушный (Наш Авдей никому не злодей), Мартын – мотоватый, расточительный (Алтын Мартыну – ни сапог починить, скоба подковать); Наталья – злая (У злой Натальи все люди каналы); Федот – убогий, нищий (Голодному Федоту и щи в охоту); Фома – ленивый (На безделье, и Фома дворник) и т. д.

Среди перечисленных нами имен есть и такие, которые в зависимости от контекста пословицы имеют разную степень коннотации. Например, Макар. Он не только бедный (На бедного Макара все шишки валятся.), послуш-

ный, уважительный, возможно, услужливый (Макару поклон, а он на семь сторон), но и везучий (Доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал) и т. д.

Особняком от остальных имен-символов во всех русских пословицах стоит, как утверждает исследователь Ю.А. Гвоздарев, имя Иван – и не напрасно. Это не только самое употребляемое имя русского этноса, но и можно даже сказать концептуализирующее русское начало. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что в пословицах это имя может быть наполнено иронией: Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у него и праздник, надеждой: Нагуляется Иван – достанется и нам и т. д. Но в большей степени – уважением: На Иванах земля держится. В земле – матушке да в Иване сила и т. д.

«Узелками» культурной памяти могут быть и синонимы, обусловленные «памятью» вложенных в них людьми когда-то давным-давно смыслов. В этом случае ключевые слова и синонимичные им ряды являются своего рода инвентарем, формирующим глубинный смысл не только изречения, но и всех русских пословиц. Например, лексема, характеризующую человека по его социальному статусу, в русских пословицах может быть представлена не только словом «бархатник» (в значении дворянин), но и лексемами барин = господин, дворянин; мещанин = горожанин, городской обыватель (житель), гражданин; барич (барчонок, барчук, барча).. То же можно сказать и о лексеме «лапотник» (в значении крестьянин). Ее синонимами могут быть следующие лексемы: кропач, кропатель; пачкун; пахотник или крестьянин; земледелец; хлебопашец, пашенник, пахарь, пашник, пахатель мужлан, мужичать; мужиковатый, мужланка, мужлатка, мужланюга; батрак (батрачка); холоп (холопья, холопье, равные лексеме «дворня»).

Нами также обнаружено, что способность ключевых лексем вступать в отношения синонимии позволяет формировать и ассоциативно-смысловые ряды. Под ассоциативно-смысловыми рядами мы понимаем равные по значению лексемы, первостепенность и второстепенность которых зависит от экспрессивно-качественной характеристики, направленной на «разворачивание» смысла ключевой лексемы до образа-символа. Например, индивидуальное концептуальное пространство, заявленное ключевой лексемой «Друг», может быть представлено несколькими ассоциативно-смысловыми рядами: а) Друг = приятель = товарищ (в модели ЯТы): Бой красен мужеством, а приятель дружеством и т. д.; б) Друг = приятель или дружок (в модели ЯТы): Черный день придет, приятели откинуться и т. д.; в) Друг = брат (в модели ЯТы=Мы): Друзья прямые – что братья родные и т. д.; г) Друг = старый и надежный и верный и правый в значении «находящийся по правую руку» и милый (в модели ЯТы): Одежда лучше новая, а друг – старый и т. д.; д) Приятель или товарищ и добрый (в модели ЯТыМы): Не тот силен, кто дюжит, а тот – кто дружит и т. д.

Связь языка и культуры рождает коннотацию слова или «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции» [2, с. 82]. К числу объективных проявлений коннотаций относятся те, которые обычно не фиксируются словарями, но регулярно производятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной

лексемой или ее производной [2, с. 83]. В этом случае коннотациями называют, с одной стороны, добавочные (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слов; с другой – о коннотациях говорят тогда, когда имеют в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного словом. Примером такого проявления коннотации в пословицах можно назвать имена собственные, выполняющие роль символов, коннотативная привязанность которых определяет оценку изречения в целом.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, представленного картотекой 1250 пословиц, показал, что все ключевые лексемы имеют и коннотативную закрепленность, выявлению которой способствует контекст исследуемых нами изречений:

1. положительная коннотация: «умный» (Дай Бог с умным потерять, не дай Бог с дураком найти и т. д.); «праведник» (У Бога для праведников места много и т. д.); «друг» (В недруге стрела, что во пне, а в друге – что во мне и т. д.); «милый» (Не мил и вольный ветер, когда милого нет и т. д.); «мастер» (Мастер один, а подмастерьев много и т. д.); «здоровый» (Здоровому все здорово и т. д.); «белолычка» в значении «красивая», благородного происхождения (Моя родинька, т. е. родная, любимая и личиком беленька и т. д.); «болезный» (Болезному сердцу и горько без перцу и т. д.); «смелый» (Смелым Бог владеет и т. д.);
2. отрицательная коннотация: «глупый» (Рад дурак, что глупее себя нашел и т. д.); «белолычка» в значении «лентяйка», «бесхозяйственная» (Бела да холёна, да дома не метёно и т. д.); «скупой» (Скуп, что пес на сене: ни сам не есть, ни другим не дает и т. д.); «недруг» (Либо друг, либо недруг и т. д.); «ябедник» (Ябедников на том свете за язык вешают и т. д.); «трусливый» (На трусливого много собак и т. д.); «постылый» (В милом нет постылого, а в постылом – милого и т. д.); «больной» (Не рад больной и золотой кровати и т. д.); «чумичка» (В праздник белолычка, а в будни чумичка и т. д.); «криводушный» (Кривой не беда, горе криводушный и т. д.);
3. смешанная коннотация: «старый» (Молодой работает, старый ум дает и т. д.); «молодой» (Млад голами, да стар бедами и т. д.); «знахарь» (Знахари – то говорят, как город городят и т. д.); «плут» (У всякого плута свои расценки и т. д.); «поп» (Поп на двор, пономари в колокола и т. д.); «пономарь» (Пономари близко возле святости трутся, а во святых их нет и т. д.); «свах» (Сваху лукавая, змея семглавая и т. д.); «атаман» (Не гонись за простым вором, а лови атамана и т. д.); «купец» (То не купец, у кого деньги дома и т. д.); «бархатник» (Не будет пахатника (лапотника), не станет и бархатника и т. д.); «лапотник» (Как лапотника не станет, так бархатник не встанет и т. д.); «жених» (Жених, что лошадь: товар темный и т. д.); «невеста» (У невесты женихов сто один, а достанется один и т. д.); «муж» (Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет и т. д.); «жена» (Жена при муже хороша, без мужа, не жена и т. д.); «кривой» (Кривой не беда, горе криводушный и т. д.).

То же можно сказать и о ключевых лексемах, формирующих образы «баба» и «нищий». В русских пословицах образ «баба» всегда обладает отрицательной коннотацией, а применение его в качестве синонима слову «женщина», тем более «жена» даже сейчас вызывает негативную реакцию (Бабы на базаре семечками торгуют). Это связано с тем, что обозначенный нами образ отражает не конкретное лицо, а закрепленную за ним ментальную, или прецедентную, ассоциацию. Согласно нашему исследованию этот образ связан, прежде всего, с женщиной низшего социального положения: бабой называли простолюдинку, крестьянку, мужичку, выполнявшую грязную работу и не имевшую «никаких прав и свобод». Такая интерпретация исследуемой нами лексемы «баба» связывает ее с лексемой «чумичка» с тем же коннотативным смыслом (В праздник белоличка, а в будни чумичка).

Иное отношение в русских пословицах к ключевой лексеме, формирующей образ «нищий». В отличие от предыдущей, она наделена положительной коннотацией. Объяснение этому опять-таки можно дать с позиции традиционной культуры, которая, как и в предыдущих случаях, будет являться инструментом выявления происхождения, формируемого в нашем сознании образа. Как утверждает И.Н. Толстой, «нищенство на Руси воспринималось обществом как Божья кара, которая каждого может настичь» [3, с. 203] (От тюрьмы и от сумы не бережешься). Отсюда, терпимость и участие со стороны общества к людям, живущим за счет милостыни.

Нами также установлено, что в рамках смыслового пространства одной пословицы в некоторых случаях одна и та же ключевая лексема может быть представлен двумя

коннотативными вариантами. Например, лексема «умный» (Сам отец глупый – жалость, сын УМНЕЕ ОТЦА – радость, а брат БРАТА умней – зависть). Лексема «глупый» (Чужой ДУРАК веселье, а свой – бесчестье).

Примеров можно приводить великое множество, но даже представленные нами доказательства позволяют утверждать, что именно слово играет главную роль в создании культурных смыслов и образности русских пословиц. Такого плана лексемы имеют сложное значение. Они не только обладают способностью формировать общий смысл изречения, или отражать общечеловеческие черты, но и являются ценностными единицами, способствующими формированию национального характера человека и нации в целом. Только в этом случае ключевые слова приобретают статус обобщения, символа, скрывающего целую область, или, по Ю.Н. Караулову, «квант знаний», и являются этнокультурными доминантами – концептуальными элементами этнической (ценностной) картины мира.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / Владимир Иванович Даль. – 4-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. Наука, 2010. – 263с.
3. Толстой, Н.И. Этнолингвистический словарь. В 5-и т. – М., 1996–2009 (Т. 1 – 4). – 2602 с.
4. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие / А.Т. Хроленко / Под ред. проф. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256с.

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА - СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Федотова Галина Михайловна

Учитель русского языка и литературы, высшей категории, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 98», Калининского района, г. Санкт-Петербурга.

ФГОС, к реализации, которых мы приступаем с 1 сентября 2015 года, ориентируют педагогов на применение системно-деятельностного подхода в обучении учащихся. Учащиеся из пассивных слушателей и исполнителей воли учителя вступают в иные отношения, где деятельность учащихся сопровождается направляющей и консультирующей ролью учителя.

В данной парадигме обучения особое место занимает выбор технологии и методов, обеспечивающих системно-деятельностный подход к учебному процессу.

В педагогике XXI века в центре стоит личность ученика, которая и является целью образования. Поэтому педагогический процесс имеет ориентацию на индивидуальный подход к каждому ученику, который имеет свои способности. И педагогу нужно найти в каждом ученике его лучшие качества, учитывать особенности его личности, формировать у него положительную Я - концепцию, стимулировать «к учению с увлечением», повышать качество образования.

Современные требования к урокам русского языка достаточно высокие. На уроках должны быть реализованы следующие взаимосвязанные задачи обучения:

1. Вооружение учащихся знаниями основ науки о языке (знание признаков грамматических понятий, их классификация и др.);
2. Формирование умений практического владения русским языком (его орфографическими, пунктуационными, культурно-речевыми нормами), умения чётко, ясно выражать свои мысли в устной и письменной речи в разных жизненных ситуациях, воспитание чувства ответственности по отношению к слову, чуткости к красоте и выразительности русской речи.

Для решения этих задач в учебный процесс стараться внедрить инновационные методики, которые обеспечивают индивидуализацию обучения, развивают самостоятельность учащихся. Используя в своей работе такие формы, как мастерская знаний, проектная технология, другие интерактивные методы, отдаю предпочтение технологии развития критического мышления, которая способствует развитию мыслительных навыков учащихся.

Работа в группе помогает учащимся приобрести, кроме новых знаний, следующие качества:

- Умение вырабатывать совместные решения;
- Терпимость к другим мнениям и позициям;
- Необходимость поиска компромисса;
- Способность аргументировано отстаивать свою точку зрения;
- Стремление к диалогу;
- Умение строить общение с учётом эмоционального состояния, общей атмосферы.

Базовая модель этой технологии включает следующие стадии: вызов - осмысление-размышление. Она помогает формировать интеллектуальные умения и усилить рефлексивные механизмы.

Стадия вызова

Если предоставить учащимся возможность проанализировать то, что он уже знает об изучаемой теме, это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей - мотивов. Именно эта задача решается на стадии вызова.

В процессе реализации стадии вызова важно:

1. давать учащимся возможность высказать свою точку зрения по поводу темы, без боязни ошибиться;
2. фиксировать все высказывания: любое из них будет важным. На данном этапе нет «правильных» или «неправильных» высказываний;
3. сочетать индивидуальную и групповую работу: индивидуальная позволит каждому ученику актуализировать свои знания и опыт; групповая - услышать другие мнения, изложить свою точку зрения.

На данном этапе важным является правило: «Любое мнение ценно».

На фазе вызова важно путём мозговой атаки заинтересовать учащихся. На этой стадии использую следующие методические приёмы: парная мозговая атака, групповой мозговой штурм, ключевые термины, перепутанные логические цепи, свободное письменное задание, создание кластеров.

Стадия осмысления содержания

Важным моментом является получение новой информации. Организация работы на данном этапе может быть различной: лекция, рассказ учителя, индивидуальное, парное или групповое чтение, или просмотр видеоматериала. В любом случае это будет индивидуальное принятие и отслеживание информации.

На стадии осмысления идёт активная самостоятельная работа учащихся. Здесь применяются такие приёмы, как чтение текста методом ИНСЕРТ, взаимопрос, двойные и тройные дневники.

Стадия рефлексии

Рефлексивный анализ направлен на прояснение смысла нового материала.

Многие приёмы, использованные на первых двух стадиях, логически переходят в стадию «Рефлексия». Парная мозговая атака, возвращение к ключевым терминам, кластерам, создание синквейна, эссе, мини-сочинений - всё это даёт возможность учащимся самореализоваться в рамках изученной темы.

Имеется широкий набор методических приемов и стратегий ведения проблемного занятия. Рассмотрим некоторые из них.

Инсерт - приём данной технологии, который авторы рекомендуют использовать на стадии осмысления содержания, предполагает маркировку текста значками по мере его чтения

Авторы Воган и Эстес, (модификация Мередит и Стил) предлагают несколько вариантов пометок:

1. Два значка — « + » (новое) и «V» (уже знал);
2. Три значка — « + » (новое), «V» (уже знал), «?» (не понял);
3. Четыре значка — « + » (новое), «V» (уже знал), «?» (не понял) и « - » — думал иначе.

Во время чтения текста следует рекомендовать обучающимся делать на полях пометки, а после этого заполнить таблицу, в которой значки будут заголовками граф. В таблицу тезисно вносятся сведения из текста.

Таблица 1

Схема приёмов и стратегий проблемного обучения

Стадия (фаза)	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Возможные приемы и методы
1. Вызов	Направлена на вызов у учащихся уже имеющихся знаний по изучаемому вопросу, активизацию их деятельности, мотивацию к дальнейшей работе	Ученик «вспоминает» что ему известно по изученному вопросу (делает предположения), систематизирует информацию до изучения нового материала, задает вопросы, на которые хочет получить ответы	Составления списка «известной информации»: <ul style="list-style-type: none"> ▪ рассказ - предположения по ключевым словам; ▪ систематизация материала (графическая): кластеры, таблицы; верные и неверные утверждения; перепутанные логические цепочки и. т. д.
Информация, получения на стадии вызова, выслушивается, записывается, обсуждается. Работа ведется индивидуально, в парах или группах.			
2. Осмысление содержания	Направлена на сохранение интереса к теме при непосредственной работе с новой информацией, постепенное продвижение от знания «старого» к «новому»	Ученик читает (слушает) текст, используя предложенным учителем активный метод чтения, делает пометки на полях или ведет записи по мере осмысления новой информации	Методы активного чтения: <ul style="list-style-type: none"> • маркировка с использованием значков «V», «+», «-», «?» (по мере чтения их ставят на полях справа); • ведение различных записей типа двойных дневников, бортовых журналов; • поиск ответов на поставленные в первой части урока вопросы

Стадия (фаза)	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Возможные приемы и методы
На стадии осмысления содержания осуществляется непосредственный контакт с новой информацией (текст, фильм, лекция, материал параграфа). Работа ведется индивидуально и в парах			
3. Рефлексия	Учителю следует: вернуть учащихся к первоначальным записям - предположениям; внести изменения, дополнения; дать творческие исследовательские или практические задания на основе изученной информации	Учащиеся соотносят «новую» информацию со «старой», используя знания, полученные на стадии осмысления содержания	Заполнение кластеров, таблиц. Установление причинно-следственных связей между блоками информации. Возврат к ключевым словам, верным и неверным утверждениям. Ответы на поставленные вопросы. Организация устных и письменных столов. Организация различных видов дискуссий. Написание творческих работ. Исследования по отдельным вопросам темы и. т. д.
На стадии рефлексии осуществляется анализ, творческая практика, интерпретация изученной информации. Работа ведется индивидуально, в парах или группах			

Таблицу 2

Маркировка текста

«V» (уже знал)	« + »(новое)	« ? » (не понял)
Поставьте значок «V»	Поставьте значок	Поставьте значок
на полях, если то о чём	«+» на полях, если то о	«?» на полях, если то о
вы читаете соответствует	чём вы читаете	чём вы читаете для вас
вашему знанию.	является для вас новым	не совсем понятно

Рассмотрим этот приём на примере изучения темы «Глагол в языке и речи». (II. Смысловая стадия)

- Индивидуальная работа учащихся с текстом, в котором содержится правильная информация. Маркировка текста используется для того, чтобы ученик узнал новое и отказался от неправильной информации. Маркировка текста производится с помощью специальных знаков:
 " ! " — я это знал.
 " + " — Новое для меня.
 " - " — Вызывает у меня сомнение.
 " ? " — Вопрос.
- Учащиеся коротко (слова и словосочетания) записывают новую информацию во второй столбик таблицы.

- Учащиеся формулируют и записывают вопросы в третий столбик таблицы (только в том случае, если они возникают).

Приём «тонких» и «толстых» хорош для учащихся, которые не умеют различать те вопросы, на которые можно дать однозначный ответ («тонкие» вопросы), и те, на которые ответить столь определенно не представляется возможным («толстые» вопросы). (Загашев И.О., Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Учим детей мыслить критически. Издание 2-ое. -СПб:»Альянс «Дельта» совм. С издательством «Речь», 2003).

Для этого очень эффективен способ развития мышления: использование таблицы «Толстых и тонких вопросов»

Таблица 3

«Толстые и тонкие вопросы»

Тонкие ?	Толстые ?
Кто... Что... Когда... Может... Будет... Могли... Как звали... Было ли... Согласны ли вы... Верно...	<ul style="list-style-type: none"> • Дайте объяснение, почему... • Почему вы думаете... • Почему вы считаете... • В чем разница... • Предположите, что будет, если... • Что, если...

На примере рассмотрим, как можно использовать эту таблицу для развития мышления на одном из уроков русского языка в 5 классе. В этом возрасте важно научить детей навыку различения толстых и тонких вопросов. С

этим детьми такая работа проводилась не впервые, и они уже знают, чем отличается один тип вопроса от другого. Для подготовки к написанию обучающего изложения

в 5 классе (Учебник. «Русский язык. 5 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И.Капинос и др.; под ред. - М. М.Разумовской, П.А.Ле-

канта. -14-е изд., стереотип. - М. Дрофа. 2007) использовался текст упр. 163, миниатюра писателя Юрия Куранова «Какие бывают дожди».)

Тонкие ?	Толстые ?
<ul style="list-style-type: none"> • Что является предметом описания? • Когда может идти дождь? • Может ли быть дождь неожиданным? • Согласны ли вы, что слепой дождь самый необыкновенный? 	<ul style="list-style-type: none"> • Дайте объяснение, почему дожди бывают разные? • В чем разница между дождями утренними и вечерними? • Предположите, что будет, если всегда будет идти слепой дождь? • Что, если дождя не будет совсем?

Таблицы «тонких» и «толстых» вопросов могут стать основой для исследований, дискуссий, эссе.

Работа по теории развития критического мышления помогает учащимся приобрести, кроме новых знаний, следующие образовательные результаты:

- умение работать с увеличивающимся и постоянно обновляющимся информационным потоком в разных областях знаний;
- умение пользоваться различными способами интегрирования информации;
- умение задавать вопросы, самостоятельно формулировать гипотезу;
- умение решать проблемы;
- умение вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений;
- умение выражать свои мысли (устно и письменно) ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим;
- умение аргументировать свою точку зрения и учитывать точки зрения других;
- способность самостоятельно заниматься своим обучением;
- способность брать на себя ответственность;
- способность участвовать в совместном принятии решения;
- способность выстраивать конструктивные взаимоотношения с другими людьми;
- умение сотрудничать и работать в группе и др.

Наблюдения за активной работой учащихся на уроке, за их умственным развитием и уровнем обученности, который становится выше и качественнее, появление удовлетворенности у учителя и учеников от своей работы свидетельствуют о том, что используемая технология развития критического мышления в ряду других известных

технологий может быть использована для формирования не только коммуникативных компетенций на уроках русского языка, но и других современных ключевых компетенций.

Органичное включение работы по развитию критического мышления школьников в систему школьного образования даёт возможность личностного роста, ведь такая работа обращена, прежде всего, лицом к ребёнку, к его индивидуальности.

Список литературы

1. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. - СПб: Издательство «Альянс «Дельта», 2003. - 284с.
2. Заир-Бек С.И. «Развитие критического мышления через чтение и письмо: стадии и методические приемы» «Директор школы», 2005, № 4, стр.66.
3. Иволина А.И. «Технология критического мышления в структуре современного урока (на примере уроков права)» - «Право в школе», 2006, № 3, стр.4
4. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. КнЮ2\В.И.Андреев.-Казань,1998.
5. Гузеев В.В. «О скрытом контексте в технологии развития критического мышления» - «Педагогические технологии», 2006, № 2, стр.16.
6. Педагогические технологии в теории и практике: учебное пособие: Л.А. Турик, Н.А. Осипова.- Ростов н\Д: Феникс,2009.-281.
7. Бустром.Р. Размышления о размышлении: материалы семинара «Развитие критического мышления через чтение и письмо»\Р. Бустром.-2000.
8. Викентьева И. Ода синквейну \ \ Перемена.-2002.-№3.
9. Э.Гузеев В.В.Образовательная технология: от приёма до философии \В.В. Гузеев\ \ Директор школы.-1998.-Вып.5.

Е.И. ЗАМЯТИН: ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ ВАРИАНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛЫХ ЖАНРОВ

Ганчев Станислав Геннадиевич

Аспирант, Мичуринского государственного аграрного университета

Ганчев Геннадий Иванович

учитель МБОУ СОШ №1, Мичуринск

Ганчева Наталья Викторовна

учитель МБОУ СОШ №1, Мичуринск

E.I. ZAMYATIN: INDIVIDUAL AND AUTHOR'S OPTION OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «NATURE» IN WORKS OF SMALL GENRES

Ganchev Stanislav Gennadiyevich, graduate student, Michurinsk state agricultural university

Ganchev Gennady Ivanovich, teacher of MBOU SOSh No. 1, Michurinsk
 Gancheva Natalya Viktorovna, teacher of MBOU SOSh No. 1, Michurinsk

АННОТАЦИЯ

Важное место в индивидуально-авторском стиле Е.И. Замятина занимает концепт «природа». В текстах прозаика он весьма многогранен и имеет разные средства языкового воплощения. Особо значимым представляется описание русской природы сквозь призму русской истории, русской культуры и духовности.

SUMMARY

Important place in the E.I individual and author's style. Zamyatina occupies a concept «nature». In texts of the prose writer it is very many-sided and has different means of a language embodiment. The description of the Russian nature through a prism of the Russian history, the Russian culture and spirituality is submitted especially significant.

Ключевые слова: концепт «природа»; русская природа; Русь; языковое мастерство; индивидуальные манеры.
 Keywords: concept «nature»; Russian nature; Russia; language skill; individual manners.

Исследовательский интерес к личности и литературному наследию Евгения Ивановича Замятина не угасает на протяжении многих десятилетий. И это не удивительно, поскольку творчество прозаика - явление уникальное как в художественном, так и в языковом отношении. «Трудно представить более яркого и своеобразного выразителя русской ментальности, национальной культуры с её традиционными ценностями, чем Замятин».

«Замятинский текст...» [1, с.74-78].

Нет никакого сомнения в том, что это «эстетический феномен, обладающий цельностью, образностью и фикциональностью (от лат. fictio – выдумка, вымысел); <...> форма обращения к миру, т.е. коммуникативная единица, в которой, в свою очередь, моделируется определенная коммуникативная ситуация; <...> частная динамическая система языковых средств» [8, с.4-5]. Это «знак, чье означаемое при посредстве внутренней формы «спрятано» в нём самом и потому связано с означаемым не условной, а органической и мотивированной связью...». «Это замкнутое смысловое единство – однако «такое единство, которое возникает из открытого, не подлежащего полному учёту взаимодействия множества разнообразных и разноплановых фактов, и такое замкнутое целое, которое способно индуцировать и впитывать в себя открытую, уходящую в бесконечность работу мысли, а значит, и бесконечные смысловые потенции» [2, с. 332].

Как показало наше исследование, одним из основных в концептосфере «замятинского текста» является концепт «природа».

Проанализировав произведения малого жанра («Уездное», «На куличках», «Алатырь», «Африка», «Север», «Пещера», «Русь» и др.), мы также установили, что указанный концепт репрезентируется прозаиком как сложная по структуре и содержанию ментальная единица, включающая в себя несколько понятийных ядер (микрokonцептов).

Первое понятийное ядро – микрokonцепт «природа как окружающее пространство».

Смысловые компоненты микрokonцепта:

1.1) небесное пространство («С утра – низкое, дырявое, ватное небо, и сквозь дыры несёт льдом.» [4, с. 292]; «Заря. <...> Слава богу: заря!» [4, с. 219]; «Но вот в духоте вздулись тучи, багровой трещиной расселось небо, капнуло огнем <...>» [4, с. 324] и т.д.);

1.2) небесные светила («Происходит так: солнце летит все медленнее, медленнее, повисло неподвижно.» [4, с. 215]; «Сквозь окно – небо, пустыни, льды, огромная, синяя звезда, ниже – из крыш чугунной стеной растёт туча.» [5, с.199]; «Вверху – месяц, и внизу, в воде, месяц, а кругом –

оклад старого, ковального чешуйками серебра.» [4, с. 224] и т.д.);

1.3) водное пространство («Напружинилось – ещё чуть – стонуло, и все вдребезги: брызнули в море разноцветные верешки <...>» [4, с.215]; «Лебеди прилетели, затрубили в печальные трубы; гуси закакакали на тихих озерах.» [4, с. 249]; «Шумела, бежала Тунежма по острым камням, баюкала, старинки сказывала.» [4, с.219] и т.д.);

1.4) растительный мир («С длинностволой принаследной отцовской пицалью Марей целыми днями бродил в лесу.» [4, с. 227]; «Ближе придвигаются из темноты сестры-сосны, все темнее, все уже мир – и вот во всем мире только двое.» [4, с.234]; «Всякое утро Пелька меняла примятый мох. Всякое утро, напевая, наворачивая, плела свежий можжевеловый веночек <...>» [4, с. 234] и т.д.);

1.5) животный мир:

1.5.1) животные («Поутру на покров нашлась кошка Милка исправническая.» [4, с. 92]; «Олень повернул коричневую, туго обтянутую морду, но рыжая не слыхала: не оглянулась.» [4, с.223]; «На голубом мху лайка нашла медвежьи следы: взбуровлен весь мох – медвежья свадьба.» [4, с. 227] и т.д.);

1.5.2.) птицы («Вечером в столовой усталилась – и битый час, как пришитая, глядела в клетку с кенарем и кенаркой <...>» [4, с. 89]; «Надсаживалось воронье по заборам, теплынь выкликало.» [4, с. 98]; «<...> чайка оторвалась от камня, и откуда-то их сразу сотни розовых, пронзительных <...>; белоголовый зүек испуганно вынырнул из дяденькиных сапог – и скорей за работу.» [4, с.215-216]; «Лебеди, гуси носятся косяками, разминают крылья: скоро в дальний путь.» [4, с. 227] и т.д.);

1.5.3) насекомые («Жарынь стояла. Мух развелось – невесть сколько.» [4, с.95]; «Запели комары.» [4, с. 233] и т.д.).

Второе понятийное ядро – микрokonцепт «природа как совокупность природных явлений».

Смысловые компоненты микрokonцепта:

1. времена года («Колеи зажелтели, затлели. <...> Звонила капель. Пожаловала честная масленица в Алатырь.» [4, с. 98]; «В октябре, когда листья уже пожолкли, пожухли, сникли, - бывают синеглазые дни; запрокинуть голову в такой день, чтобы не видеть земли – и можно поверить: еще радость, еще лето.» [4, с. 289]; «Одно ясно: зима.» [4, с. 289] и т.д.);

2. атмосферные явления («На Ивана-Купалу – жарынь.» [4, с. 221]; «Косые паруса дождей, облака, солнце, ночи, дни – или час, секунда.» [5, с.185]; «Сквозь туман – огромное румяное солнце, все

ближе.» [4, с. 221]; «И неизвестно, кто <...> раздувает белую снежную пыль; может, сероухоботый мамонт; может быть, ветер <...>» [4, с. 288]; «В ночь на покров пошел шапками снег.» [4, с. 110]; «Крещенский мороз, в шубах – голубого снегового меху – деревья <...>» [4, с. 327] и т.д.);

3. время суток («День в полном ходу.» [4, с. 216]; «В полдень – ни спать, ни купаться на реке нельзя <...>» [4, с. 42]; «Сумерки. Двадцать девятое октября состарилось.» [4, с. 293]; «<...> в тот вечер была сотворена вселенная, и удивительная, мудрая морда луны, и соловьиная трель звонков в коридоре.» [4, с. 293]; «Минуту все стоит стеклянное, эта минута – ночь.» [4, с. 215] и т.д.);
4. свет («Костер тухнет.» [4, с.234]; «Света, как всегда, не было <...>» [4, с. 290] и т.д.);
5. цвет («У Кортотмы в руках кусок травянисто-зеленого ситцу.» [4, с. 221]; «Берег, красный камень, гранит, стал горячий, снизу поднималась темная земляная кровь.» [4, с. 221]; «Белые облачные дни. Понемногу скорлупа облаков все тоньше, розовее, треснула – и солнце, между зеленых верхушек – синий просвет.» [4, 235] и т.д.);
6. звук («Тихий день – и издали слышен в лесу голк людской, стук топоров – с лопской поляны.» [4, с. 227]; «Дует моряна, напирает лед сызморя. Грохот, гул.» [4, с. 231]; «И неизвестно, кто трубит ночью на каменной тропинке между скал <...>» [4, с. 288] и т.д.);
7. запах («Уедливый запах полыни щекочет ноздри, а чихнуть – боже избави <...>» [4, с.37]; «Острый, нестерпимый запах птиц, трески <...>» [4, с. 221]; «Вернулась, отряхивается, смеется, пахнет свежей водой, водорослями.» [3, с.233] и т.д.).

Третье ядро – микроконцепт «природа и человек». Смысловые компоненты микроконцепта:

1) характеристика героев («Раскрыла – и отступился смех, ближе нагнулась к напряженному, зверино-крепкому телу Барыбы.» [4, с. 40]; «Темным слоном влезала в прихожую исправничиха.» [4, с. 94]; «Все свирепей рвал пирог волчьими зубами Скидин.» [3, с. 6]; «Но она облепила, как паук.» [4, с.53] и т.д.);

2) их:

2.1) мысли («Убежать бы от собачьей жизни.» [4, с. 37]; «Барыба, очумелый, шатался по городу <...>. «Что ж теперь дальше-то, а? Что ж теперь? Куда?» [4, с.54] и т.д.);

2.2) чувства («А вот была-таки и любовь у Урванки – лошадей он любил и кур.» [4, с.39]; «Целый день в исправничком доме кукушкой кукует гулко тоска. А чуть засинеет вечер – Глафира к окну <...>» [4, с. 89]; «И только всего: проснуться, протянуть руку, чуть-чуть тронуть в темноте – и засмеяться от нестерпимого счастья: дождь.» [4, с. 235] и т.д.);

2.3) желания («Теперь лежала белая Милка в Глафириной комнатке на антресолях, лежала – и молоком кормила своих четырех младенцев <...>. Так это пронзило Глафиру, так затомилась, вся нецелованная, так запросила грудь касаний нежного рта <...>» [4, с.92]; «Но день ото дня прорезь все ярче, все шире, и уже не снаружи, на снегу, красные полосы <...> веки. Ах, не раскрывать бы...» [4, 231] и т.д.);

2.4) настроение («Благодать Барыбе теперь: учиться не надо, делай что тебе в голову взбредет, купайся, пока зубами не заляскаешь, <...> в монастырском лесу – днюй и ночуй.» [4, с. 36]; «А Чеботариха сама тут же сидела в крытом кретоном диване и помирала от скуки, глядя в стеклянную мухоловку: в мухоловке – квас, а в квасу утопились со скуки мухи.» [4, с. 40] и т.д.).

Четвертое ядро – микроконцепт «природа – источник жизни».

Смысловые компоненты микроконцепта:

1) воздух («Ночь душная, тяжкая под Ильин день.» [4, с.53]; «Последняя бутылка воздуха. <...> он – как драгоценнейшее голубое вино – в стеклянных бутылках, веками.» [5, 182] и т.д.);

2) вода («А, Мартин Мартиныч! Что, за водичкой? Пожалуйте, пожалуйста, пожалуйста.» [4, 291]; «<...> там, на дне, был еще настоящий – да, да, самый настоящий чай! Пили настоящий чай.» [4, с.292] и т.д.);

3) дары:

3.1) земные («Наберет Барыба картошки, моркови, испечет дома – на балкашинском дворе, ест <...>» [4, с. 37]; «Колоба на сметане, пироги с молочной капустой, блинцы пшениные: девочек своих угощала нынче игуменья.» [3, с.4] и т.д.);

3.2) животные («Вышло так на горе Барыбино, что и он цыплят Урванкиных полюбил: вкусны очень <...>» [4, с. 39]; «<...> сомовина, а то и сазан соленый, кишки жареные с гречневой кашей, требуха с хреном <...>» [4, с. 42]; «Пелька жарит над костром жирного гуся <...>» [4, с. 234] и т.д.);

3.3) речные, озерные, морские («Нехотя расходятся по местам: пластать треску, набивать корзины тресковой печенью, на спине носить на салогрейню к Кортоте.» [4, с. 218]; «Будто вот просто как все, ходил с кошелкой вокруг капустных вилок, веников из Муррома, наваги мороженой.» [4, с. 97]; «Игуменья тащила поднос: пирог, графин с висантом, карпятину жареной кус.» [3, с.5] и т.д.).

Следовательно, концепт «природа» в замятинских текстах многообразен и многомерен. Это важное звено в цепи событий, действенный аргумент в системе доказательств.

Однако Е.И. Замятин описывает не просто природу, а, как правило, русскую природу. Поэтому особый интерес представляют те фрагменты его произведений, где чувствуется дух родной земли и – шире – русской православной культуры («Дома с картинами, серебряными ендовами, часами, со всякой редкостью под стеклянным колпаком <...>» [4, с.328]; «<...> узкие улочки – вверх да вниз <...>, переулки, тупики, палисадники, заборы <...>» [4, с.325], «Замоскворечье со старинными, из дуба резными названьями <...> - с городским садом, дощатыми тротуарами, с бокастыми, приземистыми, вкусными как просфоры, пятиглавыми церквами <...>» [4, с. 235] и т.д.).

Только в такой – многовековой, со славной историей и сильным духом народом – Руси может быть особая, неповторимая природа: «Под Ильин день вечер – особенный, и благовест – свой особенный: в соборе – престол, в монастыре – престол <...>. И небо-то под Ильин день какое: чисто да тихо, как в избе, вымытой к празднику.» [4, с. 50]; «На зеленом бархатном мху – розовые, прохладные кораллы морошки, матово-синий голубень. Где-то далеко горят леса, солнце плывет в тумане.» [4, с.233] и т.д.).

По мнению Н.Н. Комлик, подобные описания у Замятина «<...> теснейшим образом связаны со святоотеческой культурой родного края», и имеют «лебедянский колорит» [6, с.140].

Выражению же авторских смыслов способствуют:

1. слова-знаки и слова-звуки, а также «затаенный», стоящий за ними смысл («Под шашмуром – морщины. Коричневые губы чуть заметно шевелятся – берестой на огне <...>» [5, с.180]; «Сумасшедше кружатся лопнувшие часы, час – секунда. Нет людей, и потому двое – люди, и как после третьего звонка – надо скорее – еще о чем-то и еще о чем-то.» [5, с.200]; «Так неспешно идет жизнь – и всю жизнь, как крепкий строевой лес, сидят на одном месте, корневищами ушедши глубоко в землю.» [4, с.328] и т.д.);
2. словосочетания удивительной «конфигурации» и семантики («малиновый пар», «курчавый пепел», «сгущенное солнце», «согнутые тяжестью цветов ресницы», «коршунья высь», «глиняная рубаха», «голубой лед стекла», «зеленое в красных рубцах небо» и т.д.);
3. односоставные предложения с предикатом в роли главного члена; с главным членом, выраженным именем существительным или субстантивированным словом другой части речи в именительном падеже; предложения с «предикативно сопряженными компонентами» – подлежащим и сказуемым («Густые, пригнутые вниз тяжестью цветов сиреневые ветки. Под ними – вышитая кое-где солнцем тень <...>» [5, с.178]; «Лунный полдень. Тяжелые, ледяные глыбы света.» [5, с.183]; «Ветка вздрагивает – и вниз летит желтошелковый *Rhopalocera* <...>» [5, с.178] и т.д.);
4. паратакисические композиции («Там – поляна, до краев налитая крепчайшим, зеленым, процеженным сквозь листья солнечным соком; посреди поляны огромный сиреневый куст, ветви согнуты тяжестью цветов <...>» [5, с.177] и т.д.);
5. синтаксические конструкции комбинированного типа («На Земле – день, а там на звезде – ночь, в черном небе – две огромных, зеленовато-ледяных луны над пустынями и скалами, от скал – синие зубчатые тени.» [5, с.182] и т.д.);
6. ряды однородных членов с разным грамматическим оформлением (самое употребительное – асиндетон), которые выполняют функцию конкретизации и детализации условий протекания речевого акта («<...> в городе, где белая, неоседающая пыль, камень, жестяные облака, железные красные с золотыми буквами вывески и железные люди.» [5, с.179]; «Сквозь железные кружева – секундные куски сини, желтых соломенных крыш, серой речной ряби внизу.» [5, с.181-182] и т.д.);
7. дополнения, определения, «обстоятельственные конкретизаторы», способствующие передаче речи в мельчайших деталях, с филигранной точностью и предельной реалистичностью («С длинным птичьим криком кружась падает солнце – и взойдет только завтра, а может быть, и не взойдет.» [5, с.193]; «Две ледяные луны качаются совсем на краю, сейчас оборвутся вниз.» [5, с.194] и т.д.);
8. существительные, прилагательные, причастия («По лицу у ней – облака: нависшие, литые – в глубокой трещине между бровей, легкие, розовеющие – в последней улыбке.» [5, с.184]); глаголы настоящего и прошедшего времени, совершенного и несовершенного вида, которые, обозначая сменяющие друг друга события, обеспечивают развертывание повествования и динамизм ситуации («Над Землей солнце мечется в последней тоске, облака набухают кровью все гуще, течет алыми струйками вниз по золоченым шпицам, по белым стенам, по зеркальным окнам дворцов, и красные капли – здесь, на зелени луговых майских трав.» [5, с.190]); «На столе самовар, пахнет смородиновым чаем.» [5, с.186]; «Вечер. Огромные луны пригнулись к полу, тени длинные.» [5, с.189] и т.д.);
9. сложные словообразовательные модели («зелено-бронзовые мухи», «миллионверстные воздушные льды», «каменновековые гончарного вида лепешки» и т.д.);
10. «повышенная теснота семантических и структурных связей как текстовый аналог «единства и тесноты» («Мир: куст сирени – вечный, огромный, необъятный. В этом мире я: <...>. Еще мир: зеркало реки, прозрачный – из железа и синего неба – мост <...>. И еще мир. Земля – с сиренью, океанами <...>. Над Землю – мыслями – облака.» [5, с.176-177] и т.д.);
11. «умственные противоречия» нормам литературного языка как языка кодифицированного («Когда уже сумерки, все стеклянное, и неслышно, накрест перешвыриваются над улицей летучие мыши <...>» [5, с.186]; «Кусты трещат, с ревом прет стоголовый медведь, рты разинуты – но никто не слышит <...>» [5, с.192] и т.д.).

Нет никакого сомнения в том, что Замятин расширяет сегментный канал национального языка, «выжимает» из языка все соки, добывается того, что язык начинает «превосходить самого себя». Здесь ничего нельзя убавить и добавить. Здесь все результат смелого и свободного выбора писателя, «великолепный экземпляр, знак связности, удостоверение длинной цепи параллелей» [7, с.37].

Итак,

1. важное место в индивидуально-авторском стиле Е.И. Замятина занимает концепт «природа»;
2. в репрезентациях картин природы – многочисленные смыслы, идеи, настроения;
3. концепт «природа» имеет разные средства языкового воплощения; он «продукт словесно-художественного творчества прозаика»;
4. описание русской природы репрезентируется Е.И. Замятиным сквозь призму русской истории, русской культуры и русской духовности.

Список литературы

1. Алтабаева Е.В. Замятинский текст: язык и концептосфера (к методологии исследования). Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. 5-8 окт. 2009 г./ отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2009. 710 с.

2. Гаспаров М. Б. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
3. Замятин Е. И. Избранные произведения в двух томах; Том 1. Изд-во: «Художественная литература», Москва, 1990. OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005. Библиотека Александра Белоусенко.
4. Замятин Е.И. Повести, рассказы. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. (Серия «Отчий край»). – 334.
5. Замятин Е.И. Мы: Роман, рассказы, повесть / Сост. О. Михайлов. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 365 [3] с. – Б-ка «Возвращение»).
6. Комлик Н.Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. – Елец: Елецкий гос. пед. ин-т, 2000.
7. Львова М.А. Образная модель заграничной жизни в прозе Ф. Сологуба и Е.И. Замятина. В кн. «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: В XIII кн. Кн. XIII /Под ред. проф. Л.В. Поляковой, проф. Н.Н. Комлик. Тамбов-Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. 253с.
8. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

«NATIONALCULTURAL PECULIARITY OF LITHUANIA LINGUAL CULTURE INTO THE NOVELS OF I. BOBROVSKIJ»

Gil'fanova Gul'nara Tavkil'evna

candidate of Philological Sciences, assistant professor, of Kazan Federal (Volga region) University, Naberezhnye Chelny

Salimzanova Diljara Ajratovna

candidate of Philological Sciences, assistant, of Kazan Federal (Volga region) University, Naberezhnye Chelny

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТОВСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РОМАНАХ И. БОБРОВСКОГО

Гильфанова Гульнара Тавкильевна

К.ф.н., доцент кафедры ИЯ, Набережночелнинский институт К(П)ФУ, г. Набережные Челны

Салимзанова Диляра Айратовна, К.ф.н., ассистент кафедры ИЯ, Набережночелнинский институт К(П)ФУ, г. Набережные Челны

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении системного анализа поэтики романов Бобровского. Метод или методология проведения работы. Материалом исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом выборки из текста романов «Мельница Левина», «Литовские клавиры» (Кр. Донелайтис «Времена года»). Результаты дают возможность говорить о целом ряде изобразительных приемов автора, которые делают его романы исключительно оригинальными, неповторимыми – через особую повествовательную технику, через образы, через слово. Выводы. Как показал анализ фактического материала, языковые единицы, функционирующие в тексте изучаемых произведений отражают национально-культурное своеобразие языковой картины мира литовского народа.

ABSTRACT

The purpose of this research is to implement the system analysis of the poetics of Bobrovskij's novels. Method or methodology of work. Research material are lexical units extracted by sampling from the text of the novels "Levin's Mill", "Lithuanian Clavier" (Cr. Donelaitis "Four Seasons"). The results make it possible to talk about a variety of visual techniques to the author, that make his novels exclusively original and unique in particular narrative technique, through images, through the word. Conclusions. The analysis of the factual material shows, language units operating in the texts of studied works reflect national and cultural identity of the worldview of the Lithuanian people.

Ключевые слова: Романы И. Бобровского, лингвокультура, национально-культурное своеобразие

Key-words: Novels of I. Bobrovskij, linguistic culture, national-cultural peculiarities.

In literary studies of recent years a tendency to identify linguistic phenomena associated with the national identity of certain people and their comprehensive analysis is observed. Each ethnic group perceives its reality in their own way, creating their vision of the world rituals and traditions through the prism of time. The attention of scientists is especially attracted to study of culture interaction. Ways of forming a language picture of the world are common to these concepts, where the important role is played by imaginative perception of ritual resistant units representative of a particular cultural community. That is why the relevance of our research is to explore the basics of the language picture of the world in general and the role of individual cultural

concepts in the formation of images of the world in the language [1].

Study of the peculiar linguistic units describing folk rituals allows to model fragments of linguistic world of social community and to reveal the specifics of the national language of consciousness, which is constructed on the basis of verbal behavior of native speakers.

Language is the foundation of human existence in the culture. G.R. Derzhavin wrote that "the language is key of all knowledge and all nature, image is contained in the word of all beings» [2]. One of the central problems in linguistics is the problem of the relationship of language and culture. Language is a direct reflection of reality, and the culture is an

integral part of it, respectively, the language - a simple reflection of culture. In the process of changing reality, there is a replacement of cultural and national stereotypes, thereby language changes itself [3, P. 59]. Language, being on the one hand, a part of the culture inherited from our ancestors, the most important cultural events of the order, the main instrument of knowledge of the world and man repository of individual and social experience, on the other hand, reflects a specific worldview of ethno-cultural community. Accordingly, the "conceptual understanding of culture may only release through natural language" [3, P. 61]. Taking into consideration the fact that a speaker is also the carrier of culture, we believe that linguistic signs thus serve as a fixing means of cultural basic units and national heritage, performing the function of the signs of culture.

The concept of "language" is inextricably linked with the term "world" because through language the person learns the surrounding elements of reality. Firstly the concept of "world" was formed in the late nineteenth century, one of the founders of this concept is considered to be a German scientist J. Herder. In the works of V. Humboldt, the founder of "philosophy of language", also found the first conclusions that nothing like language is able to solve the mystery of human and national identity and that "man lives with subjects the way his tongue presents them... And each describes the language around the nation to which he belongs, circle, where a person is given only to leave because so far he has come into the circle of another language "[4, P. 80].

Under the conceptual picture of the world, we understand the world reflected in the mind of man, his ideas about the environment. Linguistic picture of the world is information about the environment and the person who processed and recorded in the language.

O.A. Kornilov gives his typology of the world picture based on "different kinds of consciousness," stressing that "the result of thinking about the world by each type of consciousness is fixed in language matrices that maintains this kind of consciousness", [5 S. 4]. He proposes to subdivide a scientific picture of the world (a form of collective scientific consciousness); national (national scientific form of consciousness, to represent in the language of science of a national language); linguistic (a form of linguistic consciousness of a language community); national language (linguistic consciousness form a particular ethnic group); Individual national language (a form of linguistic consciousness of the individual - the carrier of a language) [5, pp 112-113].

Considering the concept of "linguistic world" as a representant of all levels of the language system of a particular ethnic group, we take it as the basis of our study.

Linguistic picture of the world - is a mental-lingual concept, for this reason, the language is capable of displaying cultural and national mentality of its carriers, as different people see the world from different perspectives, through the prism of national understanding. This allows you to emphasize its universal structure and national peculiar elements of the content, which is caused by a number of extra linguistic factors, of course, affects the system of world outlook of the people. In particular there are the following factors: geographic and climatic conditions of people, their lifestyle, type of housing, beliefs, traditions and customs, so understanding of reality of one nation differs from the other [6, S. 73].

National and cultural identity of the people is vividly reflected not only in their customs, traditions and way of life [8], but also in the texts of literary works. Thus, a systematic analysis of the poetics of Bobrovskij's novels with special artistic organization of the imaging material makes it possible to talk about a variety of visual techniques of the author, that makes his novels exclusively original, unique: a reflection, an image element of people's life, work and creativity - in particular narrative technique, through images through the word. In the novel "Lithuanian Clavier" echoes Lithuanian past: Poem of Cr. Donelaitis, his poetry, the rich folk art - music, folklore, language, traditions and rituals. [9]

The theme of art, folk art, folk sounds as the embodiment of the rich spiritual world of the novel's author, his historical views and his worldview. Humanistic traditions, in the opinion of the writer, are living among the people; they do not die, helping to stand against those who goes against the natural way of life. History confirms this and for this Bobrovskij "immersed" in the era of Donelaitis (XVIII century), in the poem ("Seasons") Lithuanian folklore is regarded as an expression of national consciousness and ideals. Introduction of "lajma" and "ulajma", "Lauma" and "Patbelis" is personifying happiness and unhappiness in Lithuanian folklore, says that people over the centuries tolerate evil and enjoy good. The fact that text of the poem such frequently is used by Bobrovskij says that poetry of Donelaitis is an important part of the life of the people's soul, which gives the right to call the novel "Lithuanian Clavier" deeply national.

As conceived by the German writer, creative union of Professor Voigt, accompanist Gaven and Lithuanian teacher Poshka, inspired working on the creation of the opera "The singer of his people," continues the tradition of Lithuanian culture era of Cr. Donelaitis. Polyphony in the opera of Voigt, Gaven and Poshki is multicolor national life. Therefore, the novel's characters of Bobrovskij speak on dialects that are understood by all the nations - the Germans and the Poles, and Lithuanians. As well as singing, dancing, music, language which has no nationality.

Author of the novel creates an artistic image of a young Lithuanian based on historical Poshka, Dionizas Poshka, popular Samogitian (Lithuanian) cultural figure of beginning of the nineteenth century, who took over from Donelaitis. A teacher Poshka, collector of folk song and verbal folklore, lives in the village Vil'kishkaj, which is located just on the border between the dialectal Tilsit and Ragnit speak.

In the image of Poshka are collected biographical facts of the writer, life and career in something are common with the biography of Voigt. Thus, Poshka is a young Bobrovskij, Voigt is wised and experienced, with a large amount of knowledge and own philosophical principles, the mature poet and writer Johannes Bobrovskij. Voigt-Bobrovskij works on the opera traditions of folk art, where a scenario is reminiscent of the free, spontaneous popular idea: the peasants of the village Tol'minkemis, bride and groom, their parents, friends of the bride, musicians, Kuster Seligman, pastor Donelaitis, his wife Anna Regina; musicians play the violin and harp in the music that breaks the song girls etc.

For the "Seasons" is typical rich ethnographic-coloring. Folk customs and traditions are reflected in the scenes of harvest's celebration, home healing and others. Especially a lot of ethnographic details are in the peculiar description of rustic wedding, occupying most of the "good autumn" (III part of the Donelaitis' poem "The Seasons") [7].

National markedness is also shown in the style of clothing guests presented at a banquet.

"On a visit or to the banquet gathering: married are evidently seen –

Head-bands they are wearing and home-made shawls,

The heads of unmarried with bright wreath is decorated.

Peasant's wives do not think you of maidens' wreaths

Maidens, you do listen, don't fall for peasants wives' head-bands "

[7, C. 434].

But Bobrovskij is not limited only using introduction of rhymed song of Lithuanian elements, he gives a description of the Lithuanian national clothes "festive dresses of women, scarves and Lithuanian bonnets decorated with ribbons aprons" [8].

The examples above support the idea that the language picture of the world of a different language communities has much in common, universal, on the one hand, and national and cultural - on the other. The values stated in the language, add up to a unified system of beliefs, implicitly inherited in all lingual-cultural society [10].

So, as the analysis of factual material showed, language units operating in the text of studied work reflect national and cultural identity of the worldview of the Lithuanian people. Multicultural phenomenon of the 21st century leads to the need not only to acquire basic levels and categories of the language, but also by the kind of information given in the language that is dictated by the desire to avoid disharmony in communication of different cultures, which can manifested as socio-cultural imbalance, non-identical subjective world pictures or ideological conflict.

References.

1. Gilfanova D.A. Phraseological units expressing wedding ceremonies in English, Russian and Tatar

languages: paper of candidate of Philological Sciences: 10.02.20 / D.A. Gilfanova. – Kazan, 2013. – 146 p.

2. Derzhavin G. R. Collected works with explanatory notes by J. Grot / J. Grot –3d Volume. – AN Pub. House, 1864.
3. Maslova V.A. Lingual culture: Textbook for students of higher education institutes / V.A Maslova. – M.: Pub. House "Academy", 2001. – 208 p.
4. Gumbol'dt V. fon. Selected works on linguistics / Translation of G. V. Ramishvili. – M.: Progress, 1984. – 400 p.
5. Kornilov O. A. Linguistic world pictures as derivatives of national mentalities / O. A. Kornilov. – 2nd vol.– M.: CheRo, 2003. – 349 p.
6. Hajrullina R. H. Phraseological picture of the world: from the world view to outlook of the world: paper of candidate of Philological Sciences: 10.02.20 / R. H. Hajrullina. Ufa: Bashkir University, 2000. – 285 p.
7. Donelajtis Kr. Seasons (from the poem "Good autumn"). Date of handling 02.02.2015 www.lib.liim.ru/creations/d-108/d-108-08.html
8. Bobrovskij I. Selected / I. Bobrovskij. – M.: Young guard, 1971. – 436 p.
9. Gil'fanova G.T. Artistic interpretation of history in prose of "East Prussian" writer of loganess Bobrovskij (novel "The Levin's mill ", "Lithuanian Clavier") / G.T. Gil'fanova. Basic research. – 2013. – № 10-13. – P. 3007-3010. <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1298364>
10. Arsent'eva E.F. Comparative analysis of phraseological units expressing the character of a person, in English and Russian: paper of candidate of Philological Sciences: 10.02.20 / E.F. Arsent'eva. – Kazan, 1983. – 214 p.

АССОЦИАТИВНО СВЯЗАННЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА CURIOSITY

Григорова Людмила Эдуардовна

кандидат филол. наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Трушкова Любовь Олеговна

кандидат филол. наук, доцент, Братский государственный университет, г. Братск

Гуторова Полина Владимировна

кандидат филол. наук, доцент, Национальный исследовательский иркутский, государственный технический университет, г. Иркутск

ASSOCIATIONAL SUBSTANTIVE FEATURES OF CONCEPT CURIOSITY

Grigorova Ludmila, PhD in Philology, associate professor, Irkutsk State University Irkutsk

Trushkova Ljubov, PhD in Philology, associate professor, Bratsk State University, Bratsk

Gutorova Polina, PhD in Philology, associate professor, National Research Irkutsk State Technical University, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию употреблений языковых средств, вербализующих концепт CURIOSITY в речи (контексте). Привлечение контекстуального анализа позволило выделить и описать комплекс ассоциативно обусловленных содержательных характеристик изучаемого феномена.

ABSTRACT

The present paper deals with the study of performance of linguistic means which verbalize concept CURIOSITY in speech (context). Contextual analysis made it possible to distinguish and describe the complex of associational substantive features of the concept under investigation.

Ключевые слова: концепт; содержательные характеристики; контекстуальный анализ; любопытство.
Keywords: concept; substantive features; contextual analysis; curiosity.

Целостное моделирование концепта наряду с рядом анализов репрезентантов (дефиниционным, этимологическим, паремиологическим) подразумевает также проведение контекстуального анализа, то есть выявление ассоциативно связанных смысловых признаков исследуемого концепта [3, с.111]. Ряд проведенных исследований доказывает целесообразность и продуктивность применения контекстуального анализа при моделировании концептов, ядром которых являются чувства и эмоции человека [2], [4], [5]. Так, анализ словарных дефиниций не исчерпывает содержание лингвистического анализа концепта CURIOSITY. Исследование контекстуальных употреблений его вербализаторов позволило выявить ассоциативно связанные содержательные характеристики.

1. Анализ сочетаемости лексических единиц *curiosity*, *curious* с прилагательными *little*, *some*, *mild*, *stronger*, *strongest*, *increasing*, *attentive*, *deep*, *great*, *irresistible*, *burning*, *pent-up*, с наречиями *slightly*, *less*, *rather*, *more*, *very* позволило выделить содержательную характеристику «интенсивность»: *Ann looked slightly curious* [15, с.262]; *I caught her handing me out a look of deep curiosity as she passed through the door* [7].
2. Характеристика «внезапность» выявлена на основе анализа текстовых словоупотреблений *curiosity*: *<...> unable to resist the impulse of curiosity, she raised her eyes to his face, she as often found him looking at Jane as at herself, and frequently on no object but the ground* [6]. Данная характеристика подтверждается наличием лексической единицы *impulse*, в дефиниции которой присутствует признак внезапности: *a sudden strong feeling that you must do something* (внезапное сильное чувство, что нужно что-то сделать) [13, с.721].
3. Содержательная характеристика «праздность» является из сочетаемости лексической единицы *curiosity* с прилагательными *idle*, *needless*. Лексическая единица *idle* имеет следующее определение: *without a good reason or real purpose* (без определенной цели) [13, с.710], аналогичное значение имеет и слово *needless*. *Curiosity*, таким образом, определяется как желание узнать что-либо без определенной цели (*wanting to know something for no specific reason*): *It was only from idle curiosity that she opened the book* [там же].
4. К содержательным характеристикам, отражающим негативное отношение носителей языка к стремлению проявлять интерес к чужим делам, относится «назойливость». Данная характеристика на языковом уровне выявляется из атрибутивной сочетаемости лексической единицы *curiosity* с прилагательными *impertinent* (наглый), *persistent* (настойчивый), *obtrusive* (назойливый): *Nosy implies impertinent curiosity like to that of an animal using its nose to examine or probe* [19]; *He had turned his face aside and was gazing with rather an obtrusive curiosity at the old-fashioned room* [10].
5. Содержательная характеристика «негативная ответная реакция» представлена не только в лексиче-

ской семантике глагола *pry*, но и на синтагматическом уровне в сочетании лексической единицы *curiosity* с глаголами *annoy*, *irritate* (раздражать): *Why do some people find curiosity irritating?* [18].

6. Любопытство / любознательность является природной и обязательной потребностью, присущей природе человека на протяжении всей жизни: *Curiosity is common to human beings at all ages from infancy to old age* [17]. Содержательная характеристика «естественная потребность» выделена на основе сочетания лексической единицы *curiosity* с лексическими единицами и словосочетаниями, обозначающими естественные потребности человека: *Curiosity is defined as a need, thirst or desire for knowledge* [8].
7. Содержательная характеристика «ценность / антиценность» выявлена на основе анализа контекстуального функционирования лексической единицы *curiosity*. В одних контекстах «желание знать» выступает ценностью: *Curiosity is the most important human characteristic for intellectual growth and solving the problems in the world. <...> Curiosity is our primary tool for becoming more intelligent, creative and improving our problem-solving ability. Curious people also lead the happiest and most fulfilling lives, and are rarely bored or depressed* [12]. Данная характеристика подтверждается сочетаемостью *curiosity* с суперлативной степенью прилагательных *important*, *happy* и *fulfilling*, с прилагательным *primary*, а также словосочетаниями *human characteristic*, *ability*, *lives*. На наличие антиценностного компонента указывают примеры текстовых употреблений репрезентанта исследуемого концепта *inquisitive*: *Avoid inquisitive persons, for they are sure to be gossips, their ears are open to hear, but they will not keep what is entrusted to them* [9].

Любопытство / любознательность проявляется на физиологическом уровне, что получило языковое закрепление в сочетаниях, обозначающих невербальные средства выражения любопытства / любознательности, среди которых особо показательным является выражение глаз: *staring business*, *look / watch / gaze / stare curiously / interrogatively / searchingly quizzically*; *eyeballing*; *flash somebody's eyes*, *widen (big) eyes*, *narrow eyes*, *stretch eyes*, *have (keep) an eye on somebody*, *catch somebody's eye* etc. Мимика, движение лицевых мышц интерпретируются со стороны как признаки любопытства: *a contorted face*, *to raise one's quizzical eyebrow* [13], [14], [16]. Следующий пример иллюстрирует факт отражения «желания знать» на лице человека: *They attacked him in various ways with barefaced questions* [6]. Словосочетанием *barefaced questions* манифестируется неприкрытое стремление получить некие сведения. В другом примере на лица персонажа не наблюдается ни удивления, ни любопытства: *No surprise showed in his face, not even curiosity* [11]. На лице также отражается то, что человек обладает неким знанием, представляющим интерес для других людей: *Dutchy's face beamed mischievously. He pretended knowledge of Dennin's absence, and affected a mysterious air, while they clamored for information. Edith, after a peep*

into the men's bunk-room, returned to the table [11]. В приведенном примере ехидная улыбка на лице персонажа интерпретируется наблюдателем как сокрытие информации, даже если это только притворство, о чем говорит лексическая единица *pretend*.

Таким образом, анализ контекстуального употребления языковых репрезентантов показал, что содержание концепта *CURIOSITY* наряду с основными смысловыми признаками, выявленными на основе дефиниционного анализа [1, с.92], формируют контекстно обусловленные характеристики: «интенсивность», «внезапность», «праздность», «назойливость», «негативная ответная реакция», «естественная потребность» и «ценность / антиценность». В языке представлены также невербальные средства выражения любопытства / любознательности.

Список литературы

1. Григорова Л.Э. Лексикографический портрет концепта *CURIOSITY* // Стратегии и тренды развития науки в современных условиях. – Уфа: НИЦ «НИКА», 2015. – С 89-93.
2. Калинина В. В. Эмоционально-этический концепт *SHAME* и его когнитивно-дискурсивный потенциал: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2009. – 166 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 390 с.
4. Сайко О. А. Эмоциональный концепт *JOY* и способы его объективации в художественном и религиозном дискурсах (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2007. – 173 с.
5. Трушкова Л.О. Эмоциональный концепт *Sadness*: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2010. – 170 с.
6. Austen J. *Pride and Prejudice* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.modernlib.ru/books/austen_jane/pride_and_prejudice (дата обращения - 13.07.2011).
7. Christie P. *The Secret Adversary* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.online-literature.com/agatha_christie/secret_adversary/1/(дата обращения - 27.03.2012).
8. Edelman S. *Curiosity and Exploration* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.csun.edu/~vcpsy00h/students/explore.htm> (дата обращения - 07.04.2013).
9. *Finest Quotes* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.finestquotes.com/author_quotes-author-John%20Ruskin%201819-page-0.htm (дата обращения - 22.05.2010).
10. Green A.K. *The Forsaken Inn* [Электронный ресурс]. – URL: http://ebooks.adelaide.edu.au/g/green/anna_katharine/forsaken_inn/chapter3.html (дата обращения - 02.08.2012).
11. London – London J. *Love of Life and Other Stories. Chapters 1, 2 – Love Of Life* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.literature.org/authors/london-jack/love-of-life/chapter-01.html> (дата обращения - 20.09.2009).
12. Mann Ch. *To live life well means keeping curiosity alive* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.informzoo.com/cat/5/358> (дата обращения - 07.04.2013).
13. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / ed. by the Reference and Electronic Media Division of Bloomsbury Publishing Plc.* – London: Macmillan Bloomsbury Publishing Plc., 2006. – 1692 p.
14. *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by Robert A. Dutch.* – London: Penguin Books, 1966. – 722 p.
15. Slyke H.V. *The Heart Listens.* – London: New English Library Ltd., 1979. – 573p.
16. *The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary on Historical Principles: in 12 vol. – Vol. III, V.* – Oxford: Clarendon Press, 1933.
17. *Wikipedia, free Encyclopedia* [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения - 09.06.2009).
18. *Wikianswers* – [Электронный ресурс]. – URL: http://wiki.answers.com/Q/Why_do_some_people_find_curiosity_irritating (дата обращения - 22.02.2012).
19. *Yahoodic* – [Электронный ресурс]. – URL: <http://education.yahoo.com/reference/dictionary/entry/curious> (14.04.2009).

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОЛОГИЯ (К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕТОДОЛОГИИ)

Исхаков Рафаиль Лутфуллович

кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати, Уральского федерального университета, город Екатеринбург

JOURNALISM AS APPLIED PHILOLOGY (ABOUT THE PROBLEMS OF METHODOLOGY)

АННОТАЦИЯ

Текстопорождающая социальная практика журналистов рассматривается в приложении филологии. Автор рассматривает методологию исследования журналистики как прикладной филологии.

Ключевые слова. Журналистика, прикладная филология, компаративистика, семиотика, психолингвистика, герменевтика, дискурс, контент-анализ,

ABSTRACT

The social practice of journalists is considered in the application of philology. The author discusses the research methodology of journalism as applied philology.

Key words. Journalism; applied philology; comparative linguistics; semiotics; psycholinguistics; hermeneutics; discourse; content analysis.

Впервые о прикладной филологии как научной проблеме мы заявили 26 апреля 2013 года на Всероссийской научной Интернет-конференции «Вопросы развития филологии и литературы в России и мире» в Казани [2, 31-36]. В русском языке слово «прикладной» имеет смысл: «такой, который имеет практическое значение, применение, который может найти приложение на практике» [8, 502]. В практическом словоупотреблении широко используются понятия «прикладные знания», «прикладная механика», «прикладное искусство». Термин «прикладная наука» В. И. Далем определяется как «приложенная к делу, опытная, практическая часть», в противоположность науке «отвлеченной, умозрительной, абстрактной» [1, 3: с. 418].

Современный этап развития общества квалифицируется как переходный от информационного к коммуникационному (или как информационно-коммуникационный, а иногда – как коммуникационный). В работах Вальтера Беньямина, Рейнхарта Козеллека, Корнелиуса Касториадиса раскрываются основные черты духа современности [14; 15; 16]. Главное в них - обращенность взгляда человека в настоящее, которое ответственно за ожидания и надежды предыдущих поколений и в то же время за будущность, которая никогда не состоится, если в современности человек не сумеет найти развязки для многих и многих проблем.

Отмеченные процессы с неизбежностью влекут изменения в высшем профессиональном образовании, в т.ч. и связанные с болонскими договоренностями [11, с. 9-10]. По нашему мнению, прикладная филология стала актуальной в начале XXI века; в научное знание она пришла из педагогических практик. К примеру, в 2011 году разработана программа профиля «Прикладная филология» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете [5]. Примерная основная образовательная программа (ООП) по направлению подготовки «Филология» представлена на сайте Совета по филологии (<http://www.philol.msu.ru/~umo/>). Проблема введения учебной дисциплины «Прикладная филология» обсуждалась на заседаниях Президиума Совета по филологии и на Пленуме Совета по филологии в г. Перми 23-26 сентября 2003 г. [6]. Уже есть представление о теории коммуникации как филологической дисциплине [12].

Прикладная филология есть закономерный этап интеграции филологических наук, в частности тех ее составляющих, которые традиционно квалифицируются как прикладная лингвистика и прикладное литературоведение. Прикладная филология («приложения филологии») может быть охарактеризована как направление в филологии, занимающееся исследованием «подведомственных» ей объектов во имя решения конкретных практических задач в различных областях языковой, литературной, информационно-коммуникационной жизни человека и общества, использования естественного языка и текстов в различных сферах коммуникации, обеспечивающее разработку принципов, методов, технологий решения практических задач в филологии [10].

Надо также упомянуть те отрасли современной гуманитарной науки и практики, которые заняли в филологии отдельную позицию или «отпочковались» от филологии. Речь идет о, к примеру, журналистике, рекламоведении; связи с общественностью и др.

Журналистика (от фр. *journaliste*, из фр. *journal*, от лат. *diurnalis*, *diurnale* - «ежедневное известие, весть»; слово по образованию русское) - понятие, имеющее очень широкое семантическое наполнение. В самом широком смысле это понятие, которое объединяет в себе профессиональную деятельность людей, которые занимаются сбором, интерпретацией и распространением интересной широкому кругу людей, т.е. социально-значимой информации. Подготовленная в результате этой деятельности информация передается по различным коммуникативным каналам: пресса, телевидение, радио и Интернет.

Физики и философы расходятся в главной характеристике цивилизации наступившей эры. Но и те, и другие соглашались, что в XX веке «информационно-несущей компонентой оценки современной цивилизации стал сам человек». Исходя из этого, очевидно, и можно прийти к выводу о том, что XX столетие было веком «осуществленного гуманизма» [3, с. 143]. Такое определение требует одной существенной оговорки. Как пишут физики В. Нечаев и А. Дарьин, «базовым фактором, определяющим уровень, качество и характеристику цивилизации, стал непосредственно человек» [4, с. 11], а не абстрактный гуманизм. Человеческая включенность делает современное общество «мягкой системой», Мягкая система – это система, которая способна адаптироваться к условиям внешней среды, сохраняя при этом свои характерные особенности. Любое печатное или устное общение является мягкой системой, в которой коммуникация играет существенную роль.

Журналистика - актуализация мировоззрения социальных групп средствами подбора фактов, оценок и комментариев, которые злободневны и значительны в данное время. Логика развития меняет и запросы практики; порождает новые системы коммуникации, массовой информации, культуры, управления и др.; приводит к усилению значимости разделения наук на теоретическую и прикладную области.

Объект и предмет прикладной филологии. Чтобы редуцировать объект и предмет прикладной филологии, надо иметь в виду то, что со времен В. И. Даля идут научные споры о разграничении предметов филологической науки. В его словаре филология (греч. *любословие*) представлена как наука или изучение древних, мертвых языков [1, т. 4, с. 534], в то время как изучение живых языков – лингвистика [1, т. 2, с. 252].

Мы же исходим из понимания филологии (от др.-греч. *любовь к слову*) как совокупности наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве [2, с. 33]. Поэтому мы считаем журналистику народов мира, которую мы называем этнической, типичным репрезентантом прикладной филологии. Журналистику народов мира представляем как объект прикладной филологии; предметом же прикладной науки является этническая информация. Мы различаем два уровня хранения информации с участием языка. Во-первых, информация хранится в самом языке, т.е. в семантических системах словаря и грамматики (ее называем условно «библиотекой значений»); во-вторых, при помощи языка – в речи, т.е. устных и письменных сообщениях, созданных на языке (это «библиотека текстов»). Таким образом, предметом прикладной филологии, в числе других, могут быть и «библиотека значений», и «библиотека текстов».

Методы прикладной филологии. Программы разработанных в 2000 году в Московском государственном университете курса «Язык средств массовой информации» называют и методы изучения нарративов [7]. Назовем их:

Компаративистика (от лат. *comparativus* - сравнительный) известна в современных науках как 1) сравнительное литературоведение, то есть, изучение литературных аналогий (стилей, сюжетов и т. п.) и связей разных национальных литератур; 2) сравнительно-историческое языкознание, то есть, установление соответствий между родственными языками с целью воссоздания их более древних вариантов; 3) философская компаративистика, то есть, сравнительный анализ философских традиций, школ, учений, систем, категориального аппарата и отдельных понятий.

Семиотический анализ сосредоточивает внимание на моделирующей роли художественного языка в процессе познания мира, а также на способности литературного текста быть не только передатчиком, но и генератором художественной информации.

Психолингвистический анализ. Психолингвистика - дисциплина, которая находится на стыке психологии и лингвистики. Изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания. Возникла в 1953 году. Одной из ключевых теорий в истории психолингвистики стала гипотеза Сепира-Уорфа (гипотеза лингвистической относительности). Именно благодаря активному интересу Б. Л. Уорфа к взаимоотношению языка и мышления этот вопрос стал активно подниматься и изучаться в научном мире.

Метод лингвистической прагматики - научный метод, «рассматривающей функционирование языковых знаков в речевой коммуникации во взаимосвязи с интерактивностью её субъектов, их интенциями, реакциями, самой ситуацией общения» [13, с. 3].

Герменевтика (др.-греч. ἑρμηνευτική - «искусство толкования», от ἑρμηνεύω - «толкую») понимается как искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе текстов классической древности. В философии XX века появилось направление, которое выросло на основе теории интерпретации литературных текстов. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, которая представляет собой совокупность основополагающих текстов.

Дискурс как метод познания (от лат. *Discursus* - рассуждение, довод, аргумент) - рассудочный, логический метод, противоположный интуитивному, чувственному.

Метод изучения текстов средств массовой информации. Термином «контент-анализ» обозначается методика выявления частоты появления в тексте определенных, интересующих исследователя характеристик, которая позволяет ему делать некоторые выводы относительно намерений создателя этого текста или возможных реакций адресата. Анализ содержания, как много лет доказывает Л. Н. Федотова, представляет собой научно-социологический метод изучения средств массовой информации [9], который мы можем экстраполировать на всю прикладную филологию.

Список литературы

1. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1999.
2. Исхаков Р. Л. Этническая журналистика как прикладная филология // Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции. [Текст]: Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием: материалы конф. (Казань, 26 апреля 2013 г.) / Сервис виртуальных конференций Рах Grid; сост. Синяев Д.Н. – Казань: ИП Синяев Д.Н., 2013. С. 31-36.
3. Назаретян Л. От будущего к прошлому // Общественные науки и современность. 2000.
4. Нечаев В. В., Дарьин А. В. Эволюция цивилизаций. М., 2000.
5. Основная образовательная программа. Профиль «Прикладная филология»: [электронный ресурс] – URL http://download.pstgu.ru/DATACENTER/DIR_FILES/DIR_ZIP/Docum/OOP-bakalavr-ff-priklad.pdf (дата обращения 23.02. 2015)
6. Основы филологии: Программа учебной дисциплины (составитель проф. А.А. Чувакин) // Информационный бюллетень Совета по филологии. Пермь, 2004. № 7. С. 11-14.: [электронный ресурс] URL <http://www.philol.msu.ru/~umo/index.php/content=content&raz=Архив&type=4> (дата обращения 23.02. 2015).
7. Программа курсов по специализации «Язык средств массовой информации»: [электронный ресурс]: URL - http://www.philol.msu.ru/data/programs/_jazyk_smi.pdf (дата обращение 23.02. 2015)
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3/ Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
9. Федотова Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой информации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Научный мир, 2001. – 214 с.
10. Чувакин А. А. Примерная основная образовательная программа «Прикладная филология»: [электронный ресурс] - URL www.asu.ru/files/documents/00001720.pdf (дата обращения 23. 02. 2015)
11. Чувакин А. А. Филология и коммуникативистика: вступительное слово председателя программного комитета конференции // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. – Барнаул, 2005. С. 9-10.
12. Чувакин А. А., Чернышева И. Ю., Качествова И. Ю., Кощей Л. А., Пагнченко Н. В. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина: программа и ее возможные интерпретация // Филология и человек. 2009. № 1.
13. Штыкова Н. В. Лингвопрагматический аспект городской газеты (на материале газеты «Речь» г. Череповца Вологодской области). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Череповец, 2011. – 21 с.
14. Castoriadis C. *The Imaginary Institution of Society*. Cambridge; Oxford, 1987.
15. Koselleck R. «Neuzeit» // *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Cambridge, 1985;
16. Benjamin W. *Theses of the Philosophy of History* // *Illuminations*. New York, 1969.

ШИРОКОЗНАЧНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ПЕРЕДАЧА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В РОМАНЕ АГАТЫ КРИСТИ “CROOKED HOUSE”

Касымбекова Анара Адилбековна

Магистрант, Московский Государственный Областной Университет, г. Москва

WIDE-VALUE VOCABULARY AND ITS TRANSLATION BY AGATHA CHRISTIE'S NOVEL "CROOKED HOUSE" FROM ENGLISH TO RUSSIAN LANGUAGE

Kasymbekova Anara Adilbekovna, Master of Science, of Moscow State Regional University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются неоднозначность языковых единиц, находящая свое выражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность. Цель статьи – выявить различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Предметом исследования являются приемы передачи широкозначной лексики. Большое внимание уделено распределению элементарных единиц смысла («семантических компонентов») по отдельным словам, словосочетаниям и предложениям текста, что определяется многочисленными и сложными факторами и, как правило, не совпадает в исходном тексте и в переводном тексте.

ABSTRACT

The paper presents a foundation for the study of ambiguity linguistic units, that finds expression in a variety of forms, one of which is wide-value. The aim of this paper is to produce various translation transformation to the translation as closely as possible to transmit all the information contained in the original text, subject to the relevant rules of target language. The subject of this study is translation techniques of wide-value vocabulary. Great attention is paid to the distribution of the elementary units of meaning ("semantic components") for specific words, phrases, and sentences of the text is determined by multiple and complex factors and, as a rule, does not coincide the text in the original language and in the target language.

Ключевые слова: широкозначность, лексикография, переводоведение, семантическая эквивалентность, генерализация, синкретизм, транслитерация, транскрипция, исходный язык, переводящий язык.

Keywords: wide-value, lexicography, translation studies, semantic equivalence, generalization, syncretism, transliteration, transcription, original language, target language.

Одним из важных свойств слов любого языка является их неоднозначность. Действительно, очень многие слова обладают более чем одним лексическим значением, характеризуются полиреферентной отнесенностью, либо выполняют более чем одну синтаксическую функцию.

Неоднозначность – это двусторонняя единица языка, представляющая собой единство плана содержания и плана выражения. Она является результатом развития языка, показ его богатства, гибкости и образности. Больше всего, обусловлена особенностью нашего мышления, отраженной в обобщающем характере слов, их способностью соотноситься не только с единичными предметами, но и с классами явлений, выделяемых по разным критериям. «Продолжительная история и опосредованная связь с проблемой многочисленных исследований в области теории и практики перевода тем не менее, оставляют сущность коммуникативного феномена перевода неоднозначной, неполностью раскрытой» [13].

Неоднозначность языковых единиц – исключительно многоаспектное явление, находящее свое выражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность.

Основные аспекты явления широкозначности представляют собой важную задачу общего языкознания, а также являются предметом практического интереса в лексикографии и переводоведении. Термином «широкозначность» принято обозначать наличие у слова одного, предельно обобщенного значения, которое конкретизируется в каждом случае в силу того, что слово относится или к предмету, или к явлению, или к процессу, или

к результатам какой-либо деятельности. Это предполагает наличие бесконечного множества ситуативных вариантов употребления слова, реализуемых в речи за счет сужения обозначаемого им понятия. Таким образом, своеобразная семантическая природа этих слов позволяет им служить наименованиями совершенно разнотипных и разнопорядковых предметов мысли, лишенных какой-либо связи между собой.

Следует отметить, что вопросы широкозначности в последнее время были необоснованно обойдены вниманием исследователей. П.Ньюмарк выделяет широкозначную лексику как особо трудную переводческую проблему, к которой он постоянно обращается и предлагает конкретные принципы ее решения. Так, проблема широкозначной лексики заключается в том, что она неоднородна, с одной стороны, и, с другой стороны, как правило, имеет огромный список словарных и возможных контекстуальных иноязычных соответствий, выбрать из которых наиболее приемлемый вариант часто бывает не просто.

В настоящей статье предметом исследования является широкозначная лексика в романе Агаты Кристи «Crooked House». Это детективный роман, который был написан 1949 году и выпущен на русском языке под названиями «Кривой домишко», «Нелепый домишко», «Смертельное лекарство», «Печальный кипарис», «Скрюченное домишко», «Убийство в кривом доме».

Рассмотрим пример широкозначной лексики:

Yet I know that as far as I was concerned, and I believed as far as Sophia was concerned too, our feeling for each other grew and strengthened.

В русском переводе передано так:

1) Однако я был уверен, что наше чувство выросло

и окрепло. И надеялся, что София думает так же (пер. В. Матюшина).

Одно сложное предложение в переводе В. Матюшина передано с двумя сложными предложениями.

2) Но тем не менее я знал, что наши чувства друг к другу стали сильнее и глубже за время разлуки (пер. Н.Емельяникова).

Второй пример показывает, что переводчик передает содержание подлинника на русский язык, сохраняя синтаксическую и семантическую близость оригиналу.

«Целью перевода является передача <...> всех значимых для данного вида коммуникации компонентов информации» [11. с. 336].

Следует иметь в виду, что для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего переводимого текста (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода. Распределение элементарных единиц смысла («семантических компонентов») по отдельным словам, словосочетаниям и предложениям данного текста определяется многочисленными и сложными факторами и, как правило, не совпадает в тексте на ИЯ и в тексте на ПЯ.

Приведем пример.

The time crept by with madding slowness.

В русском переводе передано так:

1) Время до встречи тянулось невыносимо медленно (пер. В. Матюшина).

На первый взгляд русский текст кажется не вполне эквивалентным английскому: в нем встречаются такие слова как *до*, *встреча*, *тянулось*, *невыносимо* которых нет прямых соответствий в тексте подлинника. На самом же деле семантическая эквивалентность здесь налицо, хотя словесной эквивалентности, конечно, нет. Дело в том, что русские слова *до* и *тянулось* передают здесь значения, которые в английском языке не выражены словами, а грамматическими формами противопоставление предлогов *by* и *with* показывает время, котором в русском языке выражается лексически. Слова же *встреча*, *невыносимо* передают смысловую информацию, которая также содержится в исходном английском тексте, но не в данном предложении, а в одном из предшествующих предложений (*The thought of meeting Sophia again made me both nervous and excited*). Семантическая эквивалентность здесь обеспечивается не между отдельными словами и даже не между отдельными предложениями, а между всем текстом на ИЯ и всем текстом на ПЯ в целом.

2) Время еле ползло (пер. Н.Емельяникова).

«Межъязыковое иное видение заключается в том, что при описании предметной ситуации затребованы не все семы, и для перевода одного и того же слова в словосочетании могут участвовать языковые единицы с разным значением» [15, с. 43].

Данная проведенная работа представляет собой попытку проникновения в сущность явления широкозначной лексики в переводе романа Агаты Кристи «*Crooked House*» с английского языка на русский язык. Вышеизложенные примеры ограничивают основные критерии следующими: предельная обобщенность значения, синкретизм, относительно высокая частотность употреблений, семантическая генерализация, которая по мнению некоторых исследователей, уже становится достаточным основанием для отнесения субстантивных лексем к ряду

широкозначных. Семантическое значение широкозначных единиц побуждает нас обратиться к их функционированию речи, поскольку отношения между значением и функцией лексической единицы существует в виде внутренней имманентной связи. Поэтому, «... чтобы знать значение слова, мы должны определить место данного слова в языке. Причина в уникальном свойстве языка, из-за которого сущностное и функциональное слиты воедино» [2. 87 с.].

При переводе слов широкой семантики и словосочетаний в ними неопытный переводчик может допустить большое количество ошибок и неточностей. В связи с этим необходимо не только знать особенности перевода этой лексики, но и обладать культурологическим запасом, чтобы максимально адекватно перевести их с сохранением коммуникативной задачи, которую они выполняют в оригинальном тексте.

Список литературы

1. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985.
2. Друзина Н.В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания: дис. на соис. степени д-ра филол. наук. Саратов 2005. 160 с.
3. Жирова И.Г. Эмоциональный интеллект языковой личности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2011. №2. С. 47–53.
4. Ившин В.Д. Перевод как источник сравнительных выражений в современном русском языке (на материале переводов с французского) // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород: Изд-во НГУ, 2014. №77. С. 110-111.
5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
6. Коржова С.В. Теория перевода: учеб. Пособие для студентов дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» очной формы обучения. Тюмень, 2007.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. Москва, Воениздат, 1980.
8. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.
9. Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков: учебник / под ред. проф. Л.Л. Нелюбина / Л.Л. Нелюбин, С.А. Бухтиярова, Л.Г. Гаркуша, И.Н. Филиппова. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 204 с.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
11. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
12. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. Москва, Издательство литературы на иностранном языке, 1959.
13. Филиппова И.Н. Трансцендентальный характер перевода // Современные проблемы науки и

- образования. М.: Изд-во РАЕ, 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/116-12025> (дата обращения: 11.02.14).
14. Филиппова И.Н. В поисках новой парадигмы перевода // Язык и культура: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. д. филол. н., проф. С.Г. Проскурина. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 131–135.
15. Ярцев Ю.А. Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе технических текстов с русского языка на английский. Диверсификация приемов перевода. Таблицы и примеры. - Спб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 300.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ФРИША «ХОМО ФАБЕР»)

Кац Александра Семеновна

учитель английского языка, Муниципальное автономное образовательное учреждение, «Средняя общеобразовательная школа №39 с углубленным изучением английского языка», г. Казань

CATEGORY OF CASE IN GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES: COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON THE WORK OF MAX FRISH "HOMO FABER")

Kats Alexandra Semenovna, Teacher of the English language, Municipal autonomous educational organization, "Secondary comprehensive school №39 with profound English studies", Kazan

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается категория падежа в немецком и английском языках в сопоставительном плане. Сравнительный анализ падежных систем в современном немецком и английском языках проведен на материале произведения М. Фриша Хомо Фабер. Выявлены общие и отличительные характеристики падежных систем двух сравниваемых языков. Описаны способы выражения грамматических отношений существительного в исследуемых языках. Определена частность употребления падежей в обоих языках.

ABSTRACT

The presented article is devoted to the problem of the comparative analysis of the category of case in German and English languages. The comparative analysis of the case systems in modern German and English languages is conducted on the work of Max Frish "Homo Faber". The common and distinctive features of the case systems of the compared languages are investigated. Ways of expressing grammatical relations of the noun in the studied languages are described. The frequency of the use of cases in both languages is identified.

Ключевые слова: падеж; категория падежа; прямой падеж; косвенный падеж; частотность употребления падежей; падежная система.

Keywords: case; category of case; direct case; objective case; frequency of the case use; case system.

В немецком языке все имена существительные склоняются по падежам. Всего таких падежа четыре: именительный (Nominativ), родительный (Genitiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ). [1, с. 85]

Рассмотрим их функционирование на следующих примерах из произведения М. Фриша Хомо Фабер.

Nominativ: Die Böen ließen nach. – Болтанка прекратилась. [9, с. 8]

Kein Deutscher wünsche Wiederbewaffnung. – Ни один немец не желает ремилитаризации. [9, с. 9]

Genetiv: Man erkannte die Wasserzweige des Mississippi. – Я смог разглядеть разветвленные рукава Миссисипи. [9, с. 8]

Dativ: ... ich sagte es meinem Düsseldorfer – bloß um zu reden. – ... сказал я своему дюссельдорфцу, чтобы что-нибудь сказать. [9, с. 18]

Akkusativ: Ich nahm meinen elektrischen Rasierapparat aus der Mappe, um mich zu rasieren. – Потом я достал из портфеля электрическую бритву, чтобы побриться. [9, с. 9]

Категория падежа в английском языке представляет собой серьезную лингвистическую проблему. [3, с. 63] Мнения лингвистов расходятся, во-первых, по поводу

самого существования категории падежа в современном английском языке, а во-вторых, по поводу того, сколько падежных форм существительного можно выделить в английском языке, если признать, что категория падежа существует. Основные разногласия связаны с грамматическим статусом формы «существительное + апостроф + -s

Решение проблемы категории падежа в английском языке может быть сформулировано на основе критического пересмотра и соединения двух теорий – «теории ограниченного падежа» и «теории притяжательного постпозитива». [3, с. 68]

В современном английском языке развилась новая, особая категория падежа: она реализуется через парадигматическое противопоставление немаркированной формы «исходного», или «общего» падежа и маркированной формы единственного «косвенного» падежа – генетива, образуемого с помощью притяжательной постпозитивной частицы. Необходимо признать существование двух типов генетива: словесного генетива (основной тип) и фразового, группового генетива (неосновной тип). [3, с. 72]

В исследуемом нами материале мы встречаем оба типа. Например:

of-phrase:

We could make out the tributaries of the Mississippi, though only through mist like trickles of molten brass or bronze. – Мы могли бы взять дань у Миссисипи у тумана, который как бы струился латунию и бронзой. [10, с. 5]

I waited and waited the four crosses of the propellers remained absolutely still. – Я ждал и ждал, но 4 винта пропеллеров оставались беззвучными. [10, с. 10]

-‘s:

It was a woman’s voice. – Это был голос женщины. [10, с. 10]

Картина выражения грамматических отношений существительного в сравниваемых языках сложна и различна, хотя и имеет ряд общих черт:

1) наличие прямого падежа: именительного в немецком и общего в английском языке и косвенных падежей: родительного, дательного, винительного в немецком и притяжательного в английском языке, что позволяет говорить о существовании парадигмы падежей в сопоставляемых языках;

2) сходство значений и употреблений отдельных падежей: а) именительного в немецком и общего в английском языке и б) родительного в немецком и притяжательного в английском языке

Как правило, и в немецком, и в английском языке существительное в прямом падеже занимает первое место в предложении.

Например:

- нем. Die Plantage, die seine Firma auszubauen hoffte, lag allerdings, wie mir schien, am Ende der Welt. [9, с. 15]
- англ. The plantation, his firm hoped to develop lay, it seemed at the end of the world. – Земли, на которых его фирма предполагала разбить плантации, лежали, как мне показалось, на краю света. [10, с. 11]

Объектные, обстоятельственные и определительные отношения могут быть выражены косвенным падежом имени существительного без предлога или же сочетанием косвенного падежа и предлога.

Обстоятельственные отношения:

- нем. Man von Palenque (Staatsgebiet von Mexico) mit einem Jeep ohne weiteres hinkommt. [9, с. 15]
- англ. From Palenque (territory of Mexico) you could get to it by jeep without trouble. – Из Паленке (Мексика) можно легко проехать на джипе. [10, с. 11]

Объектные отношения:

- нем. Sogar ein Nash, behauptete er, wäre schon durch diesen Dschungel gefahren. [9, с. 15]
- англ. Even a Nash, he asserted, has been driven through this jungle. – Даже "наш", уверял он, однажды проехал по этим дорогам. [10, с. 11]

Определительные отношения:

- нем. Alles nur eine Maßnahme der Vorsicht ... [9, с. 17]
- англ. The life-jackets were just a precaution [10, с. 13] – Все это лишь мера предосторожности
- В немецком языке обычно родительный род выполняет функцию притяжательного падежа в английском языке: показать принадлежность чего-либо/ кого-либо к чему-либо/ кому-либо.
- нем. Es interessierte mich, insofern ich ja auch mit der Nutzbarmachung unterentwickelter Gebiete beschäftigt bin. [9, с. 15]
- англ. It interested me inasmuch as I, too, was concerned with the exploitation of underdeveloped areas. – Мне все это было интересно, поскольку я тоже занимаюсь вопросами освоения экономически отсталых районов. [10, с. 11] Однако сходство ряда значений отнюдь не следует понимать, как тождественность значения и употребления отдельных падежей.

Таблица 1

Сравнительная характеристика соответствия падежей существительного в немецком и английском языках

	Ед. число без предлога	Ед. число с предлогом	Мн. число без предлога	Мн. число с предлогом
Nom.	1316	0	221	0
Gen.	109	30	17	15
Dat.	19	995	6	202
Akk.	641	338	179	82

Падеж	Ед. число без предлога	Ед. число с предлогом	Мн. число без предлога	Мн. число с предлогом
Common Case	2024	1452	530	392
Possessive Case	42	164	0	74
Double Possessive Case	0	5	0	5

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. Наиболее частотными по употреблению является общий беспредложный падеж в английском языке (Common Case) и именительный падеж немецкого языка (Nominativ).
2. Наиболее редко употребляются в современном английском и немецком языках беспредложный притяжательный падеж (Possessive Case) и беспредложный родительный падеж (Genetiv). Чаще всего он заменяется соответствующими «конкурентными» предложными конструкциями.

3. Беспредложный дательный падеж в немецком языке является весьма редким языковым явлением. Однако, по степени своего употребления, дательный предложный падеж немецкого языка (Dativ) занимает вторую позицию. Употребление беспредложного дательного с местоимением и существительным можно проследить на следующих примерах:

Ich folgte ihr, meine überflüssigen Depeschen in der Hand, mit allerlei Ausreden, die nicht interessierten, hinaus zu unserer Super-Constellation [9, с. 14] – Я шел за ней,

держа в руке уже ненужные телеграммы, и бормотал невнятные объяснения, которые никого не интересовали.

... ich sagte es meinem Düsseldorfer – bloß um zu reden [9, с. 18] – ... сказал я своему дюссельдорфцу, чтобы что-нибудь сказать.

К числу общих черт в падежных системах немецкого и английского языков мы относим:

1. наличие прямого падежа – именительного в немецком и общего в английском языке – и косвенных падежей: родительного, дательного, винительного в немецком и притяжательного в английском языке, что позволяет говорить о существовании парадигмы падежей в сопоставляемых языках;
2. сходство значений и употреблений отдельных падежей: а) именительного в немецком и общего в английском языке и б) родительного в немецком и притяжательного в английском языке.

Главное отличие падежных систем сопоставляемых языков состоит в том, что английскому языку соответствует большее количество значений благодаря другим средствам выражения падежа: порядок слов в предложении, использование предлогов и послелогов, а также численному различию количества падежей относительно немецкого языка.

Литература

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. – М, 2001.
2. Аракин В.Д. История английского языка. Учебное пособие. – 2-е изд. – М: ФИЗМАЛИТ, 2001.
3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1994.
4. Верба Л.Г. Грамматика английского языка. Справочник. – Киев: ИП Логос-М, 2007.
5. Вопросы теории и практики перевода: Сборник материалов Всероссийского семинара. – Пенза, 2002.
6. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Учебное пособие. – СПб.: Союз, 2000.
7. Качалова К.Н. Израилевич, Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. – М.: ЮНВЕС, 2002.
8. Расторгуева Т.А. История английского языка: Учебник. – М.: АСТ, 2003.
9. Frisch, M. Homo Faber. – München: Suhrkamp taschenbuch, 1991.
10. Frish, M. Translated from German by Michael Bullock. Homo Faber. – U.S.A.: Library of Congress Cataloging – in Publication Data, 1987.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ТЕКСТ КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Коновалова Татьяна Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, г. Екатеринбург

ARCHITECTURAL TEXT AS AKTUALISATION OF POLYVARIABILITY INTERPRETATIVE REALITY

Konovalova Tatiana, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, The Ural State Architectural Academy of Arts, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В тексте говорится о поливариантности интерпретации в ситуации архитектурной коммуникации. Цель статьи — рассмотреть модели архитектурных текстов с точки зрения исследовательских подходов: архитектурного, семиотического и лингвистического. Используются работы исследователей по архитектуре, семиотике, когнитивной лингвистике.

ABSTRACT

This article describes polyvariability of interpretation in the situation of architectural communication. The purpose of the article — to consider the architectural models of the text from the point of view of research approaches: architectural, cognitive linguistic and semiotic. Use is made of studies from architecture, semiotic and cognitive linguistic.

Ключевые слова: знак; архитектурный текст; модель ситуации; интерпретация; психосоциальные факторы; поливариантность.

Keywords: sign; architectural text; model of situation; interpretation; psychosocial factors; polyvariability.

Опора на положения Ч. Пирса о том, что познание реализуемо посредством знаков, и что мысль обретает знаковую форму только тогда, когда она адресуется «некоему сознанию», дает основания полагать, что архитектурный объект – это текст, – сложный, гетерогенный знак, посредством которого осуществляется трансляция актуальных для социума смыслов [6, с.538]. Если исходить из положения Ч. Пирса о том, что знаковая форма является отражением когнитивных структур, то можно считать интерпретацию архитектурного текста единственно возможным путем к познанию индивидуального сознания его продуцента. С другой стороны, поскольку мысль никогда

полностью не совпадает со знаковой формой ее выражения, постольку и понимание знаков «предполагает момент процессуальности, приближения к содержанию, фиксированному с помощью знака», как подчеркивает В. А. Пищальникова [5, с.144]. Для Ч. Пирса количество порождаемых знаком интерпретаций стремится к бесконечности, так как он «обращен к кому-то, т.е. порождает в сознании этого лица эквивалентный знак или более развитый знак», который выступает интерпретантом первого знака [6, с.228]. На наш взгляд, решение проблемы интерпретации текста возможно лишь в рамках широкого кон-

текста, включающего рассмотрение соотношения реальности и архитектурного текста. Архитектурный текст всегда соотносится с действительностью – внешней (объективной) или внутренней (воображаемой), и именно на этом стыке возникает вопрос об адекватности (объективности) репрезентации реальности в архитектурном тексте. Вслед за В. А. Пищальниковой, мы полагаем, что индивид интерпретирует какой-либо факт действительности в соответствии с ассоциативно-апперцепционным содержанием своего сознания, вследствие чего в нем возникают объективно-субъективные психические образования [5, с.140]. Объективность этих психических образований обусловлена идентичными у разных индивидов механизмами присвоения реальности, заключающимися в отображении ее субстанциональных параметров. Субъективность же психических образований предопределена ментально-когнитивной и психофизиологической спецификой мотивов познавательной деятельности индивида [5, с.140].

Основой интерпретации архитектурного текста является модель ситуации, то есть «вся информация для адекватного понимания текста – дискурс и его контекст, знание языка, знание мира, знание установок, представлений, оценок автора, а также мнения, этические, эстетические и эмоциональные оценки реципиента, привлекаемые в процессе интерпретации» [1, с.22]. Например, истории архитектуры, описывая ситуацию строительства первых американских небоскребов, отмечают, что среди явлений, характерных для XIX века, но оказавших большое влияние на архитектуру XX века, был американский протофункционализм, представителем которого была так называемая «Чикагская школа» архитекторов. В ее русле рождалась рационалистическая эстетика, исследующая не внутреннюю гармонию архитектурной формы, а ее внешнюю обусловленность. Скульптор-классицист Х. Грину (1805-1852) утверждал необходимость соответствия формы здания его функциональному типу. На фоне декоративности и стремления к роскоши в архитектуре тех лет такая прагматичность воспринималась как дерзкое новаторство, проникнутое духом демократизма, отмечает В. А. Иконников [3, с.85]. Луис Салливан (1856-1924), идеолог «Чикагской школы», развил мысли Грину в своей философии архитектуры. Он предложил принцип, которому придавал универсальное значение. «Будь то орел в стремительном полете, яблоня в цвету, ломовая лошадь, везущая груз, журчащий ручей, плывущие в небе облака и над всем этим вечное движение солнца – всюду и всегда форма следует за функцией» [3, с.21]. Соотнося архитектурную форму с функцией, он имел в виду выражение в форме всего многообразия проявления жизни. Все это исходило от популярной в то время дарвиновской теории эволюции и от идей американских романтиков. «Салливан по сути дела ставил перед архитектурой утопическую задачу – дать толчок преобразованию общества в направлении к демократии и гуманизму» [3, с.86]. Архитектурным воплощением его идей стали американские небоскребы, строительство которых было основано на технических достижениях (Бейард билдинг в Нью-Йорке (1895), здание «Карлсон, Пири, Скотт» в Чикаго (1899-1904) и др. Постепенно небоскреб превратился в знак престижа, стал обязательной частью того, что Льюис Мамфорд называл «инсценировкой мирового города», и символом Америки

в глазах неамериканцев, как пишет А. В. Иконников. Последующая разработка здания превратила в реальность метафору «здание, зацепляющее небо» [3, с.87].

В контексте сказанного интерпретация архитектурного текста понимается нами как деятельность по созданию ментальных репрезентаций в процессе восприятия гетерогенных авербально-вербальных комплексов с целью извлечения и осмысления текстовой информации о реальности на основе интересов, ожиданий, убеждений и знаний реципиента о мире. В этом отношении интерпретация, например, художественного текста имеет ряд отличий. Модификация картины мира в сознании реципиента посредством художественного текста осуществляется, главным образом, в плане изменения моральных, этических, эстетических элементов его когнитивных структур. Полимодальный, полисемиотический архитектурный текст является продуктом реструктурирования определённого фрагмента действительности несколькими продуцентами. Вследствие неисчерпаемого многообразия мира, специфики протекания ментальных процессов у человека и механизмов их вербализации, следует сказать о неизбежной поливариантности интерпретации архитектурного текста. Здесь вновь уместно остановиться на селективном характере человеческого восприятия как на мыслительной универсалии, реализация которой на вербальном уровне воплощается в текстопорождающую деятельность, изоморфную мыслительной деятельности и, следовательно, характеризуемую аналогичным свойством селективности. Указанное явление непосредственно связано со спецификой протекания ментальных процессов у человека и выражается в ограничении на объемы поступающей и перерабатываемой его мозгом информации в единицу времени. Реальность репрезентируется в архитектурном тексте путем ее моделирования. Каждый архитектурный текст, представляя собой некую модель социальной ситуации, соотносится с конкретным фрагментом реальности. Одновременно сам факт выбора определенной модели для репрезентации конкретной социальной ситуации означает соотношение ее с системой общественно выработанных эталонов оценки данного класса ситуаций [2, с.75-76]. Следовательно, в архитектурном тексте моделируется не только само событие, но и его оценка. Например, «Чикагская школа» архитекторов в выше приведенном примере моделируемой ситуации связывала оценку своих архитектурных сооружений с необходимостью изменения общества в целом.

Большую роль играют и психосоциальные факторы. Психосоциальные факторы рассматриваются как опосредующее звено между социальной структурой общества, его системой ценностей и закономерностями построения текста. Не случайно А. В. Пименов, например, выдвигает принцип психосоциальной детерминированности речевой коммуникации, который служит основой выбора вариантов форм выражения существенно сходного содержания [4, с.14]. Модель фрагмента реальности включает в ту или иную модель взаимоотношений между индивидами, индивидами и социумом и пр. Из множества параметров ситуации продуцент отбирает и с помощью языковых средств упорядочивает лишь те, которые, как он полагает, дают ему возможность максимально эффективно и в требуемом объеме модифицировать картину мира индивида. Иными словами, реальность репрезентируется упорядоченно, через модели социальных ситуаций. При этом продуцент архитектурного текста имеет известную

свободу выбора как самих моделей репрезентации реальности, так и установления связей между ними. Кроме того, в силу специфики протекания ментальных процессов индивид имеет возможность активно оперировать ими, изменяя в репрезентациях что-либо по своему усмотрению. В применении к архитектуре, например, меняется стиль, применяются новые технологии и т.д. Потенциал поливариантной интерпретации реальности заложен не только в возможности выбора самой модели репрезентации ситуации, но и отдельных элементов этой модели, без которых невозможно формирование смыслов, и которые могут быть названы обязательными или универсальными для архитектурного текста. Это тот комплекс обязательной, рамочной информации, без которой восприятие архитектурного текста теряет для реципиента всякий смысл. К универсальным параметрам информационно-коммуникативных процессов традиционно относят субъект, объект, действие, его время, место и характер протекания. Универсальные параметры обеспечивают адекватность извлечения текстовых смыслов индивидом.

Факторы, обуславливающие неизбежность поливариантной интерпретации реальности, детерминируются и существенными атрибутами самой реальности, и спецификой как ее ментального, так и вербального моделирования. Существует потенциальная многовариантность модельных и языковых репрезентаций одного и того же события. Иными словами, в основе поливариантности интерпретации реальности лежит возможность и необходимость осуществления выбора различных способов моде-

лирования действительности, так как в условиях конкретного коммуникативного акта моделирование в архитектурном тексте всей совокупности аспектов события неосуществимо. В каждом отдельном случае целями коммуникации определяется необходимый и достаточный набор параметров для репрезентации события.

Список литературы

1. Городников М. Д. Когнитивное моделирование при интерпретации художественного текста // Сб. науч. Трудов. Тверь, 1991. - С. 22.
2. Ермолаев Б. А. Об определении текста и понимании природы коммуникативной интенции // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации М., 1975., С. 75-76
3. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. издание в двух томах том II / Под ред. А. Д. Кудрявцевой. М. Прогресс-традиция, 2002 – С. 47, 48, 21, 85, 86, 87–672.
4. Пименов А. В. О предмете функциональной стилистики с позиций теории речевой деятельности // Психолингвистические и социолингвистические детерминанты речи. М., 1978. С. 14.
5. Пищальникова В. А., Лукашевич Е. В. Когнитивизм как новая методология семантических исследований // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. - С. 84., 144, 140
6. Pierce Ch.S. Collected Papers of Ch.S. Pierce. Cambridge (Mass.). 1960, vol. 1, p. 538, 228,

СИТУАЦИОННОЕ КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ГРУППОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Котельникова Евгения Владимировна

кандидат филол. Наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

SITUATIONAL COGNITIVE MODELLING OF SYNTHETIC GROUP COMMUNICATION

Kotelnikova Evgenia Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является когнитивное моделирование и оптимизация ситуационной структуры синтетической коммуникации, актуализируемой групповым дискурсом с учетом речемыслительной и экстралингвистической деятельности. На основе методов когнитивной лингвистики, психолингвистики и линейного программирования получено решение задачи распределения субъектов общения по группам тематических синтетических коммуникаций с учетом соответствующих тематикам собственных атрибутов коммуникативных актов субъектов.

ABSTRACT

The article deals with cognitive modeling and optimization of situational structure of the synthetic group communication actualized by a group discourse with taking into account speech-thinking and extralinguistic activity. On the basis of methods of cognitive linguistics, psycholinguistics and linear programming the effective solution of a problem of subjects' communication distribution into groups of thematic synthetic communications which takes into account own attributes of communication acts of subjects is received.

Ключевые слова: синтетическая коммуникация; групповой дискурс; коммуникационный акт; оптимизация; когнитивная лингвистика.

Keywords: synthetic communication; group discourse; communication act; optimization; cognitive linguistics.

Возрастание в современном обществе роли коммуникаций повышает значение поддерживающих их различных видов групповых дискурсов - динамических процессов речемыслительной и экстралингвистической деятель-

ности, рассматриваемых в социальном контексте, позволяющих адекватно понять и описать различные сферы и условия коммуникации. В условиях групповой коммуникации [2; 5] в ряде ситуаций множество общающихся ин-

дивидуумов должно быть разделено на группы коммуникантов (КТ). Групповой дискурс (ГД) в значительной степени независим от единичного индивидуума. В процессе своего развертывания в соответствии с ситуацией дискурс имеет определённые особенности, обусловленные функциональной спецификой коммуникации, неоднородностью знаний и психотипов субъектов коммуникации [6; 3]. Коммуникативная ситуация выстраивает каналы передачи информации, и прежде всего диалоговые речевые взаимодействия конкретных КТ, как главные, но далеко не единственные средства общения, определяемые не только социально-культурными нормами общения, но и контекстной моделью и заданностью стратегии дискурса.

Для постановки задачи оптимизации ситуаций ГД (СГД) необходим определенный понятийный аппарат, в котором термины и основные понятия когнитивной модели содержат достаточно строгий неметафорический смысл. В этом аспекте ГД рассматривается как процесс, протекающий на уровнях структур распределений коммуникативных актов (КА) субъектов группы, где КА является минимальной единицей синтетического взаимодействия КТ. Так как в процессе исследования семантики дискурса при описании речи приходится выходить за пределы предложения в качестве ее единицы целесообразно использовать речевой акт (РА) [7; 4] – минимальную единицу речевой деятельности, учитывающую коммуникативные намерения, психологию и поведение КТ. Макроструктура КА представляет собой протекающие во времени ментальные (МА), речевые (РА) и экстралингвистические (ЭА) акты коммуникантов, ориентированные на тех или иных КТ, непосредственно объективирующие развитие и интерпретацию тематического контента.

В когнитивном аспекте [8] коммуникация представлена дискурсивной передачей смыслов, а МА, РА и ЭА служат каналами передачи смысла. РА по содержанию и времени длительности отражает сугубо индивидуальную сторону как устной, так и письменной речемыслительной деятельности. КТ с разными уровнями знаний и компетенций, личными психотипами имеют неодинаковые длительности КА и их составляющих и для интерпретации каждой темы в процессе общения требуют определенного нечеткого множества МА, РА (устных или письменных) и ЭА дискурса. Поскольку КТ участвуют в группе для достижения определенных целей общения, ГД должен иметь не только определённый объем, но и представлять условия оптимизации сети различных интеракций в исходном множестве КТ, взаимодействующих друг с другом в условиях неоднородности коммуникации как единомышленники или как оппоненты.

Время актов должно быть достаточным для передачи и осмысления элементов ГД и его контекста. Время является существенным фактором и условием актуализации ГД и требует разумной ограниченности объемов средств коммуникации. Длительность служит одним из атрибутов КА и его составляющих и влияет на результативность и эффективность коммуникаций. Используем понятие собственных длительностей КА, МА, РА и ЭА как наименьших длительностей максимально насыщенных смыслом актов данного КТ. Такие длительности, определяемые эмпирически или прогностически в качестве атрибутов, позволяют учесть антропоидный фактор общения субъектов с более высоким уровнем знаний, компетенций

и креативности имеют, как правило, меньшие СД коммуникативных актов (СДКА).

ГД подразумевает динамическое перераспределение КА среди КТ, обусловленное групповой неоднородностью речемыслительной и экстралингвистической деятельности, связанной с когнитивными и психофизиологическими факторами субъектов общения. Особенности СГД коммуникантов находят свое отражение в виде образования в нем групп КТ, имеющих определенные СДКА в зависимости от соотношения компетентностных, речемыслительных и экстралингвистических характеристик.

При наличии цели дискурс часто самоорганизуется случайным образом преодолевая при этом барьеры коммуникации, в то время как рациональное построение макроструктуры СГД позволяет в значительной степени избежать такого рода недостатков за счет применения эффективной стратегии проектирования. Процедура конструирования обеспечивает возможность планирования и оптимизации СГД на основе критерия выбора ее из множества допустимых вариантов (альтернатив). Одной из таких задач становится рациональное привязывания определённого числа КТ из общего множества к некоторым группам КТ в зависимости от СДКА. Результатом оптимизации является частная структура коммуникации, определяемая характеристиками участников общения, рационально сочетающаяся последние в реальной ситуации общения на основе количественных значений атрибутов речемыслительной деятельности. Структуризация группового общения по особенностям КА субъектов образует каркас, рамки для размещения семантических элементов ГД.

Целью общения в ГД, как правило, является обеспечение максимальных информационных потоков и их осмысление в течение наименьшего времени. В аспекте оптимизации СГД рассматриваются две задачи: минимизация и максимизация времени дискурса. Применение теории РА к продуцированию реальных дискурсов демонстрируют ограниченную множественность решений, создающих принципиальную возможность различных трактовок. Оптимизация динамики речевого взаимодействия с применением методов компьютерных технологий предоставляет возможность определить минимальное и максимальное время протекания дискурса с соответствующими распределениями количеств КТ по группам. При обеспечении заданного времени ГД определяются количества КА, МА, РА и ЭА каждого из КТ в ГД и соответствующие им длительности. ГД предстает в множественности реализаций общения, обозначается эксплицитно, вполне отчетливо проступают его контуры, возникает карта-схема СГД, задающая общее поле частных коммуникационных структур. Результатом продуцирования является выбор определённой альтернативы – общей оптимальной структуры СГД, рационального использования возможностей ИТ в соответствующей коммуникативной ситуации, подкрепленной количественным анализом атрибутов речемыслительной деятельности.

Актуализация ГД в коммуникационной среде протекает в условиях разнородности общих знаний и разных уровней профессиональных или специальных компетенций и психотипов КТ. Когнитивная матрица участников общения содержит в ячейках значения СДКА t_{ij} , соответствующих i -х групп для j -х КТ. Структурная реализация дискурса оценивается в соответствии с функцией критерия оптимальности - общего времени СДКА: $X = \sum_1^N \prod_1^M t_{ij} x_{ij}$,

где - M количество КТ, N - число КТ в группе. В качестве критерия оптимизации рассматривается наименьшая или наибольшая собственная длительность КА группового дискурса (соответственно, $X \rightarrow \min$ и $X \rightarrow \max$). В математическом аспекте оптимизация и прогнозирование дискурса сводится к задаче линейного программирования [1].

На основе предложенного подхода рассмотрена задача поиска оптимальной структуры СГД в аспекте минимизации или максимизации его времени в реальных условиях групповой коммуникации, что соответствует задаче оптимального распределения КТ по группам тематических коммуникаций в пространствах ГД нескольких тематик, различающихся сложностью контента с учетом соответствующих этим тематикам СДКА коммуникантов. Оптимизация структуры СГД соответствует минимизации когнитивных усилий группы и временных ресурсов в случаях неблагоприятных ситуаций общения. Предполагается, что КТ имеют различные характеристики КА в различных групповых тематиках и СДКА (в секундах) назначаются на основании предыдущих наблюдений, опросов или экспертных оценок. Фактор ситуации учитывается в виде ограничений оптимизации на структуру КТ в группах общения. В каждой из трех изначально тематически обусловленных групп предполагается присутствие шести КТ.

Получено решение задачи моделирования оптимизированной ситуации группового дискурса восемнадцати КТ в трех группах (Таблица). В итоговой таблице распределений принадлежность КТ определенной группе соответствует значению единица. Минимальное время общей собственной длительности КА группового дискурса составляет 268 сек., максимальное случайно возможное – 390 сек. при соответствующих структурах распределений КТ в группах. В последнем случае моделируется самый неблагоприятный сценарий общения. Оптимизация дискурса дает возможность на 46 % снизить время общей СДКА по сравнению с самым неблагоприятным вариантом ситуации групповой коммуникации.

Компоновка групп КТ в определенных оптимизированных структурах на основе обобщенных формальных принципах проектирования снижает коммуникационные барьеры, облегчая постижение КТ общего смысла дискурса. Проектируемая с использованием оптимизированной модели ситуация общения множества коммуникантов имеет общую среднюю собственную длительность коммуникативного акта группового дискурса. В результате рассмотренная ситуация может быть сориентирована на различные интервалы времени, характерные для академических занятий, конференций и других форм образовательного общения, способствуя реализации целей и намерений различных групповых коммуникаций.

Таблица

Результаты оптимизации ситуаций дискурсивных тематических коммуникаций

Группы	Атрибуты коммуникативных актов субъектов исходного множества																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	15	25	20	30	8	10	15	25	20	30	8	30	8	10	15	25	20	8
2	5	20	25	25	10	10	5	20	25	25	10	25	10	10	5	20	25	10
3	20	20	35	30	10	20	20	20	35	30	10	30	10	20	20	20	35	10
	Распределение коммуникантов по группам при минимизации времени общения																	
1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	0
2	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0
3	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	1
	Распределение коммуникантов по группам для максимального времени общения																	
1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0
2	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
3	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0	1	0	0

Когнитивное моделирование устанавливает оптимальное распределение КТ в группах дискурса, следовательно, задает ситуации общения в минимизированном и максимизированном дискурсах. Дискурс исходного множества КТ вместе с распределением их оптимальным образом по группам расчленяется на частные ГД, соответствующие более согласованному общению КТ в рассматриваемой ситуации оптимально развертываемого дискурса с целью изменения «смысловых полей» коммуникантов, что позволяет обосновать рекомендации для прогностической структуризации ГД в целом. Постоптимальный анализ решения задачи определяет границы изменения исходных данных задачи (параметров целевой функции и использованных ограничений), при которых построенная структура СГД сохраняет оптимальность в измененных условиях. Если найденная структура не удовлетворяет условиям коммуникации, возможна оптимизация с при-

менением других параметров и ограничений для рассмотрения альтернативных вариантов построения различных по структуре СГД, оптимальных в определенных аспектах. Полученные комбинации параметров целесообразно сохранять в качестве сценариев при прогнозировании СГД в аналогичных ситуациях.

Таким образом, на основе использования категорий атрибутов речемыслительной и экстралингвистической деятельности субъектов общения с привлечением метода линейного программирования реализована когнитивная модель оптимизации ситуационной структуры синтетической групповой коммуникации с учетом знаний, компетенций и психотипов участников общения. Продукцируемые структуры групп общения отражают ситуативную привязанность группового дискурса к условиям общения и служат предпосылкой устранения барьеров коммуникации.

Список литературы

1. Гасс С. Линейное программирование. М.: Физико-математическая литература, 1961. 300 с.
2. Голуб О. Ю. Теория коммуникации. М.: Дашков и К°, 2012. 388 с.
3. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
4. Котельникова Е.В. Когнитивное аналитически-образное моделирование языковых конструкций речевых актов дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6. Ч. 2. С. 93-96.
5. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114-125.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДТК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 27.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад. 2010. 314 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КАК ЖАНРОВОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Кудинова Валентина Иосифовна

кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, г. Тула

BUSINESS CORRESPONDENCE AS PART OF THE OFFICIAL LANGUAGE AND ITS CHARACTERISTICS

Kudinova Valentina, Candidate of science, assistant professor, Tula state Lev Tolstoy pedagogical university, Tula

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению особенностей текстов деловой корреспонденции в свете межличностной коммуникации. Кроме того, был выделен ряд стереотипов текстов делового письма с коммуникативным намерением «побуждение к действию».

ABSTRACT

The article touches upon the problem of business correspondence peculiarities as the type of interpersonal communication. A variety of stereotypes with imperative meaning is described in this work.

Ключевые слова: деловая корреспонденция, межличностная коммуникация, стереотип, деловое письмо, побуждение к действию.

Key words: business correspondence, interpersonal communication, stereotype, business letter, imperative.

Среди подстилей официально-делового стиля выделяется подстиль деловой переписки, получающий конкретное воплощение в таких жанрах, как деловое письмо, телекс, деловая телеграмма.

Деловая корреспонденция, представляя официально-деловой стиль, в то же время является частью эпистолярной культуры. В лингвистической литературе нет устоявшегося определения этому явлению – в равной мере говорят о виде словесности/ пласте речи/ стиле/ жанре/ субкоде. Феномен деловой корреспонденции рассматривается как тип межличностной письменной коммуникации и является опосредованным диалогом, составляющим обмен текстами-репликами: деловыми бумагами документного, рекламного, производственного и частного характера [1, 74].

При этом можно считать деловое письмо наиболее распространенным, универсальным жанром деловой корреспонденции. Деловое письмо характеризуется определенными закономерностями в плане композиционных, лексико-грамматических особенностей, отличающих его, с одной стороны, от сходных жанров в рамках других функциональных стилей, а с другой стороны – от жанров иных подстилей официально-делового стиля речи (например, документации законодательной или дипломатической). Эти особенности, создающие определенные каче-

ства текста и называемые стилевыми чертами, реализуются в конкретном речевом произведении с помощью соответствующих языковых средств.

Деловое письмо – это документ, применяемый для связи, передачи информации на расстояние между двумя корреспондентами, которыми могут быть и юридические, и физические лица.

Деловое письмо предполагает обратную связь между адресантом и адресатом, без обратной связи не может быть осуществлен ни один акт официально-делового общения. Деловая коммуникация осуществляется в определенных социокультурных условиях, которые детерминируют положение коммуникантов в социуме и в бизнесе, что, в свою очередь, обуславливает тип текста деловой корреспонденции, т. е. тип коммуникации. Тексты деловой корреспонденции должны однозначно и конкретно пониматься партнерами. Окончательно оформленное деловое письмо служит для выполнения узкоспециальных целей, обмена информацией, и для расширения коммерческого сотрудничества между деловыми партнерами [2].

Общей прагматической целью автора является воздействие на адресата, а языковые средства, реализующие эту цель, формируют ту или иную коммуникативно-праг-

матическую функцию письма, которая и позволяет адресату интерпретировать деловое письмо - просьбу, требование, жалобу, извинение и т. п.

Существуют различные классификации деловых писем [3,78]. Согласно классификации, в основе которой лежит критерий «коммуникативно-прагматической функции письма», все письма делятся на шесть групп:

- письма, общей коммуникативной целью которых является сообщение о положении дел в действительности. В эту группу входят письма, коммуникативно-прагматической функцией которых является информирование (информационное письмо, письмо-подтверждение, письмо-удостоверение, сопроводительное письмо);
- письма, общей коммуникационной целью которых является изменение положения дел в действительности. В эту группу входят письма, коммуникативно-прагматической функцией которых является побуждение (письмо-запрос, письмо-просьба, письмо-заказ);
- письма, сочетающие в себе коммуникативно-прагматические функции информирования и побуждения (письмо-напоминание, письмо-требование, письмо-реклама, письмо-предложение, письмо-рекламация, письмо-жалоба, письмо с просьбой о принятии на работу);
- письма, общей коммуникативной целью которых является установление соответствия между сообщением и положением дел в действительности. В эту группу входят письма, коммуникативно-прагматической функцией которых является декларация (письмо о назначении на должность, письмо об уходе на пенсию, письмо об увольнении);
- письма, общей коммуникативной целью которых является выражение эмоционально-психологического состояния автора, вызванного положением дел в действительности. В эту группу входят письма, коммуникативно-прагматической функцией которых является экспрессивность (письмо-извинение, письмо-благодарность, письмо-соблазнение);
- письма, общей коммуникативной целью которых является выражение отношения автора к оказанному на него воздействию. В эту группу входят письма, коммуникативно-прагматической функцией которых является реагирование (письмо-согласие, письмо-отказ).

По функциональному признаку письма делятся на два вида: требующие и не требующие ответа. По аспектному содержанию они могут быть одноаспектными (с одной целью, например, напоминание, гарантия) и многоаспектными.

По структурным признакам переписка может быть регламентированной (стандартной), т. е. по определенному образцу, и нерегламентированной (нестандартной), т. е. отражающей исключительность, необычность данного производственного момента.

Деловое письмо должно располагать адресата к себе проявлением искренности. Общий тон письма, при всей его подчеркнутой официальности и деловитости, должен быть доброжелательным по отношению к адресату, что способствует установлению более прочного взаимопонимания между участниками переписки. Письмо

должно быть исполнено уважением к адресату: это и должная предупредительность по отношению к партнеру, и такт в общении с ним, и подчеркнутое понимание его интересов и проблем.

Все тексты деловой корреспонденции можно классифицировать по следующим коммуникативным намерениям: побуждение к действию, информирование, жалоба, отказ, согласие, уклонение от ответа, извинение.

В данной статье, используя корпус текстов, представляющий собой различные виды деловой корреспонденции на английском языке, отобранные из учебных и практических пособий по деловой переписке, например: Е. Е. Израилевич «Деловая корреспонденция на английском языке» [4], Э. М. Басс «Научная и деловая корреспонденция» [5], Ц. Д. Бидагаева «Деловое письмо на английском языке» [6], мы рассмотрели особенности текстов коммуникативного намерения «побуждение к действию».

При этом нами были выделены следующие стереотипы текстов делового письма с коммуникативным намерением «побуждение к действию»: письмо-просьба, письмо-запрос, письмо-заказ, письмо-приглашение, письмо-договоренность о встрече. В каждой из этих ситуаций возникает конкретный текст - ситуативный вариант делового письма определенного типа, в котором прослеживается общая схема реализации коммуникативного намерения «побуждение». Эта схема выглядит следующим образом:

1. выражение побуждения к совершению определенного действия: We request you to keep us informed, we should also be obliged if you would, we ask you to let us know;
2. обоснование побуждения: Referring to our yesterday's telephone conversation, we have general interest in;
3. завершение письма, содержащее предварительное выражение благодарности: we are looking forward to your prompt confirmation; we look forward to hearing from you soon.

Рассмотрим структурные особенности письма-просьбы:

1. изложение сути просьбы: I would be grateful if you could, I would appreciate it if you could, I would also like to know if it is possible;
2. аргументирование просьбы: we intend to buy ... / we are considering the purchase of, we would like to know more about,
3. выражение благодарности: We are looking forward to hearing from you soon, I look forward to your early reply.

Написание письма-запроса осуществляется по следующей схеме:

1. изложение сути запроса: we were told that you produce, could you please send us information about...?;
2. изложение необходимых объяснений или комментариев: We have a steady demand for, please send us your catalogue;
3. выражение благодарности: With best wishes (regards), I look forward to your early reply.

Письмо-заказ:

- 1) изложение сути заказа: may I approach you with a request, as requested by you, according to your request;
- 2) комментирование положений заказа: we would like to place the following order, we herewith order the following items, we require the goods urgently, we would be grateful if you could deliver as soon as possible;
- 3) выражение благодарности: we look forward to hearing from you.

Посылая письмо-заказ, пишущий побуждает партнера по переписке к целой серии разнообразных действий, целью которых является подписание контракта или другого документа, на основе которого осуществляется дальнейшее производственное взаимодействие партнеров.

Важным элементом содержания ответного письма является ссылка на полученную корреспонденцию. С нее начинается любой ответ. Автор может сослаться не только на письменные, но и на предыдущие устные контакты с адресатом (например, телефонный разговор или встречу). Ссылка может быть выражена в форме благодарности партнеру за проявленное внимание. Независимо от характера реакции пишущего ответное письмо содержит:

1. элемент ссылки (возможно в форме благодарности) на полученную корреспонденцию или предыдущий устный контакт. Данному пункту свойственны такие выражения, как: I was very pleased to receive your enquiry; we have received with pleasure your letter dated, I regret to inform you that;
2. выраженное отношение (позитивного, негативного и т.д.) пишущего к полученному стимулу: we greatly appreciate your invitation; I appreciate the quality of your service;
3. высказывания в связи с вопросами, поднятыми в полученной корреспонденции (в ходе устных контактов): we are willing to place an order; please, note that; besides we strongly believe that.

Перечисленные выше интенции делового письма материализуются с помощью различных средств языка. Прежде всего - это жесткая структура делового письма, которая, как правило, пишется по установленной форме. Наличие четких структурных компонентов и довольно ограниченный круг средств, наполняющих эти компоненты, позволяют создавать стандартные деловые письма - схемы, результатом чего является максимальная унификация текстов деловых писем, повышающая эффективность данной формы коммуникации для осуществления деловых операций.

Среди проанализированных писем можно выделить следующие компоненты, которые располагаются в определенной последовательности:

Внешняя структура и оформление делового письма - Заголовок письма

Дата - Внутренний адрес - Внешний адрес - Вступительное обращение

Текст письма - Заключительная формула вежливости - Блок подписи

Указание на приложение или рассылку копий

Характерной особенностью расположения компонентов структуры является их «блоковая подача». В среднем, каждое деловое письмо содержит 9 блоков. Часть из них появляется в тексте по мере необходимости. Поскольку каждый из упомянутых компонентов структуры делового письма несет весьма важную для корреспондентов информацию, которая дублируется другими компонентами, структура делового письма должна быть составлена с максимальным количеством возможных компонентов.

Таким образом, различные коммуникативно-прагматические намерения позволяют определить основной подход в изучении особенностей составления текстов коммерческих писем. При этом именно прагматические интенции по-разному влияют на структуру письма, а также определяют его лингвистическое наполнение.

Литература

1. Кудинова, В. И. Особенности жанров деловой корреспонденции // Альманах современной науки и образования – 2009 - № 2-2 - с. 74-76.
2. Чуковенков А. Ю., Янковая В. Ф. Правила оформления документов: Комментарий к ГОСТ Р 6.30—2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов». — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — 216 с
3. Кожина, М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина. - 2-е изд., испр. и доп. - М. Флинта: Наука, 2006. - 696 с.
4. Израилевич, Е.Е. Деловая корреспонденция на английском языке / Е.Е. Израилевич. - М.: ЮНВЕС, 2003. - 496 с.
5. Басс, Э.М. Научная и деловая корреспонденция. Английский язык / Э. М. Басс.- М.: Наука, 1991 – 176 с.
6. Бидагаева Ц.Д. Деловое письмо на английском языке / Ц.Д. Бидагаева. - Улан-Удэ: ВСГТУ, 2004. – 55 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Кузьмин Артем Александрович

Аспирант Воронежского Государственного Педагогического Университета, учитель английского языка МБОУ СОШ села Дмитрова Гора Конаковского района Тверской области

SEMANTIC PECULIARITIES OF THEMATIC GROUP «UNOFFICIAL TRADES» IN OLD ENGLISH PERIOD

Kuzmin Artem, Post-graduate student at Voronezh State University, English teacher at Dmitrova Gora settlement school of Konakovo district Tver region

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются семантические особенности тематической группы «нетрадиционные виды деятельности», входящей в состав лексико-семантического поля «наименование видов занятости» в древнеанглийский период. Автором проведены выборка лексических единиц и анализ значений слов, имеющих отношение необычным способам заработка. Аргументируется мысль о том, что наименования специфической занятости в древней Англии включают себя названия в области криминала и магии. Исследование позволяет получить системное представление о представителях нестандартных видов зарабатывания на жизнь в древнеанглийский период. Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о периоде Британии V-XI вв.

ABSTRACT

In the original article semantic peculiarities of the group «unofficial trades», that is a part of a lexical-semantic field «names of occupations» are investigated. The author made an attempt to choose and analyze meanings of the words concerning unusual ways of earning money. It is reported that criminals and magicians had detailed specialization. The paper gives valuable information about those whose regular source of livelihood was specific trade in ancient England. The author comes to conclusion that the data may be a source of extra information about Old English period in history.

Ключевые слова: лексика со значением «криминал», «магия», тематическая группа, классификация, древнеанглийский язык.

Keywords: words with the meaning «crime», «magic», thematic group, classification, Old English.

Тематическая группа «Нетрадиционные виды деятельности» включает наименования нетрадиционных видов деятельности, способов заработка и является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле «наименования видов деятельности» – 64 единицы, полученных в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов. Каждая лексема прошла проверку с целью уточнения значения и возможности отнесения ее тематической группе «нетрадиционные способы заработка». Лексические единицы, называющие криминальных элементов или адептов магии, были проверены по электронному словарю перевода древнеанглийской лексики на современный английский язык и наоборот [3], по этимологическому словарю [4], Англо-саксонскому словарю Ботсворта-Толлера [2] и двуязычным англо-русским словарям [1].

В тематической группе «Особые виды деятельности, обеспечивающие средства существования» можно выделить следующие тематические подгруппы:

1. криминальные виды деятельности и осуждаемые обществом,
2. деятельность, связанная с магией,

Подгруппа «Криминальные виды деятельности и осуждаемые обществом» оказалась чрезвычайно многочисленной и богатой синонимами. Древнеанглийский язык удивительно богат наименованиями криминальных видов деятельности, и особенно связанную с разбоем и воровством. Одной из наиболее многочисленных и семантически дифференцированных является тематическая подгруппа «Robbers, thieves» («Разбойники, воры»),

Наибольшее количество лексем обнаруживает синонимический ряд со значением «разбойник», «грабитель» – 8 лексем: *beeacere*, *féondsceaða*, *hlóðere*, *mórsceaða*, *renþeóf*, *scéacere*, *þeófsceaða*, *þeófsœajja*.

Кроме того, в данной тематической группе можно выделить еще два ряда синонимов:

- 1) *robber*, *spoiler*, *plunderer*: *réafigend*, *rípere*, *gýpere*, *hergend*, *spoiler* (разбойник, грабитель, расхититель);
- 2) *robber*, *spoiler*: *strúðend*, *strúðere*, *bereáflgend*, *woruldstrúðere* (расхититель, разбойник).

Многочисленные лексемы древнеанглийского языка рассказывают о видах грабежа, некоторых видах наказания, воровской иерархии, способах грабежа.

regnþeóf – downright thief, an arch-thief (отъявленный вор, вор в законе),

áhýðend – robber, extortioner (грабитель, разбойник, вымогатель),

beréafigend – despoiler, robber (расхититель, грабитель),

dolsceaða – destroyer, a foolish or rash robber (разрушитель, безрассудный, неосторожный, глупый грабитель, разбойник),

grípend – seizer, robber (похититель, захватчик, разбойник),

réaferre – reaver, robber, plunderer, spoiler (похититель, разбойник, грабитель),

sætere – one that lies in wait, one that waylays, waylayer, a robber (подстерегающий на дороге, сидящий в засаде разбойник),

sceaða – one who does harm, injurious person, a criminal wretch, miscreant, an enemy, a spoiler, robber, thief, assassin (разбойник, преступник, вор, убийца),

þeófmann – robber, brigand, bandit (грабитель, разбойник, бандит),

ahíðend – a robber, an extortioner (вымогатель, грабитель),

eriatius – spanish robber (испанский грабитель)

hloperre – a robber, spoiler, prædator.

lyftsceaða – the robber of the air exon.

mórsceað – a bandit, a robber who takes refuge (бандит, скрывающийся в убежище),

réaferre – a reaver, robber, spoiler (грабитель, разбойник),

Лексем со значением «вор» в древнеанглийском языке значительно меньше, чем со значением «разбойник». Словарь дает нам информацию о жестоком наказании за воровство в древней Англии: законы о наказании за воровство были очень суровые. Любимый человек старше 12, пойманный на воровстве собственности стоимостью выше восьми пенсов, приговаривался к смертной казни. Высшая мера наказания не всегда приводилась в исполнение, но при повторных случаях освобождения от наказания не было. Человек, пойманный вора публично, награждался.

þeóf – criminal, thief, robber (The laws which affected a thief himself were very severe. Anyone above the age of 12 who was caught stealing property above the value of eight pence was liable to capital punishment. The extreme penalty

was not in all cases exacted but in case of repeated conviction there was to be no remission. He who struck down a thief in public was rewarded.) [4]

Древнеанглийские названия рассказывают нам о таком виде воровства, как похищение пчел: *beoþeof* – a thief or stealer of bees (похититель пчел), о лесных разбойниках *wealdgenga* – robber, thief, и о таком виде наказания, как «вергельд», а также воре, которому присудили вергельд: *wergildþeof* – thief who might be redeemed by payment of his 'wergild' (вор, который может искупить свою вину через «вергельд») или который уже его заплатил: *wergildþef* – a thief whose wergild was paid as a punishment (вор, чей «вергельд» был уплачен в качестве наказания).

wergild (*were'gild*) – 1. money paid to the relatives of a murder victim in compensation for loss and to prevent a blood feud. 2. the amount of money fixed as compensation for the murder or disablement of a person, computed on the basis of rank. Pronunciation: [wûr'geld, wer'-],

Другой тематической подгруппой в разделе «Криминальные виды деятельности и осуждаемые обществом» является подгруппа “Prostitute” («Проститутки»). Дефиниция словаря содержит указание на то, что женщина занимается распутством ради денег. Это послужило основанием того, чтобы включить данную лексику в лексико-семантическое поле «наименования видов деятельности».

whore - a woman who engages in promiscuous sexual intercourse, usually for money; prostitute; harlot; strumpet.

prostitute - a woman who engages in sexual intercourse for money [verb] sell one's body; exchange sex for money [5]

Кроме того, интернациональная поговорка “Prostitute is the oldest profession on Earth” (Проститутка – древнейшая профессия на земле) также позволяет отнести этот способ зарабатывания денег к исследуемой ЛСП.

Древнеанглийский язык оказался богат на наименования женщин легкого поведения, занимающихся проституцией – 12 лексем.

swene – woman, female, serf quean, prostitute (женщина. крепостная проститутка, распутница),

forleges, forlegis – prostitute, adulteress (прелюбодейка, неверная жена)

forlegnis, forligerwif, myltestre – prostitute (проститутка),

portcwéne – prostitute, harlot, woman of the town (проститутка, шлюха)

scrætte – adulteress, prostitute, harlot (любовница, проститутка, шлюха),

beræcestre, hóre - whore (проститутка),

hórcwene – whore, adulteress (проститутка, распутница),

spennystre – a bawd (проститутка).

К данной же тематической подгруппе можно отнести сутенёров, которые именованы в древнеанглийском языке 3 лексемами:

forspennend, wêmere, wifþegn – procurer (сводник, сутенер).

Мы посчитали возможным отнести к криминальным способам получения денег и соответствующей сферы деятельности пиратство.

Pirate – 1. a person who robs or commits illegal violence at sea or on the shores of the sea.

2. any plunderer, predator, etc.: confidence men, slumlords, and other pirates. viking 1. any of the Scandinavian pirates who plundered the coasts of Europe from the 8th to 10th centuries. 3. a sea-roving bandit; pirate.

Тематическая подгруппа “Pirates” («Пираты») представлена 5 лексемами.

lidmann – seafarer, sailor, pirate (мореплавател, моряк, пират),

liðsmann – seafarer, pirate (мореплавател, пират), *s'ælidra* – seafarer, sailor, mariner, pirate (мореплавател, моряк, мореход, пират),

s'ærinc – seaman, pirate, viking (моряк, пират, викинг),

scegðmann – sailor, pirate, viking (моряк, пират, викинг),

Одной из весьма распространенных и лексически представленных является деятельность, связанная с магией, волшебством, колдовством и пр.

Тематическая подгруппа “Magicians, wizards, soothsayers” «Маги, колдуны, волшебники» весьма многочисленна – 7 лексем, если учесть специфику их деятельности:

scinncræftiga – sorcerer (маг, колдун, волшебник, знахарь, кудесник),

scinnere – magician (волшебник),

tunglere – astrologer (астролог, звездочет),

tungolwitega – star prophet, astrologer (звездочет, астролог),

tungol-cræftiga – magician, astrologer (маг, астролог),

unlybwyrrhta – worker with spells or poisons, wizard (колдун, работающий с чарами и ядами, маг),

wicca – wizard, magician, soothsayer, astrologer, wicca (волшебник, маг, колдун, владеющий заговорами, астролог).

Такое количество единиц, называющих деятельность, связанную с колдовством и волшебством, свидетельствует о её востребованности. Следует отметить, что лексема *steorscæwere* со значением «астроном, астролог» была отнесена нами к тематической подгруппе “Scholars” «Ученые». В значении «астролог» она могла бы пополнить тематическую подгруппу «Маги, колдуны, волшебники».

Таким образом, тематическая подгруппа «Нетрадиционные виды деятельности» оказалась весьма многочисленной – 64 единицы, что свидетельствует о распространенности явлений, связанных с преступной деятельностью: воровство, грабеж, пиратство, распутство, сутенерство, а также ворожба, колдовство, магия.

Литература

1. Яндекс. Перевод [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 22.02.2015).
2. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/> (дата обращения: 22.02.2015).
3. Old English Translator [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldenglishtranslator.co.uk/> (дата обращения: 22.02.2015).
4. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php/> (дата обращения: 22.02.2015).
5. Word Meanings [Электронный ресурс]. URL: <http://wordmeanings.org/> (дата обращения: 22.02.2015)

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ Г.В. АДАМОВИЧА

Леонтьева Анна Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент, Северо-Казахстанский государственный университет,
имени Манаша Козыбаева, город Петропавловск, Республика Казахстан

LERMONTOV'S TEXT IN POETRY OF G.V. ADAMOVICH

Anna Yrjevna Leontieva, candidate of philological sciences, associate professor, Manash Kozybayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Цель статьи «Лермонтовский текст в поэзии Г.В. Адамовича» - проанализировать особенности функционирования традиций М.Ю. Лермонтова в лирике младоакмеиста. Тема исследования обуславливает выбор историко-генетического метода анализа художественного произведения. Результатом становится аргументированное заключение об исторической обусловленности появления лермонтовского текста в творчестве поэта-младоакмеиста. В итоге делается вывод о полемической природе интертекстуальных связей лирики М.Ю. Лермонтова и Г.В. Адамовича.

ABSTRACT

The purpose of the article "Lermontov's text in poetry of G.V. Adamovich" is to analyze the peculiarities of traditions of M.U. Lermontov in the lyrics of mladoakmeists. Research topic determines the choice of historical-genetic method of this analysis of the artwork. The result is a reasoned conclusion about the historical implications of appearance of Lermontov's text in the poet-mladoakmeists' work. As a result, it is concluded that intertextual connections of lyrics of M.U. Lermontov and G.V. Adamovich has polemical nature.

Ключевые слова: акмеизм; интертекстуальная связь; прецедентный текст.

Keywords: acmeism; intertextual connections; precedential text.

...только один он и взял эти ноты
ни с чем не сравнимой чистоты и прелести,
никому, кроме него, недоступные.

Г.В. Адамович.

Генезис поэзии Г.В. Адамовича по-акмеистически богат. Юрий Иваск указывает, что поэт «на свой особый лад допел Лермонтова, Блока, Анненского» [1, с. 476]. В поэзии и критике эмигрантского периода Г.В. Адамович особое внимание уделяет отечественной классике и, в частности, лермонтовскому наследию. Наша цель – рассмотреть функционирование лермонтовского текста в лирике Г.В. Адамовича в аспекте темы Родины и интерпретации стихотворения Выхожу один я на дорогу...».

Важнейшей темой послереволюционной поэзии младоакмеиста является тема Родины. И в её раскрытии поэт опирается на прецедентный текст М.Ю. Лермонтова опосредованно – наследие великого романтика преломляется Г.В. Адамовичем через призму традиций Ф.И. Тютчева и А.А. Блока. В 1919 году Г.В. Адамович пишет стихотворение «Как холодно в поле, как голо...»: «Как холодно в поле, как голо, / И как безотрадны очам / Убогие русские сёла / (Особенно по вечерам)» [1, с. 115]. Интертекстуальная связь с лермонтовской «Родиной» создаётся благодаря образу вечерних деревень. Но лирический герой М.Ю. Лермонтова любит, «...взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень...» [5, с. 178]. Г.В. Адамович полемически подчёркивает «убогость» русских сёл. Прецедентный текст младоакмеист обогащает традицией Ф.И. Тютчева: «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа - / Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа!» [7, с.71]. Помимо тютчевской линии, «убогие русские сёла» переключаются с «нищей Россией», «избами серыми» и «низкими нищими деревнями» из стихотворений А.А. Блока «Россия» и «Осенний день» [3, с. 501, 503].

Знаками полемического цитирования лермонтовской «Родины» являются образы «избы под берёзкой» и

окрестного ландшафта: «Изда под березкой. Болото. / По чёрным откосам ручьи. / Невесело жить здесь, но кто-то / Мне точно твердит - поживи!» [1, с. 115]. Избы и берёзы М.Ю. Лермонтова – благодатные детали национального пейзажа, отражающие любовь лирического героя к Отчизне: «Люблю дымок спалённой жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь желтой нивы / Чету белеющих берёз...» [5, с. 178]. Берёза рядом с болотом, чёрные откосы у Г.В. Адамовича формируют унылый, скучный пейзаж. Ручьи и «чёрные откосы», по нашему мнению, являются образной реминисценцией «ключа» из лермонтовского стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...»: «Когда студёный ключ играет по оврагу / И, погружая мысль в какой-то смутный сон, / Лепечет мне таинственную сагу / Про мирный край, откуда мчит он...» [5, с. 133]. Г.В. Адамович использует полемическое цитирование, создавая вместо благодатной картины мира безнадёжную. Мрачный пейзаж обуславливает парадоксальный мотив насильственной жизни лирического героя: «Недели, и зимы, и годы, / Чтоб выплакать слёзы тебе / И выучиться у природы / Её безразличью к судьбе» [1, с. 115]. Бремя бессмысленной жизни корреспондирует финалу лермонтовского стихотворения «И скучно и грустно»: «Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг / Исчезнет при слове рассудка; / И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, - / Такая пустая и глупая шутка...» [5, с. 156].

Стихотворение «Как холодно в поле, как голо...» в свою очередь становится прецедентным текстом для Г.В. Иванова («Россия, Россия «рабоче-крестьянская»...», 1930). «Проклятый поэт» русского зарубежья рисует столь же безотрадную картину русских деревень, как и Г.В. Адамович: «Деревни голодные, степи бесплодные... / И лёд твой не тронется – / Едва поднялось твоё солнце холодное / И вот уже клонится» [4, с. 278].

В 1927 году Г.В. Адамович адресует З.Н. Гиппиус послание, передающее безнадёжность и неясность пути эмигрантов: «Там, где-нибудь, когда-нибудь, / У склона

гор, на берегу реки, / Или за дребезжащую телегой, / Бредя привычно под косым дождём, / Под низким, белым, бесконечным небом, / Иль много позже, много, много дальше, / Не знаю что, не понимаю как, / Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно...» [1, с. 116]. Упоминание «дрезжащей телеги» неявно отсылает к пушкинской «Телеге жизни» и лермонтовской «Родине»: «Просёлочным путём люблю скакать в телеге» [5, с. 178].

Интертекстуальные связи с лермонтовским наследием закрепляются мотивом изгнания. Лирические герои романтика и младоакмеиста – это странники-изгнанники. М.Ю. Лермонтов соединяет изгнанничество и странничество, изменяя субъектно-объектные отношения – лирический герой становится одновременно объектом (изгнанник) и субъектом (странник) скитаний: «Тучки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужною / Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники, / С милого севера в сторону южную» [5, с. 169]. Г.В. Адамович полностью совмещает эти понятия: «За всё спасибо. За войну, / За революцию и за изгнание. / За равнодушно-светлую страну, / Где мы теперь «влачим существованье» [1, с. 93]. Мотив изгнания раскрывает стоическое приятие лирическим героем своей судьбы: «Нет доли сладостней – всё потерять, / Нет радостней судьбы – скитальцем стать...» [1, с. 93]. Когда из эллиптических высказываний поэта выключается группа сказуемого, тогда странствие-изгнание подразумевается, как в стихотворении «Ну, вот и кончено теперь. Конец: «Ну, что ему мерещилось? О чём / Он вспоминал, поверив сну пустому? / Как на большой дороге, под дождём, / Под леденящим ветром, к дому, к дому» [1, с. 93].

Мотив странничества реализуется у русского романтика в полемике с лидером английского романтизма: «Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый изгнанник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой» [5, с. 104]. К образу Джорджа Гордона Байрона Г.В. Адамович обращается в 1916 году. Стихотворение «Звенели, пели...» начинается общелитературной эстетически сниженной сценой карточной игры: «Звенели, пели. Грязное сукно, / И свечи тают. «Ваша тройка бита...»» [1, с. 153]. Травестируя вызов судьбе, воплощённый в картах, поэт травестирует и высокую литературную традицию – он включает в лермонтовское двойное отрицание («Нет, я не Байрон...») маску комедии дель арте: «Нет, я не Байрон и не арлекин, / Что делать мне с тобою, сердце-море?» [1, с. 153]. Травестия усиливает состояние обречённости, имманентное поколению младоакмеиста: «Пойдём, пойдём... Ни денег, ни вина. / Ты видишь небо, и метель, и трубы? / Ты Музу видишь, и уже она / Оледеневшие целует губы» [1, с. 153].

В раннем творчестве странничество лирического героя М.Ю. Лермонтова представляет собой путешествие. И важным топосом юного поэта становится Кавказ из одноименного стихотворения (1830). Великий романтик признаётся: «Я счастлив был с вами, ущелия гор, / Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас. / Там видел я пару божественных глаз; / И сердце лепечет, вспомя тот взор: / Люблю я Кавказ!..» [5, с. 175]. Стихотворение завершается воспоминанием о детской любви: «Летом 1825 года Лермонтов познакомился на кавказских водах с десятилетней девочкой. «Кто мне поверит, - записал он 8 июля 1830 года, - что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы

были большим семейством на водах Кавказских...»» [5, с. 695].

Г.В. Адамович в 1920 году, переживая разрушение культурно-исторических связей, обращается к раннему лермонтовскому произведению. Эмоциональным состоянием лирического героя становится скука: «Жизнь! Что мне надо от тебя, - не знаю. / Остыла грусть, младенчества удел. / Но так скучать, как я теперь скучаю, / Бог милосердный людям не велел» [1, с. 185]. Связь с детским стихотворением М.Ю. Лермонтова проявляется не только упоминанием младенчества. Последняя строфа – это полемическое цитирование последней строфы лермонтовского «Кавказа»: «Лишь два огромных, чёрных, тусклых глаза / И два огромных траурных крыла / Тень бросили от синих гор Кавказа / На жизнь мою и на мои дела» [1, с. 185]. Младоакмеист превращает «божественные глаза» любимой в демонические глаза лермонтовского и врубелевского «духа изгнания» [5, с. 395] для выразительной оценки эпохи.

«Тень» М.Ю. Лермонтова, действительно, присутствует в творчестве Г.В. Адамовича после 1917 года. Поэт и критик обосновывает необходимость лермонтовской традиции общей картиной разрушенного мира: «Лермонтов привлекает сейчас к себе сердца и сознания тем, что у него представление о человеке и мире не закончено, не завершено, не приведено в равновесие и порядок – и поэтому во всех обращённых к будущему мечтах и помыслах он является спутником, сотрудником, а не укоряющим идеалом» [2, с. 576].

И М.Ю. Лермонтов, и Г.В. Адамович художественно осваивают пространство изгнания. Для великого романтика это Кавказ, входящий в состав Российской империи. Следовательно, поэт, даже отторгнутый от отчизны, её не теряет. Лермонтовский Кавказ амбивалентен – в его образе сопрягаются человеческие войны и вечное величие гор («Валерик»): «Окрестный лес, как бы в тумане, / Синел в дыму пороховом. / А там, вдали, грядой нестройной, / Но вечно гордой и спокойной, / Тянулись горы – и Казбек / Сверкал грядой остроконечной» [5, с. 175]. Пространство изгнания Г.В. Адамовича – Париж, «глухая европейская дыра», по саркастичному определению Г.В. Иванова («Белая лошадь бредёт без упряжки...»): «И не заметил, как вдруг очутился / В этой глухой европейской дыре» [4, с. 401]. Парижский топос Г.В. Адамовича отражает разные типы эмоционального состояния лирического героя, но всегда в них присутствует горечь. Ироничные сценки литературно-издательской жизни Парижа («Кутырина просит...») вызывают вопрос: «(А в сущности, что ему делать в Париже, / Студенту российскому Осоргину?)» [1, с. 248]. В позднем творчестве Г.В. Адамовича явственно звучат ноты горького стоицизма: «И никогда ты к небу не был ближе, / Чем здесь, устав скучать, / Устав дышать, / Без сил, без денег, / Без любви, / В Париже...» [1, с. 248].

Различие эмотивной окраски пространства изгнания у поэтов объясняется различными перспективами возвращения. М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Памяти А.И. Одоевского» замечает: «...но к полям родным / Вернулся я, и время испытанья / Промчалось законной чередой» [5, с. 151]. Эмигранты понимают невозможность возвращения. В 1916 году младоакмеист задаётся вопросом («1801»): «Россия! Что будет с Россией! / Как страшно нам жить, как темно!» [1, с. 184]. В 1923 году он

осознаёт невозможность прижизненного обретения Родины («Что там было? Ширь закатов блёклых...»): «Десять лет прошло, и мы не в силах / Этого ни вспомнить, ни забыть. / Тысяча пройдёт, не повторится, / Не вернётся это никогда. / На земле была одна столица, / Всё другое – просто города» [1, с. 95]. Русские эмигранты готовы принести любые жертвы на возвратном пути, чтобы вновь обрести отечество: «Когда мы в Россию вернёмся... / о, Гамлет восточный, когда? – / Пешком, по размытым дорогам, / в стоградусные холода, / Без всяких коней и триумфов, / без всяких там кликов, пешком, / Но только наверное знать бы, / что вовремя мы добредём...» [1, с. 94].

М.Ю. Лермонтов в последний год своей жизни признаётся: «Люблю Россию я, но странную любовью!» [5, с. 178]. Любовь младоакмеиста Г.В. Адамовича – это любовь к ушедшей Отчизне. Родина в его лирике – зимняя, а снег символизирует её окончательную утрату: «Когда мы в Россию вернёмся... / но снегом её замело. / Пора собираться. Светает. / Пора бы и двигаться в путь. / Две медных монеты на веки. / Скрещённые руки на грудь» [1, с. 94].

Важнейшей составляющей поэтики акмеизма является прецедентный текст стихотворения «Выхожу один я на дорогу...». Начиная с 1917 года, Г.В. Адамович стремится установить в творческом сознании непосредственную связь не только с наследием, но и с судьбой М.Ю. Лермонтова: «Устали мы. И я хочу покоя, / Как Лермонтов, - чтоб небо голубое / Тянулось надо мной, и дрозд бы пел, / Зелёный дуб склонялся и шумел» [1, с. 200]. Поэт трансформирует цитату из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» в сравнение эмоционального состояния усталости и желания покоя с лермонтовскими исканиями: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть; / Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!» [5, с. 194]. Поэтическое «я» лирического героя М.Ю. Лермонтова воспринимается в контексте стихотворения Г.В. Адамовича как фактор внехудожественной реальности.

Младоакмеист переводит космические образы М.Ю. Лермонтова в предельно бытовую план. Так, метафора «Спит земля в сиянье голубом...» [5, с. 194] превращается Г.В. Адамовичем в предельно банальное «небо голубое», а идеальный голос («Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел...» [5, с. 195]) трансформируется в песню дрозда. Обытовление касается и таких высоких метафор М.Ю. Лермонтова, как дорога и пустыня: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит» [5, с. 194]. Г.В. Адамович лермонтовскую семантическую поливалентность заменяет истолкованной, объяснённой однозначностью образа жизни современников, а абстрактную дорогу сопрягает с конкретными невскими водами, создавая аллюзию Петербурга: «Пустыня-жизнь. Живут и молят Бога, / И счастья ждут, - но есть ещё дорога: / Ничто, мой друг, ничто вас не спасёт / От тёмных и тяжёлых невских вод» [1, с. 200].

Дуб, символизирующий силу и здоровье, закрепляет интертекстуальную связь стихотворений. У М.Ю. Лермонтова дуб сопрягает тьму и свет, подчёркивая единство жизни и смерти: «Надо мной чтоб, вечно зеленея, / Тёмный дуб склонялся и шумел» [5, с. 195]. Дуб обрамляет стихотворение Г.В. Адамовича, обозначая бессмыслен-

ность и тождественность выбора между жизнью и смертью на невском дне: «Уж пролетает ветер под мостами / И жадно плещет гладкими волнами, / А вам-то, друг мой, вам не всё ль равно, / Зелёный дуб или речное дно?» [1, с. 200]. Обытовление высоких поэтических приёмов романтической лирики и введение в текст фамилии поэта позволяет увидеть в стихотворении Г.В. Адамовича стремление к контаминации личности и лирического героя М.Ю. Лермонтова.

В последней книге «Единство» (1967) Г.В. Адамович использует прецедентный текст М.Ю. Лермонтова для общения со смертью посредством звёзд: «Тихим, тёмным, бесконечно-звёздным, / Нет ему ни имени, ни слов, / Голосом небесным и морозным / Из-за бесконечных облаков, / Из-за бесконечного эфира, / Из-за всех созвездий и орбит, / Лёгким голосом другого мира / Смерть со мною говорит» [1, с. 78]. Поэт окончательно разрушает лермонтовскую традицию и воссоздаёт процесс двусторонней коммуникации, напоминая вывод «Разговора о Данте» О.Э. Мандельштама: «В поэзии важно только исполняющее понимание - отнюдь не пассивное, не воспроизводящее и не пересказывающее. Семантическая удовлетворенность равна чувству исполненного приказа» [6, т. III, с. 217]. «Исполняющее понимание» лирического героя проявляется в «исполнении приказа» смерти вместо восприятия «сладкого голоса» [5, с. 195]: «Я живу, как все: пишу, читаю, / Соблюдаю суету сует... / Но, прислушиваясь, умираю / Голосу любимому в ответ» [1, с. 78].

Невозможность диалога у Г.В. Адамовича обусловлена исчезновением базовых ценностей – земных (дом, память) и небесных (звёзды): «Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить / Одно только имя, очнуться, понять!» [1, с. 88]. В аксиосфере акмеизма память занимает одно из главных мест. О.Э. Мандельштам в ранней статье «Скрябин и христианство» утверждает: «Вспомнить во что бы то ни стало! Побороть забвение - хотя бы это стоило смерти» [6, т. I, с. 204]. Беспомыслие лирического героя младоакмеиста приводит к утрате дома, звёзд, творчества и жизни, о чём напоминает настойчивое повторение формы прошедшего времени глагола «быть». Бытийные ценности остаются в безвозвратном прошлом: «Был дом, как пещера. И слабые, зимние, / Зелёные звёзды. И снег, и покой. / Конец, навсегда. Обрывается линия. / Поэзия, жизнь, я прощаюсь с тобой» [1, с. 88]. Абсолютная неосуществимость астральной коммуникации сопряжена у Г.В. Адамовича с прекращением основной функции звёзд: «Звёзды не светят, леса не шумят, / Непоправимое... лет пятьдесят» [1, с. 103]. Трагическая ирония стихотворения «Ночь... и к чему говорить о любви?» мотивирует универсальное одиночество лирического героя: «Луч беспощадный врзается в тьму: / Жить, умирать – всё равно одному» [1, с. 103].

Итак, обращение Г.В. Адамовича к лермонтовскому наследию обусловлено необходимостью выразить на высоком художественном уровне трагедию времени – утрату Родины и разрушение культурно-исторических связей. Для этих целей младоакмеист использует приём полемического цитирования, травестируя высокую национальную традицию. Художественная травестия в поэзии Г.В. Адамовича акцентирует творческий выбор литературных перспектив. И в таких обстоятельствах младоакмеисту необходимо трагическое лермонтовское наследие: «Лермонтов приходит сейчас не как учитель, а как друг. В его

стихах душа узнаёт себя, о чём-то догадывается, на что-то надеется, в них, вероятно, она и утоляет свою боль, обволакивая её музыкой» [2, с. 577].

Список литературы

1. Адамович Г.В. Стихи, поза, переводы / Вступ. статья, сост. и прим. О.А. Коростелёва. - СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. – 560 с.
2. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928-1931). – СПб.: Алетейя, 2002. – 786 с.
3. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Театр. – М.: Художественная литература, 1968. – 840 с. – (Библиотека всемирной литературы).
4. Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3-х т.: Т. 1. Стихотворения. – М.: «Согласие», 1993. – 656 с.
5. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. - М.: Художественная литература, 1972. - 768 с. - (Библиотека всемирной литературы).
6. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1994. Т. 1. Стихи и проза. 1906-1921, 1993. - 368 с. Т. 3. Стихи и проза. 1930-1937, 1994. – 528 с.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6 томах. Т. 2. – М.: Издательский Центр «Классика», 2003. – 640 с.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ СМИ НА ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Маркина Юлия Валерьевна

кандидат филол. наук, доцент, Ростовский государственный, экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

IMPACT of MEDIA CONCENTRATION PROCESS on the LEGAL ASPECTS of its FUNCTIONING

Markina Yulia Valerievna, PhD in Philological Science, Assistant Professor, Rostov State Economic University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Процессы глобализации и интегрирования России в мировую экономику естественным образом вынудили многие сферы деятельности, в том числе и отечественный медиарынок, перестраиваться в соответствии с международными правилами и стандартами. Всего за несколько лет данных преобразований в стране сложилась своя национальная медиаиндустрия, и своя структура медиасобственности. Цель данной статьи – рассмотреть функционирование современной российской медиасистемы с точки зрения правовых и экономических аспектов.

Ключевые слова: медиарынок; медийная концентрация; правовая деятельность СМИ; медиасобственность.

ABSTRACT

The processes of globalization and integration of Russia into the world economy naturally led many areas of activity, including the domestic media market, which has been reconstructed in accordance with international rules and standards. In just a few years these changes has developed in the country its own national media industry and its media ownership structure. The purpose of this article is to review the functioning of the contemporary Russian media systems from the point of view of the legal and economic aspects.

Keywords: media market; media concentration; the legal activities of the media; media ownership.

На современном этапе вследствие кардинальных структурных изменений на отечественном информационном отечественный рынке прослеживаются такие тенденции, как концентрация СМИ в руках отдельных владельцев, создание финансово-информационных монополий, поглощение крупными медиахолдингами средних и мелких газет или телекомпаний, особенно региональных, а также вмешательство издателя или собственника СМИ в редакционную политику издательства.

Рассматривая вопрос о юридическом регулировании организационно-правовых форм средств массовой коммуникации, следует отметить, что законодательство проводит различие между возможными формами редакций СМИ/издателей СМИ, как субъектов хозяйственной деятельности и редакций СМИ как субъектов специфических отношений (конституционно-правовых), связанных с поиском, производством и распространением массовой информации.

Организационно-правовое оформление деятельности редакции и издателя, как участников хозяйствен-

ного оборота (как «бизнес-единиц») регулируется общими нормами гражданского законодательства. Данный факт означает, что редакция и издатель могут существовать в качестве гражданина-предпринимателя, любого вида коммерческой организации (общества с ограниченной ответственностью, акционерного общества, товарищества, унитарного предприятия и пр.), а также в виде некоторых видов некоммерческих организаций. Следует отметить, что образование редакции или издателя в качестве некоммерческой организации делает невозможным «портфельные» инвестиции, осуществляемые путем приобретения акций или паев в уставном (складочном) капитале организации. Имеется в виду Гражданский кодекс Российской Федерации и принятые в соответствии с ним законы, регулирующие отдельные формы организации юридических лиц: Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», ФЗ «О некоммерческих организациях», ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон «Об общественных организациях».

Организационно-правовое оформление деятельности редакции как «творческой единицы» регулируется

нормами специального законодательства о СМИ. В законе РФ «О средствах массовой информации» допускается образование редакции, как в форме организации в соответствии с общими нормами гражданского права, так и ее существование в качестве «объединения граждан» - журналистского коллектива. В последнем случае редакция не может самостоятельно выступать в гражданском обороте, а ее внутренняя организация, а также взаимоотношения издателя с учредителем регулируются уставом редакции или заменяющим устав договором, содержание которых также регулируется нормами специального законодательства о СМИ.

Оценивая реальное соотношение государственного и частного сектора средств массовых коммуникаций, и в целом, говоря о структуре отрасли, не следует основываться только на формально-юридических моментах. Формально «частные» СМИ, организованные в виде обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ, не редко либо полностью или в значительной части принадлежат государству или местному самоуправлению, а также, хотя и не принадлежат государству, но значительной степени могут финансироваться им с помощью дотаций и различных мер по «государственной поддержке». Данное обстоятельство представляется значимым, когда речь заходит, например, о возможностях инвестирования в масс медиа.

Следовательно, изучая организационно-правовые формы, следует учитывать специфику российского законодательства, рассматривающее акционерные общества и иные коммерческие организации, где доля местного самоуправления составляет более 50%, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия как отдельные от государства субъекты хозяйственного оборота (так называемые «самостоятельные хозяйствующие субъекты») [1].

Говоря о предпочтениях в выборе организационно-правовых форм организации, имеющие статус редакций и издателей, следует разделить на: 1) медиаструктуры, ориентированные на рыночную экономику и ведение бизнеса в информационной сфере; 2) медиаструктуры, не ориентированные на существование в рыночных отношениях. Для первых характерен выбор организационно-правовых форм, предоставляющих максимальные удобства для инвестирования - формы коммерческих организаций (общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества). Для вторых основным мотивом в выборе организационно-правовой модели выступает возможность получения различного рода привилегий и дотаций со стороны государства или местного самоуправления. «Такие редакции избирают формы государственных и муниципальных предприятий, учреждений культуры, автономных некоммерческих организаций, либо коммерческих организаций с контрольным пакетом акций, принадлежащим государству или местному самоуправлению» [2]. Условность такого деления состоит в том, что в целом ряде случаев СМИ приобретаются определенными структурами для обслуживания политических интересов, что более характерно для электронных СМИ.

Образование в России медиахолдингов, если не касаться вопросов, связанных с недобросовестной конкуренцией, можно рассматривать как позитивную тенденцию по нескольким причинам: образование медиахол-

дингов позволяет аккумулировать ресурсы для инвестирования в редакционный процесс, а также в полиграфию и распространение. В настоящее время существует целый ряд примеров, когда крупные медиаструктуры создают (прежде всего, в регионах) собственную полиграфическую базу и системы распространения печатной продукции. В тоже время, медиахолдинги могут более успешно конкурировать с региональными изданиями, получающими дотации от государства и местного самоуправления и противостоять тем вне рыночным конкурентным преимуществам, которыми обладают последние [3].

Применительно к процессам медийной концентрации можно выделить три концепции контроля. В соответствии с первой концепцией юридическое или физическое лицо осуществляет контроль над массово-информационным предприятием только в том случае, если его акционерный капитал и/или право голоса позволяют такому лицу оказывать значительное воздействие на состав или решения совета директоров данного предприятия. Регулятивные органы, как правило, используют эту концепцию контроля, которая аналогична концепции, используемой в торговом праве, при подготовке проектов, правил, направленных на предотвращение концентрации.

В соответствии со второй концепцией, лицо осуществляет контроль над массово-информационным предприятием, когда оно способно по своему желанию управлять делами этой организации любыми способами, будь то прямо или косвенно. Для определения того, имеет ли какое-то лицо подобную власть над предприятием, наряду с принадлежащим ему акционерным капиталом и правом голоса во внимание принимаются и другие характеристики данного предприятия. Эти, факторы включают личные связи с руководством, финансовые связи с предприятием и договорные связи с предприятием.

Третья, более широкая концепция является более точным показателем того, кто фактически контролирует массово-информационное предприятие. Например, согласно данному подходу общенациональная радиостанция, заключившая сетевой договор на предоставление большей части своих программ и значительной части финансирования небольшой местной радиостанции, может фактически контролировать эту небольшую местную станцию. И это действительно так, если общенациональная станция принимает за местную станцию ключевые решения, касающиеся содержания вещания или рекламной политики. Согласно первой концепции контроля общенациональная радиостанция не обладала бы контролем над местной станцией, поскольку первая не имеет ни права голоса, ни акций последней.

В течение долгого времени законодателями прилагаются усилия введения отдельных правил, ограничивающих процессы медийной концентрации. Эти законодательные предложения направлены в основном «или на ограничения возможности учреждения средств массовой информации одним лицом либо группой взаимосвязанных лиц, или на ограничение возможности владения акциями (паями) различных организаций, осуществляющих производство и выпуск средств массовой информации, одним лицом или группой взаимосвязанных лиц» [4].

В сентябре 2000 г. Президентом РФ была подписана Доктрина информационной безопасности РФ (Доктрина), развивающая положения Концепции национальной безопасности России относительно информационной

сферы. В шестом разделе данного документа «Особенности обеспечения информационной безопасности РФ в различных сферах общественной жизни» говорилось, что большую опасность в сфере духовной жизни представляет «деформация системы массового информирования как за счет монополизации СМИ, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации в отечественном информационном пространстве» [5].

Поводом к принятию подобных поправок послужило пришествие на российский медиарынок, прежде всего, таких зарубежных медиамагнатов как Тед Тернер и Руперт Мердок. Оба медиасобственника, уже имея опыт работы с российскими СМИ («Наше радио», ТВ-6), стали вести независимо друг от друга переговоры о покупке телеканала НТВ в 2001 году.

Спустя 15 лет данный тезис остается столь же актуальным. Несмотря на выявление серьезной ситуации еще в 2000 г., темпы развития монополизации и концентрации на отечественном медиарынке стремительно растут. На информационном рынке функционируют сотни издательских домов, крупнейшими из которых являются ООО «Пронто-Москва» (выпускает 108 газет), ЗАО ИД «Проф-медиа» (90 газет), Редакция газеты «Московский комсомолец» (78 газет), ЗАО «Аргументы и факты» (74 газеты), ИД «Жизнь» (60 газет), ЗАО «ИнтерМедиаГрупп» (62 газеты). Рост суммарного годового тиража на отечественном рынке журналов, а также выпуск новых изданий обеспечивают в настоящее время главным образом такие крупнейшие издательские дома, как: Independent Media (41 журнал), Burda (28 журналов), EDIPRESSE -KONLIGA (31 журнал), Эгмонд Россия Лтд. (16), ОВА-пресс, СК-ПРЕСС (14 журналов), Mediasign (14 журналов), Hachette Filipacchi Shkulev (10 журналов). Радиорынок поделен между такими крупными холдингами, как «Газпром-Медиа», «Русская Медиагруппа», «Проф-Медиа» «News Media».

В 1990-е годы Россия широко открыла своё информационное пространство для западных инвесторов. Зарубежные СМИ получили возможность формировать у российской аудитории как общественные установки, так и нравственные идеалы, дабы отечественные компании находились в неравных условиях конкуренции с западными медиагруппами. И на сегодняшний день сложилась ситуация, когда на отечественном медиарынке присутствует значительное число зарубежных собственников. Например, респектабельная качественная экономическая газета «Ведомости» принадлежит финской компании «Sanoma Independent Media», американской «Dow Jones» и английской «Financial Times Group». Немецкий медиа-концерн «Axel Springer» издает журнал «Forbes». Газеты «Деловая газета», «Деловой Петербург» издаёт шведская медиагруппа «Bonnier Group». В медиахолдинге «РБК» доля более 50% принадлежит кипрской компании «Pragla Limited». Издания «Женские советы. Самая», «Сад своими руками», «Мама, это Я!», «Похудей!», а также разнообразные журналы по вязанию и рукоделию выпускает швейцарский Издательский Дом «Эдипресс-Конлига».

Журналы «Даша», «Лиза», «Добрые Советы», «Отдохни!», «Oops!», «Автомир», «Playboy» и более 40 изданий с кроссвордами выпускает немецкий медиаконцерн Burda. Сегодня ИД «Burda» - лидер отечественного рынка периодики по продажам журналов, выпуская более 80 периодических изданий и охватывая 35 млн. аудиторию.

Один из ведущих медиахолдингов России Hearst Shkulev Media/ИнтерМедиаГрупп (HSM) находится в совместном владении американской медиакомпания «Hearst Corp.» и финской медиагруппы «Sanoma». В медиаактиве Hearst Shkulev Media входят такие бренды, как «Marie Claire», «Maxim», «Elle», «Psychologies», «Антенна-Телесемь», «Счастливые Родители/Parents», «Ва-банкъ», «StarHit», «Домой. Строительство и ремонт». Совокупная аудитория гендерно-ориентированных журналов медиагруппы Hearst Shkulev Media/ИнтерМедиаГрупп по данным TNS Russia на сентябрь 2013 г. – февраль 2014 г. – 16,2 млн. чел., совокупный тираж - 11 млн. экз. Компания имеет 55 региональных представительств в России и странах СНГ [6].

Журналы «National Geographic», «Women's Health», «Men's Health» принадлежат Sanoma Independent Media (SIM) - крупнейшему игроку на российском медиарынке, компания основана в 1992 г. группой голландских инвесторов. Журналы «Vogue», «Glamour», «GQ», «Allure», «Tatler», выпускает ИД Condé Nast (в России с 1998 г.), принадлежащее американской медиагруппе Advance Publications. Совокупная аудитория журналов ИД Condé Nast в России — 3,5 млн. человек.

В сентябре 2014 г. в Государственной Думе РФ был предложен законопроект, ограничивающий долю иностранного участия в российский СМИ до 20 %. Закон должен вступить в силу в 2016 г. На данный момент в законе о СМИ установлен 50% барьер, действующий для иностранцев – учредителей эфирных телеканалов и радиостанций. Какие цели ставит иностранный капитал, проникая в российское медиапространство. Безусловно, это получение прибыли, в чем нет ничего предосудительного. Однако рассматривая вопрос о том, на кого зарегистрирован бизнес, зачастую выясняется, что бизнес этот не так прозрачен, часть – это использование офшорных юрисдикций.

Международная практика показывает, что, например, в США и Испании иностранный капитал имеет ограничение - 25%, в большинстве европейских стран соотношение варьируется от 20% до 40%. В Великобритании доля в электронных СМИ завышена до 40% благодаря многочисленным медиаактивам г-на Р. Мердока, гражданина Австралии и с 1985 г. гражданина США. Однако в области печатных СМИ может превышать 70%. Например, российский бизнесмен А.Лебедев имеет 70% в газетах «Independent» и «Evening Standard». В Канаде доля иностранного участия в медиаконцерне не может быть более 33%, в Японии ограничение - 20%. Южная Корея и Китай вообще не допускают зарубежный капитал в свои СМИ, хотя сами китайцы скупают доли в различных американских СМИ [7].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, медийная концентрация на отечественном рынке России оказалась очень динамично развивающимся феноменом. За последние двадцать лет российская медиаиндустрия в результате политических, экономических и социальных реформ подверглась кардинальной трансформации.

Законы рынка, несомненно, оказали воздействие на развитие средств массовой коммуникации, которые, будучи одновременно и производственным предприятием и инструментом формирования общественного мнения в руках своего владельца, стали развиваться в свою очередь по тем же экономическим закономерностям.

Всего за несколько лет в стране сложились мощные экономические группировки, распределившие между собой основные объекты медиасобственности. Вследствие перехода на рыночные отношения в медийной сфере образовались монополистические объединения и предприятия с вертикальной или горизонтальной структурой. С одной стороны, формирование медиахолдингов с экономической точки зрения - это наиболее эффективная и предпочтительная форма [8]. В рамках одного медиахолдинга оборот финансов позволяет избежать лишних расходов на производство, распространение и рекламу продукции, и также сосредоточить наибольшую прибыль. В-третьих, единая информационная политика (взаимная реклама СМИ, входящих в холдинг, «промоушн», единый стиль компаний) проводится во всех структурах.

Литература

1. Окрепилова И.Г. Конкуренция и антимонопольное регулирование // СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. С. 25 – 56.
2. Смирнов С.С. Медиахолдинги России: национальный опыт концентрации СМИ. М.: Медиамир, 2014. С. 45 – 60.
3. Иваницкий А. Владение вертикальное и горизонтальное /А. Иваницкий // Газета. 2002. 28 мая. [Электронный ресурс]. - URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti/>
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Подписана Президентом РФ 9 сентября 2000 г. // Российская газета. 2000. 28 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/182535/>
5. Богдадьев А.С. Медиарынок и проблема реализации доктрины информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: филология. Востоковедение. Журналистика. - №2.- 2006. [Электронный ресурс]. - URL:<http://cyberleninka.ru/article/>
6. Шкулёв В. О компании [электронный ресурс]. - URL: <http://www.hearst-shkulev-media.ru/company/about/>
7. Ограничение на участие иностранцев в СМИ. Досье ИТАР-ТАСС. [Электронный ресурс]. - URL: <http://itar-tass.com/info/>
8. Гарабова М.И. Особенности функционирования российских СМИ в условиях их монополизации и концентрации (1996-2001 гг.): автореферат дис.... канд. филол. наук 10.01.10. М., 2005. - 24 с. [Электронный ресурс]. - URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti/>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Мкртчян Т.Ю.,

кандидат филол. наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

LINGUOCULTURAL EMOTIONAL CONCEPT "LOVE" AND ITS LEXICAL VERBALIZATION

Mkrtychyan T.Y., candidate of Science, associate professor of Southern Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию ЛЮБВИ как когнитивной единицы. В работе описываются характерные черты и важные особенности ЛЮБВИ как лингвокультурного эмоционального концепта. В статье представлен обзор работ, описывающих различные способы языкового выражения исследуемого концепта.

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of LOVE as a cognitive unit. Basic features and peculiarities of LOVE as a cultural and emotional concept, found in different languages, are given due attention to. The article presents a survey of linguistic works on verbalization of various lexical means of the concept under study.

Ключевые слова: концепт «любовь», лингвокультурный концепт, эмоциональный концепт, любовный дискурс, лексическая репрезентация, тропы.

Keywords: concept "love", linguocultural concept, emotional concept, discourse of love, lexical verbalization, figures of speech.

Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, общечеловеческой универсалией, любовь привлекает внимание философов, психологов, социологов, а также, будучи одним из ключевых концептов языковой культуры представляет несомненный интерес и для отечественных и зарубежных лингвистов. Лингвистический анализ работ, посвященных исследованию концепта «любовь», показывает, что рассматриваемый концепт изу-

чался с позиций этимологии, семантики, литературоведения и т.д. [1, с.349-350]. В данной статье мы обратимся к лингвокультурной стороне данного феномена и способам его вербализации на лексическом уровне.

Любовь, рассматриваемая как лингвокультурный эмоциональный концепт, обладает универсальным характером. Эмоциональная составляющая концепта «любовь» исследуется в ряде лингвистических работ. Примером могут служить работы Е.Ю. Мягковой и Л.Г. Бабенко,

в которых авторы обращаются к эмоционально-чувственному компоненту значения слова «любовь» [Мягкова, 2000] и к выявлению специфики лексических средств обозначения эмоции «любовь» в русском языке [Бабенко, 1989] [1, с.350].

Понятийные признаки концепта любовь охватывают большой круг эмоциональных явлений, как с положительным, так и отрицательным отношением к миру, любовь может вызывать как радостные, так и печальные эмоции: горе, радость, счастье, печаль и т.д. В английском языке с эмоциональной точки зрения концептуальное поле «Любовь» рассматривается К.О. Погосовой, выделяющей более 30 положительных и отрицательных эмоциональных составляющих исследуемого концепта [11, с. 31]. В работе К. Ю. Головач можно найти шесть наиболее значимых положительных признаков исследуемого концепта: любовные отношения двух лиц, горячая сердечная склонность, внутреннее стремление, тяготение, предмет любви, интимное чувство, платоническая любовь [2].

Работы, в которых акцент делается на любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт, рассматривают данное понятие через призму национального менталитета какого-то одного языка или проводят сопоставительную характеристику репрезентации данного концепта в двух или даже трёх языках и культурах. Так, например, как русская культурная доминанта, обладающая особой лингвистической и культурологической ценностью, чувство любви описывается в работе [Колесов, 1991]; лингвокультурологическая специфика концепта «любовь» в русском и немецком языках обосновывается в работе [Вильмс, 1997], концепт «любовь» как ментально обусловленное диахронически и синхронически единое образование, функционирующее в разных типах национальной культуры представлен у [Каштанова, 1997], любовь в рамках исследования концепта образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан находит отражение в работе [Дашиева, 1999], этносемантика телеономного концепта «любовь» в русском и английском языках описывается у [Воркачев, 2003], концептуальный анализ любви и ненависти в русском языке можно найти в работе [Тананина, 2003] и др. [5, с. 3-4].

Перейдем к рассмотрению способов вербализации концепта «любовь».

Исследуя лексическую составляющую различных языковых концептов, лингвисты большое внимание уделяют и вербальным средствам выражения концепта «Любовь». Универсальное чувство любви имеет разнообразные способы актуализации в языке. Её можно представить и материальным предметом, и живым существом [6, с. 95]. В последние десятилетия описывалось лексико-семантическое поле понятия «любовь» в современном французском и грузинском языках [Какабадзе 1986], выявлялась специфика лексических средств обозначения эмоции «любовь» в русском языке [Бабенко 1989], изыскивались способы адекватного толкования любви с помощью метаязыка [Вежбицкая 1996] и др. [8, с.351].

Немаловажная роль в сфере выражения любовных эмоций отводится речевому акту обращения [8, с.349]. Так, например, установлено, что для реализации ряда

коммуникативно-прагматических функций (например, номинативной, эмоционально-экспрессивной, вокативной, социально-регулятивной) в английском любовном диалоге используются разнообразные формы обращений: имена существительные (как собственные, так и нарицательные), прилагательные (в различных степенях сравнения), притяжательные и личные местоимения и т.д., а также их сочетаемость друг с другом.

Отмечается, что в своем вербальном представлении любовь характеризуется «разноименностью» и «семантической дублетностью»: любовь/влюбленность/страсть/ увлечение/милость/жалость в русском языке и love/affection/passion/ infatuation/devotion/ в английском [5, с.4]. Анализируя концепт «Любовь» в лирике А.С. Пушкина, Е.Н. Нуждова отмечает его лексическое наполнение лексемами типа «любовь», «любить», «любимая», «нежность», «ласка», «страсть», а также сопряженность, нераздельность, созвучность с «красотой» [9, с.15]. У А. И. Куприна ключевая составляющая концепта «жизнь» великая и всепобеждающая любовь также раскрывается посредством его сочетаемости со словами «счастье», «красота», «радость», «блаженство». Жизнь по Куприну гармонична только тогда, когда она наполнена любовью, которая конкретизируется за счет атрибутивов «пламенная», «скромная», «первая», «доверчивая» [13, с.201].

В любви наблюдаются две противоположных грани – положительное переживание и отрицательно окрашенное чувство, в чём проявляется её сложный противоречивый характер. Когда любовь как положительное переживание сопровождается такими субконцептами как счастье / happiness; радость / joy; привязанность / affection; интерес / interest; удовольствие / pleasure; восторг / delight; забота / care; волнение / excitement, в то время как в негативно окрашенное состояние любовь представлена печалью/ sorrow; тоской / longing for; отчаянием / despair; страданием / suffering; болью / pain; страхом / fear и т.д. [7, с. 283].

О сопряженности в любви положительной и отрицательной сторон свидетельствует и проведенный О. А. Письменной анализ прозы И. А. Бунина, в творчестве которого мотивы любви, страсти, чувства наблюдаются во всех оттенках и переходах. Отождествление любви с «короткой, ослепительной вспышкой, до дна озаряющей души влюбленных» и приводящей их «к критической грани, за которой гибель, самоубийство, небытие» свидетельствует о том, что любовь одновременно и прекрасна и в то же самое время обречена, т.е. понятия любви-жизни и любви-смерти окончательно совместились и совпали [10, с.231].

С.Г.Воркачев, исследуя лексическую репрезентацию концепта ЛЮБОВЬ, приходит к выводу, что в данном концепте представлены практически все основные типы метафоризации, за исключением социоморфной метафоры: метафора биоморфная (антропо-, зооморфная и ботаническая), метафора реиморфная – собственно «вещная», метафора пространственная, событийно-процессуальная и техническая. Понимая метафору широко, исследователь утверждает, что «более пятой части образных ассоциаций имени «любовь» в русской поэзии составляет персонификация» [1].

Рассматривая концепт Любовь как многослойную структуру, имеющую центр (ядро) и периферию, учёные проводят анализ этимологии, исторического развития, парадигматических связей (на основе анализа различных словарей) и образного и оценочного слоёв, репрезентированных в форме концептуальных и авторских метафор в художественном тексте. Лингвокультурологический анализ лексических единиц в составе метафор позволяет описать художественный концепт Любовь в поэтическом дискурсе [3;14;4].

Л. В. Русинова проводит анализ ассоциативных наименований, вербализующих концепт Любовь в современных художественных текстах. Исследуя концепт «Любовь» и его лексическую репрезентацию в прозе В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой, она анализирует доминирующие тропы, посредством которых вербализуются признаки концепта «Любовь» в прозе исследуемых ею авторов, изучает мотивационные связи ассоциативного употребления слов, репрезентирующих концепт «Любовь» в рассматриваемых произведениях, а также выявляет интертекстуальные вкрапления, с учётом трансформаций и авторских модификаций, объективирующих периферийные признаки концепта «Любовь» в рассматриваемых произведениях. Лексика, используемая авторами для создания образа Любви, структурирована Л.В. Русиновой в несколько тематических групп [12].

О. А. Письменная, рассматривая лексическую репрезентацию концепта «жизнь-любовь» в малой прозе И.А. Бунина, отмечает сопряжение понятия любви и жизни и доминирующую положительную интерпретацию стратегии любви в жизни. К ключевым атрибутам, выявленным исследователем, принадлежит следующий ряд слов: верная, большая, взаимная, искренняя, на всю жизнь, первая и последняя, вечная, роковая, загадочная и прочие [10]. Автор также приходит к выводу, что исследуемый концепт выражается не только различными тропами, но и передается на синтаксическом уровне смысловыми единствами, такими как словоформы (devotion – преданность, disruptive – опустошительный и др.), фразовые единства (be in love with – быть влюбленным, stick to smb. like a limpet – прилипнуть как магнит, а woman in a million – женщина на миллион и др.), предложения (Passion is still as essential to her as bread - Страсть до сих пор необходима ей как хлеб; There is no conscience in passion – В страсти нет рациональности и др.) [10, с.231].

Итак, концепт «Любовь» является лингвокультурным эмоциональным концептом, представляющим собой сложное ментальное образование высокой степени абстракции, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой. В качестве универсального концепта концепт «любовь» присутствует во всех этнических лингвокультурах и имеет разнообразные способы актуализации в языке. Вербализация исследуемого концепта в основном реализуется лексическими стилистическими средствами, такими как метафоры, сравнения, персонификация, антитеза, гипербола и др., а также передается на синтаксическом уровне разнообразными смысловыми единствами, такими как словоформы, фразовые единства, предложения.

Список использованной литературы

1. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. - Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
2. Головач К. Ю. Особенности концептуализации любви в индивидуально-авторских картинах мира А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: Автореферат дис....канд. филол. наук. – Архангельск, 2012. – 18 с.
3. Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: Дис....канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 214 с.
4. Конарева Н.Н. Метафорическая репрезентация художественного концепта «Любовь» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой. // Дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Конарева. - Иваново, 2010. – 170 с.
5. Кузнецова Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: Автореферат дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 13 с.
6. Лепихина Л.Н. Концептуальная структура фразеологизмов, выражающих чувства любви/ненависти // Сборник трудов молодых ученых. Вып. 1. М. – 2005. – с. 91 – 96.
7. Лепихина Л.Н. Лексикографическая интерпретация лексем «Любовь» и «Love» в словарях русского и английского языков // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. статей. Вып.1. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – с.281 – 284.
8. Мкртчян Т.Ю. Обращение как прагмалингвистическое средство выражения чувств в любовном диалоге // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: Материалы I Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. – С.349-354.
9. Нуждова Е. Н. Лексическая репрезентация концепта «любовь» в переводах лирики А.С. Пушкина на английский и французский языки: Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Москва, 2008. – 21 с.
10. Письменная О. А. Лексическая репрезентация концепта «жизнь-любовь» в малой прозе И. А. Бунина // Молодой ученый. 2009. №10. – С. 229-231.
11. Погосова К. О. Способы вербализации эмоций // Объединенный научный журнал. №20. – М.: Изд-во «Фонда правовых исследований», 2006. – С. 30-34.
12. Русинова Л. В. Концепт любовь в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. – 35 с.
13. Харчистова Э. В. Концептосфера «жизнь» в повести А.И. Куприна «Прапорщик армейский» // Язык. Дискурс. Текст. Часть 2. – Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – С.199-202.
14. Широкова И.А. Эмоциональный концепт любовь в идиостиле А.С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык) // Автореф...дисс. канд. филол. наук. – Тюмень, 2006. – 25с.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ В ДИСКУРСЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Мокрецова Наталья Михайловна

канд. филолог. наук, доцент, ВосточноСибирский институт МВД России, г. Иркутск

FEATURES OF REPRESENTATION OF MEMORIES IN THE DISCOURSE OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Mokretsova Natalia, candidate of Philology, associate professor, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В данной статье мемуары рассматриваются с точки зрения дискурса, т.е. с учетом активной роли индивидуального сознания и непосредственного опыта пишущего. Переживание, т.е. интенциональное состояние автора, выступает как предципирующая форма биографической структуры.

ABSTRACT

The article discusses a memoir from the perspective of discourse, i.e. taking into account the active role of the individual consciousness and direct experience of the writer. Experience, i.e. the author's intentional state, acts as a predicative form of the biographical structure.

Ключевые слова: дискурс автобиографической прозы, переживание, интенциональный акт, интенциональность воспоминаний

Key words: discourse of the autobiographical prose, experience, intentional act, intentionality of memories

Дискурс автобиографической прозы является результатом действия стратегии переживания. Основатель философской герменевтики М. Хайдеггер обнаружил внутри разума эмоциональное начало и дал определение бытию как «переживание». Бытие выступает как онтологическая проекция фундаментальных эмоциональных характеристик человека, лежащих в основе бытия. Ход герменевтической мысли, открытый М. Хайдеггером, заключался в том, чтобы ввести в слой значений человеческое переживание, соединить его со смыслами эмоций. Переживать значит соотносить объективное с субъектом [1, с.290].

Переживание действует как внутренняя, т.е. предципирующая форма биографической структуры. «Переживание – есть внутренняя форма биографии и в этом качестве носитель специфически биографического значения и содержания» [2, с. 38]. Лишь переживание или ряд переживаний делают какое – либо явление событием в личной жизни. Переживание является прологом к акту интерпретации.

Языковая предрасположенность человеческого переживания находит свое отражение в дискурсе автобиографической прозы. «Знание о себе (своей так называемой внутренней жизни) – это то, что можно сказать другому, это смысл существования. В аппелятивном знании транслируются <...> сведения о переживаниях. Перед нами – аксиологическое знание» [3, с. 167].

В автобиографической рефлексии определяется содержание значения переживания для автора, поскольку переживание – неисчерпаемое определение своего значения. «Обработка переживаний – долгий процесс, в этом их бытие и значение, а не только в первоначально познанном содержании», - указывал Х.-Г. Гадамер, полемизируя с В. Дильтеем, который видел в переживании главным образом теоретико-познавательную основу познания объективного [4, с. 112].

Переживания автора автобиографической прозы претендуют на значимость (согласие – несогласие), ответственность (оценку), диалогические отношения. Переживание или ценностная установка сознания (=интенциональное состояние) автора подразумевает, что некто дру-

гой занимал существенно обоснованную ценностную позицию, «ведь если была бы одна система ценностных представлений, было бы бессмысленно вести диалог» [5, с. 80]. Й. Хейзинга [6], рассматривая особенности культурной жизни человека, обратил внимание на то, что вся терминология душевной жизни людей вращается в сфере борьбы. В автобиографической прозе использование языковых средств, свидетельствующих о переживании сопротивления, объясняется авторским восприятием какого-либо события личной жизни как ситуации конфликта, с сопутствующими ей направленностью воли и напряжением сил. Таким образом, поток переживаний (проживание) событий жизни, имеющий источником психологическое напряжение и реализующийся в текстовой категории напряженности, проявляется в результате направленности сознания мемуариста с одной стороны на значимые сущности (субъекты, объекты, положения дел) его опыта и с другой стороны на встречное, способное к сопереживанию и пониманию сознание. Направленность сознания составляет суть понятия «интенциональность», которое имеет непосредственное отношение к единице переживания. Интенциональный акт, в понимании Э. Гуссерля [7] «значащее переживание», можно охарактеризовать как действие сложения минимальных единиц смысла, в том числе интенционального объекта (ноэмы) и модальности действия с ним (ноэзы), в смысл. Он в протекании, действии, развертывании переживания, которое филологическая герменевтика вслед за Гуссерлем называет значащим. Смыслы – состав интенционального акта, и этот состав возникает каждый раз заново (по Э. Гуссерлю, «открытый горизонт конструирования интенциональных объектов»). Дж. Р. Серль, автор теории интенциональных состояний, созданной на основе теории речевых актов, рассматривая признаки интенциональности воспоминаний, выделяет следующие [8, р. 94]:

- природа интенционального компонента – память;
- воспоминание является лингвистической сущностью, оно репрезентация, а значит имеет пропозициональное (интенциональное) содержание, определяющее условия удовлетворения, и психологический модус, определяющий направление приспособления;

- воспоминание само-референциально, т.е. фигурирует в собственных условиях удовлетворения;
- оно имеет направлением приспособления «сознание – мир»;
- ему соответствует направление каузации «мир-сознание», детерминированное интенциональным содержанием.

Проанализируем фрагмент дискурса мемуаров маркизы Тэвистокской с учетом интенционального плана воспоминаний.

The summer finally came to a close and we flew to New York to collect our luggage and move into our one-and-a-half bed roomed flat in Marlborough Street in Boston. Robin went back to Harvard. It was the first time in my life I'd had to cope on my own. I had a cleaning lady twice a week, but the rest of the time I made the bed, clean the room and cooked. Robert was at classes all day long. I was pregnant, feeling sick a lot of the time and knew almost no one in Boston. I kept thinking: Thank goodness I'm pregnant because I'll be able to go home to London to have the baby. All I wanted to do was run away. I felt like a fish out of water [9].

Интенциональное состояние отчаяния молодой и неопытной жены маркизы Тэвистокской предопределило модус переживания события замужества (согласие) много лет спустя. Пропозициональное содержание и в частности эгоцентрические слова (I, we, it, др.), имена и дескрипции места (New York, one-and-a-half bed roomed flat in Marlborough Street in Boston), предикаты интенциональных действий и состояний (flew to collect our luggage and move, wanted to do) определяют условия удовлетворения воспоминания.

Осмысление указанного события мемуариста в модусе переживания согласия отмечено наличием интенсификаторов в дискурсе. Интенсификация представлена лексически – квантовыми словами the first time, all (day long), all (I wanted), a lot (of the time), (knew) almost no one, в предикатах с семой интенсивности в значении run away, kept thinking, felt like a fish out of water; грамматически – had had to, was feeling sick; синтаксически – в выделительных конструкциях It was the first time in my life I'd ..., All I wanted to do was

Совпадение переживаний автора мемуаров и молодой маркизы очевидно в во второй половине фрагмента, где интеллектуальное и физическое состояние мо-

лодой женщины описывается посредством глаголов состояния was feeling sick, knew (almost no one), kept thinking, цитирования ее мыслей Thank goodness..., а также оценки состояния, даваемой мемуаристом годы спустя a fish out of water.

Психологический модус отчаяния задает направление приспособления сознания миру (воспоминаний), в свою очередь этот мир, детерминировавший интенциональное содержание, спроецировал соответствующее переживание согласия.

Подводя итог сказанному, можно вслед за Э. Гуссерлем назвать интенциональную функцию языка (сознание – о) фундаментальной и любой текст считать феноменологическим описанием интенционального акта. В масштабе текста цели интенциональности выходят за рамки простой задачи семантизации, они внетекстовые: пережить, усмотреть, построить переживание. Представление об интенциональности позволяет превращать человеческое переживание в предмет науки и характеризовать феноменологический метод как аналитически прикладной [10].

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
2. Винокур Г.О. Биография и культура. - М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 96 с.
3. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
5. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – СПб.– М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М.: АСТ, 2004. - 941 с.
7. Гуссерль Э. Феноменология журнал //Логос.- 1/1991.- с.12 – 21.
8. Searle John R. Intentionality. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 p.
9. Marchioness of Tavistock. A Chance to Live. London: Trafalgar Square, 1993. – 288 p.
10. Богин Г.И. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам// Понимание и интерпретация текста: Сб. научн. тр. – Тверь, 1994. – С. 8-17.

ОБРАЗ КОНЯ В АЛТАЙСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «АЛТАЙ-БУУЧАЙ»

Муйтуева Ирина Николаевна

кандидат пед. Наук, НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск

Muytueva Irina Nikolaevna, Candidate of Pedagogic Sciences, Institute of Altaic them. S.S.Surazakova, Gorno-Altai sk

АННОТАЦИЯ

В героическом эпосе коню отведено немало страниц. Изучение образа коня позволяет определить ее роль в культуре у алтайцев. Лошадь занимала особое место в жизни кочевника.

Ключевые слова: героическое сказание «Алтай-Буучай», конь, лошадь.

ABSTRACT

In heroic epic horse devoted many pages. The study of the image allows the horse to determine its role in the culture in the Altai. The horse had a special place in the life of a nomad.

Keywords: heroic legend "Altai - Buuchay", horse.

В устном народном творчестве алтайского народа героический эпос занимает особое место. Героическое сказание «Алтай-Буучай» является одним из любимых произведений алтайского народа. До революции героическое сказание «Алтай-Буучай» издавалось пять раз, все они были на русском языке. В советский период сказание «Алтай-Буучай» на алтайском языке исполнили Н.У. Улагашев, А.Г. Калкин, Е.К. Таштамышева и т.д.

Таким образом, мы имеем различные варианты эпоса «Алтай-Буучай». Во всех имеющихся вариантах эпоса сюжеты, мотивы, главные герои в основном сходны. Поскольку на интересует образ коня в героическом эпосе «Алтай-Буучай», мы рассмотрели вариант исполненный Н.У. Улагашевым, который вышел во втором томе «Алтай Баатырлар» в 1959 году.

В эпосе верховой конь обозначается термином ат. У алтайцев конь (ат) самое ценное и любимое животное. Это отразилось и в устной традиции и в литературе. Согласно сложившейся в культуре алтайцев иерархии живых существ лошадь - существо высшего порядка, сопоставимое по статусу с человеком. Образ коня и человека

«Андап жүрерде минетен
Бай-Чоокур атту болды
Малын кабырза минетен
Кайчы-Жеерен атту болды.
Јуулу јерге минетен
Камчы-Жеерен атту болды» [1, с.5].

События в эпосе начинаются с отъезда Алтай-Буучая на охоту. Он обещает вернуться с охоты через сорок лет, самое долгое через шестьдесят лет. Наказывает дочери в его отсутствие не подниматься на серую гору, в родниковую воду белой реки ноги не отпускать. Проходят шестьдесят лет Алтай-Буучай не возвращается. Дочь нарушает наказ отца, поднимается на гору, жена Эрмен-Чечен приглашает Араная с Шаранаем. Но, в этот момент, неожиданно для всех, возвращается Алтай-Буучай. Жена прячет Араная с Шаранаем, и дает богатырю аракы с ядом. Алтай-Буучай пьянеет и слабеет, в это время Аранай с Шаранаем убивают богатыря. Но, кони, верные това-

«Алтай-Буучай баатырдын
Эки эргегин эптей тутты,
Эки будын эбине салды,
Кунан койдый јаан
Кызыл-күрен менди
Кескен јерлерине јышты,
Кара торко арчуулла јаныды,
Арткан менди кӱдӱре
Алтай-Буучай оозына салды [1, с.17].

Конь Алтай-Буучая Камчы-Дьеерен мог летать, передвигаться по небу из одной стихии в другой мир. Также, Камчы-Дьеерен обладал прозорливостью:

Бир тушта Камчы-Жеерен
Мындый солунды
Најыларына айтты:
«Аранай, Шаранай эки каан
Бу сӱӱктӱрдӱ келип ӱртӱӱргӱ,
Белетенип јатканын билдим [1, с.12].

... «Барган изи јок болды.

взаимосвязаны. Во всех героических эпосах конь является другом своего хозяина.

Образы коня рассмотрены в монографиях С.С. Суразакова, З.С. Казагачевой, Е.Э. Ямаевой. Во всех алтайских героических сказаниях богатырский конь обязательно ниспослан из Верхнего мира, и он в паре со своим хозяином-богатырем выполняет функцию устроителя мирной, благоденствующей жизни на земле, хранителя народа, защитника его владений и табунов [7, с. 232]. По мнению В.М. Жирмунского [6, с.24], «...в образе коня как волшебного помощника в богатырской сказке еще ощущается отдаленная связь с мифологическими представлениями о звере, чудесном помощнике человека, основанными на древних тотемических верованиях».

С.С. Суразаков отметил, что баатыр до приобретения им богатырского коня таковым именоваться не может. Главный герой эпоса богатырь по имени Алтай-Буучай имеет трех коней. На охоту отправлялся на коне Бай-Чоокур, за скотом приглядывал на коне Кайчы-Дьеерен, на войну выезжал на коне Камчы-Дьеерен.

Когда на охоту отправлялся,
На коне Бай-Чоокур ездил.
Когда за скотом приглядывал,
На коне Кайчы-Дьеерен ездил.
Когда на войну отправлялся,
На коне Кан-Дьеерен ездил.

рищи и друзья богатыря, помогают Алтай-Буучаю вернуться к жизни и отомстить врагам. Конь Камчы-Дьеерен наряду с богатырем является одним из центральных персонажей в героическом эпосе «Алтай-Буучай».

В героическом эпосе алтайцев конь – это мудрый советник и сподвижник богатыря, вещун, целитель и воин [7, с. 227]. Также он обладает волшебством, оживляет героя, когда того убивают. Конь Алтай-Буучая обладает даром исцеления. Он знал, куда и к кому идти просить помощи, чтобы оживить Алтай-Буучая. Камчы-Дьеерен добыл волшебную родинку и исцелил своего хозяина, когда его убили Аранай и Шаранай:

Алтай-Буучай богатыря
Два больших пальца [на место] поставил,
Две ноги на место положил,
Величиной с барана двухлетку
Красно-коричневой родинкой
Раны помазал,
Черным шелковым платком махнул
Всю оставшуюся родинку
Алтай-Буучаю в рот положил [конь]».

Однажды Камчы-Дьеерен
Такую новость
Друзьям говорит
«Узнал, что Аранай, Шаранай два каана
Чтобы эти тела сжечь
Готовятся приехать.

Салкын кептү уча берди,

Шуургандый шунгый берди» [1, с.13].
Следов, куда уехал, не было.

... Камчы-Јеерен оны алала,
Онон ары уча берди.
Јети јолдын белтирин
Көстөп мантап ийди.
Ай канатту куштап түрген,
Айдып ийген сөстөн бачым
Јети јолдын белтирин
Једип келбей кайтты [1, с. 15].

Кони Кайчы-Дьеерен и Камчи-Дьеерен превращались в птиц:

Кайчы-Јеерен, Камчы-Јеерен
Онойдо мында јөптөштилер
Эки кара мүркүт болдылар
Эки сөөкти тееп алып
Ўч тайганы ажа бердилер,
Арал јерге келип түштилер [1, с.13].

Камчы-Дьеерен превращался в серого воробья и лунокрылого сокола:

Оны көргөн Камчы-Јеерен
Боро кучыйак болуп ийди [1, с.16].

...Оны уккан Камчы-Јеерен,
Ай канатту шонкор болуп
Тенери түбине чыга берди.

Образы коней переплелись с образами птиц, которые тоже ассоциируются с небом. В героическом эпосе владение конем речью показывается как естественный факт. Он мог разговаривать с хозяином, давать ему советы:

«Акыр, нөкөр Алтай-Буучай!» - деп
Камчы-Јеерен ады айтты-
Аранай ла Шаранайды јууларга
Кайчы-Јеерен чыдажар.
Сен оны минип бар [1, с.18].

В героическом эпосе владение конем человеческой речью не объясняется: это подразумевается, как вполне естественный и никаких сомнений не вызывающий факт. В этом сказывается архаичность алтайского эпоса.

В эпосе развернуто дается картина бега богатырского коня. Существуют устойчивые формулы описания бега коня: «громатные горы не задев копытами, перелетел», «молодую траву не помяв, красивой иноходью идет», «следы, где стоял, остались, следов, куда ушел, не было», «не задев хвостом большие моря, перелетел» и т.д. Так как, конь – священное животное, то на нем ездят только земные и небесные люди, а представители потустороннего мира ездят на черных быках.

Можно сказать, что коню в героическом сказании «Алтай-Буучай» присущи следующие качества:

1. Он верный товарищ и друг богатыря, неразлучный спутник героя.
2. Обладает прозорливостью, сверхъестественными силами, волшебством.
3. Может разговаривать и давать дельные советы хозяину.
4. Может превращаться в птиц летать в другие миры, чтобы добыть снадобье для оживления своего хозяина богатыря; может преодолевать громадные расстояния, пересекать непроходимые горы, леса за считанные минуты.
5. Может самостоятельно совершать подвиги.

Как ветер, полетел
Как вьюга, взвился.

... Камчы-Дьеерен [стрелу] взяв,
Дальше полетел.
В перекресток семи дорог
Устремив свой взор поскакал.
Лунокрылой птицы быстрей,
Сказанного слова быстрей
На перекресток семи дорог
Прибыл, оказывается.

Кайчы-Дьеерен и Камчи-Дьеерен
Здесь решили
В двух черных беркутов превратившись
Два тела когтями схватив
Три горы перелетели,
На лесистую местность спустились.

Его увидев Камчы-Дьеерен
В серого воробья превратился.

...Услышав это Камчи-Дьеерен,
В лунокрылого сокола превратившись
На дно неба поднялся.

«Постой друг Алтай-Буучай! -
Сказал [конь] Камчы-Дьеерен-
Чтоб с Аранай и Шаранаем воевать
Кайчи-Јеерен сил хватит.
Ты на нем поезжай.

Богатырь и его конь были едины. Еще В.И. Вербицкий писал: «о верности коня своему хозяину часто повествуется в героическом эпосе алтайцев». Именно мотив товарищества, братства между Алтай-Буучаем и его конем Камчи-Дьеерен, делящим с ним трудные будни жизни и боевых схваток наиболее ярко отразился в эпосе. А потому для счастья нужен верный друг – боевой конь. Несчастен человек, не имеющий коня. Поэтому и говорили о бедняках – нет у него коня, ходит он пешком по земле. По мнению В.П. Ойношева [11, с.69], «образ коня в героическом эпосе, его умение перевоплощаться, летать, предсказывать и т.п., то есть обладать искусством волшебства, как никакой другой образ более всего свидетельствует об особой актуальности для тюрков Алтая обмена, овеществленную идею связи, соединения мира людей с миром природы, духов». Причину частых случаев превращений коня в эпосе, по-видимому, следует искать в сохранности шаманской практики, в которой шаману подняться в верхний мир помогает его ездовое животное – конь.

Литература

1. Алтай баатырлар т. 2/ Сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1959 – 340 с.
2. Екеев Н. В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследования и материалы). – Горно-Алтайск, 2011. – 232 с.
3. Баскаков Н.А., Яимова Н.А. Шаманские мистерии Горного-Алтая. –Горно-Алтайск, 1993. – 123 с.

4. Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. – Барнаул, 1948. – 23 с.
5. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – М.-Л., 1962. – 435 с.
6. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – 727 с.
7. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002. – 350 с.
8. Липец Р.С. Образ баатыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М., 1984. – 262 с.
9. Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – 166 с.
10. Муйтуева В.А., Чочкина М.П. Алтай жан. – Горно-Алтайск, 1996. – 208 с.
11. Ойношев В. П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. – Горно-Алтайск, 2006. – 164 с.
12. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – 749 с.
13. Суразаков С. С. Алтай фольклор. – Горно-Алтайск, 1975. – 232 с.
14. Суразаков С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. – Горно-Алтайск, 1961. – 180 с.
15. Ямаева Е. Е. Указатель персонажей алтайской мифологии. – Горно-Алтайск, 2007. – 158 с.
16. Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.
17. Яданова К. В. Указатель сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции: «Встреча охотника с мифическим существом». Горно-Алтайск, 2013. – 288 с.
18. Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990– 169 с.
19. Ямаева Е.Е. Астральная мифология и традиционный календарь алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – 56 с.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Пащенко Мария Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Тольяттинский филиал Самарского Государственного Университета, г. Тольятти

THE WAYS OF NOUNS FORMATION IN MODERN GERMAN AND ITS TRANSLATING INTO RUSSIAN

Pashchenko Maria, Candidate of Science, Assistant Professor of Togliatti's branch of Samara State University, Togliatti

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются современные имена существительные, появившиеся в немецком языке в начале XXI века, с целью рассмотрения основных способов их образования и продуктивности в пополнении словарного лексикона, анализируются пути передачи существительных-неологизмов с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: современный немецкий язык, имя существительное, вторичная номинация, словообразование, перевод.

ABSTRACT

The article examines the modern nouns appearing in the German language at the beginning of the XXI century, in order to consider the main ways of education and productivity in the completion of the vocabulary lexicon, analyzes the translating ways of nouns-neologisms from German into Russian.

Keywords: modern German, noun, secondary nomination, word-formation, translating.

Пополнение словарного состава немецкого языка представляет собой длительный непрерывный процесс, влияние на который оказывают различные факторы общественной жизни людей в современном мире.

Основным способом пополнения словарного состава языка является процесс номинации, в результате которого образуются различные единицы: слова, словосочетания, предложения. Номинация представляет собой, как отмечает Е.С. Кубрякова [2,с.7], речемыслительный процесс, который включает в себя такие этапы, как выделение и фиксация объекта обозначения, его осмысление, выбор языкового знака и закрепление за ним определенного содержания. Различают два вида номинации: первичную (слова воспринимаются как первообразные) и вторичную (слова, производные из уже имеющих в языке средств по определенным словообразовательным моделям). В современном немецком языке слова образуются в результате вторичной номинации.

Целью данной статьи является рассмотрение основных способов словообразования существительных в современном немецком языке и выделение приемов перевода их на русский язык.

Материалом для анализа послужили имена существительные, незарегистрированные в словарях XXI века, но активно используемые носителями современного немецкого языка.

В ходе развития немецкого языка были выделены следующие способы образования существительных: словосложение, префиксация, суффиксация, словообразование при помощи полуаффиксов, субстантивация, бессуффиксное образование от глагольных основ, сращение, образование сложнокращенных слов [4,с.95].

В результате исследования имен существительных современного немецкого языка выявлено, что словосложение по-прежнему является наиболее продуктивным

способом образования слов указанной части речи. Согласно классификации сложных существительных по структурно-генетическому типу [4, с.112] большую часть современных немецких существительных представляют полносложные соединения, например, *das Sommerloch* «время между концом и началом парламентской работы в бундестаге; время, бедное на различные новостные события», *das Benutzerkonto* «аккаунт», *die Servicewüste* «отсутствие надлежащего уровня обслуживания». Среди неполносложных соединений особую популярность приобретают сочетания слов с соединительным элементом – (e)s, например, *die Armutseinwanderung* «иммиграция по причине бедности», *der Staatstrojaner* «компьютерная программа-шпион для проведения онлайн-обысков», *Bürger mit Migrationshintergrund* «граждане с иностранными корнями».

Согласно классификации соединений по типу синтаксико-семантической связи [4, с.117] абсолютное большинство представляют определительные сложные существительные, например, *die Computerwitwe* «женщина, брошенная мужем из-за увлечения мужа компьютером», *der Wutbürger* «возмущающийся гражданин, который почувствовал на себе какие-либо политические решения, принятые без его участия», *der Lichtarbeiter* «эзотерик». Они чаще всего подвергаются частичному или полному метафорическому переосмыслению по сравнению со значением их частей в самостоятельном употреблении, например, *der Fluchlärm* «шум от аэропорта», *der Nuttdiesel* «дешевый парфюм», *die Scheißhausparole* «сплетня». Определительные сложные слова с метонимическим переносом встречаются гораздо реже, например, *die Fingergeste* «управление процессами на сенсорном экране жестами пальцев».

Наиболее распространенным типом определительного сложного слова является определитель-существительное, например, *die Fleischnütze* «лысый человек», *der Enkeltrick* «тип мошенничества, когда преступник представляется внуком пенсионера и обманым путем получает деньги», *der Lautheitskrieg* «война громкости». Кроме того встречаются определители, выраженными другими частями речи, например, определитель-прилагательное: *das Fremdschämen* «чувство стыда за другого человека», *der Sozialtourismus* «социальный туризм»; определитель – глагольная основа: *der Sprechkäse* «белые остатки пищи на зубах», *die Dehnplüsterung* «события в самой интенсивной форме, долгое время стоящие на первом плане в новостях», *die Abmahnwelle* «всплывающие предупреждающие сообщения на различных сайтах».

В некоторых словах в качестве одного слова сложного слова представлено имя собственное, например, *der Gesichtgünter* «плохое название для человека», *das Münzmallorca* «солярий». Иногда в присоединении к другому слову используется заимствованное слово из английского языка, например, *das Alkoror* «спиртной напиток типа русского коктейля» (где *por* от англ. *soda-por* «содовая вода»), *die App-zocke* «мобильное мошенничество» (где *app* от англ. «приложение»). Кроме того, возможно калькирование сложного слова из английского языка, например, *die Sockenpurpe* «дополнительный аккаунт заявленного пользователя» от англ. *sockpuppet*.

В современном немецком языке встречаются также многочленные сложные существительные, напри-

мер, *die Gammelfleischparty* «вечеринка кому за 30 (с душком)», *der Schließmuskelkater* «боль в мышцах после запора».

Наряду со слитным написанием сложных существительных встречаются слова с дефисным написанием, например, *das Popcorn-Kino* «развлекательный фильм», *die Indigo-Kinder* «дети индиго», *der Synergie-Effekt* «суммирующий эффект взаимодействия».

Такое широкое распространение в современном немецком языке словосложения свидетельствует о стремлении современного носителя языка к более экономному изложению мыслей и служит одним из средств оптимизации речевого общения, что, по-видимому, связано с увеличением темпа жизни в современном мире вообще. Человек XXI века старается успеть выполнить множество дел за короткий промежуток времени. При этом у него отсутствует достаточное количество времени на общение. Кроме того существенную роль играют и современные гаджеты (смартфоны, планшеты, компьютерная техника и др.), с помощью которых у современного человека происходит значительная часть коммуникативного взаимодействия с другими людьми. Часто данное общение происходит в письменном виде, что становится одной из причин стремления современного человека к краткости выражения собственных мыслей. К тому же нехватка времени в общем темпе жизни способствует быстрому формированию нового слова к возникшему понятию путем простого соединения двух-трех слов. Таким образом, слова, образованные путем префиксации и суффиксации, становятся более редким явлением, чем словосложение, например, *der Ichling* «эгоцентрик, себялюбец», *die Audiophililität* «стремление слушателя к высокой верности воспроизведения звука». Одним из легких путей создания существительного является также субстантивация, *das Zappen* «переключение каналов», *das Runterladen* «скачивание с интернета».

В современном немецком языке становится более популярным и прием контаминации, в частности, такой вид наложения, как телескопия [3, с. 91], когда начальный сегмент одного слова соединяется с конечным сегментом другого слова, например, *der Phubbing* «привычка отвлекаться на мобильные устройства вместо того, чтобы поддерживать разговор с собеседником» от англ. *phone* и *snubbing*; *der Flexitarier* «вегетарианец, который иногда ест мясо» от *flexible* и *der Vegetarier*; *die Dynaxity* «комбинирование (на предприятии) динамизма и комплексности» от *Dynamics* и *Komplexity*. Междусловное наложение [5, с. 254] также представлено в современном немецком языке, *der Ohrasmus* «состояние при прослушивании особенно удавшихся музыкальных произведений», *die Netiquette* «этикет Интернета».

Продуктивен в современном немецком языке и такой способ создания слов, как образование аббревиатур, структурно и семантически связанный со словосложением. Сокращенные слова получают грамматическое оформление существительных и служат так же одним из способов оптимизации речевого общения, например, *die Groko* от *Große Koalition* «большая правительственная коалиция на федеральном уровне», *Yolo* от англ. фразы *You live only once* «Ты живешь один раз».

Особую проблему представляет собой перевод новообразований с немецкого языка на русский. Существует, согласно В.Н. Комиссарову [1, с.165], несколько

приемов перевода слов. Перевод анализируемых новообразований не представлен ни в одном немецко-русском словаре, что вызывает некоторую сложность при передаче текста на русский язык, имеющего в своем составе подобные новообразования. Зачастую о значении того или иного слова приходится догадываться либо по контексту, либо по составляющим слово частям, используя прием калькирования, например, die Raucher kneipe «трактир для курящих» (der Raucher «курящий», die Kneipe «пивная, трактир»), die Datenklau «кража личных данных» (die Daten «данные», die Klau «кража»).

Но ко многим возникшим в современном немецком языке словам не возможно найти подходящего эквивалента в современном русском языке, поэтому активно применяется прием описательного перевода, например, der Augenkrebs «напряжение глаз во время просмотра в интернете специальных картинок, которые напрягают глаза при долгом просмотре», das Arschgeweih «тату, которое находится выше ягодич».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивным способом создания новообразований-существительных в современном немецком языке является словосложение. Остальные способы (префикса-

ция, суффиксация, словообразование при помощи полуаффиксов, субстантивация, бессуфиксное образование от глагольных основ, сращение, образование сложносокращенных слов) представлены меньшим количеством созданных единиц. Основными приемами перевода новообразований-существительных с немецкого языка на русский являются калькирование и описательный перевод.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2000.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
3. Нефедова, Л.А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке / Л.А. Нефедова // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация – 2003.- №3. – С. 89-95.
4. Степанова Д.М. Словообразование современного немецкого языка. – М.: КомКнига, 2007.
5. Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975.

ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: К ВОПРОСАМ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пономарёва Екатерина Валерьевна

кандидат филол. наук, старший преподаватель, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

DOCUMENTARY-FICTION: ISSUES OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Ponomaryova Yekaterina, candidate of science, lecturer of The Academy of Humanities and Education (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

АННОТАЦИЯ

На рубеже XX – XXI столетий внимание как читателей, так и исследователей привлекает литература, основанная на реальных событиях и ориентированная на достоверность повествования. Целью статьи является рассмотрение вопросов исторического развития документально-художественных жанров в западноевропейском и отечественном литературном пространстве. Использование историко-литературного метода позволяет проследить эволюцию документально-художественных жанров от древней античности до настоящего времени.

Ключевые слова: документально-художественная литература; биография; автобиография; мемуаристика.

ABSTRACT

At the turn of the XX – XXI centuries the attention of both readers and researchers is attracted to the literature that is based on real events and focused on the authenticity of narration. The aim of the article is to examine the historical development of documentary-fiction in the literary space of Western Europe and our country. The usage of literary-historical method allows to trace the evolution of documentary-fiction from ancient Antiquity to the present day.

Keywords: documentary-fiction; biography; autobiography; memoirs.

Монографические и диссертационные работы исследователей современного литературного процесса свидетельствуют об интересе ученых к вопросам теоретического и историко-литературного осмысления документально-художественной литературы. Что касается массового читателя, то здесь также следует отметить безмерный интерес к биографическим жанрам: достаточно упомянуть популярность книг серии «ЖЗЛ».

Люди издавна увлекаются историей жизни выдающихся современников. Самым весомым доказательством этого можно считать находку, сделанную в XIX веке английскими археологами во время раскопок разрушенных

городов Среднего Востока. Ими были найдены глиняные таблички с «Эпосом о Гильгамеше» или поэмой «О все видавшем», созданные более 4000 лет назад в Древнем Шумере и повествующие о приключениях реально существовавшего шумерского царя и его друга.

Историки утверждают, что искренний интерес к жизнеописанию людей появился ещё во времена развития античной цивилизации. В Египте, например, были найдены надгробные надписи, повествующие о хороших качествах и заслугах погребенных перед фараоном. В эпоху расцвета гражданского мировоззрения (в силу сложившихся в то время определенных исторических и

общественных предпосылок) жителей греческих полисов не интересовали проблемы отдельной личности, не представлялось возможным даже само осознание личности как феномена действительности.

Ситуация меняется в IV в. до н. э. с утверждением эллинистической эпохи, одобряющей всяческий интерес к жизни индивида. Именно в этот период появляются первые зачатки биографического жанра: в памятниках античной литературы можно найти некоторые сведения о героях, по своей форме напоминающие биографическую справку. В таких текстах давалась краткая информация о происхождении, состоянии здоровья героя, описывалась его добродетельность, героизм, осуждались недостойные поступки [6, с. 5].

Одними из первых попыток описания реальных событий можно считать «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, датированные I в. до н. э. – своего рода мемуарно-автобиографическое повествование о подвигах и завоеваниях полководца, а также «Жизнеописание Агриколы» Тацита – биография Гнея Юлия, основанная на документальных свидетельствах – отчётах Агриколы из Британии, обогащенная географическими и этнографическими вставками.

Более выраженным смещением в сторону психологизма, на наш взгляд, отличается «Жизнеописание двенадцати цезарей» Гая Светония Транквила. Светоний строит текст биографий каждого из охарактеризованных им императоров по определенной схеме: разделы произведения посвящены описанию их жизни до прихода к власти, государственной деятельности, частной жизни, а также описанию их смерти и погребения. Автор больше заботится не о хронологической последовательности в изложении материала, но об изображении внутреннего мира и психологии властителей.

Началом становления биографии как литературного жанра большинство исследователей склонно считать появление на свет «Сравнительных (Параллельных) жизнеописаний» Плутарха. «Плутарх сделал первый шаг от «просто» биографии, то есть сведений о человеке, как источнике определенной информации о нём, к биографии художественной» [6, с. 7]. Автору биографий по мере воссоздания портретов известных людей удается совместить черты монументальности и психологизма: в сопоставлении двух исторических лиц дается характеристика их общих особенностей и индивидуальных отличий. Однако тут нужно заметить, что Плутарх часто идеализирует своих героев, что отчасти объясняется его стремлением привить читателю любовь к добру и к красоте с помощью превознесения благородных черт и поступков. Тем самым мыслитель «...придает биографии моралистическую направленность» [6, с. 5].

Наряду с первыми биографиями появляются произведения автобиографического жанра. Известна, например, книга римского императора Марка Аврелия «Наедине с собой (Размышления)», написанная во II в. н. э. в ярко выраженной традиции стоицизма. Свой духовный мир Аврелий раскрывает в 12 книгах, высказывая мысли об общественной природе человека, мироустройстве, жизни и смерти.

Дальнейшее развитие жанр автобиографической прозы получает во времена Средневековья. Господствующее влияние христианства повлекло за собой коренные изменения в мировоззрении людей, в результате чего

начинает осознаваться ценность человеческой личности перед лицом Бога. Усиливается интерес к сфере человеческих мыслей, чувств, переживаний, появляется первая литература исповедального характера. Образцом для многих мыслителей того времени становится «Исповедь» Августина Блаженного, считающаяся первой автобиографией в европейской литературе. Несмотря на то, что повествование Августина о своем обращении в христианство охватывает не весь жизненный путь писателя, «Исповедь» имеет важное автобиографическое значение: в ней ведется подробный рассказ о детских и юношеских годах автора.

Широкое распространение в эпоху раннего Средневековья получают жития святых, описывающие жизненный путь духовных лиц. Жития можно назвать особой разновидностью биографии, где ткань повествования полностью пронизана религиозным содержанием. Составители житий не стремились к историзму, точному воспроизведению жизни, а подбирали лишь поучительные факты, воздействующие на христианское сознание. На начальном этапе становления агиографии наибольшее распространение получило «Житие Антония», написанное в IV веке Афанасием Александрийским. В истории развития русской литературы крупнейшим явлением данного жанра стало «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», носящее ярко выраженный автобиографический характер. По мнению Н. Горбач данное произведение представляет собой синтез черт агиографии и особенностей, пребывающих за пределами этого жанра [3]. Будучи написано уже в эпоху позднего Средневековья (XVII век), произведение характеризуется отказом от жестких рамок житийного канона, предельным сближением автора и героя.

Как отмечают исследователи, по мере удаления христианской культуры от античности, интерес к собственной жизни угасает, писатели перестают обращаться к своему «я», их произведения носят исключительно богословский характер, а история личности становится историей души, непременно религиозной и христианской [4].

Ситуация исподволь меняется уже в связи со становлением средневековой городской культуры, когда её главными центрами становятся университеты. В это время появляется «История моих бедствий» Пьера Абеляра – памятник эпистолярной автобиографии, адресованной вымышленному другу. Автобиография Абеляра интересна тем, что она является, в отличие от «Исповеди» Августина, одним из первых образцов самооправдания, а не покаяния, подготавливающих в условиях средневековья приход эпохи Возрождения. Возможно, именно самооправдание, нацеленность на вечные образчики поведения стало причиной того, что Абеляр проектирует себя здесь как «надчеловека», лучшего среди всех, кто его окружает.

Утвердившийся в искусстве эпохи Возрождения и последующего за ней Нового времени гуманизм, с его восхвалением человеческого разума и красоты, породил множество произведений автобиографической прозы. В то время, когда в литературной жизни кристаллизуется фигура автора, автобиографическая проза становится олицетворением «...осознанной позиции индивида, его зрелости и эстетической ответственности» [5, с. 116]. Среди биографических работ этого периода высоким мастерством и всеохватывающим характером изложения отли-

чаются биографии Петрарки «О славных мужах» и «О знаменитых женщинах»; «Жизнь Сэмюэля Джонсона», написанная Джеймсом Босуэллом; «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей, зодчих» Джорджио Вазари; «Жизнь Данте» Джованни Боккаччо. Жанр автобиографии наиболее ярко представлен такими произведениями как «Опыты» Мишеля Монтеня, «Исповедь» Жан-Жака Руссо, «Поэзия и правда из моей жизни» Иоганна Вольфганга Гете.

Перемены в общественном сознании, которые принесла в жизнь французская буржуазная революция, стали мощным импульсом к развитию мемуарной литературы. Во Франции появляются мемуары Неккера, Безанваля, Лафайета, мадам де Сталь, Дюмурье, Мирабо, Ларошфуко, Дюкло, Бюсси де Рабютена и многих других. Дальнейшее расширение психологизма приводит к усилению позиций не пользовавшихся ранее особым почтением жанров – писем, максим, записей очевидцев, дневников – выступающих теперь в качестве форм самонаблюдения.

Огромный шаг вперед в развитии документальной литературы был сделан в начале XIX столетия, когда параллельно романтизму начинается восхождение на литературную арену реалистического направления. Л. Гинзбург, анализируя психологическую подоплеку создания произведений искусства, пишет о том, что «разные эпохи, разные формации культуры по-разному понимали соотношение между искусством и действительностью и располагали разными принципами социально-этического и эстетического моделирования личности» [2, с. 29].

Нельзя сказать, что реализм оказывал на романтизм какое-либо давление, однако постепенно он занимает главенствующую позицию в искусстве. Сложившаяся в XIX – XX веках общественная ситуация потребовала от писателей новой эстетики – сосредоточения внимания на закономерном, сближения литературы с исторической правдой, с самой жизнью и с её различными проявлениями, часто негативными, безобразными, но невымышленными и не идеализированными. Л. Гинзбург утверждает, что «требование истинности литературы существовало всегда...», но в эпоху расцвета реализма произошла «...непосредственная пересадка жизни в литературу» [1, с. 30].

Наиболее приемлемым стало изображение неприемлемых, обычных людей и их поступков, взаимоотношений и конфронтации характера человека с тем обществом, в котором он живёт. Другими словами, реалисты

переместили свое внимание с индивидуальности на общественную личность, на анализ посредством личности общества в целом.

Все это не могло не сказаться на развитии мемуарно-биографических жанров, «литературы правды», основополагающим стержнем которых становится индивидуальность, личность, её мысли, переживания, оценки действительности, преломленные сквозь вереницу невымышленных исторических событий. Лидирующие позиции на литературном помосте захватывают биографические очерки, литературные портреты, дневники, мемуары, художественные жизнеописания. В мировой литературе появляются такие яркие имена, как Ш. Сент-Бев, А. Моруа, Р. Роллан, Г. Честертон, Х. Пирсон, Р. Олдингтон, Э. Гиббон, Э. Треллоп, А. Герцен, М. Горький, А. Белый и многие другие.

Сегодня интерес к документальной литературе не только не угас, но и приобрел еще больший размах, о чем свидетельствует огромное количество научных исследований и литературоведческих конференций, посвященных этой проблематике, динамика творческих поисков и дискуссий критиков и литературоведов.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Литература в поисках реальности: статья, эссе, заметки / Л. Гинзбург. – Л.: Сов. Писатель, 1987. – 400 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 463 с.
3. Горбач Н. В. Синкретизм жанрово-стильовой структуры „автобіографії“ І. Турчинського / Н. В. Горбач // Актуальні проблеми слов'янської філології. – 2007. – Вип. XII. – С. 90–96.
4. Караева Л. Б. Английская литературная автобиография. Эволюция жанра от девятнадцатого века к двадцатому / Л. Б. Караева // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 8, № 41. – С. 50–55.
5. Мохначева О. В. Границы жанра в автобиографии В. В. Набокова «Память, говори» / О. В. Мохначева // Філологічні студії: наук. вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2008. – Вип. 1. – С. 111–117.
6. Сивогривова А. А. Биографические жанры в литературе: история и теория: [учеб. пособие] / А. А. Сивогривова. – Ростов н/Д.: РГПИ, 1989. – 89 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Пшибиева Милана Альбековна

аспирант кафедры романских языков, Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик

COMPARATIVE LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF PROVERBS AND SAYINGS WITH NUMERICAL COMPONENT IN
LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

Pshibieva Milana Albekovna, graduate student of the chair of Romance languages, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

АННОТАЦИЯ

В статье дается сопоставительный анализ семантики паремий с числовым компонентом, содержащие природный, религиозный, временной, фитонимический культурные коды в разных лингвокультурах, в ходе которого выявляются семантические сходства и различия.

ABSTRACT

The article presents a comparative analysis of the semantics of proverbs and sayings with numerical component containing natural, religious, time, phytonymical cultural codes in different linguistic cultures, during which the semantic similarities and differences are identified.

Ключевые слова: паремия; числовой компонент; природный, религиозный, временной, фитонимический культурные коды.

Keywords: proverbs and sayings; numerical component; natural, religious, time, phytonymical cultural codes.

В рамках данной статьи мы рассмотрим пословицы и поговорки с нумерологическим компонентом, в русском, кабардино-черкесском, английском и французском языках, содержащие пищевой, природный, религиозный, временной, фитонимический коды культур. Объектом нашего исследования являются пословицы и поговорки, содержащие числовой компонент. Предметом является сопоставительный анализ семантического содержания паремий в представленных языках с целью выявления сходств и различий, так как пословицы и поговорки с числовым компонентом отражают национально-культурную специфику языка, раскрывают средства и способы проникновения культурных традиций и ценностей в язык. Несмотря на, в целом, однородные функции в языке, остановимся на различиях пословицы и поговорки. Как отмечает И.М. Снегирев, «пословица несет в себе жизненно важную истину, в то время как поговорка содержит какой-то намек, сравнение, уподобление» [10, с. 5]. С точки зрения В.В. Мартынова, «числа - это элементы особого кода, с помощью которого описывается мир: числа лежат в основе музыки, поэзии, архитектуры и искусства в целом» [9, с. 450]. Также попытаемся определить такое понятие как, код культуры, и проанализировать, как коды культуры фиксируются в паремиях русского, кабардино-черкесского, английского и французского языков. Коды культуры занимают центральное положение в национальном культурном пространстве и являются структурообразующими элементами последнего, присутствуя в когнитивной базе лингвокультурного сообщества. В.В. Красных отмечает, что «коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [6, с. 19]. Код культуры - это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов. В данной публикации мы рассмотрим пищевой, природный, религиозный, временной, фитонимический коды культур.

Пищевой код культуры. Под пищевым кодом культуры исследователи понимают совокупность «обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках продуктов питания, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [4, с. 386]. «Один кашу варит, другой ест. Одна ложка дегтя портит бочку меда» [1, с. 137]. «Один пирог два раза не съешь. Одному и у каши не споро» [8, с.165,167]. «Первый блин (всегда) комом» [3, с. 248]. «Лук семь недугов лечит. Два арбуза в одной руке не удержишь» [2, с. 25,196]. «Япэ узрихьэлэр шхыныфш.- посл. от одного стола к другому не иди: любая пища хороша» [5, с.322]. «One drop of poison infects the whole tun of wine - Одна капля яда портит целую бочку вина. One ill weed mars a whole pot of pottage - Одно плохое зерно портит целый горшок с похлебкой»

[1, с. 137]. «Cheval faisant la peine ne mange pas l'avoine - Один с сошкой, а семеро с ложкой. Les premiers morceaux nuisent aux derniers - Первый кусок всегда слаще» [7, с. 21, 66].

Природный код культуры. В природном коде культуры обосновывается положение о том, что мир - природы, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека - приобретают в процессе своего освоения и познания особый семиотический смысл, культурный смысл, который возникает из небуквальных смыслов вещей. В этом можно убедиться, на основе следующих примеров: «Дважды в год лето не бывает. Привычка - вторая природа» [1, с. 40,158]. «Первый снег - не зима, первая заноба - не невеста» [3, с. 248]. «Le printemps de la vie ne revient jamais - Дважды в год лета не бывает» [7, с. 66].

Религиозный код культуры. Проблема соотношения культуры и религии имеет социально-исторический и теоретико-познавательный характер и активно разрабатывается учеными, философами, теологами с разных мировоззренческих, идеологических и методологических позиций. Она отражает социально-культурные и общественно-политические особенности и тенденции развития отдельных стран, народов, мирового сообщества в целом в различные исторические эпохи: «Один Бог знает» [8, с. 165]. «Toutes les bonnes choses sont au nombre de trois - Бог троюцу любит» [7, с. 50].

Временной код культуры. Как пишет Л.Х. Хараева «Естественный человеческий язык, будучи продуктом и одним из условий существования социальной формы движения материи, также имеет свои пространственно-временные характеристики (онтологический аспект). Отсюда выделение в лингвистических исследованиях, посвященных проблеме времени, аспектов (направлений), рассматривающих: 1) время в языке; 2) язык во времени. Каждый язык располагает своей организованной системой морфологических, лексических и синтаксических средств выражения понятия времени и временных отношений. Эти языковые средства разнородны по своему составу» [11, с. 97].

«Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени» [6, с. 10]. Это можно представить на примере паремий кабардино-черкесского языка: «Бзаджэм и бзаджагъэр япэ ирегъэщ - посл. виноватый сам старается обвинить другого» [5, с. 35]. «Япэ уемыуэ, къоуэм хуумыгъэгъу - посл. первым не насоси удара, а нанесшему тебе удар не прощай. Япэ джалэм уцлэмынаклэ.- посл. не смейся над тем, кто падает первым. Япэ къауэр къытохуэ - погов. На него падает удар первого же бьющего;=все шишки на него падают. Япэ лам джэбыныр ейщ. посл. - как начнешь так и кончишь» [5, с. 322].

Фитонимический код культуры. В фитонимическом коде культуры отражаются представления человека о расительном мире: «Одно дерево еще не сад» [8, с. 167].

Результаты исследования представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Сходства и различия в семантической структуре паремий с нумерологическим компонентом в разноструктурных языках

Код культуры	Кол-во паремий	Числовой компонент	Используемые лексемы
Пищевой	12	Один = One Два Первый Семь Япэ = Первый = Premier Dernier - последний	Каша, пирог, мед, блин, лук, арбуз, шхыныфшц – пицца хороша, wine-вино, weed-зерно.
Природный	4	Два Второй Первый	Год, лето, природа, снег, зима, printemps-весна
Религиозный	2	Один Trois = троица, трое	Бог
Временной	5	Япэ = Первый	Япэ = Первый
Фитонимический	1	Один	Дерево, сад

Анализ пословиц и поговорок с нумерологическим компонентом, содержащие пищевой, природный, религиозный, временной, фитонимический коды культур, в русском, кабардино-черкесском, английском и французском языках, позволяет осмыслить и представить картину мира, единицы языка духовной культуры, систему ценностей конкретного этноса.

Литература

1. Григорьева А.И. 1000 русских и английских пословиц и поговорок М.: АСТ, 2009. — 217с.
2. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях/Худож. В.И. Тильман. — М.: Просвещение, 1993.- 349с.: ил.- ISBN 5-09-003104-5.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1991. - 534 с. — (Малая б-ка словарей рус. яз.). — ISBN 5-200-01106-X
4. Захаренко И.В. Молочные реки [и] кисельные берега / молочные реки с кисельными берегами / И.В. Захаренко // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. — М.: «Аст-Пресс Книга», 2006. — С. 386.
5. Карданов Б. М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Книжное издательство «Эльбрус», 1968.-344с.
6. Красных В.В. Язык, сознание, коммуникация: Сб.статей/.-М: МАКС Пресс, 2001.- Вып. 19 – 164с. ISBN 5-317-00302-4
7. Критская О.В. Французские пословицы и поговорки: пособие для изучающих французский язык / – Москва: Высшая школа, 1963. – 95 с. – На фр., рус. яз.
8. Маргулис А., Холодная А. Русско-Английский словарь пословиц и поговорок. Изд-во: McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North California, and London. 2000. 494 с.
9. Мартынов В.В. Основы семантического кодирования – М., 2001.
10. Снегирев И.М. Обзорение пословиц. [Текст]/ И.М. Снегирев// Русское устное народное творчество. Хрестоматие по фольклористике /Под ред. Ю.Г. Круглова.- М.: Высшая школа 2003. – С.133-140
11. Хараева Л.Х. Когнитивное моделирование этимологических гнездв разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков) Нальчик. ГП КБР «Эль-Фа» 2007г.

ИНФОРМАЦИЯ КАК ПОНЯТИЕ И ТЕРМИН

Саврухин Анатолий Петрович

кандидат технич. наук, доцент, Московский Государственный Университет Леса, г. Королёв

THE INFORMATION AS CONCEPT AND THE TERM

Savrukhin Anatoly, Candidate of Science, assistant professor of Russian State University Forest, Korolev

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена восстановлению основного значения термина информация.

Исследуется происхождение термина и все примеры его многозначности. Дается определение: информация — это сообщение, которое принято заинтересованным лицом, понято им и содержит новое полезное ему знание.

Информация — это не просто передача знаний, это просвещение, дарование умственного света, осуществляемое путём образования, в ходе воспитания и обучения.

ABSTRACT

The article is devoted to the restoration of the main meaning of the term information.

Explores the origin of the term and all examples of polysemy. Definition: information is a message that is accepted by the person concerned, understood them, and includes a new, useful to him knowledge. Information is not only knowledge transfer. This path of illumination, the gift of mental light, through education, in the course of education and training.

Ключевые слова: информация; тезаурус; знание; коммуникация; сообщение

Keywords: information; thesaurós; knowledge; communication; statement

1. Вступление

Человек наделён возможностью стать разумным существом, способным мыслить и понимать. Но сама разумность не передаётся по наследству, а обретается в ходе обучения, неперемного условия очеловечивания. Обучение есть образование, то есть передача знаний, умений и навыков, приобщение к науке. Учение образует ум, воспитывает нравы и улучшает духовно, просвещение дарует умственный и нравственный свет.

Образ есть облик, вид, совершенно полное и точное сходство. Образовывать кого-либо, значит, улучшать духовно, просвещать. Чьим же образом наши предки считали человека? В книге Бытия говорится, что Господь сотворил человека по образу и подобию Своему, а по изъяснению апостола Павла, образ Божий состоит в праведности и святости истины. Хотя высшие духовные черты образа Божия затмились в человеке, но некоторые проявляются в его уме, его личности.

2. Исходное значение слова информация

Informatio [1,2]: 1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие (in animo insita i. rei alicujus: в прирождённых свойствах понимание причин явлений); 3) осведомление, просвещение (ad eruditionem informationemque nostram, Augustin. epist 12 extr.: обучение (поставление знаний) есть просвещение); (ad informationem eorum, qui etc., Vulg. 1. Timoth. 1, 16. -β: пример, назидание, наставление).

Informator: Образующий, воспитатель, просветитель.

to inform: Сообщать, наполнять, одушевлять.

in-fōrmo: 1. придавать вид, форму, формировать; 2. обучать, воспитывать; 4. мыслить, воображать.

Как видно, в слове образование (образ) тот же корень, как и в слове informatio (форма, вид, образ), а слово informator прямо указывает, что информирование есть непосредственное обучение. Сведения получают из разных источников, но придать вид, направить, выделить важное, связать с усвоенным, проверить, перевести в понятия может только лично наставник. Обучать значит разъяснять, давать сведения, воспитывать. Приведенные синонимы более точно выражают те не основные значения слова информация, которые иногда используются.

Так образованному (информированному) человеку доступен подлинный смысл и точное понимание воспринимаемого; он способен постигать умом; у него развиты умственные и нравственные силы. Человек познаёт мир, используя органы чувств, поэтому восприятие по необходимости образное, но общение путём обмена образами малоприспособлен в силу неоднозначности. Люди не умеют напрямую обмениваться мыслями и не имеют доступа к памяти. Поэтому потребность в общении удовлетворяется путём использования посредника, каковым у людей, чаще всего, служит слово. Слова это короткие согласованные коды, обозначающие предметы и т.п., и заучивание их есть первый шаг в обучении. Но и только в понятиях без

представлений, в отрыве от чувственной наглядности, человек не может мыслить. Человек оперирует и образами, и связанными с ними мыслями, т.е. осмысленными образами, содержащими смысловую информацию, знание [3].

Знание: результат познания, система приобретенных понятий о действительности; обладание сведениями о чем-либо. Выделяют 5 типов знаний[4]: 1) пригодные в работе и в быту; 2) интеллектуальные знания; 3) бесполезные и развлекательные; 4) духовные; 5) нежелательные – вне сферы интересов и целей человека. Знание в узком смысле – научное знание, сведённое в систему и способное к передаче другим через средства связи.

На санскрите джна означает знать, быть осведомлённым; узнавать; понимать; а джнана – знание, понимание; органы чувств. Соответственно, в русском языке знать означает ведать, иметь сведения, твердо помнить; иметь о чем-нибудь понятие, сознавать; уметь исполнять что-либо. Знание это разумение, опытность, искусство; круг сведений и понятий, умственный кругозор. Это информация, переработанная субъектом, упорядоченная, наложенная на прежние представления и сохраненная. Знание в онтологическом смысле это исключительно субъективная реальность.

Виды знания: прирождённое, приобретённое и приращённое (полученное от родителей до рождения, полученное обучением, наработанное мышлением). Из них только приобретённое связано с исходным понятием информация.

3. Тезаурус личности.

Тезаурус (от греч. thesaurós – сокровищница), множество выражающих смысл единиц некоторого языка с заданной на нём системой семантических отношений. Он может пониматься как совокупность понятий и связей между ними, система знаний, которыми располагает личность как носитель информации. Информация не признается таковой до тех пор, пока не превратится в знание, т.е. не найдет отражения в тезаурусе приемника в виде соответствующих изменений [5]. Чтобы содержание сообщения было понятно, оно должно содержать понятия, соответствующие тезаурусу.

Тезаурус – полезная внутренняя информация системы о себе и среде; она определяет способность системы управлять собой. Влияние тезауруса на процессы восприятия и переработки сенсорной информации объясняет неоднозначное истолкование входной информации человеком, например, в зависимости от его психического состояния [6]. Под тезаурусом должно разуметь не простую сумму сведений, но все интеллектуальное и эмоциональное богатство получателя информации, включающее его способность к сотворчеству [7]. Обобщая, можно принять, что тезаурус содержит все виды знаний индивида. Тезаурус больше, чем информация, т.е. полученное извне знание.

4. Первичные знания.

Что касается первичных знаний, то есть основы тезауруса, то это есть прирожденное знание, исходные понятия. Далее накапливается предметное, образное знание (вижу предмет – называю). Его отголоски сохраняются и переносятся на отвлеченные понятия. Примером служит иероглифическая письменность.

Прирожденное знание, как установлено наукой, приобретает еще в утробе матери, и образ родного и любящего взрослого, воплощенный в ребенке, лежит в основе интуиции ("Родился от благочестивых родителей"). Также и то, что относится к инстинктам, т.е. умениям как проявлениям древнейших исходных знаний, не имеющих иных понятных проявлений [8]. Известно такое явление, как антиципация – представление предмета, события и т. п. в сознании человека еще до того, как они будут восприняты или осуществлены; способность организма человека или животного подготовиться к отклику на какое-либо событие до его наступления. Это предвосхищение, предугадывание событий.

Близкое понятие пролепсис (от др.-греч. πρόληψις – предчувствие, предвидение) истолковывается как воспроизведение опыта, почерпнутого родителями из их творческого прошлого, на будущее ребенка. Например, уже у новорожденных иногда «открываются» признаки будущих черт характера и выдающихся способностей (музыкальных, спортивных, изобретательских и т. п.). Стоики и эпикурейцы называли пролепсисом предвосхищение, считая, что сознание человека способно переживать умопостигаемый мир еще до того, как произойдет восприятие вещественного мира.

По Эпикуру, пролепсис – природные родовые понятия, которые образуются естественным путем у всех людей. На основе чувственных восприятий возникают единичные представления, а на их основе – общие представления или отвлеченные понятия, образующие смысл слов. Ощущения, пролепсис и чувства удовольствия и страдания имеют одну общую характеристику, что гарантирует их ценность и истинность – их непосредственная очевидность [9].

5. Обучение как приобретение знаний.

Одной из важнейших целей образования является получение знаний. Знания закрепляются мозгом в форме тезауруса, то есть совокупности понятий и связей между ними.

Всякое живое существо от рождения обладает навыками выживания, затем приобретает новые путем самообучения и подражания. Кроме того, оно подвергается принуждению со стороны соплеменников, насилию и поощрению. Такое научение животного не именуется приобретением знаний, поскольку не имеет знаковой формы. Только человек, благодаря обладанию второй сигнальной системой, способен перерабатывать принимаемые сигналы в виде слов, поскольку знание воплощается знаковыми средствами языка.

Ребенку указывают на предмет, например, стул, и произносят слово. Так образуется связь предмета со звуком, что ограничено свойственно и животным. В дошкольном воспитании закрепляются устойчивые связи звуков в словах, обозначающих предметы. Когда же слово трактуется уже как связка букв, а не звуков, появляется возможность вводить слова, не связанные с предметами. Это слова как понятия, что свойственно абстрактному

мышлению, поскольку запоминается несуществующий предмет. Далее учат связи слов.

Главная трудность воспитания состоит в том, что принятая система образования входит в противоречие с первобытной природой человека, которой не свойственно многочасовое неподвижное сидение, сопряженное с запоминанием беспредметных символов. Что свойственно природе? Игра, развлечение, добывание пищи, поиск полового партнера, исследование окружающего пространства, определенные доли риска и т.п.

Знания передать насильно нельзя, но можно помочь ученику воспользоваться умом с целью развития, воспроизводства или порождения знаний в его голове за счет установления новых связей понятий. Но чтобы научиться, нужно побуждение к действию, желание и воля. Также необходимы: открытость к общению, подчинение правилам, соответствие установленным образцам, самоограничение. В быту такое поведение называют волевым. Для привития таких навыков используют: инстинкты (познавательный, игровой и т.п.), поощрение, принуждение и наказание. В природе подчинение это неперемное условие выживания в стае, стаде и семье. В обществе подчинение твердо установленному порядку входит в противоречие с понятиями свободы личности, что является постоянно предметом размышления личности. Конечно, в воспитании участвуют и общество, и семья, и окружение, но роль учителя важна, ибо он, будучи профессионалом, способен учитывать особенности личности каждого ученика.

Ум оценивается количеством хранящихся в памяти и действительно используемых понятий как информационных единиц, то есть объемом тезауруса, а талант – количеством полезных и новых сочетаний понятий, возникающих в процессе мышления. Количество комбинаций, возникающих в каждой голове, огромно (сны, бред, галлюцинации, фантазии, логические построения и т.п.), а отбор допустимых и полезных из них осуществляет разум, внутренний цензор. Так возникающее новое знание проходит в дальнейшем проверку научной общественностью путем обсуждений и постановки опытов. Не столько поставление новых знаний, сколько привитие навыков правильного мышления составляет предмет информирования – обучения.

Школа дает первоначальные знания, семья учит выполнять правила повседневного поведения, общество прививает навыки нравственного поведения и исполнения общественного долга, руководители подчиняются установленному на предприятии порядку, партии обязывают соблюдать устав, власть требует соблюдения законов, религия учит почитанию Бога и строгому соблюдению заповедей. Реклама навязывает услуги, СМИ развлекают и топят полезные сведения в потоке бесполезных. Помимо этого, органы чувств подвержены воздействию разного рода посторонних сигналов, например, собственных движений тела или не ощущаемых органами чувств, но влияющих на организм (космические частицы, различные излучения).

Из множества входных сигналов только некоторые, производящие изменения в чувствительных клетках, подвергаются обработке в мозге, становятся воспринимаемыми. При этом они перекодируются: например, световой сигнал кодируется в разницу потенциалов, а затем пере-

кодируется в ионный сдвиг, химические реакции, поляризацию мембран, нервный электрический импульс и т.д. Большая часть сенсорных сигналов (шумов) отбрасывается первичной памятью, позволяя учитывать или игнорировать поступающие сигналы; и далеко не все из них осознаются. На основе полученных данных наше сознание осуществляет своего рода предположительное воссоздание (модель) внешнего мира [10].

6. Приращённое знание.

Ещё более сложные процессы протекают в мозге. Приведём краткое изложение того, что относится к уровням мышления (по учению Санкхья, ум многоступенчат [11]).

Махат – первый продукт развития живого, основа разума личности.

Буддхи – наблюдение, различение, понимание, орган суждения, разумная воля. Следствие природы человека. Хотя не сознательна, но как бы разумна. Это синоним, личный психологический дубликат махата. Это тонкая субстанция всех умственных процессов, способность различения и восприятия объектов как таковых. Это орган суждения, он принимает решение.

Аханкара – самосознание, основа личности, эмпирическое сознание, чувство собственного Я. Она, а не душа, действует. Благодаря ему каждая из индивидуальных душ наделяется самостоятельной мыслительной способностью.

Манас – рассудок, ум; способность познания; представления, убеждения, нрав, воля, стремление; индивидуальный ум, способный к вниманию, отбору и отражению; центральный орган восприятия и действия.

Читта – разум, мышление; характер, душа; память, воображение. Мудрая мыслительная способность, распознающий интеллект, действующий ради пуруши. Пуруша – субъект познания, сознание. Этот уровень уже не связан с мозгом непосредственно.

С появлением речи знания стали передаваться во время общения, с появлением письменности появились книги как посредники в обмене знаниями между людьми. В книгах звуки речи кодированы буквенными знаками. В появившихся позже линиях связи звуки и буквы кодированы сигналами.

Сообщение — это оформленное в словах знание, предназначенное для передачи речью, письмом, жестами и т.п. Звуки речи преобразуются в слова, затем многократно перекодируются в тот вид, в каком он хранится в памяти (внутренний код). Сигналы побуждают к перестановке слов-понятий (т.е. мыслей), а новые сочетания осмысливаются и закрепляются в виде нового знания. Это и называют принятой информацией, а процесс её передачи (создание сообщения и приём, а не транспортировку сигналов) – информированием. Сигналы не содержат информации и не являются ею, они переносят организованную материю или её колебания, несущую запас энергии, достаточной для возбуждения рецепторов приёмника. Раздражители мозга это коренным образом преобразованные внешние сигналы, поступающие на датчики органов чувств, рецепторы. Поэтому положительную реакцию мозга можно получить множеством способов. Например, пение птиц заменяют человеческим голосом или звуками, издаваемыми музыкальными инструментами. Сам процесс извлечения звуков исполнителем есть не что иное,

как кодирование звуками созданной композитором программы, записанной нотами. В организме слушателя процесс протекает в обратном направлении. В этой звуковой связи каналом служат воздух, а сигналом – его колебания (модуляция).

Знания не передаются приёмнику, а рождаются в нём, сигналы же — это приказы или указания, как производить такое действие. Иначе говоря, сигналы переносят программу воспроизводства знания. Речь это упорядоченные звуковые сигналы. Слова это особые сигналы, команды для второй сигнальной системы, которые вызывают резонансный отклик, а именно мысли-понятия в мозге. Только слова работают с тезаурусом, входят в знание.

7. Выводы.

1. В литературе слово информация используется столь неоднозначно, что утратило значение, как термин. 2. По происхождению, слово информация соответствует русскому слову образование, предполагает получение знаний извне, что принято называть получением и усвоением информации. 3. Тезаурус содержит всё интеллектуальное и эмоциональное богатство личности, в том числе приобретённое путём обучения знание. Представленное извне должно быть истинно знанием; идти от доверенного источника. Приёмник должен быть заинтересован в получении сообщения; обладать волей для преодоления трудностей усвоения; иметь достаточную подготовку, чтобы понимать смысл сообщения. Далее следует труд обдумывания полученного, увязывания с прежним знанием и закрепления в памяти, что есть обогащение тезауруса. Такой вид достоверного сообщения как продукта интеллектуальной деятельности людей назовём информацией. Добавим, что сообщение должно быть исполнено так, чтобы принимающее лицо имело возможность перевести его в языковую форму.

Информация — это сообщение, которое принято заинтересованным лицом, понято им и содержит новое полезное ему знание.

Пояснение. 1. Сообщение может быть безадресным; чтобы его принять, нужно выделить из шума, раскодировать (при необходимости), оценить значимость, сосредоточить внимание на нём и закрепить в памяти без ошибок. 2. Чтобы его понять, требуется вызвать из памяти соответствующие понятия и подставить в принятый текст, восстановив тем самым смысл сообщения, насколько это возможно. Резонанс будет иметь место, только если понятия передающего и принимающего совпадают. 3. Новизна и полезность полученного материала определяется осмысливанием.

8. Чем не является информация.

1. Созерцание природы, рассматривание картин, прослушивание музыки и подобное не является получением информации, поскольку это не приём сообщений, а чувственное восприятие образов.
2. Информация есть продукт интеллекта, поэтому не содержится в элементах материального мира; не совокупность данных о параметрах объектов.
3. Информация не атрибут материи, а только свойства материальных объектов.
4. Информация не возникает в тот момент, когда меняются только свойства объектов; но определяет особенности поведения субъекта.

5. Информация не совокупность сигналов, это производное разума.
6. Информация не может быть мерой, поскольку сама субъективна.
9. Список использованной литературы.
1. Латинско-русский словарь. — 7-е изд., Дворецкий И. Х., Издательство: М.: Рус. яз., 2002, С. 846
2. Academic Dictionaries and Encyclopedias; <http://en.academic.ru/dic.nsf/cide/90667/Information>.
3. С.Л.Рубинштейн. Основы общей психологии. СПб: Изд. "Питер", 2000
4. Ф. Махлуп. Производство и распространение знаний в США. - М.: Прогресс, 1966. - 462 с.
5. Н. Чурсин. Популярная информатика. К.: «Техника», 1982.
6. <http://n-t.ru/ri/ch/pi02.htm>
7. Физиология человека. Под редакцией В. М. Покровского, Г. Ф. Коротько. Издательство: Медицина, 2007 г.
8. М. Волькенштейн. Стихи как сложная информационная система. "Наука и жизнь", No 1, 1970
9. В. Вундт. Психология подростка: - СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-пресс, 2004. - 480 с.
10. Дж. Реале и Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней.
11. Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004
12. А.П. Саврухин. Книга о естественных основах нравственности. М.: МЛТИ, 1991. <http://savruchin.narod.ru/links.html>. E-mail: savruchin@ya.ru

СТРУКТУРНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ-ПРОШЕНИЙ XIX ВЕКА)

Сибирякова Светлана Николаевна

кандидат филол. наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

STRUCTURAL AND CONTENT FEATURES OF FORMS OF ADDRESS (BASED ON THE GERMAN-LANGUAGE APPLICATION LETTERS OF THE XIX CENTURY)

Sibiryikova Svetlana, PhD Associate Professor, Altai State University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются структурные и содержательные особенности обращений немецкоязычных писем-прошений XIX века, их прагматическая направленность на адресата. На основе анализа эмпирического материала было показано, что прагматический потенциал обращений исследуемых писем состоит в почтительном преклонении автора письма перед адресатом, в намеренном эксплицитном выражении глубокой социальной дистанции, существующей между корреспондентами с одной стороны и в попытках сблизиться с адресатом, выражая ему свое доверие, с другой.

ABSTRACT

The article covers structural and content features of forms of address in German-language application letters of the 19th century, their pragmatic focus on the addressee. Based on the empiric data, it was shown that the pragmatic potential of forms of address in the investigated letters is in the writer's respectful admiration of the addressee, in the deliberate explicit expression of the deep social distance between correspondents, on the one hand; and in an attempt to get closer to the addressee expressing trust, on the other.

Ключевые слова: письмо-прошение; обращение; апеллятивная функция; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика.

Keywords: German-language application letters; address; appellative function; communicative strategy; communicative tactics.

Любой акт коммуникации – это речевое действие ради воздействия говорящего на воспринимающего, ради взаимодействия партнеров по общению. При создании различных коммуникативных структур возникает разнообразие целей, которых их создатель может добиться при помощи высказывания-действия. Существующая определенная прагматическая установка влияет на характер языкового оформления текста. Формула обращения – номинации адресата – это та часть языка, которая занимает в этом процессе не последнее место не только потому, что она фиксирует наиболее устойчивые и кодифицированные точки дистантного коммуникативного акта, а чаще потому, что, «являясь функционально-семантической универсалией, номинация адресата отражает межличностные отношения между участниками коммуникации, целевую установку говорящего воздействовать на слушающего

в определенном направлении. Она содержит информацию о говорящем и адресате, а также имеет выраженную национальную и региональную специфику, связанную с неповторимостью узального речевого поведения представителей конкретного региона или социума в той или иной форме коммуникации» [4, с. 170].

Обращение обладает прагматической направленностью, характеризуя адресата и тем самым, создавая свой микроклимат общения. Оно «служит для выражения уважительного отношения к адресату с целью, с одной стороны, установить тон общения, а с другой – стимулировать выгодное для адресанта отношение адресата к сообщаемому, благоприятную для него реакцию» [2, с. 67].

А.М. Пешковский подчеркивал, что в формах обращения обнаруживается переплетение функций побуждения и привлечения внимания с функцией квалификации самого слушателя [3, с. 407].

Назначение обращений, именуемых также вокативами, в языке – выполнение апеллятивной функции, установление и поддержание контакта между участниками общения. В своей работе «Язык социального статуса» В.И. Карасик утверждает, что по своей функции вокативы относятся к неинформативным речевым действиям в том смысле, что не несут когнитивной информации, связанной с пропозициональным, или фактическим содержанием несущих ее языковых структур; они выражают регулятивное, индексальное и эмоциональное содержание. Регулятивное содержание связано с установлением, поддержанием и размыканием контакта, индексальное содержание характеризует психологический склад и социальный

статус говорящего, эмоциональное содержание является дополнительным в аккорде значений обращения. По мнению В.И. Карасика вокативы «могут быть информативными в той мере, в какой мы извлекаем информацию из единиц прагматического плана языка: в норме эти единицы неинформативны, поэтому любое отклонение от шаблона несет новую информацию индексального либо эмоционального характера» [1, с. 194]. В своей работе автор предлагает следующую парадигму вокативности, представляющую собой динамическую модель класса рассматриваемых слов и выражений:

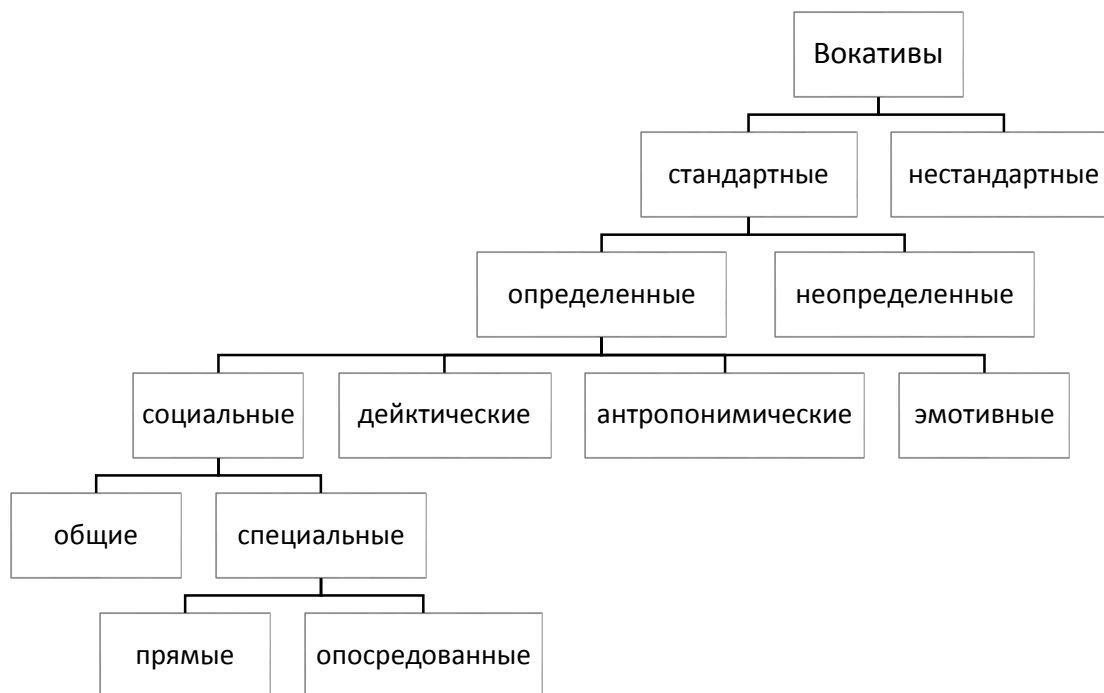

Рисунок 1. Парадигма вокативности [1, с. 203]

Все вокативы В.И. Карасик подразделяет на стандартные и нестандартные. К нестандартным вокативам относятся любые слова, которые могут быть употреблены в функции обращения. Стандартные вокативы включают два типа единиц: определенные и неопределенные вокативы. К нестандартным вокативам относятся междометия, посредством которых привлекают внимание людей. Определенные вокативы составляют класс, в который входят различного рода титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные, а также эмоционально-экспрессивные обращения. Стандартные определенные вокативы распадаются на четыре класса: социальные, дейктические, антропонимические и эмотивные.

Сочетание вокативного и эмотивного признаков образует класс эмоциональных обращений. Имена собственные представляют собой комбинацию антропонимического и вокативного признаков. Стандартные определенные дейктические вокативы выражены посредством личных местоимений. Социальные вокативы выражают соотносительную позицию человека в социальной иерархии. Социальные вокативы распадаются на две неравных группы: общие и специальные вокативы. Общие вокативы являются универсальной формой этикетного

контакта равных либо неравных по статусу людей. Общие вокативы являются знаком общения на социальной дистанции.

Специальные вокативы приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в сложных автономных общественных образованиях: в армии, в государственных учреждениях, в образовательных и медицинских учреждениях, в церкви.

Некоторые специальные вокативы развивают двойную вокативную систему – прямую и опосредованную. Двойная вокативная система свидетельствует о высоком социальном статусе адресата и распространяется на монарха и его близких, высшее дворянство, церковных иерархов, руководителей государства, высших чиновников.

Воздействие на адресата, стремление побудить его к реализации намерений адресанта, являющееся, на наш взгляд, глобальной целью просительных писем, послужили поводом для выработки и использования адресантами определенной коммуникативной стратегии, обеспечивающей или, по крайней мере, способствующей реализации их намерений. В рамках исследуемых писем мы будем говорить о коммуникативной стратегии побуждения. Указанная стратегия находит реализацию посредством

определенного ряда тактик, представляющих собой конкретные практические ходы в процессе речевого взаимодействия.

Переходя к рассмотрению обращений, свойственных просительным письмам XIX века, следует отметить, что обращение всегда строится по законам времени написания письма и социального положения пишущих и является тем средством, которое, выражая отношение говорящего к называемому субъекту, способствует и более активному воздействию на адресата.

Исследуемые нами немецкоязычные письма-прошения XIX века характеризуются жестко очерченными социальными рамками их корреспондентов. Проанализированный эмпирический материал показал, что в структуре обращения находит выражение одновременная реализация двух коммуникативных тактик: имитация религиозной молитвы и выражение уважения адресату посредством подчеркивания социальной дистанции корреспондентов. Причем реализация указанных тактик осуществляется на протяжении столетия именно в такой последовательности, причины чего мы рассмотрим в дальнейшем анализе практического материала. Указанные тактики в совокупности ведут к реализации общей коммуникативной стратегии побуждения.

Для немецкоязычных писем-прошений XIX века характерна высокопарно-торжественная манера обращения, с обязательным указанием титула адресата, который в обращениях сопровождался особой группой прилагательных, подчеркивающих глубокое уважение и преклонение автора письма перед адресатом.

Становление и развитие норм титулования адресата в письме восходит еще к XVI столетию, когда «порядок в отношении форм обращения в письме, отражал не только сословное общественное устройство, но и вместе с тем часть божественного мирового порядка» [7, с. 27]. Поскольку религия в данный исторический период играла огромную роль, являясь мощным средством воздействия на разум и поступки человека, то в сознании людей сформировались устойчивый стереотип того, что языковое воплощение иерархического порядка в обществе угодно богу и им предписано и вытекающая из него четкая параллель между тронem и алтарем, независимостью монарха и всемогуществом бога [6, с. 22]. Все вышеперечисленные факты позволяют предположить, что, обращаясь к монарху или другому представителю/представителям высшего сословия, авторы-просители одновременно взывали к высшему разуму, имитируя религиозную молитву.

Значительное упрощение системы титулования, произошедшее к 1875 году, не привело, как предполагалось, к отказу от пафосной, высокопарно-торжественной манеры обращения в письме. Многие корреспонденты придавали большое значение этой формальности, и ее несоблюдение, по их мнению, могло вызвать чувство обиды у адресата. Тем не менее, к концу XIX века происходят функциональные изменения в употреблении системы титулов. Титулование адресата в этот период становится не само собой разумеющимся выражением социального иерархического порядка в обществе, а служит для адресанта, прежде всего, тактическим средством, способным вызвать расположение и благосклонность к нему адресата. Коммуникативная тактика имитации религиозной молитвы постепенно, с изменениями, происходящими в сознании и самосознании человека, перевоплощается в

тактику выражения уважения с явным преобладанием элементов лести посредством акцентирования внимания на социальной дистанции, существующей между составителем письма и его получателем.

Итак, в исследуемых нами немецкоязычных письмах-прошениях XIX столетия зафиксированы стандартные определенные обращения к адресату, среди которых преобладающую роль играют социальные специальные вокативы как прямые, так и опосредованные. Особенностью обращений исследуемых писем является факт сосуществования прямых и опосредованных обращений в двойной вокативной системе:

Hochwohlgebohrner Freyherr Gnädiger Herr Landrath [6, с. 40]

Hochgebohrner Graf, Gnädigster Graf und Herr! [5, с. 73]

Wohlgeborne Herren, Stadtdirector, Bürgermeister, und Senatoren. [6, с. 34]

An Ihre Mayestät den König von Preußen Großherzog des Niederrheins in Berlin. [5, с. 80]

Нередко встречаются антропонимические вокативы:

Werther Herr Klemp! [6, с. 52]

Hochwerter Herr Blumenfeld. [6, с. 52]

Некоторые социальные специальные вокативы могут быть конкретизированы посредством последующего антропонимического вокатива:

An die Kaiser-Wilhelm Stiftung z.H. des Herrn Oberbürgermeisters Zweigert. [6, с. 53]

An den Hochlöblichen Magistrat der Stadt Bochum zu Händen des ersten Bürgermeisters Herrn Hahn [6, с. 57]

An Eine löbl Gemeinde-Vertretung der gemeinde Annen-Wallen, zu Händen des Herren Gemeinde-Vorstehers Schulte-Wallen zu Wallen [6, с. 67]

Реализации коммуникативной тактики выражения уважения адресату посредством подчеркивания социальной дистанции корреспондентов способствует особая манера оформления обращения, для которой характерно употребление сложных прилагательных с первым компонентом-интенсификатором *aller-, hoch-, groß-*, превосходной степени прилагательных, а также усилительной частицы *zu*. При этом графические средства – написание с прописной буквы титулов, сопровождающих обращения, неопределенного артикля перед титулом – также выражают коммуникативные намерения автора, его отношение к адресату.

Allernädigster Großherzog und Herr! [6, с. 29]

Wohl-und Hochedelgebohren. [6, с. 35]

Großmächtigste Kaiserin, Huldreichste Kaiserin und Frau! [6, с. 49]

Allerdurchlauchtigster Großmächtigster Kaiser, Allernädigster Kaiser und Herr! [6, с. 52]

GeErtester herr Bürgermeister [6, с. 47]

Hochwohlgeborener Herr, Hochzuverehrender Berg-Hauptmann! [5, с. 90]

Все вышеперечисленные типы обращений в структурном отношении можно разделить на две группы. Первую группу представляют беспредложные обращения-номинации:

Wohlgeborener Herr, sehr geehrtester Her Bezirks-Vorsteher [6, с. 50]

Gehrter Herr! [6, с. 46]

Hochlöbliches Oberbergamt! [5, с. 226]

Wohlgeboren [6, с. 35]

Wohlgeborner Herr sehr geehrtester Herr Secretair!
[6, с. 51]

Наряду с беспредложными обращениями-номинациями в исследуемых письмах присутствуют предложные конструкции с винительным падежом в единственном и во множественном числе:

An eine Hochlobliche Magistradt hie selbst [6, с. 33]

An den Herrn Bürgermeister Greve Wohlgeboren Bochum. [6, с. 44]

An die Wohllobliche Ersatz Comision der Preußischen Armee [6, с. 55]

An den verehrlichen Magistrat hier [6, с. 56]

An Ein Königlich Wohllobliches Bergamt zu Essen [5, с. 85]

На наш взгляд, подобное обращение к адресату способствовало выражению определенной робости и нерешительности просителя перед вышестоящим лицом, от которого в той или иной мере зависит его судьба, страха возможного отказа в его прошении, желания максимально избежать «непосредственного» контакта с адресатом, тем самым подчеркнув существующую между ними дистанцию.

Следует отметить, что письмовники обозначенной исторической эпохи настойчиво рекомендовали именно эту формулу обращения с предлогом an. Причем обращаться рекомендовалось непосредственно к ведомству, а не лично к тому или иному представителю ведомства. Образцы просительных писем предлагали в качестве идеальной формулировки: An den Wohlloblichen Magistrat. Возможной альтернативной формулировкой служило беспредложное обращение к ведомству: Wohlloblicher Magistrat.

Предложенные в письмовниках формы обращений, безусловно, присутствуют в исследуемых нами письмах, однако в незначительном количестве. В большинстве случаев просители, пренебрегая предписанными нормами, обращаются к конкретным представителям того или иного ведомства в форме прямого или опосредованного обращения, нередко прибегая к употреблению антропонимических обращений, которые свидетельствуют о

попытках адресантов к завязыванию более тесного контакта с партнером по коммуникации, о выражении высокой степени доверия адресату. Данное предпочтение в выборе формы обращения указывает на реализацию коммуникативной тактики сближения коммуникантов, которая в совокупности с другими рассмотренными тактиками, способствует реализации общей инвариантной стратегии побуждения.

Список литературы

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
2. Останин А.И. Целевая соотносительность обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи) // Филологические науки. – 1998. – № 1. – С. 65–72.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
4. Черепанова О.А. Общепринятые и региональные формулы народного этикета: комплиментарные обращения // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвященный семидесятилетию профессора Ю.И. Чайкиной. – Волгогда: «Русь», 1995. – С. 169–175.
5. Bis vor die Stufen des Throns. Bittschriften und Beschwerden von Bergleuten im Zeitalter der Industrialisierung / K. Tenfelde, H. Trischler. – München: Verlag C.H. Beck, 1986. – 533 s.
6. Karweick J. „Tiefgebeugt von Nahrungssorgen und Gram“ Schreiben an Behörden // „Denn das Schreiben gehört nicht zu meiner täglichen Beschäftigung“ Der Alltag kleiner Leute in Bittschriften, Briefen und Berichten aus dem 19. Jahrhundert. – Bonn: Dietz, 1989. – S. 17–88.
7. Nickisch R.M.G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474 – 1800). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. – 308 s.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ

Синицына Юлия Николаевна

кандидат филол. наук, доцент, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г. Краснодар

Бижева Лариса Халидовна

старший преподаватель, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г. Краснодар

HERMENEUTIC APPROACH TO THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Sinitsyna Yulia Nikolaevna, Candidate of Science, assistant professor of Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar

Bidzeva Larisa Halidovna, Senior lecturer, of Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar

ABSTRACT

The author considers the problem of interpretation in hermeneutics. The results of the analysis of philosophical, psychological and philological hermeneutics are presented in the article. Special attention is paid to the principle of "the hermeneutic circle" based on the continuous motion from whole to particular and vice-versa, to the principle of "fusion of horizons" based on the historical distancing. The author develops methods of revealing the horizon of the text and the horizon of the reader which in its turn reveals the level of the horizon of culture toward which the text is determined.

Key words: hermeneutics, "hermeneutic circle", the horizon of the reader, the horizon of the text, the horizon of culture, "fusion of horizons", interpretation, "reflection".

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблема понимания в герменевтике. Представлены результаты анализа философской, психологической и филологической герменевтики. Особое внимание уделяется принципу «герменевтического круга», основанному на непрерывном движении от целого к частному и наоборот, принципу «слияния горизонтов», основанному на историческом дистанцировании. Представлена разработанная автором методика выделения горизонта текста и горизонта читателя, выводящего на уровень горизонта культуры, по отношению к которой измеряется текст.

Ключевые слова: герменевтика; «герменевтический круг»; горизонт читателя; горизонт текста; горизонт культуры, «слияние горизонтов»; понимание; рефлексия.

Проблема понимания всегда была и остается актуальным вопросом в постоянно развивающейся науке. Актуальность данной проблемы обусловлена развитием герменевтики и ее научных направлений. Герменевтикой изначально называют науку о понимании и толковании текстов. Герменевтический подход основан на представлениях об универсальности языковых и знаковых структур. В христианской традиции герменевтика связывалась с истолкованием библии.

Предметом исследования в данной статье будут выступать основополагающие характеристики философской, психологической и филологической герменевтики относительно герменевтического понимания.

В основе философской герменевтики лежат идеи Г. Гадамера. Он превращает текст в исходную философскую реальность, в предмет философии. Г. Гадамер рассматривает отношения автора и интерпретатора к тексту, а позже только отношение интерпретатора к тексту. Основной задачей исследования Г. Гадамер видит выявление множества различных интерпретаций. Таким образом, свобода интерпретаций становится неограниченной. Текст активизирует собственный духовный мир читателя в том смысле, что является пусковым механизмом для его порождения заново, что привело к перемещению почти всех акцентов на деятельность интерпретатора как субъекта. Г. Гадамер постулирует «объективную самостоятельность» текста в отношении любого субъекта, включая автора и интерпретатора, перенося, таким образом, центр тяжести на текст как объект [7, с. 46-47].

В герменевтике проходит разграничительная линия между «объяснением» и «пониманием». При «герменевтическом» понимании происходит сопереживание интерпретатора с автором. «Объяснение» и «понимание» взаимообусловлены и посредством них образуется герменевтический круг. В теоретических концепциях герменевтики, этот круг образуют «бинарные совокупности различных процедур... или «микропарадигм» герменевтического анализа текста [1, с. 314]: 1) объяснение и понимание, 2) знание и познание; 3) познание и понимание; 4) понимание части и целого.

Онтологический смысл «герменевтического круга» Г. Гадамер выражает следующим образом: «круг не формален по природе, он не субъективен и не объективен, но он описывает понимание как игру между движением традиции и движением интерпретатора» [12, р. 261]. Эта «игра» происходит в «мире», ограниченном рамками лингвистического сознания субъектов.

Ф. Шлейермахер рассматривает принцип «герменевтического круга» следующим образом: понимание целого исходя из части и части – исходя из целого. Сам процесс понимания начинается с понимания целого, так как целое имеет преимущество перед частями и функционирует как предпосылка понимания частного. Кроме того,

предварительное, неполное знание целого приобретает путем курсорного чтения сочинения. Для этого понимания целого достаточно знание частного, вытекающего из общего знания языка.

Г. Гадамер утверждал, что историческая дистанция между временем создания произведения и истолкователем облегчает процесс понимания и приводит принцип «слияния горизонтов». Сами «горизонты» автора текста и интерпретатора исторически дистанцированы друг от друга. «Горизонт» интерпретатора изменяется, он гибок и подвижен. Он также способен к расширению в процессе истолкования в силу того, что включает в себя «горизонт» автора текста, характеризующийся определенной исторически сложившейся духовной ситуацией. Таким образом, возникает некий «общий» горизонт, вбирающий в себя «горизонты» автора и истолкователя.

В идеях Г. Гадамера прослеживается неизбежность герменевтического круга. Контекст задает значение индивидуального значения текста, которое зависит от ситуации интерпретации и горизонта, вносимого в него интерпретатором. Этот горизонт является продуктом истории различных взаимодействий в языке, которые сами являются текстами [6, с. 188].

В основу процедуры герменевтического понимания Г. Гадамер вкладывает принцип сохранения исторической дистанции между автором и интерпретатором. Предпосылкой понимания выступает не «вживание» в личностное своеобразие автора, а «слияние горизонтов» [7, с. 96], при котором опосредуется прошлое и настоящее и сохраняются их особенности.

Рассуждая о понимании текстов с позиции философской герменевтики, мы принимаем во внимание «эффект перевода» с языка автора на наш собственный. Такой перевод всегда является истолкованием, так как потенциально позволяет обнаружить то, что скрыто. Это процесс в терминологии Г. Гадамера и М. Хайдеггера называется «высвечиванием» текста [8, с. 149].

Еще одним направлением в герменевтике, которое сформировалось под влиянием психолингвистики и радикальной психологии, является постгерменевтика или психологическая герменевтика. Она представляет собой экспериментальный подход к анализу проблемы понимания, ее задачей является создание в сознании читателя установки, которая ориентирована на понимание смысла как различных тестов, так и реальности, таким образом, стимулирует его волю и понимание.

А.А. Брудный выдвинул следующую гипотезу понимания: «понимание есть последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому. При этом значимость связей между элементами ситуации меняется. Главнейшее звено процесса

понимания заключается не только и не столько в установлении связей, сколько главным образом в определении значимости их» [5, с. 138].

Индивид при восприятии текста понимает структуру функционирующего целого, имея элементы структуры и не обладая инструкцией по сборке, но он в состоянии собрать воедино это целое таким образом, что оно функционирует.

Определяются три параметра, которые в единстве характеризуют понимание: 1) установление связей; 2) установление значимости связей (выделение релевантных признаков); 3) построение целого. Следовательно, понимание рассматривается как взаимодействие с объектом, в результате чего формируется работающая модель объекта. «Понять – значит собрать работающую модель» [5, с. 139].

Понимание представляет собой «смысловую организацию знаковой формы текста: эта форма организации есть не что иное, как восстановление структуры смысла, заложенного в текст, процессом мышления» [11, с. 30]. Знаки, составляющие структуру текста должны выстроиться в уме читателя таким же образом, как они были построены в уме автора. Тогда мысль, заложенная в текст, будет понята.

С точки зрения психологической лингвистики понимание текста представляет собой процесс образования и функционирования определенной модели. Текст обретает свое содержание в непосредственном контакте, взаимодействии с сознанием интерпретатора.

Модель понимания именуется «смыкающей моделью» [5, с. 162-163]. Таким образом, процесс понимания «смыкает» в единое целое то, что заложено и содержится в тексте, и также то, что происходит в сознании интерпретирующего.

С психологической точки зрения определение сущности понимания представляет собой проблему определенной сложности, так как понимание рассматривается не только, как процесс, но и как итог, который переживается человеком. Понимание мира строится на идее переживания конкретного индивидуального опыта, и глубина понимания мира находится в зависимости от глубины личных переживаний.

Филологическая герменевтика сформировалась как самостоятельная дисциплина, изучающая проблематику понимания текстов различной сложности. Она представляет собой продолжение герменевтики – науки, объектом исследования которой является понимание.

Согласно взглядам Г.И. Богина, понимание текста представляет собой «обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удается освоить посредством привычных действий смыслового восприятия» [3, с. 7]. Такое обращение опыта на текст представляет собой активный процесс по преодолению затруднений в смысловом восприятии текста.

Одним из центральных понятий филологической герменевтики является понятие «рефлексии».

Рефлексия есть процесс, который протекает в сознании реципиента и представляет собой субъективный процесс. В том случае, когда «рефлексивный процесс из внутреннего превратился во внешний, и приобрел состояние высказанной рефлексии, то есть интерпретации» [9, с. 46]. В том случае, когда существует только потенциальная

готовность воспроизвести текст в результате рефлексии, то говорят, что смысл усматривается интуитивно.

Одной из центральных задач филологической герменевтики является проблема герменевтического круга, представляющего собой процесс познания, в котором постоянно происходит взаимодействие между общей и частной формами познания.

Г.И. Богиным была сформирована структура классификации ментальных процессов. Во время работы с текстом интерпретатор оперирует этими процессами [4, с. 27]. Сама классификация является своеобразным герменевтическим кругом, состоящий из трех уровней понимания: семантизирующего, когнитивного и распределительного. Процесс интерпретации представляет собой постоянный переход от одного уровня понимания к другому, регулируемый посредством осознанной рефлексии. В этом заключается смысл герменевтического круга.

В результате нашего исследования, рассмотрев герменевтический подход к пониманию, мы выделили понятие герменевтики, а именно – это наука, изучающая как процесс восприятия и интерпретации окружающей действительности, так и занимающаяся интерпретацией текстов [11, с. 44].

Анализ материала позволил выявить ряд основополагающих принципов герменевтики – принцип «герменевтического круга», основанного на непрерывном движении от целого к частному и наоборот; принцип «слияния горизонтов», основанного на историческом дистанцировании.

Кроме того, обзор направления психологической герменевтики выявил специфику определения понимания как процесса формирования и функционирования «смыкающей модели», активизирующей взаимодействие потенциала текста и сознания интерпретатора; а также как переживания итога этого процесса, в основе чего лежит степень глубины переживания личного опыта интерпретатора.

Мы пришли к выводу, что понятие «рефлексии» также занимает ведущее место в герменевтике. Рефлексивный процесс может протекать дискурсивным и интуитивным способом. В момент восприятия знаковых форм возникают значащие переживания, но их осознание происходит тогда, когда понимаемое нужно интерпретировать. Таким образом, рефлексия есть процесс внутренний и субъективный. В случае вербализации, он становится высказанной рефлексией, то есть интерпретацией.

Таким образом, в нашем исследовании значимым моментом является выяснение горизонта текста и горизонта читателя. Методика выведения горизонта текста представляет собой выявление читателями значимых для них текстовых маркеров или смысловых маркеров, активизирующих и отсылающих к знаниям; стимулируя, таким образом, процесс интерпретации. Горизонт читателя можно выявить посредством вторичного текста, то есть через интерпретацию. Горизонт читателя всегда разный в силу различных факторов, таких как опыт, знания, культура. Горизонт интерпретатора выводит нас на уровень горизонта культуры, по отношению к которой измеряется текст.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие.- М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 360с.
2. Богин Г.И. Интерпретация текста. Учеб.-метод материалы.- Тверь, 1995. – 38с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учебное пособие.- Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. – 87с.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика.- Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982.- 86с.
5. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учебное пособие.- М.: «Лабиринт», 1998. – 336с.
6. Виноград Т. Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. Сб./ пер. с англ. и нем./ Сост. И вступ. ст. В. В. Петрова.- М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 185-229.
7. Герменевтика: история и современность. Под.ред. Бессонова Б.Н., Нарского И.С.- Москва: Мысль, 1985. – 302с.
8. Вишке М. Герменевтика, философия и этика: тенденции новейшей интерпретативной литературы произведений Х.- Г. Гадамера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике.- Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. – С. 147-153.
9. Макеева М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: Монограф. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. тех. ун-та, 2000. – 192с.
10. Синицына Ю.Н. Интеграционный подход к пониманию художественного текста: Монограф. – Краснодар: Изд-во Краснодарского гос. ун-та культуры и искусств, 2011. – 80с.
11. Щедровицкий Г.П. Якобсон С.Г. Методологические проблемы понимания // Мышление и общение: Материалы Всесоюз.симп. – Алма-Ата, 1973.
12. Gadamer H.-G. Truth and Method.- New York, 1975.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МОДА» КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «МОДА» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-КАТАЛОГОВ ОДЕЖДЫ)

Скворцова Евгения Евгеньевна,

ст. преп. кафедры романских языков, ТГПУ им.Л.Н.Толстого, г.Тула

Язынин Алексей Радианович

студент 5 курса факультета иностранных языков, ТГПУ им.Л.Н.Толстого, Г.Тула

LEXICO-SEMANTIC FIELD «FASHION» AS A VERBAL LINGUISTICAL REFLECTION OF CONCEPT «FASHION» IN MODERN FRENCH LANGUAGE (Based on Internet clothing catalogues)

Skvortsova Evgenija, Senior teacher of department of Romanic languages, Leo Tolstoy TSPU, Tula

Yazynin Alexey, student, 5th year, Department of Foreign Languages, Leo Tolstoy TSPU, Tula

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению вокабуляра лексико-семантического поля «Мода» на современном этапе развития французского языка. В статье рассматриваются наиболее продуктивные процессы словообразования, в частности, уделяется особое внимание образованию сложных слов, а также заимствованиям из английского языка, как продуктивному способу пополнения вокабуляра ЛСП «Мода»

ABSTRACT

This article is devoted to research of "Fashion" lexico-semantic field at its current stage of development. In this article the most efficient word formation methods are paid close attention to, especially compound words as well as borrowings from the English language that are regarded as an efficient method of "Fashion" lexico-semantic field's replenishment.

Ключевые слова: концепт; лексико-семантическое поле; сложные слова; языковое пространство; производные и непроизводные лексические единицы; заимствованная лексика; билингвальные заимствования.

Key words: concept; lexico-semantic field; compound words; linguistic space; derivatives and non-derivative lexical units; borrowed vocabulary; bilingual borrowing.

Предметом изучения когнитивной лингвистики являются различные концепты, формирующие наше сознание и отображающие современную действительность. Актуальность изучения концептов подтверждается значительным количеством исследований на русском, английском, французском и других иностранных языках, проведенных в данной научной сфере (см. работы Агарковой Н.Э.: Концепт "деньги" как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка)[1]; Адониной Л.В.: «Концепт женщина

в русском языковом сознании»[2]; Усачевой А.Н.: «Лингвистические параметры концепта "состояние здоровья" в современном английском языке» [3] и др.). Изучение концептов отдельно взятого языка позволяет познать культуру народа на разных этапах ее становления. Концепты представляют собой мыслительные образы, совокупность которых составляет семантическое пространство языка. Именно семантическое пространство позволяет изучить национальный характер и культуру отдельно взятого народа. Информация, передаваемая через концепты, безусловно, имеет языковую привязку, и в данном случае

имеет смысл вести речь о лексико-семантическом поле как вербальном языковом отражении того или иного концепта.

В частности, концепт «Мода», относящийся к особому типу ментальных образований – социокультурным концептам-регулятивам, неоднократно становился предметом исследования. Так, О.В. Чурсина определяет феномен моды как одного из важных составляющих социокультурной жизни общества [4]. Концепт «Мода» относится к актуальным концептам, которые претерпевают изменения под влиянием общественного опыта и знания, в соответствии с современными социокультурными обстоятельствами, практическими и духовно-ментальными потребностями социума, уровнем развития национальной и мировой цивилизации.

Данный концепт реализуется в языковом пространстве при помощи лексико-семантического поля «Мода». Мода распространяется на различные области жизни социума, но главным образом отождествляется с производством одежды и аксессуаров. Выбор языка исследования (французский) объясняется широким развитием индустрии моды во Франции. Являясь общепризнанной столицей мировой моды, Франция сохраняет за собой пальму первенства в сфере издания и популяризации глянцевого журналов мод, он-лайн каталогов одежды и интернет-сайтов различных люксовых и дизайнерских брендов. Мода представляется уникальным явлением с точки зрения ее многогранной интерпретации, обладая такими дискурсивными характеристиками как «активность», «деятельность», «независимость», «изменчивость», «непостоянство» и т.д. [4]. Именно обозначенные выше характеристики (изменчивость, непостоянство) представляют наибольший интерес, поскольку позволяют установить последние тенденции развития языка путем изучения лексики ЛСП «Мода», представленной в периодических печатных и интернет изданиях о моде.

Подобно любому другому лексико-семантическому полю, представляющему собой иерархически организованную систему лексически и семантически тождественных единиц, ЛСП «Мода» состоит из большого количества микрополей, таких как «Украшения», «Обувь», «Детская одежда», «Женская одежда», «Одежда для беременных» и т.д.

Интерес к моде в современном мире стремительно растет. Мода преобразуется каждый сезон, диктует новые стили и тенденции. Под влиянием процессов, происходящих в обществе, ведущей роли глобализации, мода становится космополитской, зачастую стираются границы между мужской и женской одеждой, все чаще та или иная вещь приобретает характеристику «унисекс», уходит в прошлое национальный традиционный костюм, мода становится универсальной. Тем не менее, наряду с названными выше процессами стоит обозначить и другую тенденцию: повышение интереса к мужскому костюму и мужской моде в целом. Безупречный «look», трендовые вещи и аксессуары - залог успешности и процветания мужчины. В соответствии с последними тенденциями французского общества, для изучения современного состояния языка ЛСП «Мода» была выбрана интернет-версия журнала «Men's Health (France)» (octobre 2014) [5]. В данном журнале представлены новинки моделей одежды, актуальной осенью-зимой 2014-2015 года, а также даны советы по сочетаемости и выбору вещей.

При помощи метода сплошной выборки было установлено, что вокабуляр, формирующий ЛСП «Мода» в данном журнале, объединяет как простые слова (производные и непроизводные): *gilet, maillot, anorak, salopettes, chemise, bikini, voile, cravate, pantalon, béret, casquette, broches, chaîne, bottes*, так и сложные: *jupe fendue, talons hauts, chemise à manches longues, survêtement, manteau de fourrure* и т.д.

По способам словообразования изученные лексические единицы распределились следующим образом: в процессе исследования было выявлено лишь одно слово, образованное суффиксальным способом, что говорит о снижении продуктивности данного способа словообразования в современном французском языке:

casque – casquette (фуражка, кепка)

Также не представляется продуктивным приставочный способ, при помощи которого была образована такая единица лексики как *survêtements* (верхняя одежда).

Однако особое внимание стоит уделить сложным словам, наименованиям одежды, составившим основу вокабуляра ЛСП «Мода». В качестве основы для классификации сложных слов была выбрана работа французского лингвиста Michel Mathieu-Colas «*Typologie des noms composés français*» [6], в которой автор предлагает новую для лингвистической науки классификацию сложных слов, доминирующих в системе языка на современном этапе его развития и функционирования. В широком понимании данная классификация охватывает более 700 типов сложных слов, однако было выделено 17 базовых типов, позволяющих провести детальное исследование.

В результате анализа представленных в каталоге лексических единиц было выявлено 8 основных типов сложного номинального словосложения:

- Nom + en + Nom,

Было установлено, что наибольшее количество наименований одежды образовано по типу Nom + en + Nom:

Sweat en coton — толстовка хлопковая

Bonnet en laine — шапка шерстяная

Rangers en cuir — ботинки походные кожаные

T-shirt en jersey — футболка (трикотаж)

Sweat en molleton — толстовка (мольтон)

Sac à dos en tissu — рюкзак (тканевый)

Jogging en cuir — спортивные штаны, кожа

Basket en cuir — кеды кожаные

Casquette en velours — каскетка вельветовая

Polo en coton — футболка-поло хлопковая

Rangers en nylon — ботинки походные, нейлон

Данный факт может объясняться стремлением конкретизировать, из какой ткани сделала вещь, и таким образом привлечь внимание читателя к данной модели. Предлог *en* реализует функцию русского предлога «из» и указывает на тип ткани. Таким образом, образование типа Nom + en + Nom является наиболее продуктивным среди изученных типов сложных слов.

- Словообразование лексических единиц по типу Nom + en + Nom + Adj

также является довольно продуктивным:

Veste en denim brut — куртка джинсовая цвета шампанского

Desert boots en cuir suédé — сапоги кожаные со вставками замши

Bonnet en laine chinée — шапка шерстяная узорчатая

Sac en PVC perforé — сумка из перфорированного ПВХ (PVC)

Pull en laine jacquard — свитер шерстяной жаккардовый

Doudoune en laine tartan — пуховик с подкладкой тартан

В данном случае помимо конкретизации материала добавляется еще одна характеристика, к примеру, цвет или особенности структуры ткани.

Следующие словообразовательные типы также довольно активно участвуют в процессе словообразования сложных имен существительных:

- Nom + Nom:

Pantalon cargo — брюки карго

Sac week-end — походный рюкзак

Cardigan coupe-vent — ветровка

- Nom + avec + Nom:

Parka avec capuche — штормовая куртка с капюшоном

- Nom + Adj:

Veste matelassée — куртка стеганая

- Nom + Adj + en + Nom:

Pantalon multipoche en toile — брюки с карманами матерчатые

- Nom + à + Nom + Adj:

Pull à col roulé — свитер с воротником

Среди проанализированных наименований значительное место занимает категория *Expansions diverses* (сложные распространенные лексические единицы):

Chaussure nordique en cuir pleine fleur — утепленные однотонные кожаные ботинки

Blouson en drap de laine doublé — ветровка драповая с шерстяной подкладкой

Sac à dos 100% laine — рюкзак 100% шерсть

Basket semi-montante en toile de coton — высокие кроссовки из хлопка

Doudoune réversible 100% polyamide — пуховик двухсторонний (100% полиамид)

Doudoune sans manches en flanelle rayée — пуховик без рукавов полосатый фланелевый

Sweat en coton à col ronde — толстовка хлопковая с круглым воротником

Это свидетельствует о тенденции развития письменного вербального вестиментарного кода: наименования одежды в каталогах имеют сложное строение, включающее само наименование одежды и дополнительный описательный компонент, использующийся с целью наиболее точной категоризации обозначаемого вида одежды, в речи же, как правило, такой описательный компонент отсутствует. Иными словами, при современном разнообразии предметов одежды, для точного определения того или иного наименования (в данном случае именно предмета одежды) требуется все более и более точное описание для полного отражения его сущности.

Еще одной тенденцией современного французского языка является стремление к образованию билингвальных лексических единиц, состоящих из существительных французского и английского языков (*rangers*, *basket*, *jogging*, *t-shirt* и т.д.). Доля таких сложных слов довольно велика, что подчеркивает существенное влияние английского языка на формирование вокабуляра ЛСП «Мода» во

французском языке:

Desert boots en cuir suédé — сапоги кожаные со вставками замши

Polo en coton — футболка-поло хлопковая

Jogging en cuir — спортивные штаны, кожа

T-shirt en jersey — футболка (трикотаж)

Polo en coton — футболка-поло хлопковая

Basket en cuir — кеды кожаные

Sweat en molleton — толстовка (мольтон)

Нельзя не сказать о высокой частоте такого способа пополнения вокабуляра ЛСП «Мода» как заимствование лексических единиц (в данном исследовании в 100% случаев из английского языка):

sweat — толстовка

rangers — походные ботинки

T-shirt — футболка

jogging — спортивные штаны

basket — кеды

polo — футболка-поло

desert boots — сапоги

Интерес вызывает отсутствие абсолютно у всех наименований артиклей перед ними. Возможно, это обусловлено стремлением к более лаконичному звучанию, а также влиянием английского языка. К тому же стоит обратить внимание и на графическую составляющую проанализированного материала (частое использование заглавных букв). Предположительно это можно объяснить желанием редакторов периодических изданий и каталогов привлечь внимание их читателей к тем или иным предметам одежды.

В качестве обобщающего вывода можно обозначить следующие тенденции развития современного французского языка в рамках ЛСП «Мода» как:

Доминирование такого способа словообразования как номинальное словосложение и снижение продуктивности аффиксального словообразования;

Широкое распространение такого типа сложного словообразования как *Nom + en + Nom* (существительное плюс предлог "en", указывающий на материал, из которого изготовлен тот или иной предмет одежды);

Стремление к пополнению вокабуляра ЛСП «Мода» путем заимствования лексических единиц из английского языка, а также стремление к образованию билингвальных лексических единиц.

Список литературы

1. Агаркова Н.Э. Концепт "деньги" как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка) Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.04 — Германские языки. Научный руководитель д.ф.н., проф. Кравченко А.В. Иркутск, 2001. — 9 с.
2. Адонина Лариса Валерьевна. Концепт "женщина" в русском языковом сознании: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Адонина Лариса Валерьевна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т].- Воронеж, 2007.- 246 с.: ил. РГБ ОД, 61 07-10/1436
3. Усачева Александра Николаевна. Лингвистические параметры концепта "Состояние здоровья" в со-

временном английском языке: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.04.- Волгоград, 2002.- 167 с.: ил. РГБ ОД, 61 02-10/1009-4

4. Чурсина Ольга Владимировна. Лингвокультурный концепт "мода" в языковом сознании и коммуникативном поведении: диссертация... кандидата фило-

логических наук: 10.02.19 / Чурсина Ольга Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т].- Астрахань, 2010.- 198 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-10/872

5. <http://telechargementz.tv/ebooks/348-mens-health-no.68-octobre-2014-france.html>
6. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00433841/document>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ

Соломко Полина Александровна

аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS IN THE MODERN MAGAZINES FOR CHILDREN

Solomko Polina, graduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Данная работа выполнена в русле лингвистической прагматики и посвящена анализу коммуникативных стратегий, реализуемых авторами текстов в журналах, адресованных детской аудитории. В рамках каждой стратегии выделяются частные тактики и отдельные приемы, выявляются языковые средства их реализации.

ABSTRACT

This work is done in the mainstream of the linguistic pragmatics and is devoted to the analysis of the communication strategies that were implemented by the authors of the children magazines. Within each strategy private tactics and some techniques are allocated and language tools for its implementation are identified.

Ключевые слова: детские журналы; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; адресат; СМИ.

Keywords: magazines for children; communication strategy; communication tactics; addressee; media.

Современные детские издания весьма разнообразны. Они различаются по тематике, по функциональному наполнению, по оформлению. Такие экстралингвистические факторы, как характер аудитории, условия и цели коммуникации, культурно-исторический контекст, обуславливают лингвистические особенности текстов современных детских журналов. Среди этих особенностей мы выделили следующие:

1. конкретность отображения мира, что выражается в преобладании конкретной, предметной лексики;
2. наглядность, что выражается в высокой степени изобразительности текста: активном использовании имен собственных, приемов олицетворения, сравнений, звукоподражаний;
3. доступность изложения, что выражается в отсутствии необщепотребительной лексики и осложненного синтаксиса;
4. интерактивность, что выражается в высокой степени диалогизации текста;
5. подчеркнутая эмоциональность, что выражается в большом количестве оценочной лексики и фразеологии, эмоциональных частиц, в частотности восклицательных предложений.

Детские журналы выполняют все функции, характерные для других СМИ, однако их прагматическую сущность составляет диалектическое единство двух функций: воспитательной и развлекательной. В связи с этим можно говорить о реализации особых коммуникативных стратегий в детских журналах.

Мы исходим из того, что речевая коммуникация – это, по определению О.С. Иссерс, «стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных

языковых ресурсов» [3, с. 10]. И под коммуникативно-речевой стратегией, вслед за Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской, мы понимаем «магистральную линию речевого поведения, избранную коммуникантом для выполнения коммуникативной задачи, достижения своей главной цели в речевом взаимодействии и характеризующуюся установлением определенных отношений между участниками речевой ситуации и ее элементами» [4, с. 85]. Л.М. Салмина определяет стратегию как «концепцию способа достижения поставленной цели», под целью в данном случае понимается «побуждение собеседника к желаемым действиям – речемыслительным или физическим – за счет воздействия на его сознание» [5, с. 102].

Коммуникативно-речевая стратегия реализуется с помощью ряда коммуникативно-речевых тактик, а последние – с помощью системы соответствующих коммуникативно-речевых приемов.

В ходе исследования мы выделили 3 основных коммуникативных стратегии, которые последовательно реализуются в детских журналах:

1. назидательная коммуникативная стратегия;
2. развлекательная коммуникативная стратегия;
3. коммуникативная стратегия поддержания контакта с адресатом.

Как известно, одной из главных функций СМИ является функция воздействия. В детских журналах она выступает в такой модификации, как воспитательная функция. Это обусловлено особенностями аудитории. В детском возрасте формируется первоначальное цельное мировоззрение, этические и эстетические ценности. Ребенок испытывает потребность в получении новой информации и в своем развитии ориентируется на мир взрослых.

Если сравнивать современные детские журналы с журналами советского периода, то нужно отметить, что в современной публицистике, направленной на детскую аудиторию, «воспитательная работа ведется не так прямолинейно», как в советских журналах [1, с. 227]. В связи с этим представляет интерес рассмотрение тактик осуществления назидательной стратегии в современных детских журналах и языковых средств их реализации:

1. Коммуникативная тактика побуждения к действию.

Языковые средства реализации этой тактики весьма разнообразны. Их ядром являются различные глагольные формы: Помоги Фионе найти няню для непоседливых детишек-людогрызиков! («Приключения Шрека», № 6, 2007) (глагол в форме повелительного наклонения, 2 лица + объектный инфинитив). Они могут выражать как прямое побуждение: Губка Боб. <...>Бегом, обслуживать клиентов!!! («ГУБКА БОБ и его друзья!», № 23, 2013) (глагол в форме инфинитива) – так и косвенное побуждение: Для игры нужны кубик и каждому игроку по фишке. Фишки выставляются на старт. Поочередно бросая кубик, игроки начинают движение, каждый своей фишкой («Непоседа», № 4, 2014) (глагол в форме изъявительного наклонения, настоящего времени, 2 или 3 лица; глагол в форме деепричастия).

Но, как показал наш материал, в детских журналах непрямым побуждением может осуществляться и без специализированных морфологических форм выражения, за счет косвенного речевого акта. Нами отмечены 5 разновидностей такого выражения побуждения:

- упрек: Эх, Крош. Завел рыбку и бросил. Рыбкам и в холодной воде тепло, если о них кто-то заботится! («Смешарики», № 7, 2005);
- вопрос: Может быть, ты поможешь дяде Федору понять, что было на залитых местах? («Простоквашино», № 4, 2008);
- оценочное суждение:...Дарила, дарила, и вдруг оказалось,/ Что ещё много улыбок осталось./ Как же приятно, что говорить,/ Всем, не жалея, улыбки дарить! («Спокойной ночи, малыши!», № 3, 2005);
- условие: То, что корова дает молоко, знает каждый ребенок. А вот какие вещества прячутся в этом молоке, ты можешь увидеть, если проведешь наши опыты («Умняша», № 7, 2005);
- констатирующее утверждение: Не позволяй котенку «драться» с рукой или ногой человека (будь то папа, мама, бабушка, внук или внучка), нападать на тапочки или подолы платьев, а также на швабры и веники! Таких животных обливают водой или шлепают мокрыми тряпками («Тошка и компания», № 5, 2008).

2. Коммуникативная тактика эксплицированного выражения оценки.

Оценка в детских журналах выражается в отношении разных объектов, но особое значение имеет оценка человека и его поступков, так как ребенку еще необходима помощь взрослого, чтобы определить, что хорошо, что допустимо, а что плохо и недопустимо. Таким образом, центральный объект оценки – человек, который оценивается с позиции социальных, морально-этических норм.

Средствами выражения оценки являются:

- оценочная лексика: личико, утонченность, супергерой, выдумки, вредитель, неопрятный, сдрейфить,

хныкать, ерзать;

- вводные слова: Он стал лихорадочно искать учебник, чтобы прочитать то, что задали. Но тот, как назло, куда-то запропастился («Мурзилка», № 6, 2005);
- частицы и «частицеподобные» элементы (термин Е.А. Стародумовой [7]): А если включить воображение и фантазию, то можно построить целый город, паровозик, изобразить любое животное или человека! («Лунтик», № 4, 2008);
- междометия: Ах ты, божежмой («Смешарики», № 8, 2005);
- фразеологизмы: Я испек пирог на славу! («Веселые картинки», № 7, 2005)

Оценка может выражаться и на уровне текста за счет сочетания коммуникативных блоков «действие – результат»:

Предав капитана Джека Воробья, команда «Черной жемчужины» вместе со своим новым капитаном Барбосой захватывает сокровища Кортеса. Похищение древнего ацтекского золота навлекает на пиратов ужасное проклятие: они обречены вечно плавать по морям и становятся живыми мертвецами, когда на них падает свет полной луны («Пираты Карибского моря на краю света», № 1, 2008).

3. Коммуникативная тактика учебной подачи информации.

Иногда информация в детских журналах подается как на уроке. В данном случае используется научно-популярный текст, который чаще всего сопровождается иллюстрациями, фотографиями:

[Текст к репродукции Аньоло Бронзино «Дама со щенком»]:

Бронзино жил и работал в Италии в прекрасную и знаменитую эпоху Возрождения. Он был современником величайших художников – Рафаэля, Микеланджело, Тициана. Правда, Бронзино не стал таким великим, как они, но все равно приобрел славу знаменитого портретиста («Мурзилка», № 4, 2006).

4. Коммуникативная тактика игровой подачи информации.

В отличие от текстов предыдущей разновидности, в данном случае информация о мире дается в игровой форме. Это способствует удержанию внимания ребенка:

- Интересный факт: на Луне сила притяжения в шесть раз слабее, чем на Земле...
- Здорово! Значит, на Луне я смог бы подпрыгнуть выше самого высокого прыжка?! («Смешарики», № 6, 2005)

Серьезная научная информация перемежается с игровой.

Коммуникативная развлекательная стратегия реализуется за счет следующих тактик:

1. Коммуникативная тактика жанрового разнообразия.

Ребенку тяжело долго удерживать внимание на одном предмете, поэтому жанровое разнообразие, позволяющее естественным образом переключать внимание, способствует легкости восприятия материала, создает необходимые условия для коммуникации с читателем и, следовательно, доставляет ребенку удовольствие.

Как показывает анализ нашего материала, для современных детских журналов наиболее актуальными являются следующие жанры: вопрос – ответ, краткая справка, рецензия, письмо, совет, инструкция, конкурс, викторина, головоломка, ребус, кроссворд, загадка, задача, рекламные тексты, рассказ, сказка, стихотворение, анекдот.

Для реализации развлекательной стратегии важно не только жанровое разнообразие, но и тот факт, что большинство жанров имеют игровой характер.

2. Тактика языковой игры.

Языковая игра, по определению В.З. Санникова, – это «некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [6, с. 23].

Языковая игра выполняет различные функции. Наиболее актуальны для детских журналов развлекательная и воспитательная функции языковой игры.

Мы рассматриваем языковую игру в аспекте развлекательной функции, то есть как средство создания комического эффекта. Комический эффект достигается за счет употребления языковых средств разных уровней. Однако какие бы средства в данном случае ни использовались, суть комического эффекта всегда заключается в столкновении разноплановых единиц, с точки зрения стандарта не сочетающихся, иначе говоря, в нарушении норм: грамматических, лексических, стилистических и др.:

Мачо лесное,/ Дерется сосною... [о былинных богатырях] («MARVEL: Зажигай с нами!», № 11, 2006). В данном случае наблюдается несоответствие между родом существительного и родом определяющего его прилагательного. Таким образом передается ироническое отношение автора текста к богатырям и их оружию (данный журнал ориентирован на «современных» детей, то есть таких, которые интересуются исключительно новейшими играми, фильмами и т.д.)

...сюжет родился и снялся. Вернее, сама же Надежда Репина и сняла («Ералаш», № 2, 2008).

В данном случае форма снялся одновременно воспринимается и как форма страдательного залога, и как форма возвратного. Можно понять: и «сюжет сняли», и «сюжет снялся сам». Следующее высказывание снимает эту омонимию и подчеркивает неоднозначность предыдущего.

3. Коммуникативная тактика непосредственного выражения эмоций.

Выражение эмоций чрезвычайно важно для успешного общения с ребенком. В связи с этим средства выражения эмоций в детских журналах очень разнообразны. К ним относятся: экспрессивно-оценочная лексика; междометия; частицы; вводные слова; фразеологизмы. Эти языковые единицы уже представлены нами в ряду средств реализации назидательной стратегии. Однако когда главной целью текста является не обучение или воспитание, а развлечение, арсенал оценочных средств оказывается гораздо богаче. В реализации развлекательной коммуникативной стратегии, кроме указанных языковых средств, используются также лексические повторы:

- Землю покрывает толстая кора <...> Еще глубже – раскаленная вязкая жидкость под названием «магма», а внутри, как косточка у персика, – огромный огненный шар. Это и есть ядро Земли.

- Раскаленная, раскаленная... А я того и гляди себе пяточок отморожу! – захныкал Хрюша («Спокойной ночи, малыши!», № 10, 2005);
- синтаксический параллелизм: По сценарию Вася должен был рвать воришкам штаны, а он норовил лизнуть руки. Он должен был кидаться на грабителей, а он вставал на задние лапы и улыбаясь лез целоваться («Ералаш», № 2, 2008);
- восклицательные предложения (в том числе риторические восклицания): Штука в том, что у Рида мало внутренних органов (например, герой почти не нуждается в пище). А кожа настолько эластична, что способна «всасывать» пули! («Играй и учись с Человеком-Пауком», № 4, 2007);
- риторические вопросы: Ты любишь играть в настоящего повара? Наверняка, у тебя есть свои любимые фирменные рецепты. Поделись своим талантом с читателями («Веселые медвежата», № 9, 2005);
- лексические средства выразительности (сравнение, метафора, метонимия): На иве (вербе) лопаются почки. Пушистые мордочки радуются весне! («Лунтик», № 4, 2008)

Чтобы автор мог реализовать воспитательную и развлекательную стратегии, ему нужно установить и постоянно поддерживать контакт с читателем. Эта задача целенаправленно решается за счет осуществления коммуникативной стратегии поддержания контакта с адресатом. Она воплощается за счет следующих тактик:

1. Коммуникативная тактика непосредственного обращения к адресату.

Общение с ребенком в детских журналах осуществляется через создание эффекта непосредственного контакта. Такой эффект создается благодаря регулярному использованию средств прямой адресованности. К этим средствам относятся: обращение (речь идет об обращении к читателям), глагольные формы, выражающие прямое побуждение к действию, и так называемые формы совместного лица (глагол в форме изъявительного наклонения, настоящего/будущего времени, 1 лица, мн.ч.), вводные единицы, выражающие, по определению В.В. Виноградова, «призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению» [2, с. 580]:

Гляди, какая красавица! Перламутрово-зеленые крылышки этой бабочки похожи на костюм какой-нибудь знаменитой певицы! («Волшебницы Winx», № 5, 2014)

2. Коммуникативная тактика отражения действительности с точки зрения детского сознания.

Детские журналы служат для удовлетворения интересов детей, поэтому создатели журналов учитывают особенности детской психологии. Но иногда эти особенности находят прямое отражение в текстах журналов. Зачастую в журналах присутствуют персонажи, наделенные детским сознанием. Они думают, говорят и поступают, как дети. И конечно же, они имеют особые «детские» имена (имеется в виду, что номинация дается с позиции ребенка). В связи с этим можно говорить о таких приемах, как употребление имен собственных и стилизация под детскую речь:

Привет, подружки! Вернее, сальвэ! Это мы не волшебничаем, это мы здороваемся с тобой по-латыни («Школа Волшебниц», № 5, 2013).

3. Тактика интерактивного общения – вовлечения читателя в совместную деятельность: использование «незавершенных» текстов, в которые ребенок должен вставить какое-то слово, риторические вопросы, вопросно-ответные единства.

Анализ текстов детских журналов показывает, что установление контакта с читателем требует специальных усилий со стороны автора и играет здесь очень важную роль. Без реализации этой коммуникативной стратегии невозможно осуществление как назидательной, так и развлекательной стратегии. Вместе с тем осуществление всех трех выделенных нами коммуникативных стратегий имеет комплексный характер, обозначенные тактики могут пересекаться, а языковые средства часто одновременно выполняют различные функции, относятся к различным коммуникативным стратегиям и тактикам.

Список литературы

1. Белоглазова, Е.В. Полидискурс в системе коммуникативной иерархии: к определению понятий // Стеереотипность и творчество в тексте: сб. науч. трудов

/ сост. М.П. Котюровой. – Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Вып. 11. – С. 222-230.

2. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш.шк., 1972. – 616 с.
3. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – 285 с.
4. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
5. Салмина, Л. М. Стратегия и тактика в процессе массовой коммуникации // Человек – коммуникация – текст / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 1998. – Вып. 2. Ч. 2. – С. 102-103.
6. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.: 1 ил.
7. Стародумова, Е.А. Русские частицы: учебное пособие. – Владивосток, 1997.

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОСТАВЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Степанова Зоя Михайловна

доцент, кандидат филол. наук, доцент, Пензенский государственный университет, г. Пенза

THE CONDITIONS OF THE REALIZATION OF THE METAPHORICAL MEANING IN NEWSPAPER HEADINGS

Stepanova Zoya, PhD (Candidate) in Linguistics, associate professor, Penza State University, Penza

АННОТАЦИЯ

Цель данной работы – изучить условия реализации метафорического значения в составе заголовков статей современной российской газетной прессы. Методы исследования: изучение и анализ литературы по теории метафоры; лингвистический (грамматический и лексико-семантический) анализ практического материала. В итоге были выявлены и проанализированы на конкретных примерах три основных фактора, которые определяют процесс метафоризации: синтаксический, лексико-семантический (обязательные факторы) и морфологический (нерегулярный, дополнительный фактор).

ABSTRACT

The background (the aim) of this work is to examine the conditions of the realization of metaphorical meaning in the headings of the articles of contemporary Russian newspapers. Methods of the research: study and analysis of the literature about the theory of metaphor; linguistic (grammatical and lexico-semantic) analysis of practical material. As a result three main factors were discovered and analysed by the concrete examples. These factors determine the process of metaphorization, they are: syntactical, lexico-semantic (obligatory factors) and morphological (irregular, additional factor).

Ключевые слова: метафора; метафорическое значение; факторы метафоризации; газетный заголовок.

Key words: metaphor; metaphorical meaning; factor of metaphorization; newspaper heading.

Вопрос об использовании метафор в газетно-публицистическом дискурсе не является однозначным. Существует мнение, что в силу таких её свойств, как субъективность, «туманность» семантики и примат характеризующей функции над номинативной, метафора играет скорее отрицательную роль в газетных материалах, т. к. она якобы «затемняет» смысл высказывания, мешает адекватному восприятию информации (см. об этом: [2, с. 9-10]).

Но в том-то и заключается парадокс, что, несмотря на свою якобы неприспособленность к иным целям,

кроме эстетической, несмотря на отмеченные «недостатки», метафоры активно используются в газетной публицистике, в частности, в заголовках прессы, усиливая информативную ценность сообщения с помощью образов и ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова, участвуя в важнейших функциях газетной публицистики – убеждения и эмоционального воздействия [2; 4; 5].

Вопрос об условиях реализации метафорического значения (иначе: вопрос о факторах метафоризации) – важнейший вопрос общей теории метафоры (см., напр.,

[1; 3]). Этого вопроса касались многие исследователи метафоры. При этом материалом исследования служили, как правило, художественные тексты. В этой связи интересно было бы рассмотреть поставленный выше вопрос на материале газетной прессы, точнее – газетных заголовков.

Итак, цель данной работы – изучить условия реализации метафорического значения в составе газетных заголовков.

Материалом исследования послужили заголовки статей популярной российской газеты «Аргументы недели» (выборочно за 2011- 2014 г.г. – всего 295 заголовков). Задача работы решалась путём изучения и анализа литературы по теории метафоры, а также лингвистического (грамматического и лексико-семантического) анализа практического материала.

В итоге были выявлены три основных фактора, которые определяют процесс метафоризации: синтаксический, лексико-семантический и морфологический.

Рассмотрим каждый фактор в отдельности.

Под синтаксическим фактором метафоризации понимается роль речевого или ситуативного окружения метафоризируемой единицы.

Мы будем различать два вида метафорических контекстов: речевой и ситуативный.

В первом случае метафоризация происходит в отрезке речевой цепи, во втором – в определённой внеязыковой ситуации, без поддержки речевого контекста.

Образование метафор в контекстах второго типа (т.е. в ситуативных контекстах) – достаточно характерное явление для газетных заголовков. Напр.: НА МЕЛИ [АН, 49/11, с. 5]; В ТУПИКЕ [АН, 47/11, с. 11]; СБРОСИВ МАСКУ [АН, 1/12, с. 4]; ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ [АН, 2/12, с. 14]; ПОД КОВРОМ [название рубрики – АН, 1/12, с. 5]; НА ПУТИ к стадиону [АН, 50/11, с. 6] (Подзаголовок: В Самаре будет построен новый стадион).

Газетные заголовки при поддержке содержания самих статей создают ту самую ситуацию, благодаря которой они (заголовки) воспринимаются фигурально без языкового окружения.

Что касается роли речевого контекста в реализации метафорического значения, то, прежде всего, уточним, что мы различаем два вида речевого контекста метафоры:

- 1) минимальный контекст, в котором ключевое слово (т. е. слово, которое прямо влияет на метафоризацию) располагается контактно по отношению к метафоризируемому слову;
- 2) дальний контекст, в котором ключевое слово располагается дистанционно по отношению к метафоризируемому слову.

В тех или иных конкретных заголовках метафоризация происходит благодаря ключевым словам минимального контекста (наиболее типичный случай), либо дальнего контекста (гораздо реже).

Примеры метафоризации в условиях минимального речевого контекста:

Роговая СМЕНА [АН, 50/13, с. 5] (Речь идёт о высоком уровне травматизма на рабочих местах), ср.: первая (вторая) смена – метафоры нет; Кто КУПАЕТСЯ В черном золоте? [АН, 50/11, с. 10] (о нефтяных монополиях), ср.: купаться в речке - метафоры нет; «Руслан» ПРИХЛОПНУЛИ [АН, 50/11, с. 2] (Речь идёт о прекращении производства на Ульяновском авиазаводе крупнейших в мире сверхтяжёлых транспортных самолётов Ан-124 «Руслан»), ср.: муху прихлопнули - метафоры нет.

Пример на метафоризацию в условиях дальнего речевого контекста:

Перевес в этой ДРАКЕ оказался на стороне Соединённых Штатов [АН, 49/13, с.15].

В этом газетном заголовке существительное драка реализует образно-метафорическое значение под влиянием ключевого словосочетания Соединённые Штаты, которое располагается дистантно по отношению к метафоризируемому слову.

Встречаются интересные образные заголовки, в которых метафоризация происходит одновременно под влиянием и минимального, и дальнего контекстов. При этом в одном синтаксическом контексте метафоризируются сразу два или даже несколько слов (словосочетаний). Речь идёт о развёрнутых, или комбинированных метафорах. Рассмотрим примеры.

СТАЛЬНОМУ СЕРДЦУ РОССИИ ГРОЗИТ ИНФАРКТ [АН, 46/13, с. 4]. Здесь словосочетание стальное сердце переосмысливается в минимальном контексте, ср.: стальное сердце России – слабое сердце больного. Окружение слова инфаркт нейтрально для него: сердцу грозит инфаркт – метафоры нет. Но это существительное грамматически и ассоциативно связано с метафорой СЕРДЦЕ и через неё принимает сигнал к переосмыслению.

ГОСКУБЫШКА УХОДИТ В ЧАСТНЫЕ РУКИ [АН, 50/11, с. 1].

Данный заголовок содержит три метафоры:

1. госкубышка (в значении «государственный бюджет», «государственные деньги»);
2. уходит в (в значении «передаётся в»);
3. частные руки (т. е. негосударственный сектор экономики).

Выше была рассмотрена роль синтаксического фактора в реализации метафорического значения в составе газетных заголовков.

Чаще всего метафоризация происходит в минимальном контексте метафоры, реже – в дальнем контексте. Наибольший эффект образности, оценочности и стилистической выразительности достигается при употреблении в газетно-публицистической речи развёрнутых, или комбинированных метафор.

Второй определяющий фактор – лексико-семантический.

Речь идёт, прежде всего, о необычной лексико-семантической сочетаемости, благодаря которой в большинстве случаев и проявляется метафоричность той или иной языковой единицы.

Приведём факты необычной сочетаемости слов при метафоризации глаголов.

По материалам газетных заголовков, самая типичная и наиболее распространённая модель необычной сочетаемости, приводящая к метафоризации глаголов, заключается в следующем: существительные отвлечённой семантики сочетаются с глаголами, называющими конкретные физические действия.

Напр.: Казахский мятеж деньгами не ЗАГАСИТЬ [АН, 50/11, с. 2]; Почему Минфин отказывается РУЛИТЬ резервами страны? [АН, 50/11, с. 7]; В Лондоне будет ПОХОРОНЕН миф о непопулярности министра [АН, 1/12, с. 1].

Реже встречается другая модель «нелогичной» лексико-семантической сочетаемости при метафоризации глаголов: существительные конкретные по их первому значению сочетаются с глаголами также конкретной семантики.

Напр.: Кому «ВОШЬЮТ» талоны на питание? [АН, 5/14, с. 15] (о программах поддержки малоимущих); «Руслан» ПРИХЛОПНУЛИ [АН, 50/11, с. 2] (речь идёт о прекра-

щении производства в Ульяновске самолётов типа «Руслан»); Банки НАКРЫЛО ВОЛНОЙ [АН, 1/13, с. 6] (о серьёзных проблемах в банковском деле).

Анализ приведенных выше примеров показывает, что при метафоризации глаголов происходит семантический сдвиг в сторону от конкретного к абстрактному.

Ср.: загасить огонь (прямое значение глагола) – ЗАГАСИТЬ мятеж (переносно-метафорическое значение).

Ср.: похоронить кого-л. – ПОХОРОНИТЬ миф о чём-л.

Заметим, что в выражении ПОХОРОНИТЬ миф происходит не только метафоризация глагола благодаря соседству с ключевым словом миф, но и олицетворение абстрактного понятия «миф» в силу того, что по своей внутренней форме глагол «хоронить» ассоциируется с живыми существами. Сочетание этих двух стилистических приёмов придает заголовку яркую образность и оценочность, что ещё более усиливается присутствием в том же заголовке второй метафоры – миф о НЕПОТОПЛЯЕМОСТИ министра. Существительное непотопляемость не зафиксировано в современных словарях русского языка. Но семантически и словообразовательно оно связано с глаголом потопить (в воде). Буквально миф потопить нельзя. В этом случае также имеет место необычная сочетаемость слов.

Иногда метафорический образ возникает в сознании благодаря такому лексическому явлению, как омонимия. Обычно это называют игрой слов. Рассмотрим два примера:

Орёл первым ПАЛ К НОГАМ красного исполина [АН, 3/12, с. 1] (о посещении Г. Зюгановым города Орла). Метафоричность данного заголовка ощущается благодаря игре слов: орёл как птица и Орёл как город.

«Яблоко» КАТИТСЯ к «Парнасу» [АН, 1/12, с. 2] (о сотрудничестве двух политических партий – партии «Яблоко» и Партии народной свободы). В этом случае глагол воспринимается как метафора также благодаря игре слов: яблоко катится (по столу).

Выше были рассмотрены синтаксический и лексико-семантический факторы метафоризации.

Третий фактор – морфологический. Имеется в виду форма числа (ед. или мн.) метафоризируемого существительного. Есть существительные, которые реализуют метафорическое значение в обеих формах числа, другие – только или обычно в форме ед.ч., третьи – только или обычно в форме мн.ч. Указанные особенности отмечены в толковых словарях.

Материал заголовков прессы позволяет отметить все три случая, а именно метафоризация существительного имеет место:

1. как в форме ед.ч., так и в форме мн.ч.: ... долларовые ПОДПОРКИ [АН, 46/13, с. 5] – ПОДПОРКА от ФРГ [АН, 46/13, с. 5];
2. МИНЫ противоречий... [АН, 8/14, с. 4] - ... подложили МИНУ под переговоры [АН, 1/12, с. 7];
3. только или обычно в форме ед.ч.: политическое ЛИЦО крупнейших газет [АН, 2/14, с. 11] (не лица!); ... на ЗАРЕ капитализма [АН, 47/11, с. 12] (ср.: А зори здесь тихие... - название книги и фильма прочитывается буквально);
4. только или обычно в форме мн.ч.: Реваншистские ВЕДЬМЫ из Германии [АН, 48/11, с. 2]; ГРИМАСЫ нового скачка [АН, 48/11, с. 6].

Таким образом, были рассмотрены три основных языковых фактора, определяющих реализацию метафорического значения.

Если сопоставить эти факторы по степени их значимости и обязательности, то нужно сказать следующее. Первые два фактора (синтаксический и лексико-семантический) являются обязательными условиями метафоризации. Что касается морфологического признака (формы числа существительного), то этот признак не распространяется на все слова, проявляет себя недостаточно последовательно и поэтому может рассматриваться как дополнительный и необязательный фактор метафоризации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс /Н. Д. Арутюнова //Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
2. Бессарабова Н. Д. Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи: дис. ...канд. филол. наук: 10.10.10 /Н. Д. Бессарабова. – М., 1985.
3. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. Изд. 4, изд-во URSS, 2012.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации /А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003.
5. Шумилова А. В. Структура и функции индивидуально-авторских образований в газетном заголовке /А. В. Шумилова //Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ. – 2011. -№ 4 (1).

СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АВИАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Суюнбаева Алтынгүл Жакиповна

соискатель ст.канд.филолог.наук Челябинского Государственного университета, ст.преподаватель кафедры государственного языка Военного института, Сил воздушной обороны Республики Казахстан, г.Актобе

Бухарбаев Марат Абулхаирович

кандидат педагог. наук, доцент, военный летчик-инструктор 1-класса, начальник кафедры аэродинамики и безопасности полетов Военного института, Сил воздушной обороны Республики Казахстан, г.Актобе

SOCIALLY-LINGUISTIC ASPECTS of INTERCOMMUNICATION of INTERNATIONAL AVIATION ORGANIZATIONS

Suyunbaeva Altyngul Zhakipovna, Senior lecturer of the Department state language, Military Institute of Air Defence, Aktobe Bukharbayev Marat Abulhaerovich, vice director chair, candidate of pedagogical science, associate professor, Military pilot, 1-st class instructor, Aktobe

АННОТАЦИЯ

В статье поднимаются актуальные проблемы взаимосвязи международных авиационных организации. Данный процесс рассматривается в рамках социолингвистическом аспекте деятельности авиации, в том числе языковая барьера, функционирования языка и его значимость в названном отрасли.

ABSTRACT

In the article rises issues of the day of intercommunication international aviation to organization. This process is examined within the framework социолингвистическом aspect of activity of aviation, including language barrier, functioning of language and his meaningfulness in adopted industries.

Ключевые слова: авиация, международная организация гражданской авиации, функционирования, авиационная деятельность, сертификат, авиадиспетчеры, пилоты, радисты, безопасность полетов, эксплуатация, воздушные судны, воздушные линии, Еврокомиссия

Keywords: Aviation, International Civil Aviation Organization, functioning, aviation activities, certificate, air traffic controllers, pilots, radio operators, safety of flights, exploitation, air судны, air-tracks, European Commission.

Функционирование авиации, как и любых других транспортных отраслей народного хозяйства, базируется на обширном своде государственных законодательных актов и международных договоров, нормативно-распорядительных и руководящих документов. Применительно к коммуникационному и транспортному направлениям деятельности Казахстан является членом 9 международных организаций, и в том числе, членом Международной организации гражданской авиации (в английской терминологии - ICAO (International Civil Aviation Organization) [6, с.122]. Основная преимущество в работах органов организации ИКАО и EASA (Европейское агентство авиационной безопасности): обеспечение безопасности полетов, эксплуатация современных самолетов соответствующие техническим требованиям; обеспечение выполнение международных технических требований и стандартов. Названные международные организации выдает сертификат воздушным кораблям проходившим технического обслуживания по европейским стандартам EASA/Part 145.

Знание английского языка строго требуется от авиадиспетчеров и пилотов. Непонятность в общем языке выше названных специалистов могут привести к аварийным происшествиям [1, с.13]. Международная организация гражданской авиации – ИКАО, для обеспечения безопасности пассажиров, пилотов и авиадиспетчеров, в 1998 году впервые поднял вопрос об обязательного знания английского языка всех сотрудников воздушных линий. Было разработана программа по утвержденным правилам ИКАО, по овладению четвертым рабочим уровнем английского языка сотрудников воздушных линий всех государств [2, с.254].

Недостаточное владение языком авиадиспетчеров и пилотов очень опасно для пассажиров. Например, в 2005 году пассажирский самолет Индии потерпел крушение, которое повлекло гибель пассажиров. Выясняется, что самолет было взят в аренду из других стран, и из-за незнания языка радисты не поняли команды авиадиспетчеров, в результате самолет потерпел крушение. В 2009 году в районе аэропорта Амстердама из-за вышеназванной причины потерпел крушение самолет авиакомпании "Turkish airways" (Турция). Поэтому необходимо создавать все условия для усвоения английского языка всеми сотрудниками воздушной службы. Данный вопрос на сегодняшний день является актуальным для Международной организации гражданской авиации. Согласно правилам, принятыми на территории Европейского сообщества, годность к полетам воздушных кораблей и соответствие стандартам обеспечения безопасности полетов соблюдается с особой бдительностью [3, с.144].

Аварийные ситуации, происходившие в 2005-2007 годах, вынудили пересмотреть вопрос обеспечения безопасности воздушных линий европейскими странами. Еврокомиссия ежегодно публикует список авиакомпаний, не соответствующих по параметрам безопасности эксплуатации самолетов и запрещенных находиться в воздушном пространстве Европы. В результате проверки по программе SAFA (Safety Assessment of Foreign Aircrafts) принимается решение Еврокомиссии о безопасности полетов иностранных судов. Программа SAFA разрешает своим инженерам производить проверку любого самолета, из любой страны, в любое время, в любом аэропорту Евросоюза. Это проверка состоит из 63 пунктов, начинается с осмотра внешнего вида самолета, включая наличие специальных ручных светильников в экипаже. «Черный список» самолетов авиакомпаний, не соответствующих требованиям европейской безопасности, впервые был опубликован в 2006 году. Первыми в «черный список» Еврокомиссии были внесены 90 африканских авиакомпаний. По публикациям журнала «The Wall Street Journal»: «Более 200 воздушных судов из Анголы, Конго, Экваторной Гвинеи, Либерии, Бенина, Сьерра-Леонна и компании Свазиленда запрещены к эксплуатации в воздушном пространстве Европы» [4, с.10].

В Европе к воздушным перевозчикам предъявляются очень строгие требования. Международная организация гражданской авиации проводит комплексную проверку казахстанских авиакомпаний, аэропортов, авиационных специалистов и навигационных оборудований. Некоторые авиакомпании нашей страны не соответствуют европейским требованиям. По неофициальным сведениям, возможно воздушные линии будут закрыты на Европу не только частным, но и государственным авиакомпаниям Казахстана. По сведениям Еврокомиссии, Казахстан не может произвести правильный контроль своих авиакомпаний. В 2010 году Еврокомиссия утвердила обновленный вариант «черного списка». В «черный список» внесены авиакомпании Камбоджи, Анголы, Руанда, Бенином, Конго, Экваторная Гвинея, Габон, Киргизстан, одна авиакомпания Украины и шесть авиакомпаний Казахстана. В «черном списке» авиакомпании Казахстана: «Кокшетауские авиалинии», «Атма», «Саят», «Berkut Air», «East Wing» және «Starline KZ». Глобальный финансовый кризис сильно повлиял на развитие гражданской авиации по всему миру. В данное время 23 крупных авиакомпаний остановили свою работу и если финансовый кризис не отступить, то этот процесс может продолжиться и дальше. Все это приведет к усилению конкуренции за воздушный

рынок между воздушными перевозчиками. Так как в последнее время участились воздушные катастрофы, международное воздушное сообщество ужесточило требования к авиакомпаниям, выполняющим международные полеты [7].

Одним из активно поддерживающих данный процесс является Еврокомиссия, которая применяет опыт запрещения полетов иностранными авиакомпаниями на территории Евросоюза в интересах воздушных перевозчиков и европейских государств. Для защиты интересов казахстанских авиакомпаний и национальных перевозчиков Министерство транспорта и коммуникации Республики Казахстан в последние года провели значительные переговоры и совещания с представителями Еврокомиссии. Было разработан и утвержден план мероприятий по ликвидации замечаний Еврокомиссии. Республика Казахстан совместно с Министерством иностранных дел провели ряд мероприятий через дипломатические каналы и в данном отношении Казахстан имеет поддержку со стороны стран - участников Евросоюза как Литва и Нидерланды, Великобритания. В результате данной работы национальный перевозчик авиакомпания «Эйр Астана» не вносилась в «черный список» [7].

Министерство транспорта и коммуникации Республики Казахстан по данному вопросу провели заседание и утвердили план следующих мероприятий:

- расширить штат инспекции комитета гражданской авиации;

- создать специализированное государственное предприятие по техническим инспекциям субъектов гражданской авиации;
- выделить финансовые средства для обучения инспекторского состава по международным стандартам;
- усилить контроль годности к полетам всех воздушных кораблей, эксплуатируемых в воздушных линиях;
- реализовать программу оснащения парков воздушных кораблей; [6, с.122]

В Парламент Республики Казахстан внесен проект Закона «Об использовании деятельности авиации и воздушного пространства» усиливающего безопасность полетов, соответствующих международным нормам ИКАО. Руководство Министерства данный вопрос всегда держит под контролем. Еврокомиссия ежегодно рассматривает «черный список» и исключает из «черного списка» по выполнению всех стандартов безопасности полетов. В проекте приказов рассматриваемых на заседании РК («О авиации») учтены предложения и замечания об усилении наблюдения безопасности полетов международной организацией ИКАО. В этом направлении со стороны ведомства принимаются систематические меры. Создано государственное предприятие «Центр безопасности полетов» [6, с.123]. К началу 2007 года Казахстан строил свои международные связи в 68 организациях [3, с.255]. Распределение членства РК по видам международных организаций представлено на таблице 1.

Членство РК в международных организациях Таблица 1

		19					
8	9		8	5	5	3	3
Банки, корпорации	Союзы	Организации	Фонды, Советы	Комитеты, комиссии	Палаты, бюро, центры	Агентства, ассоциации	Федерации

После получения независимости государственный язык как главный атрибут государства, имеет основную роль в международной деятельности страны. В соответствии с развитием общества, расширение круга

После получения независимости государственный язык как главный атрибут государства, имеет основную роль в международной деятельности страны. В соответствии с развитием общества, расширение круга применения государственного языка отражается в общественной жизни. Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев в своем Послании народу по этапной совершенствовании культурного проекта говорит: «...предлагаю поэтапно реализовать трехязычие. Казахстан должен представляться как культурная страна, народ должен применять три языка, и свободно владеть ими. Эти языки: казахский язык – государственный язык, русский язык – межнациональный язык и английский язык – язык вступления к глобальной экономике [8, с.37].

Уровень применения государственного языка в сфере авиации Республики Казахстан до сегодняшнего дня был невосможным, однако намечается востребованность в применении государственного языка в различных видах авиационной деятельности [2, с.255].

В результате анализа содержания нормативов, регламентаций, правил и различного рода нормативно-технологических ограничений выяснилась следующая картина:

- а) имеются области авиационной деятельности, в которых государственный язык (казахский язык) выступает как равноправный международный язык (международные двухсторонние договоры о воздушных перевозках, например, Протокол о развитии сотрудничества в области транспорта между Исламской Республикой Иран и РК, г. Тегеран, 2 ноября 1992 г., на казахском и персидском языках);

б) имеются области авиационной деятельности, в которых казахский язык не используется вследствие соблюдения уставных обязательств международных Конвенций и Уставов, например, Договор по открытому небу, Хельсинки, 24 марта 1992 г., в пре-

делах которого рабочими языками Консультативной комиссии являются русский, английский, испанский, итальянский, немецкий и французский; Распределение двухсторонних международных договоров РК по количеству языков договоров представлено на таблице 2.

Таблица 2

Распределение двухсторонних международных договоров РК по количеству языков договоров

3	25	2
двухязычные, в т.ч. на казахском	на 3-х и более языках, в т.ч. на казахском	договоры, где не применяется казахский

в) имеются области авиационной деятельности, в которых отсутствуют какие-либо уставные ограничения, но государственный язык не использовался по следующим причинам: первая - отсутствие в казахском языке научно-технической словарной базы на период 30-70 годов прошлого столетия в области авиации; вторая - сильное влияние русской технической составляющей языка, что сдерживало развитие соответствующего раздела казахского языка. К концу 70-х годов, именно по второй причине в казахском языке появилось несколько отдельных групп слов технической направленности, которые для казахского языка являются иноязычными. Таким образом, определились области применения государственного языка с возможностью обеспечить ему равноправные условия в специфических направлениях деятельности авиации, где ранее применялся только русский или английский язык – это те направления, которые составляют виды обеспечения полетов (кроме обслуживания воздушного движения) [2, с.256].

Литературы

1. Бухарбаев М.А. Психолого-педагогические основы первоначальной летной подготовки курсантов-пилотов: автореф. канд. пед. наук: 13.00.08. – Актобе, 2005. – 23с.
2. Суюнбаева А.Ж. К вопросу о выявлении областей эффективного применения государственного языка в свете международных авиационных обязательств // Инновационная модель образования: тенденции

и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Актобе, 2007. – С. 254-256.

3. Суюнбаева А.Ж. Области эффективного применения государственного языка в инженерных видах авиационной деятельности // Образование повышение качества в рамках трансформации системы подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием. Материалы межведомственной научно-практической конференции. – Актобе: Военный институт Сил воздушной обороны, 2007. – С. 144-146.
4. Мельниченко С. Не надо творчества! Употребление нестандартных фраз может привести к чему угодно // Новости аэронавигации. –2003. –№2. –С. 10-14.
5. Станкович Д. Камень преткновения. Единый английский язык в гражданской авиации является проблемой во всем мире // Новости аэронавигации. –2003. –№2. –С. 12-16.
6. Суюнбаева А.Ж. Особенности функционирования государственного языка Республики Казахстан в сфере авиационной деятельности // Материалы научно-практической конференции: Совершенствование качества подготовки педагогических кадров на основании эффективного использования инновационной технологии, Чимкент, 2007. – 122-126 с.
7. Eubusiness.com сайты
8. Назарбаев Н. Жаңа әлемдегі жаңа Қазақстан. –Алматы: Жеті жарғы, 2007. –37 б.

ЭЛЕГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПОЭЗИИ К.Р.

Жаплова Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор, Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

Толкачев Дмитрий Вячеславович

Аспирант, Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

ELEGIAC ORIGIN IN POETRY OF K.R.

Zhaplova T.M, Doctor of Philology, professor of Orenburg State University, Orenburg

Tolkachev D, Postgraduate of Orenburg State University, Orenburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению жанра элегии в творчестве К.Р., ее тематического и стилизового своеобразия. Произведена атрибуция стихотворений К.Р. с точки зрения их принадлежности к элегии; ряд поэтических текстов впервые рассматривается в элегическом контексте творчества поэта.

ABSTRACT

The article studies the genre of elegy in the poetry of K.R., stylistic originality. Attribution made poems K.R. in terms of their membership of the elegy; a number of poetic texts for the first time is considered in the context of the elegiac poet's works.

Ключевые слова: поэзия, элегия, стихотворения, К.Р.

Keywords: poetry, elegy, a poet, K.R.

В русском поэтическом искусстве конца XIX–начала XX века, воссоздающем палитру человеческих чувств и многообразие душевных переживаний, заметная роль отводится элегическим произведениям. Связь русской ментальности и мира элегических переживаний, запечатленных поэтами рубежного времени, проявляется в выражении тонких эмоций преимущественно в рамках жанра элегии, который по праву считается должителем [3, с. 35]. Зародившись в древней Греции, элегия прошла путь эволюции длиной в два тысячелетия и представлена в лирическом наследии русских поэтов, в частности, в творчестве великого князя Константина Романова, или же – поэта К.Р.

Важную роль в понимании этого настроения играет изучение не только специфических черт лирики К.Р., но и эволюции жанра элегии, благодаря которой сформировался индивидуальный голос поэта, представляющий для современных исследователей и читателей особый интерес. Вместе с тем, творчество К.Р., занявшее особое место в истории русской литературы, на сегодняшний день является недостаточно изученным. В работах литературоведов неполно представлен анализ отдельных элегий, хотя наличие характерных для этого жанра приемов в стихотворениях разных лет отмечается.

Наши наблюдения показали, что значительное количество стихотворений К.Р. можно отнести именно к жанру элегии, классифицирующейся с точки зрения тематики в следующих разновидностях: философские, пейзажные, любовные. В процессе исследования нами учитывалось, что сам термин «элегия» часто употребляется у него как заглавие стихотворений и циклов («Элегии», например). Помимо теоретического материала, отражающего характерные особенности жанра элегии, в качестве методологической основы мы обращались также к методике отбора текстов по системе Лейнера (методом карточек). С ее помощью удалось идентифицировать несколько десятков элегических стихотворений, созданных К.Р. в период с 1879–1907 годы (где начальная в хронологическом списке – элегия «Задремали волны» 1879 года, последняя – «Угасло дитя наше бедное...» 1906 года), что способствовало формированию целостного подхода к стихотворному наследию поэта.

Сын князя Константина Николаевича и внук самодержца Николая I, по своему происхождению Константин Романов принадлежал к российской аристократии. Со словные преимущества гарантировали ему материальные блага, и обеспечили высочайший уровень образования (среди его преподавателей были С.М. Соловьев, Г.А. Ларош, К.Н. Бестужев-Рюмин). В 1900 году К.Р. стал главным начальником военно-учебных заведений России, в 1910 году – генерал-инспектором военно-учебных заведений. Великий князь состоял почетным членом, попечителем десятков обществ, комитетов, комиссий. В 1889 году его назначили президентом Императорской Академии наук. Занимаемые посты и должности требовали предельной сосредоточенности, отнимали силы, и все же Константин Константинович находил время для творчества, в том

числе, для поэтической деятельности в разных жанрах [7, с. 26].

Познакомившись с различными этапами жизни поэта и работами литературоведов, посвященными изучению «элегического мироощущения в русской поэзии» как «ракурса, в котором автор видит мир», можно сделать вывод о том, что элегия – это форма выражения поэтического восприятия. Ее особенности подробно объясняет «Новый энциклопедический словарь», в котором авторы-составители дают следующее определение: «элегия – жанр лирической поэзии, стихотворение грустного содержания». Оно сохраняет устойчивые черты: интимность, мотивы разочарования, несчастной любви, одиночества, ожидания, бренности земного бытия, риторичность в изображении эмоций. Интересны мнения других литературоведов по данному вопросу. Исследователь Е.Е. Дурандина, раскрывая содержание присущего лирическому творчеству К.Р. элегического начала, прослеживает историю жанра в литературе и выделяет такие средства художественной выразительности как «сентиментальная чувственность», «затаенное переживание», «драматизм интонации», «молчаливое ожидание», «повторяемость ощущения» [4, с. 32].

Эстетически обогащает определение элегии В.Н. Касаткина. Она считает, что элегия – это «обширное лирическое повествование, медитативное произведение с этической проблематикой, в которой выделяется общечеловеческий вопрос о месте человека в мире и природе» [10, с.33]. Элегическим стихотворениям К. Р. свойственна подобная поэтизация «душевной сосредоточенности», размышления над загадочностью и ранимостью человеческой души. Многие из них строятся как «созерцания для постижения закономерностей бытия» («Навстречу птицам перелетным...», «Необъятное южное море...», «Не вчера ли, о море, вечерней порою...» о красоте природы и ее роковой изменчивости в глазах лирического героя) и несут в себе оттенок благородной романтики, как правило, ассоциируясь с очищающей душу любовью к женщине, другу, дому, ребенку, Богу, бессмертной Душе.

Элегические образы в творчестве К.Р. рождены размышлениями о суровой повседневности, черствости людских душ, тяготе бытовой неустроенности, духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа XIX–XX веков. «Элегические темы и мотивы оказались подходящим средством для выражения романтической неудовлетворенности жизнью. В эпоху романтизма были созданы непревзойденные образцы элегической поэзии, в том числе русской», – пишет Л.Г. Фризман. По его словам, элегия имеет «специфическую психолого-эстетическую окраску». Элегическое раздумье меланхолично, грустно, но не трагедийно, без надрывов, без буйства страстей. Также в элегии присутствует «разрешение диссонансов скорби в душевном просветлении» [12, с. 52].

Художественное своеобразие разрешаемой скорбной ситуации заключается не только в лаконичной форме обыкновенно коротких стихотворений К.Р., имеющих, по

мнению Н.Н. Страхова «свой звук, манеру, особую плавность языка, истинное чутье стихотворной речи», но и в отсутствии в его поэзии некоторых «традиционных для времени тем». Страхов писал о творчестве поэта: «Чувства, в нем выражающиеся, несомненно, верят в себя», однако для него в целом характерны тематическая замкнутость, узость проблематики, самоповторы. Оставаясь в плену неразрешимой проблемы, потребности в любви и ее невозможности, К.Р. изъяснялся слогом, который отличали ясность поэтической манеры, прозрачность языка, тонкость психологического рисунка.

Элегии К.Р. «Затишье на море... за бурю строптивой...» (1885г.), «Я посетил родное пепелище...» (1908г.), «Люблю тебя, приют уединенный» (1910г.) несут на себе печать умиротворенности, что соотносится с терпимой религиозностью поэта («Научи никогда не роптать на свою многотрудную долю...», «Научи меня, Боже, любить...»), и содержат обращение к теме вечного бытия. Это не противоречит общим тенденциям литературного процесса 1880-1890-х гг., поскольку генерализация психологического факта и наблюдение придает тексту завершенность с художественной точки зрения. По словам А.Б. Муратова, поэтический манифест К.Р. основывается на тяготении поэта к «элегическому типу поэзии, в котором нет сиюминутности и бытовых примет» [11, с. 35].

Возвышенность поэтического чувства ведет не в область мещанского романа, а к классической музыкальной культуре XVII-XVIII веков, предоставляющей возможность для выражения невыразимого. К примеру, в элегии «Орианда» рассказывается о прогулке героя по местам юности. Стихотворение имеет четыре разные по тональности строфы: ностальгическое чувство, сердитая печаль, восторженные воспоминания, тихая радость. Ощущения лирического героя отображают его психическое состояние и то, как он осмысливает свои впечатления [7, с. 27]. Кроме того, уместно вспомнить такие жанры как песня, серенада и баркарола, распространенные в то время и оказывающие влияние благодаря своей напевности и музыкальности на негромкую, деликатную, по-человечески понятную интонацию ряда элегий К.Р. середины 80-х годов.

В стихотворении «Умер» (1885г.) поэт обращается к метафизическим проблемам, к «унылому» пейзажу. В мире стихотворения «шелестят» холодный ветер и опавшая листва, обнаруживающие неуловимые движения души и «стилистические сигналы» ее забот и дум («минувшая юность», «воспоминания», «безмолвная грусть»). Они позволяют отступить на второй план теме бренности земного бытия и занять ведущую позицию теме вечности. Аналогичные образы, возникающие в элегиях «Поймете ли вы те чудные мгновенья...» (1882г.), «Нет, мне не верится...» (1885г.), «В дождь» (1888г.), которые с помощью метафорического языка повествуют о необходимости смирения лирического героя перед собственной смертностью и слабостью («сокровенный недуг», «слабость случайная», «пережитая горечь», «жизненные грозы»). Несмотря на грустные мысли, навеянные воспоминаниями не задумывающейся о тайнах загробной жизни юности, «плененный душой» герой смиряется «пред дивной красотой» бессмертной природы [7, с.25]. Способность погружаться в это эмоциональное состояние становится для него предметом некой гордости («Гордый дух снова встрепенулся...»), позволяющей вспомнить пережитую во

времена оные «зиму страстей», способную вернуть забытые ощущения.

Скорбное бесчувствие в элегиях этого периода не является желаемым итогом, даруемым бегством от житейских трудностей («И спешу я от знойной и темной красоты пышнозвездных ночей...»), но неизбежно овладевает сердцем героя, вынужденного «изнывать и тосковать» ради душевного просветления и искоренения недостатков, попускающих к грусти [6, с. 110]. Отсюда проявлением элегического переживания героя К.Р. становится повышенное внимание к мелочам, застывшей во времени нетронутой красоте дольного и горнего мира: цветам, деревьям, птицам, облакам, волнам («Мне снилось, что солнце всходило...», «О, если б совесть уберечь...», «Красу земли сгубил жестокий...»), частые упоминания о которых свидетельствуют о склонности поэта к контрапунктному совмещению прошедшего («Прошло все, что было, и прежнего нет...») и настоящего («Но вспомнил я, что ты теперь далеко...») времен. Случайная связь этих времен становится для героя как бы моделью внутреннего мира, на зыбком основании которой строится поэтическое обобщение частных любовных историй в разочаровывающую реальность, в которой нет правых и виноватых, поскольку несчастная любовь обычно несовместима с понятием ошибки и несправедливости.

Желание исправить эту ошибку ради обретения потерянного счастья настаивает лирического героя в элегиях: «В разлуке» (1883г.) и «Разлука» (1890г.), посвященных княгине Елизавете Маврикиевне, обретение мистической силы («Вот-вот пойдешь и сядешь с нами ты...»), воплощенной в физической невозможности быть рядом и непреодолимую тягу к бессловесному духовному общению («Я ничего не говорил, боясь прервать молчанье...»). Буря желаний, скрываемая поэтом в демонстративно-отстраненном описании прикосновений, рукопожатий, случайных взглядов мирит его с призраком «напоминания», невыносимым вследствие утраты ласки и душевной преданности, ставших для лирического героя насущной потребностью, о которой свидетельствует повторяемость частицы «еще»: («еще последнее объятье», «еще последний взгляд»). По-юношески несмелое поведение сомневающегося героя элегии по отношению к женщине приводит к преисполненному печали сошествию за пределами «родного круга» в «обитель мук» и «горечь пережитых дней». «Волшебные впечатления» от припоминаемых встреч не способны заменить поэту эмоционально возмущающую спустя годы атмосферу интимной близости, если бы молодым герой не пережил неуловимый оттенок надежды в слове «прости» (адресованном Семье и Дому), «благодарю» (посвященное Ночи любви и страсти), «прощай» (баронессе Н. Ф. Майендорф), с которыми был вынужден расстаться, оттого сильнее полюбив.

Лирический герой стихотворений восклицает: «И время тяжкое разлуки как вяло тянется для нас...», расписываясь в простодушии и чистоте помыслов (воспоминания о семейном обеде, минутах прощания, воображаемых ситуациях), тем не менее, говорящих о глубоких страстях, испытываемых любящими. Не требующий дополнительной смысловой метафоризации ретроспективный взгляд на события усугубляет «действительность страдания», позволяя элегическому настроению, обнаруживающему покорность судьбе, растянуться во времени (стихо-

творения 1889-1897 гг.), став навязчивой идеей, одержимостью, сравнимый с силою болезни или смерти. Таинственная фигура ангела, явившаяся в час душевного недуга, ослабляет боль от безвременной кончины дочери, перенося героя и его возлюбленную в космическое измерение, подальше от земных страданий и утрат («Угасло дитя наше бедное...», 1906г.) К этому же периоду творчества К. Р. относится стихотворное послание великому князю Сергею Александровичу – первое из тех, что посвящено друзьям. Оно написано по традиционному романтической схеме и имеет ностальгический характер.

«Победное торжество» изменений в романтических элегиях конца 90-х годов представляется как давно ожидаемое событие, идеал радостного чувствования, сопряженный с обществом одного или нескольких близких людей (друзей и родственников), в ободряющем присутствии которых картина природы (сада, леса, луга), элементов интерьера (окна, арки, лестницы), помещения (комнаты в «милом старинном доме», «широкого крыльца») преобразуется до неузнаваемости, сообщая сакральное значение всему, что удостоивается внимания поэта («В нем словно тайная есть сила притяженья...»: о восходе солнца, встреченном на берегу озера; «Не вымолвить слова, не свесть очарованных глаз...»: о морской буре, увиденной усталым путником). Существование героя между двумя мирами воссоздано точнее, чем в дневниковых записях К.Р., свидетельствующих о подлинном счастье человека, выбирающего «пограничное» состояние между мечтой и реальностью, переживающего экзистенциальность бытия [5, с. 86].

С другой стороны, в душе поэта преобладает жажда отстранения, переживания «в стороне», позволяющая ощущать себя в одиночестве так же комфортно, как и с людьми. Одномерное пространство, которым окружен лирический герой, освобождает его, напоминая о законах природного мира, в котором он одновременно – гость и хозяин, находящийся в постоянном поиске тишины и уединения (описание одинокой прогулки в «Осташево», встреча с бушующим морем в элегиях «В Крым» и «Из Крыма»). В тождественных по настроению элегиях 1908-1911 гг. принципиальным для лирического героя становится довольствование малым, но необходимым для перечисления в силу обнаружения сокрытой непобедимости природы в самой себе: кустах шиповника, смородины, цветах акации, жасмина, сирени, георгинах.

Отмеченная повторяемость образов связана с традиционной для русской поэзии элегической ситуацией, в сюжете которой проецируются жизненные перипетии лирического героя, ориентированные на поэтически преобразованную биографию К.Р. Более того, элегии этого времени втягивают в свою орбиту другие лирические жанры, в особенности послание, включая такие его формы, как поэтическое обращение (к князю И.А. Зеленому, баронессе Н. Ф. Майендорф, княгине З. Н. Юсуповой, барону К. Н. Корфу) с указанием мест написания (Красное Село, Стрельна, Иматра, Осташево), их красот и достопримечательностей. В них сближаются образы природы и родины, любви и дружбы, и их ностальгическое звучание выдает в К.Р. человека любящего, глубоко верующего, обращающегося к Богу в трудных жизненных ситуациях и в минуты просветления.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. литература, 1975.
2. Галкин М.А. Лирика как искусство стихотворного слова. – Минск, 1986.
3. Григорьян К.Н. Пушкинская элегия (национальные истоки, предшественники, эволюция). Л., 1990.
4. Дурандина Е.Е. Камерные вокальные жанры в русской музыке XIX - XX веков. Историко-стилевые аспекты: Исследование/ РАМ им. Гнесиных.
5. Жаплова Т.М. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К. Р. // Вестник ОГУ. №11 (36). 2004.
6. Жаплова Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX века: Монография. Оренбург, 2004.
7. Завьялова Е.Е. Эстетические взгляды К. Р. // Вестник ОГУ. №4 (29). 2004.
8. К.Р. Дневник / Вступ. заметка и публ. Э. Матониной // Роман-газета. -М., 1994. № 19. С. 25-54.
9. К.Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество / Ст. Л.И. Кузьминой. СПб.: Искусство, 1995.
10. Касаткина В.Н. Предромантизм в русской лирике: Учебное пособие по спецкурсу. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987.
11. Муратов А.Б. Великий князь Константин Константинович // К.Р. Времена года. Избранное. СПб.: Северо-Запад, 1994.
12. Фризман Л.Г. Два века русской элегии//Русская элегия XVIII начала XX века. Л., 1991.

СИСТЕМА КООРДИНАТ И АСПЕКТЫ ИСЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Цыганская Оксана Геннадьевна

Северо-Кавказский федеральный университет, старший преподаватель, Ставрополь

Морозова Ирина Николаевна

кандидат филол. наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

SYSTEM OF COORDINATES AND ASPECTS OF SYNTACTIC PHENOMENA RESEARCH

Tsyganskaya Oksana Gennad'evna, senie lecturer of North-Cuacacus Federal University, Stavropol

Morozove Irini Nikolaevna, Candidate of Science, assistant professor of North-Cuacacus Federal University, Stavropol

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится параллель между дискурсом и текстом, а также рассматривается роль концепта как главной единицы концептосферы участников дискурса.

ABSTRACT

This article compares text and discourse and also accounts role of concept as a main unit of discourse participants' conceptosphere.

Когнитивная лингвистика связана с языковой деятельностью и процессами порождения и восприятия речи. Высказывание и дискурс – составляющие разговорной речи. Существует множество значений термина «дискурс». Из всего этого многообразия возьмём за основу общепринятое в лингвистике определение, данное Н.Д. Артюновой, которая понимает под «дискурсом» «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – речь, «погружённая в жизнь» [1]. Неоднократно было сказано, что разница между «текстом» и «дискурсом» состоит в том, что «текст» статичен и является результатом дискурса, в то время как «дискурс» динамичен, т.е. «текст – это средство и единица коммуникации. Дискурс – форма, в которой эта коммуникация протекает. Текст даёт пищу для размышления, дискурс – эксплицитно выраженное размышление» [10]. По словам Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определённую законченную (и зафиксированную) форму» [5]. Кроме того, текст – это «феноменологически заданный первичный способ существования языка» [14], а «связный текст понимается как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [9]. Текст – «это специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание» [8]. Соответственно, под высказыванием подразумевается предложение, актуализированное в речи, поскольку высказывание – единица коммуникации [7]. В таком случае предложение будет выступать языковым инвариантом высказывания. В основе структуры высказывания на когнитивном уровне лежит языковая информация, реализующаяся в пропозиции как носитель законченного смысла. Несмотря на то, что пропозиция является носителем информации, так как только ее наличие делает языковой знак коммуникативным, а информация – элемент коммуникации, можно говорить об информационных составляющих пропозиции. Языковая информация бывает как минимум трех видов: понятийная, соответствующая диктумной пропозиции, модальная, соответствующая модусной пропозиции, и релятивная, соответствующая логической пропозиции.

Когнитивная структура высказывания универсальна, она находится на глубинном уровне языковой системы, и лишь в начале процессов номинации, предикации и вербализации обретает национальные черты, свойственные конкретному языку. Уже на глубинно-семантическом уровне, при формировании семантической структуры высказывания, «срабатывают» механизмы «привязки» к структуре конкретного языка, которые в полной

мере разворачиваются на уровне формирования синтаксической структуры. Не полностью адекватным представляется суждение, что синтаксическая структура формируется на основании семантической, вернее будет сказать, что их формирование – почти параллельный процесс: обе они формируются на основе когнитивной структуры, причем понятийные концепты репрезентируются через семантику, а категориальные (в т.ч. синтаксические) концепты – через синтаксис. Что же касается дискурса, то концепт выступает главной единицей концептосферы участников дискурса, т.е. говорящего/слушающего, включая ментальные составляющие коммуникантов, поскольку концепт – «отпечаток духовного опыта человека определённой культуры» [13]. Он объединяет сознание, культуру и языковую систему в целом. По утверждению В.З. Демьянкова, «дискурс ... концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса» [4]. Свою содержательную реализацию концепт приобретает только в коммуникации, поэтому необходимо изучать концепты, их структурно-содержательное моделирование как с учетом ментально-психических характеристик, так и функционально-коммуникативного измерения. Концепты позволяют адекватно воспринимать информацию, определяя содержание высказывания и структуру дискурса. «Знание когнитивных структур, связанных с языковым знаком, предшествует дискурсу: если человек знает языковой знак, он знает и его категориальное значение, а в ситуациях, когда он знает знак, он тоже должен подвести знак под определённую категорию, – вне этой операции акт номинации состояться не может. Дискурс только подтверждает, какая структура знания и в каком виде была в нём использована» [6]. Моделирование выступает основой концептуального анализа когнитивистики, и Е.А. Селиванова подчёркивает, что «когнитивная теория дискурса рассматривает в качестве первоочередной задачи создание ментального прообраза всего информационного пространства коммуникативной ситуации, в том числе текста как её семиотического посредника» [11]. Такой анализ позволяет связать коммуникативно-дискурсивные характеристики концептов и их структурно-содержательные признаки.

Когнитивно-дискурсивная сторона концептосферы речевого акта включает в себя компоненты смыслового и формального уровня. Смысловой (семантический) уровень – это последовательность таких когнитивных образований, как понятие – значение – смысл – концепт – концептосфера. В то время как формальная сторона представления концептосферы – это континуум статических (фреймы) и динамических (сценарии) составляющих, вербализуемых лексическими единицами.

Рассматривая смысловую и формальную сторону, необходимо провести параллель между наиболее дискутируемыми терминами такими, как «понятие» – «концепт» – «фрейм». Существует две основные точки зрения

на проблему дифференциации пары «понятие – концепт». Сторонники первой утверждают, что «концепт» шире «понятия». Этой точки зрения придерживаются И. А. Стернин, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин и др. Сторонники второй точки зрения отождествляют эти два термина. Данное мнение представлено в работах Н. Ю. Шведовой, М. В. Никитина и др. Несмотря на то, что оба эти явления когнитивного происхождения и представляют результат познавательной деятельности сознания, тем не менее, это разные продукты концептуального и языкового уровня. По утверждению Н.Н. Болдырева, значение передаёт лишь часть знаний о мире, большая же часть этих знаний «хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности абстрактности, в содержание которых могут постоянно включаться новые характеристики. Эти характеристики будут требовать новых форм вербализации» [3]. Мыслительный процесс сознания посредством языка и его результат, процесс текстопорождения и есть когниция в философском смысле, следовательно, язык как таковой и текст «как когнитивно-ориентированная форма его существования есть осуществляемый или осуществлённый процесс когниции» [12].

Вопрос о неразрывной связи синтаксиса и семантики встал во второй половине XX в., вследствие чего анализ текста осуществлялся главным образом в семантико-синтаксических категориях, что давало весьма плодотворные результаты. Высказывание Э. Бенвениста гласит: «... язык образует систему. Этот принцип имеет силу для любого языка, какова бы ни была культура, которую он обслуживает, и какой бы исторический период мы ни взяли. От основания до вершины, от звуков до самых сложных форм выражения, язык есть упорядоченная система частей. Язык состоит из формальных элементов, соединяемых в переменные комбинации в соответствии с определёнными принципами структуры» [2].

По наблюдениям И.Р. Гальперина, именно синтаксис позволяет установить характер взаимодействия единиц и образующиеся при этом смыслы. Вследствие чего именно синтаксическая форма является порождением семантики. Это относится и к синтаксису предложения, и к сверхфразовому синтаксису, где смыслопорождение исходит от структуры композиции дискурса.

Особенностью дискурсивного синтаксиса является порождение особого смысла, свойственного только данной дискурсивной ситуации. Будучи в составе дискурсивного синтаксиса, слова подвергаются семантической дивергенции, что отражается и на морфо-лексическом плане, и на языковой системе. Данный процесс можно проследить и на уровне высказывания. Например, предложение «The children go to school» может иметь и значение «Дети ходят в школу» и «Дети идут в школу» в зависимости от контекста. Контекст дискурса будет обуславливать и модификацию формы высказывания. Помимо семантической дивергенции, в дискурсе проходят и процессы конвергенции, что ведёт к образованию контекстных синонимов. В конечном счёте, и то и другое является эффектами действия синтаксической матрицы дискурса. Процесс же порождения высказывания, по Л.С. Выготскому, начинается, как известно, с мотива, формирующего в языковом сознании коммуникативное намерение, за которым следует смысловая наполняемость высказы-

вания. Причём сложное информативное наполнение высказывания (дискурса) затрудняет процесс построения и формы высказывания. Перекодировка с языка схем и образов на общепотребительный язык осуществляется во внутренней речи, когда тема-рематические составляющие внутреннего смысла переходят в синтаксически организованное высказывание. Опытным путём А.Р. Лурия подтвердил первичность синтаксических структур в построении высказывания.

Таким образом, ни понятие значения, ни понятие структуры высказывания не способны пролить свет на все детали его информационной природы. Традиционно сложившееся понимание концепта даёт более углубленную картину происходящих в речемыслительной деятельности человека процессов, однако не раскрывает механизмов взаимодействия концептуальных структур в процессе их репрезентации в высказывании. Структурно-семантическое исследование синтаксических явлений способно дать исчерпывающее описание устройства предложения и высказывания, способов выражения того или иного синтаксического значения, однако не раскрывает механизмов формирования информационной структуры высказывания, «погруженного» в дискурсивное окружение.

По-видимому, только комплексное исследование, в котором структурно-семантические и функциональные параметры синтаксической конструкции будут увязаны с его когнитивно-дискурсивными характеристиками, способно продемонстрировать всю глубину понятий «синтаксическая структура» и «синтаксическое явление», показать сложное взаимодействие информационных составляющих этого явления, порожденного в когниции и функционирующего в дискурсе.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия. – 1998. – 685с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25-36.
4. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста [Текст] / В. З. Демьянков // Всеозун. Центр переводов. Тетради новых терминов, 39. Вып. 2. – М. – 1982. – 90с.
5. Кубрякова, Е.С. Виды пространства, текста и дискурса [Текст] / Е. С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции – М.: Диалог-МГУ. – 1997. – С. 19-20.
6. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

8. Москальская, О.И. Грамматика текста: учебное пособие [Текст] / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183с.
9. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5-42.
10. Попов, А. Ю. Основные отличия текста от дискурса [Текст] / А. Ю. Попов // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. – СПб.: СПбГУЭФ, 2001. – С. 38-45.
11. Селиванова, Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации [Текст] / Е.А. Селиванова. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336с.
12. Сулимов, В.А. Проблема текстовой когниции: методология исследования [Текст] / В.А. Сулимов // Вестник международной академии наук (русская серия) – Сыктывкар, 2006. – Вып. 2. – С. 78-85.
13. Тильман, Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст] / Ю.Д. Тильман. – М., 1999. – 25с.
14. Шмидт, З. Й. «Текст и история» как базовые категории [Текст] / З. Й. Шмидт // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 76-110.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПЕЙОРАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Турецкова Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, доцент кафедры иностранных языков, г. Оренбург

WORD-FORMING MEANS TO CREATE PEJORATIVE MEANING

Turetkova Irina, candidate of philological Sciences, Orenburg state pedagogical university docent of the foreign languages chair, Orenburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию специфики функционирования словообразовательных средств с пейоративной семантикой в области оценочной лексики немецкого языка. Предпринята попытка установить связь способов словообразования с потребностями разговорного стиля языка.

SUMMARY

The article is devoted to the specific functioning of word-forming means with pejorative semantics in the field of evaluative German vocabulary. The attempt to set the connection between the word-forming means and the demands of the colloquial language has been made.

Ключевые слова: корневые пейоративы; производные пейоративы; полупрефиксы; словосложение; дуплеты; полусуффиксы; композиты.

Key words: root pejoratives; derivative pejoratives; semi prefixes; composition; doublets; semisuffixes; composites.

Лексические единицы с отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией характеризуются разнообразием морфологического оформления. Это и корневые, и производные, и сложнопроизводные образования: корневые пейоративы (Nutte, Gnatz, blöd и др.), производные пейоративы, в которых негативность отражается в элементах семантики аффикса (rücksichtslos, willenlos, ungebildet, wertlos, anspruchslos и др., например: Primitivling – abw. primitiver, dummer Mensch). С нашей точки зрения, следует отдельно рассмотреть случаи, когда ведущую роль в выражении пейоративности играет словообразование.

В исследованиях отечественных лингвистов (А.П. Фомина, Е.С. Хмелевская, И.С. Козырев, Е.А. Земская) деривационный механизм языка рассматривается в контексте неоднородности функций данного механизма. В общем виде можно выделить пять функций словообразования: 1) собственно номинативная; 2) конструктивная; 3) компрессивная; 4) экспрессивная; 5) стилистическая. Экспрессивная функция словообразования заключается в том, что производное слово создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресату речи, его микромиру: Kein Mensch konnte es fassen, dass der windige, kleine, geduckte Mann dort oben am Fenster, dieses

Würstchen, dieses armselige Häuflein, dieses Nichts, über zwei Dutzend Morde begangen haben sollte [5, с. 288]. Употребляя производные слова Würstchen, Häuflein, говорящий выражает свое негативное отношение и оценку. Не факт наименования, а именно реализация задачи создания экспрессивности речи выступает на первый план.

Префиксация слабо представлена в производных пейоративах немецкого языка. Наиболее часто встречаются префиксы un- и miss-. Следует, однако, подчеркнуть, что одно только наличие указанных префиксов не манифестирует пейоративное значение лексической единицы. Пейоративные существительные с префиксом un- выражают понятие отрицательного или неудачного: Unsinn, Unglaube, Unflat, Unmensch. Основа может исчезнуть в качестве самостоятельного слова, сохранившись лишь в сочетании с приставкой: Ungeziefer. Также и miss- выражает понятие чего-то неудачного, плохого: Missgeschöpf, Missgeburt.

Приставка erz- встречается в небольшом количестве пейоративных существительных и служит для усиления пейоративности: Erzschemel, Erzfliegel, Erznarr.

Из перечисленных приставок при образовании имён прилагательных только erz- служит для усиления пейоративности, выраженной корнем: erzfaul.

Полупрефиксами называют такие словообразовательные средства, которые еще сохраняют форму самостоятельного слова, но в переносном значении образуют целый ряд слов с общим семантическим признаком [2, с. 153]. Полупрефиксами пейоративных существительных являются, например, Halb- (служит для смягчения пейоративности, присоединяется к пейоративной основе): Halbaffe, Halbidiot, Halbnarr; Groß- (служит для интенсификации пейоративности, присоединяется к основам с пейоративным значением): Großkotz, Großmaul, Großmogul, Großschnauze, Großsprecher, Großtuer; модель с префиксом Auch- имеет значение лица определенного рода занятия: Auchliterat, Auchdichter, Auchsportler. Полупрефикс Ober- иногда является синонимом приставки Erz- и служит для усиления пейоративности корня: Oberschurke.

Оценочный компонент создается с участием средств Scheiß-, Dreck-, Mist- в бранных пейоративах, значение которых определяется словарями как «лицо, предмет, который вызывает гнев». В большинстве случаев инвективы с этими средствами толкуются словарями относительно конкретно, например: Dreckding – etw. Minderwertiges, Gegenstand, über den man sich ärgert; Dreckskerl – Mann, auf den man wütend ist, weil er etwas Anstößiges getan hat. Полупрефиксы Asphalt-, Boulevard-, Revolver-, Straß-, Straßen-, Trottoir- образуют модели со значением «низкопробный»: Asphaltjournalist, Boulevardpresse – überwiegend auf der Strasse verkaufte Sensationzeitungen; Schmutzliteratur – abwertend, gegen Anstand und Sitte verstossende Literatur; а также Asphaltpflanze, Asphaltspucker, Straßendirne и др.

Полупрефиксы прилагательных служат в основном для усиления пейоративности, выраженной корневой морфемой. Например, stink- применяется для усиления пейоративности: stinkfaul, stinkdumm.

Значение негативного признака порождается в модели под воздействием суффикса. Отмечается, что в немецком языке практически не существует оценочных, в том числе и пейоративных, суффиксов. Так, суффикс –ling сам по себе не имеет значения пейоративности (ср. Liebling, Fremdling, Prüfling, Säugling и др.), но участвует в наименовании лиц, обладающих отрицательными качествами. При взаимодействии суффикса –ling с нейтральной лексической единицей, обозначающей лицо по роду занятия, образуются пейоративы, указывающие на профессиональное несовершенство: (Dichter) Dichterling – scherzh., schlechter, unbegabter Dichter; (Minister) Ministerling – schlechter Politiker; (Schreiber) Schreiberling – verächtl., jmd., der viel und schlecht schreibt. Реже суффикс присоединяется к наименованию «продукта» деятельности: (Reim) Reimling – schlechter Dichter.

Следует признать, что в обозначении пейоративных наименований профессий активно участвуют и другие словообразовательные модели: словосложение, словопроизводство с помощью иных суффиксов (-er, -ler, -at и др.), полусуффиксов и т.д. Неконкретизированную негативность выражают сниженные оценочные дуплеты к нейтральным наименованиям. Обидные клички профессий, а также наций порождаются чувством конфронтации одной корпорации с другой.

Критике подвергаются представители всех профессий. Профессиональную классификацию пейоративных номинаций можно представить в виде таблицы.

Пейорации подвергаются непрофессионализм, невыполнение служебных обязанностей. Например, учителя, которые заставляют зубрить материал, занимаются рукоприкладством; писатели, журналисты, работы которых являются плагиатом, которые пишут скандальные произведения и тем самым становятся известными, и многие другие профессии. Количество пейоративных лексем возрастает по мере распространенности и популярности профессии, то есть прямо пропорционально социальной значимости референтов.

Другой вид пейоративов создается модификацией основы суффиксами

-chen, -i, -sche, -s, -ler. Так, суффикс –chen, основным значением которого является значение малого размера, выражает презрение к предмету оценки, представляя его маленьким и ничтожным: Du bist mir so ein Schlingelchen! [3, с. 349]. Суффикс –bold, употребляющийся для создания имен собственных, участвует в создании пейоративов и имеет ярко выраженную экспрессивную окраску: Lügenbold – veraltet, scherzh., jmd., der oft und diest lügt; пейоративную окраску имеют непродуктивные в настоящее время суффиксы –ian (-jan), -rich: Dummerjan, Blödiän, Lotterjan, Schmutzian, Fickerich, Stänkerich, Bräuterich, Schnatterich – schwatzhafter Mensch.

Суффиксы –er, –ler, -ner чаще всего встречаются в отглагольных существительных (Schnapper, Schnatter, Schreiber) или в сложнопроизводных словах (Arschficker, Gerüchtenmacher, Krachmacher, Vielredner, Dreckfresser, Erbsenzähler).

Еще одну группу пейоративов образуют наименования с суффиксом –i, употребляемые преимущественно в молодежном социалекте: Bazi, Alki, Stürmi, Idi, Lappi.

Выделяются также шуточные образования из немецких основ и латинских и других иноязычных суффиксов: Pfiffikus – umg., pfiffiger Kerl, Schlaukopf; Luftikus – umg., scherzh., leichtsinniger Mensch.

Суффикс –in не имеет значения пейоративности и служит для образования наименований женского рода. Однако производные существительные, образованные соединением данного суффикса с именами собственными, приобретают разговорно-фамильярный оттенок: die Müllerin, die Schulzin.

Существительные с суффиксом –ei могут иметь в отдельных случаях пейоративное значение. Суффикс продуктивен в настоящий момент и служит средством образования эмоционально-окрашенных наименований действия или состояния: Schreiberei, Lauferei и пр.

Большой удельный вес имеют образования с полусуффиксами. Так же, как и полупрефиксы, полусуффиксы – это словообразовательные элементы, сохранившие самостоятельность, однако в переосмысленном значении образующие целый ряд новых слов. Наиболее продуктивными полусуффиксами существительных являются:

- mann, -mensch, -kerl: Gassenmensch, Dutzendmensch, Gewaltmensch, Scheißkerl, Blödmann, Doofmann;
- junge, -bube, -bub, -bubi, -bursche: Gassenjunge, Lausejunge, Rotzbube, Laufbursche, имеющие пренебрежительное значение молодой, незрелый.
- auge, -kopf (-kopp), -bein, -fuß, -hals, -nase, -finger, -bart, -arsch, -maul, -schnauze, т.е. названия частей тела человека или животного, образующие метонимическую модель со значением лица, имеющего отрицательные качества: Rauhbein – Mensch mit rauhem Umgangston, mit rauhem Benehmen; Glotzauger, Bammelmaul, Breitmaul, Klatschmaul, Kohlkopf,

Murrkopf, Pomuchelskopp, Saufkopp, Lästermaul, Großschnauze, Quatschkopf, Dummbart, Leichtfuß, Geizhals, Schreihals, Angstarsch, Langfinger. Aber ich sage dir doch, Holzkopf, das nützt nichts! [5, с. 98]. Существительные с компонентами –bein и –fuß обозначают человека по его поведению в обществе, с компонентом –kopf (-корп) – характеризуют интеллектуальные качества, с –maul речевое поведение человека.

- полусуффиксы, самостоятельное значение которых - отношения родства: - bruder, -base, -tante: Bierbruder – umg., jmd., der oft und gern Bier trinkt; Tippelbruder, Wermutbruder, Kneipbruder; Klatschbase – umg., abwertend, Frau, die viel klatscht, geschwätzige Person; Klimpertante – Frau, die schlecht oder gedankenlos auf einem Tasten- oder Zupfinstrument spielt; Faselante и пр.
- held с ироничным пренебрежительным оттенком: Pantoffelheld – umg., Mann, der sich von seiner Ehefrau beherrschen lässt, der daheim nichts zu sagen hat; Frauenheld, Weiberheld, Maulheld, Prügelheld.

- weib со значением негативного отношения к женщине, чаще всего образует грубые, бранные слова: Waschweib, Mannweib, Marktweib.
- Словосложение как самый продуктивный способ образования новых слов широко представлен и в образовании пейоративов. Выделяются следующие группы пейоративных сложных существительных:
 - сложные слова с компонентом, обозначающим предметы быта: Eiszapfen, Pfeffersack, Labertasche, Quacksack, Schnatterbüchse, Beißzange, Krawallschachtel, Hurenbeutel, Sauertopf;
 - метонимические композиты с компонентом, обозначающим предметы одежды: Geizkragen, Stinkstiefel, Blaustrumpf;
 - композиты с компонентом, обозначающим род занятий человека: Frauenjäger, Schürzenjäger, Herzensdieb;
 - модель с компонентом, обозначающим продукты питания: Amüsiernudel, Sparbrötchen, Milchbubi, Bierfass, Bierleiche, Brotfresser.

Таблица 1

Пейоративы названия профессий

Название профессии	Кол-во ПН	Образцы словарных дефиниций
Schriftsteller / Dichter / Journalisten	49	Literat (gering.) – federgewandter, oberflächl. Schriftsteller
Musiker / Sänger / Schauspieler / Maler	35	Sonntagsmaler (spöt.) – jmd., der sich laienhaft in der Malerei betätigt
Ärzte	26	Kurpfuscher (abf.) – Arzt, der seine Tätigkeit schlecht od. ohne Qualifikation ausübt
Polizei	20	Spürhund (von salopp bis abf.) – Polizist, der großes Jagdfieber hat
Schüler	17	Spicker (schülerisch abf.) – jmd., der spickt
Lehrer	15	Prügler (abw.) – Lehrer, der seine Körperkraft anwendet
Autofahrer	15	Sonntagsfahrer (absch.) – ungeübter Fahrer
Staatsbeamten	15	Bürokrat (abw.) – engstirnig nach Vorschriften arbeitender Mensch
Helfer / Bedienung	12	Helfershelfer (abf.) – Mittäter, Mitschuldige, Komplize
Wissenschaftler / Professoren	9	Stubengelehrter (abw.) – Haarspalter, Buchstabengelehrte
Sportler	8	Holzer (absch.) – roher Fußballspieler
Köche / Bäcker	6	Sudelkoch (abw.) – schlechter Koch ohne Kochtalent
Juristen / Rechtsanwälte	5	Winkeladvokat (abf.) – Advokat, der nicht erforderl. Kenntnisse hat
Militärs	3	gekaufter General (umg.) - Militärperson, die die Ehre ihres Waffenrocks verrät
Apotheker	3	Pillendreher (spöt., iron.) – Apotheker mit schlechten medizinischen Kenntnissen
Barbiere / Friseure	2	Bartkratzer (Berufsspot) – ungeübter Barbier
Bergsteiger	2	Alpenfex (spöt.) – Bergsteiger, der sein ganzes Leben den Bergen widmet
Verkäufer	2	Koofmich (spöt.) – ein junger Verkäufer
Sekretäre	2	Vorzimmerdrache (abf.) – böse Frau, die vor der Direktorstür sitzt

Значение негативно-оценочного признака возникает также при взаимодействии нейтральных основ, что имеет место в композитах: Traumprodukt, Bratkartoffelnverhältnis.

Другие модели словообразования представлены не столь многочисленно. К ним относятся редупликации, которые выражают оценочный смысл через звуковое подобие, среди них обозначение беспорядка, шумной непродуктивной деятельности, того, что не имеет ценности:

Wischiwaschi – umg., abwertend, nichts sagendes Gerede, unklare Darstellung; Krimskrams – umg., Kram, wertlose Kleinigkeiten; Klimbim – umg., das Drum und Dran, unnützes Beiwerk; Kuddelmuddel – umg., Durcheinander, Wirrwar; Techtelmechtel – Liebelei, Liebschaft, а также паронимы, контаминации, неомотивации: субъективно-негативное обозначение некоторых представителей профессий (Jurisprudenzler, Popoet, Sanitöter, Abschriftsteller, Humoritz), существительные, образованные от наименований профессий, обозначающие человека с определенными отрицательными качествами (Philosophaster, Politikaster, Stammtischpolitiker, Stammtischstratege), существительные, «подражающие» фамилиям: Besoffski, Schelmufsky.

Разговорная речь не может не отражать ценностные детали: характеристики людей, специалистов по их этическим и профессиональным качествам. Например, в сниженных пейоративах Idiotenlaterne, Existenzschnuller нашел отражение тот отмеченный социологами и врачами факт, что для многих людей просиживание перед телевизором превратилось в потребность, не свидетельствующую в пользу их культурного уровня [1, с. 111].

В молодежном жаргоне образование пейоративов отражает его отличительные черты: корпоративность, конфронтативность, критический дух, стремление выразить свою индивидуальность. Это проявляется в обилии сниженных дублетов к имеющимся нормативным обозначениям: Illusionsbunker – Kino; Wimmerscheune – Konzertsaal, Zierstrick – Krawatte.

Пейоратив играет важную роль и в политической сатире. Великолепным примером является пейоративный композитум Wahlklosett, обозначавший в политическом

шоу героя романа Г. Носсака «Дело д'Артеца» якобы нужник в избирательном участке, а на самом деле являющийся метафорой [4]. Данный пейоратив является способом разоблачить фарс национальных выборов, приравняв политический акт к физиологическим процессам.

Анализируя словообразовательные средства пейоративных номинаций, мы выявили ощутимое превосходство сложных слов с пейоративной окраской. Это можно объяснить общей тенденцией немецких существительных к словосложению. Отмечается также активность пейоративных суффиксов и полусуффиксов. Префиксация пейоративов составляет самую малочисленную группу и демонстрирует способность языка репрезентировать социальный статус языковой личности.

Список литературы

1. Садчикова, И.В. Пейоративное словообразование и его своеобразие (на материале немецкого языка) / И.В. Садчикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (2). – Тамбов: Грамота, 2008. – С. 110-112.
2. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1953. – 376 с.
3. Grass, G. Die Blechtrommel: Roman / G. Grass. – Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. – 779 S.
4. Nossak, G. Der Fall d'Arthez [Электронный ресурс] / G. Nossak. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/nossak-gans-erich/d_arthez.html. 2008 / свободный.
5. Süskind, P. Das Parfum: die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag, 1994. – 320 S.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОГО КОНЦЕПТА "MOTHERHOOD" ("МАТЕРИНСТВО") В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Вакорина Ирина Владимировна

ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания, Смоленский Государственный Университет, г. Смоленск

THE CONTENT OF THE AFRICAN AMERICAN CONCEPT "MOTHERHOOD" IN THE AUTHOR'S WORLD VIEW

Vakorina Irina, Lecturer of the Chair of the English Language and Methods of Teaching English, Smolensk State University, Smolensk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию и выявлению особенностей содержания афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство") в авторской картине мира. Исследование выполнено на материале романа афроамериканской писательницы Бернис МакФадден "Сахар".

ABSTRACT

The article deals with the description and reveals peculiarities of the content of the African American concept "Motherhood" in the author's world view. The material of the research is the novel "Sugar" by Bernice L. McFadden.

Ключевые слова: концепт; материнство; мать; дочь.

Keywords: concept; motherhood; mother; daughter.

Лингвокультурный концепт, как некая трансформация человеческого опыта, как сложный ментальный комплекс, включающий образную составляющую, смысловое содержание и оценку, представляет собой комбинацию

различных компонентов: общечеловеческого, национально-культурного, социального, группового и индивидуально-личностного [2].

Концептуальный анализ художественного произведения, как одного из способов фиксации и объективации действительности, позволяет проникнуть в ментальный

мир, как автора, так и этноса. Совмещение специфики индивидуального и этнического миропонимания делает художественный текст особым исследовательским материалом, который может обнаруживать как сходство, так и отличие в актуализации того или иного концепта в индивидуальном и этническом сознании. Кроме того, коммуникативная релевантность концепта раскрывается в художественном произведении не только через контексты, которые содержат имя концепта, но и через образно-семантические признаки, являющиеся маркерами авторского видения мира [1]. Это, в свою очередь, дает возможность осуществить более детальную реконструкцию когнитивного сознания автора.

Целью данной статьи является описание некоторых особенностей содержания афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство") в авторской картине мира. Материалом для исследования послужил роман темнокожей писательницы Бернис МакФадден (Bernice L. McFadden) "Сахар" ("Sugar") [3].

Материнство кодируется автором как отношение матери-дочери.

За пятнадцать лет до описываемых в романе событий Перл (Pearl), главная героиня, женщина афроамериканского происхождения, потеряла свою дочь Джуд (Jude), которая была изнасилована и зверски убита. По прошествии этого срока в городке Бигелоу (Bigelow), где Перл проживала со своим мужем Джоуи (Joe), появилась молодая темнокожая девушка по имени Шуга (Sugar), удивительным образом похожая на погибшую девочку. Поэтому Перл не могла остаться равнодушной к новой соседке. Однако остальные местные жители, особенно женщины, недоброжелательно отнеслись к незнакомке, так как по ее внешнему виду и манерам они поняли, чем она зарабатывала себе на жизнь. Брошенная матерью, она росла в борделе под присмотром женщин легкого поведения. И вот теперь мать, потерявшая дочь, и дочь, оставшаяся без матери, по-своему обретают друг друга.

Перл, проявляя материнскую заботу, приносит ей пироги ("I just wanted to try again <...> bring another pie for you..."), выполняя материнский долг, прививает ей нормы нравственного поведения ("... People saying you allowing mens to have their way with you. <...> I ain't raise you like that. Me and your father ain't raise you to be loose! So you tell me now, tell me if it's true"), окружая ее материнской любовью, выхаживает Шугу после того, как ее клиент, который оказался убийцей дочери Перл, надругался над девушкой, едва не убив ее ("... speaking small words of hope, faith and encouragement. The hugs came often accompanied by quiet easy kisses on the slope of her cheek and the brim of her head lulling her to sleep or waking her to the breaking day").

Шуга, не зная, что такое материнская ласка и материнское участие, чувствовала себя некомфортно, когда наблюдала за их проявлением в отношениях других людей ("Sugar looked at them then turned away. Expressions of affection always made her feel uncomfortable"), поэтому долго отказывалась принимать внимание от Перл ("Pearl stood there looking at the closed door that was only inches from her face. She'd never experienced in her whole lifetime the humiliation she had encountered in this one day"). Шуга не знала свою родную мать и не знала вообще, что значит иметь мать ("... Sugar had no real sense of what a mamma was. She'd heard the word used in conversation, but its

meaning was foreign to her"). Это и было ее главной болью, которая преследовала ее всю жизнь ("Pain was an unwanted friend of Sugar's. She couldn't seem to get away from it, no matter where she went"). Ей не хватало физического присутствия матери в жизни ("She looked down at her hands, and thought how much she wanted to see the hands of her mother"). Вглядываясь в ее фотографию, она тщетно пыталась найти какие-нибудь ее черты у себя ("She wanted so desperately to see something of that woman inside her"). Без матери Шуга не могла найти себе места, не могла узнать себя ("Small town ain't fit for a woman that ain't never had a mamma"; "... she'd never imagined herself more than a whore"; "... I just ain't had no crossroads in my life is all").

Некогда чужие, теперь Перл и Шуга проникаются друг к другу и дают друг другу то, чего им обоим так не хватало в прежней жизни ("Secret pains, now told, bonded the women together tighter than anything else in this world").

Материнство объективируется в романе также как связь матери и дочери.

Эта связь представлена в двух планах: материальном ("... cotton nightgown given to her by her mother as a wedding gift..."; "She removed the envelopes, one by one, first bringing them close to her nose and smelling the lavender, then moving them across her cheek and down her neck. She could feel her mother") и духовном ("... she heard her mother's voice in the back of her mind: "What you don't know won't hurt you"; "She'd heard it a million times from her mamma's mouth...").

Лексическая презентация исследуемого концепта манифестирует материнство как эмоциональную категорию, характеризующуюся амбивалентностью. С одной стороны, жизнь Перл полна боли, вызванной потерей ребенка ("Fifteen years of grief"; "Jude had taken her smile with her"; "... this was the cause of great pain for Pearl..."; "Calling for Jude and crying when her call was not answered and still, as she wallowed in grief and anguish, the sorrowful wail that was reserved for mothers who've lost their only daughters, remained locked in her throat"). С другой стороны, в ней присутствуют моменты материнского счастья, когда домой возвращается один из сыновей героини ("Pearl tied the apron around Seth's waist and kissed him lovingly on the cheek"; "They sat across from each other, enjoying the quiet mother and son moment").

Путем анализа ассоциативно-смыслового поля концепта был выявлен его семантический потенциал в индивидуально-авторской картине мира. Эксплицированные контексты ведут к глубинным, имплицитным смыслам, которые представляют материнство как жизнь.

Когда не стало дочери, жизнь Перл не просто изменилась ("... She had not been able to perform that wifely duty since Jude's death"), а даже в чем-то прекратилась ("She did not die. Not physically. Her soul and spirit had departed our world the moment she touched the cold, bruised brow of her child").

Писательница также ассоциирует материнство с семьей. После смерти Джуд оба сына Перл уехали из родного дома, не находя сил больше там оставаться. После трагических событий прекратились и семейные поездки к родственникам во Флориду.

Автор романа, раскрывая сущность материнства, идет от обратного, она подробно описывает муки женщины, которая не может быть матерью. Перл словно не жила после смерти дочери, хотя у нее было два сына и

муж. Только встреча с Шугой, которая заменила Перл дочь, позволила ей вновь почувствовать себя женщиной и матерью. Рисуя такой контраст, Бернис МакФадден акцентирует внимание на том, что материнство - это не только биологическая ("If she could, she would not even sell those long, black marks that crisscrossed her abdomen, no, they made up who she was – a mother"), но и социальная категория. Перл была убеждена, что ее материнское напутствие могло исцелить Шугу от душевных ран, нанесенных людьми из ее прежнего окружения ("Sugar ain't spoiled, she just a little bruised, is all. Bruises can heal and fade away to nothing").

Вызывает интерес неожиданное, на наш взгляд, наполнение содержательной стороны концепта - материнство как борьба/смирение.

Перл не могла и не хотела принимать смерть дочери. Она предпочла жить долгие пятнадцать лет с болью, которая неким образом связывала ее с Джуд ("... putting her pain not behind her, but beside her, where sweet Jude should have been..."), которая словно напоминала ей, что она мать. Перл не хотела смиряться с реальностью, в которой больше не было ее девочки, придающей ей сил ("Pearl was fighting. Fighting with the reality that there would be no more candy sweet kisses and hugs that could magically erase a problem, worry or fear").

Когда Шуга обосновалась в Бигелу по соседству с Перл, их общение оказало огромное влияние на их жизни. Любовь вытеснила боль из сердца женщины-матери. Перл полюбила Шугу, которая могла быть ее дочерью ("... now I love you for you, not who you remind me of"). А женщина-дочь стала открывать в себе новые грани, благодаря Перл, которая могла бы быть ее матерью ("Pearl's words melted over Sugar, coating her in warmth and sweet affection, but simple acceptance was hard for Sugar after so

many years of rough callused hands handling her body"; "No one had ever referred to her as a lady. It was a role she never thought she would play. She liked it"). В силу сложившихся обстоятельств Шуга решает уехать, Перл снова "теряет дочь" ("Pearl was losing another one"). И эта ситуация для нее еще хуже, чем в прошлый раз ("No, this was worse."). Но она отпускает Шугу, повторяя про себя многократно слова, которые потом срываются со стоном с ее уст: "Она не твоя. Позволь ей уйти" ("She ain't yours. Let her go"). Перл принимает решение девушки, понимая, что заставляла Шугу исполнять роль, для которой она не была предназначена, и смиряется с этим.

Итак, особенностью актуализации содержания афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство") в авторской картине мира выступает антропоцентрическая направленность. Материнство определяет качество жизни темнокожих женщин (матери и дочери). Экстраполяция этой прагматической ценности материнства из индивидуальной сферы в общенациональную обуславливает в конечном итоге благополучие этноса. Женщины афроамериканского происхождения своим материнским участием формируют судьбу своих детей, а значит, влияют на будущее их этноса. Такая динамика является актуальной спецификой содержательной стороны исследуемого концепта.

Литература

1. Згазинская О.Г. Концепты Париж и Киммерия в творчестве М.А. Волошина: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 – Архангельск, 2008.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2011.
3. McFadden Bernice J. Sugar. – NY: A Plume Book, 2000.

СИМВОЛ ХРИСТА В ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Волосков И.В.,

доктор философии, Академик Российской академии гуманитарно-прикладных наук

SYMBOL OF CHRIST IN THE TRADITION OF OLD RUSSIAN LITERATURE

Voloskov IV, Grand Doctor of philosophy, Academician of the Russian Academy of Humanities and Applied Sciences

АННОТАЦИЯ

в статье на примере традиции жанра жития древнерусской словесности рассматривается роль символа Христа с мировосприятия древнерусских авторов

Ключевые слова: словесность, символ, Христос.

ABSTRACT

The article on the example of the tradition of the genre lives of Old Russian literature examines the role of the character of Christ to the world view of ancient authors

Keywords: literature, a symbol, Christ

Символ как особая форма знака предполагает многозначность значений, ассоциаций, способность взаимодействовать и подчинять себе смысловое поле произведения словесности. Древнерусская традиция словесности имеет религиозный характер. Потому символ Христа является не только сквозным, но и организующим традицию. Данный символ является своеобразным зеркалом, через

которое неизвестные авторы произведений воспринимают окружающий мир, жизнь общества и отдельных людей, исторический процесс.

Символ Христа ярко проявляется в житиях князей, первых русских святых. Образы Бориса и Глеба как первых русских святых, за канонизацию которых долго боролся Ярослав Мудрый, выдержаны в традиции жития. Автор подчеркивает их благочестие, почитание старшего брата,

верность Божьей воле. В их поведении раскрывается «Почтение Владимира Мономаха». Напротив, образ Святополка наполнен языческими чертами лжи, предательства, неуважения к отцу. Эти качества автор объясняет грехами Владимира как язычника. Он убил своего брата Ярополка и овладел его беременной женой. Это определяет отношение Святополка к Владимиру, когда он надругался над его телом, в тайне завернув его в ковер, и отвез на санях в церковь святой Богородицы.

Языческим качествам брата, противопоставлены христианские Бориса и Глеба. Как младшие братья, они появились, когда Владимир уже крестился. Потому их образы выдержаны в духе православной нравственности и ценностей, отраженных в «Почтении Владимира Мономаха» [4]. На призыв дружины взять власть в Киеве, Борис отвечает: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого я чту как отца» [1, с.81]. Зная о готовящемся убийстве, князь полностью полагается на волю Бога: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми твоими святыми, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим Вовеки! Аминь!» [1,с.81]. Своих убийц Борис встречает в молитве и просит их дать ему возможность ее закончить. Такое поведение князя оказывает нравственное воздействие на его убийц: «И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?» [1, с.82].

Брат его, Глеб, тоже зная о готовящемся убийстве, не только смиренно принимает Божью волю, но и обращается к своим убийцам с наставлением: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла Вам не причинившего! Какую обиду нанес я брату моему и Вам, братья и повелители мои? Умоляю Вас и отдаюсь на Вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте, детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Если же кровью моею насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя» [1, с. 83]. Таким образом, поведение Бориса и Глеба является образцом с точки зрения православной нравственности. Не случайно Ярослав стал добиваться у Византии признания их святыми. Их образы и поведение являются ориентиром для всех русских князей. В традиции древнерусской словесности их образы становятся символами небесных заступников Руси. В «Житии Александра Невского» есть свидетельство дозорного, который видит, как по Неве плывет ладья с Борисом и Глебом, желающими помочь Александру.

Житие Александра Невского продолжает традицию княжеского жития. Произведение создавалось во Владимиро-Суздальской Руси, где важным был статус князя. В раскрытии образа князя житие утверждает его благородное происхождение, веру. Используемые автором жития библейские и исторические параллели, выдержаны в

традиции славы: «И красив он был, как никто другой, и голос его- как труба в народе, лицо его- как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его- как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую». [1, с. 118]

Узнав о вызове шведских рыцарей, Александр «вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ» [1, с. 118]. Помощь Божия проявляется не только в видении дозорным Бориса и Глеба, но и в присутствии во время Невской битвы божьего воинства: «А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство...» [1, с. 119]. Отмечает автор и нравственные качества князя, его заботу о простых людях, заступничество, участие в строительстве церквей. После того, как хан Батый послал воеводу Неврюю на разорение земли Суздальской, Александр восстановил церкви, города, помог людям, оставшимся без крова. Автор жития говорит о характере Александра: «Не прельщась богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из других стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое» [1, с.120]. О святости Александра свидетельствует не только его характер, поведение, заступничество, но и чудо, произошедшее после его смерти. Когда после смерти ему хотели вложить в руки грамоту духовную, он, будто живой, простер грамоту и принял ее из рук митрополита. Это несмотря на то, что «тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время».

Первыми русскими святыми были не только князья, но и монахи, первые старцы. Уже в «Повести временных лет» поется слава Феодосию Печерскому, основателю и игумну первого на Руси монастыря. С момента принятия христианства проходит меньше ста лет, когда в 80-е годы XI века появляется житие Феодосия Печерского, написанное монахом Киево-Печерского монастыря Нестером. При раскрытии этого образа для автора важны такие качества, христианское смирение, вера в Бога и Божью помощь, духовное мужество, как способность отстаивать свой выбор, образ жизни. В житии говорится, что уже в детстве Феодосий хотел уйти в монастырь, но мать была против такого выбора сына. Юноша сбежал из дома с поломниками, но мать его догнала, жестоко избила, заковала в цепи и посадила на цепь в сарае, чтобы он не убежал: «Когда же после долгого преследования, наконец, настигла его, то настигла и в ярости и в гневе вцепилась ему в волосы, и швырнула его на землю, и пинала его ногами, и, осыпав упреками странников, вернулась домой, ведя Феодосия связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что и, придя домой, била его, пока не изнемогла. Через два дня, придя к нему, отвязала и накормила, но, еще не остыв от гнева, сковала ноги его и велела ходить в оковах, опасаясь, как бы снова не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней». [1,с. 87]. Примечательно, что Феодосий не только не озлобляется на мать,

но с радостью принимал и благодарил Бога за все перенесенное. Душевное мужество, вера в божественное заступничество, сила молитвы необходимы были Феодосию, чтобы перенести многочисленные искушения: «Кто не поведется блаженному, как оставаясь один в такой темной пещере, не боялся он бесчисленных полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая на помощь себе Иисуса Христа. И одолел он их силой Христовой, что не смели они приближаться к нему и лишь издали являлись к нему в видениях» [1, с. 89]. Сила веры, Божественное заступничество, христианское смирение помогали Феодосию и в монастырской жизни: «А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много других разных пакостей творили. Тогда пришел старший пекарь и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что получит от Бога власть над ними, отправился в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, молясь. И с того времени, закланием преподобного и молитвой, не могли появляться на том месте бесы и творить пакости» [1, с. 89]. Такова была сила молитвы Феодосия.

Феодосий вел не только нравственный образ жизни, был примером для братии, но и славился как старец, был способен влиять не только на простых людей, бояр, но даже на князей. Он уговорил свою мать не препятствовать ему в его выборе, а уйти в женский монастырь, чтобы они смогли видиться в Киеве. В другой раз, придя к князю и увидев множество музыкантов, Феодосий спросил у него «Вот так ли будет на том свете?». Князь «умилился словам блаженного и прослезился и велел прекратить музыку. И с тех пор, если, пригласив к себе музыкантов, узнавал о приходе блаженного, то приказывал им прекратить игру. И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом». [1, с.94]. Нравственное воздействие на окружающих бояр, князей делает Феодосия общественным деятелем, первым старцем на Руси, образцом для подражания монахов и других святых. Опыт пустыничества, старчества Феодосия Печерского, создание им одного из первых в русской земле монастыря оказало значительное воздействие на культурные и религиозные традиции государства.

В том же жанре жития святых создано на основе традиции «Жития Феодосия Печерского» создано «Житие Сергия Радонежского». Автор его отмечает не только благородное происхождение святого, но и его врожденную предрасположенность к монашеской жизни. Еще в утробе матери во время литургии в церкви и чтения Евангелия младенец начал кричать. По милости и помощи Бога Сергий научился грамоте. Увиденный Сергием в детстве черноризец на просьбу помолиться в овладении им грамотой, отвечает: «О грамоте, чадо, не скорби: с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты».

Для жанра жития святых важным моментом являются искушения бесами и борьба святого с ними: «Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападение,- ведь много зверей в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке

стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его» [1, с. 122]. Сергий же все посылаемые испытания терпел с радостью, за все благодарил Бога.

Повествует автор жития и о строгой, аскетической жизни Сергия, его трудолюбии, отсутствии гордости, заботе о братии: «Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный» [1, с. 122]. Утверждает Сергий в созданном им монастыре правила общежития (ничем особенным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать), помощи странникам и нищим: «Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья и воеводы и воины бесчисленные- все получали нужную и достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и в путь отправляясь необходимую пищу и питье достаточное получали» [1, с. 123].

Продолжает развивать Сергий Радонежский и традиции старчества. Именно к нему приходит Дмитрий Донской за благословением на Куликовскую битву. Сергий же благословил его молитвой и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христовом стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Накануне битвы, смущаемый многочисленным татарским войском, князь с гонцом получает послание Сергия «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не устроясь,- обязательно поможет тебе Бог». Молитва Сергия, вера Дмитрия Донского в небесное заступничество привели к победе, «крестоносная хоругвь долго гнала врагов» [1, с. 124].

Заслуги Сергия Радонежского как святого, старца высоко оценивали русские историки, общественные деятели. Так, Н. Бердяев отмечает: ««Святому была присуща гениальность в самотворчестве, в превращении себя в совершенство, в просительную тварь... Человек не сам виновник своего дара и гения. Он получил его от Бога и потому чувствует себя в руке Божьей, орудием Божьего дела в мире» [2, с.15]. Высокую роль Сергия Радонежского не только как основателя монашества в Северо-Восточной Руси и вдохновителя победы Дмитрия Донского, но и в утверждении образа жизни Христа всей своей сподвижнической жизнью, отмечают и современные исследователи древнерусской традиции словесности. Архимандрит Платон утверждает: «Святой Сергий- духовный вождь Руси, примиривший русских князей и вдохновлявший их на собиранье русских земель под политическим главенством Москвы. Обращаясь к религиозно-нравственному облику преподобного Сергия, мы видим его глубокое смирение, его преклонение пред Богом, его погруженность в молитву и созерцание, его евангельскую любовь к

ближним и дальним, его заботу о благоденствии Русской земли». [2, с.14].

Таким образом, житие первых русских святых, как князей, так и монахов показывает, насколько важным и значимым был для древнерусской литературы образ Христа. Стремление жить как Христос, страдать, понести во имя любви к нему страдания, муки становится важным мотивом жизни и деятельности первых русских святых.

Литература

1. Волосков И.В. История древнерусской словесности.-Сергиев Посад: АГИОН, 2012
2. Архимандрит Платон (Игумнов) Святой Сергий- духовный вождь России// Материалы IV Международной конференции «Церковь и казачество: соратничество во имя отечества». М.: Духовное преобразование, 2015.

ГИПЕРТЕКСТ КАК СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ СПРАВОЧНОГО ИЗДАНИЯ

Воронка Анна Владимировна

Аспирантка, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт», г. Киев

HYPertext AS ORGANIZATION SYSTEM OF REFERENCE WORKS

Voronka Anna, post-graduate student of National Technical University of Ukraine, "Kyiv Polytechnic Institute", Kiev

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности гипертекста как системы организации справочного издания. Эффективность взаимодействия пользователя и справочного издания рассматривается с точки зрения качества системы гиперсвязей внутри информационного поля издания.

ABSTRACT

The features of hypertext as organization system of reference work are considered in the article. Efficiency of cooperation of user and reference work is determined by quality of the hyperlinks system of the reference work.

Ключевые слова: гипертекст, справочные издания

Keywords: hypertext, reference works.

Важной особенностью справочных изданий является специфическая организация имеющейся в них информации, вызванная нелинейностью информационного поля этого вида изданий, рассчитанных на фрагментарное восприятие. Наличие системы ссылок, как на внутреннюю, так и на внешнюю информацию, делает любое справочное издание разветвленной системой информационных блоков, то есть гипертекстом. Удобство системы гипертекстуальных связей непосредственно влияет на эффективность взаимодействия пользователя и справочного издания. Автором и разработчиком этой системы выступает редактор-составитель словаря или энциклопедии.

М. Субботин определяет гипертекст как соединение смысловой структуры и технических средств, дающих возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами [8].

Гипертекст является чрезвычайно продуктивным инструментом организации информации справочного издания. И хоть в определении М. Субботина гипертекстуальность непосредственно связывается с техническими средствами ее воплощения, даже традиционное печатное справочное издание уже по определению гипертекст, ведь гипертекстуальность – это совокупность специфических особенностей в изложении, структурировании и организации доступа к информации [3].

Текст справочного издания нелинейный, он подлежит формальному членению на части, для которых характерна смысловая законченность, целостность и когерентность – те требования, которые выдвигаются к отдельным информационным единицам гипертекста (в нашем случае – справочных статей как отдельных информационных блоков справочного издания). Кроме того, в справочном издании всегда имеется система ссылок – на информацию внутри справочной статьи, на информацию, содержащуюся

в других статьях издания, и на внешнюю информацию, то есть, на другие справочные издания или информационные ресурсы. В электронных версиях справочных изданий эти ссылки имеют вид гиперссылок, которые позволяют мгновенно переходить к необходимой информации, а следовательно, значительно упрощают работу пользователя с таким изданием.

Поэтому, по мнению С. Корнева, гипертекст с его бесконечным разветвлением является незаменимым при составлении справочников, энциклопедий, словарей, однако до сих пор остается преимущественно техническим средством организации информационных ресурсов [5]. Активное исследование гипертекста началось с появлением и развитием компьютерных технологий и глобальной сети Интернет, которая изменила способ мышления людей и восприятие ими информации. Однако гипертекстуальность проявилось в справочных изданиях значительно раньше. Так, Дени Дидро, составитель «Энциклопедии. Или толкового словаря наук, искусств и ремесел» («Encyclopedie ou dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers») [1]. указывал на интегральную функцию справочного издания, то есть его способность устанавливать связи между понятиями.

Создание концепции гипертекста позволило реализовать идею нелинейного письма. Нелинейность гипертекста выражается в невозможности следовать изначально заложенному порядку информационных единиц [3]. Но парадокс организации справочного издания заключается в том, что такое издание имеет четкий порядок информационных блоков (справочных статей) – алфавитный (прямой или обратный) или любой другой, избранный редакцией и сообщенный пользователю. Однако этот порядок служит лишь для поиска информации, но никоим образом не означает логику переходов между информационными блоками.

Именно поэтому важным этапом подготовки справочного издания является осмысление связей и навигационной системы с точки зрения их потенциальных и реальных свойств, которые создают образную структуру и определяют качество гипертекстовых связей как потенциального пути продвижения пользователя в информационном поле справочного издания. В. Лория рассматривает эти связи как функциональный механизм объединения идей, мыслей, фактов, и т. д. и смысловой системы, которая определяет связи информационных блоков, а также как способ передвижения в информационном поле и получения разных форм знания за счет логического построения цепочки рассуждения, аргументации и анализа [7].

Для реализации такой цели важно понимать особенности гипертекстовых связей, их типы и специфику. В. Лория выделяет такие типы гипертекстовых связей: 1) формирующие целостное представление о предмете изучения; 2) создающие определенный информационный блок (прямые, структурные, индексные, перекрестные ссылки); 3) способствующие получению нового знания (смысловые или логические связи) [7].

Исследователь также вскрывает основную причину неполноценного функционирования механизмов гипертекстовых связей. Она заключается в нарастании противоречия технологических и информационных критериев оценки гипертекста. Стремление к количественному увеличению связей с целью сделать гипертекст открытым, динамичным, с высокой организационной структурированностью информации приводит к противоположному эффекту – сверхсложности, избыточности, непоследовательности, нелогичному сочетанию ключевых слов и символов, которые ограничивают свободу передвижения в информационном поле издания и получения нужной пользователю информации [7].

Гиперссылка становится направлением на дополнительное, избыточное чтение (которое выходит за пределы гипертекста как целостной информационной структуры) только в том случае, когда для пользователя возникает ассоциативная связь с тем, что ему интересно и что резонирует с его личной идеологической точкой зрения. Следовательно, гиперссылка, чтобы быть активированной, должна взаимодействовать с информационными потребностями пользователя, его интересами и системой ценностей [6].

Именно поэтому при подготовке справочного издания редактору важно упорядочить систему гиперсвязей не за счет количественного увеличения, а путем создания адекватного количества структурно-смысловых инвариантов, смысловых связей и ссылок, которые являются самостоятельными элементами не только гипертекста, но и традиционного текста [7].

Ведь информационное поле справочного издания имеет два измерения. Первое – это обычный текстовый документ, где информация изложена в алфавитном или любом другом заявленном порядке. Второе измерение – это внутренняя разветвленная система ссылок по тематическим линиям, индексам, порядок перехода по которым определяет сам пользователь.

Непременным условием существования осмысленного текста является наличие человека, который способен при восприятии этого текста сопоставить его знаковую форму с имеющимися в его сознании продуктами переработки разнообразного опыта взаимодействия с действительностью. Особенно важной при взаимодействии индивида с гипертекстом есть схожесть его архитектуры с принципами функционирования головного мозга человека [4].

У. Эко приводит интересный пример логики работы со справочным изданием. Например, пользователю необходимо посмотреть, мог ли Наполеон встретиться с Кантом. Пользователь обращается к томам на «Н» и «К», смотрит годы жизни Наполеона – 1769–1821, и Канта – 1724–1804. В 1804 году Наполеон уже был императором, значит, не исключено, что они встречались. Далее пользователь обращается к статье «Кант», потому что Наполеон в своей жизни увидел столько людей, что о встрече его с Кантом в короткой статье могли и не упомянуть, а вот если Кант встречался с Наполеоном, то в статье о нем этот факт может быть упомянут. При работе с печатным справочным изданием пользователю придется листать страницы, обращаться к разным томам, тратя время и физическую энергию. С помощью же электронного гипертекста эти операции можно выполнить за несколько минут или секунд [9].

Именно поэтому исследователь считает, что гипертекстуальная электронная база данных непременно вытеснит печатное справочное издание. По мнению У. Эко, «настоящая беда заключается не в том, что человек не может купить энциклопедию. Может, на это у него деньги есть, но у него никогда не хватит денег снять квартиру, достаточную, чтобы эту энциклопедию поставить!» [9]. Ведь несколько или даже один CD-ROM может вместить всю информацию, имеющуюся в «Энциклопедия Британика», и таким информационным ресурсом намного удобнее пользоваться.

Для понимания теории гипертекста, по мнению У. Эко, нужно разделить понятия «текст» и «система». Система – это сумма возможностей, которые содержатся в естественном языке. Каждая лингвистическая единица может интерпретироваться в виде другой лингвистической или семиотической единицы, то есть слово может быть выражено через определение, случай – через пример, естественный вид – через изображение и т. д. Системы конечны, но безграничны. В этом случае гипертекст может сделать любого читателя автором. Именно поэтому гипертекст идеально подходит для работы со справочными изданиями [9].

Следовательно, подходим к проблеме изменения позиций автора и пользователя. Отношения автора и пользователя справочного издания имеют свою специфику. Ведь автор справочного издания – это не одно лицо, а большой коллектив авторов и редакторов-составителей. Во времена возникновения и развития справочных изданий к их созданию всегда привлекались наиболее квалифицированные специалисты в разных областях знаний и наиболее профессиональные редакторы. Например, авторами 15-го выпуска энциклопедии «Британика» (1985) являются шесть тысяч авторов из ста стран мира, среди них – Нобелевские лауреаты. Статьи помечены инициалами авторов и знаком авторского права, иногда дополнены библиографическим списком наиболее признанных трудов автора. Именной указатель авторов в алфавитном порядке приводится в конце издания [2].

Следовательно, коммуникация между автором и пользователем справочного издания всегда осуществлялась в формате «авторы» (как коллектив) – «пользователь» (как конкретное лицо с конкретным информационным запросом). Именно поэтому, по нашему мнению, в наш век развития информационных технологий формат этой коммуникации изменился технологически. Ведь если издание создается и существует в сети Интернет, то каждый пользователь может получить полный доступ не только к потреблению, но и к созданию информацион-

ного поля справочного издания, как в случае с современной он-лайн энциклопедией «Википедия». В этом случае следует признать, что изменение позиций «автор – читатель/пользователь» окончательно состоялось.

Следовательно, гипертекстуальность является особенностью организации любого справочного издания, однако особенно актуальна эта особенность в наше время стремительного развития компьютерных технологий. Именно благодаря гипертексту пользование справочным изданием становится более удобным. Но чтобы максимально оптимизировать процесс коммуникации между справочным изданием и пользователем, редактор-составитель должен осмыслить и соответственно выстроить систему гиперсвязей в информационном поле справочного издания.

Список литературы

1. Denis Diderot and Jean le Rond d'Alembert Encyclopedie. University of Michigan Library: Scholarly Publishing Office and DLXS. - режим доступа к изд.: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-index?c=did;cc=did;idno=did2222.0000.004;rgn=main;view=text>.
2. Encyclopaedia Britannica - режим доступа к изд.: <http://www.britannica.com>
3. Дедова О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма / Дедова О.В. // Вестник Московского ун-та. Сер. 9, Филология. – 2001.- №4. – С. 22-36.
4. Залевская А.А. Гипертекст как познавательная универсалия // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III международной научно-практической конференции, 20 июня 2013 / отв. Редактор С.А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2013. 170 с. С. 61–70.
5. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодернизма: Интернет как место обитания литературы / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – 1998. - №32. – С. 29-47.
6. Красноярова О. От книжного текста к гипертексту / Красноярова О. // Научно-культурологический журнал. - №13 [231] - 25.07.2011. - режим доступа к изд.: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu>
7. Лория А. В. Электронное издание на базе гипертекста. – Автореф. Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1998.
8. Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации / М. М. Субботин // Итоги науки и техники. – Сер. Информатика. – М.: ВИНТИ, 1994.
9. Эко Умберто. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст / Отрывки из публичной лекции Эко Умберто на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЖАЙЫК В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Яданова Кузелеш Владимировна

кандидат филол. наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск

MEANING OF THE WORD JAYIK IN THE ALTAIC LANGUAGE

Yadanova Kuzelsh Vladimirovna, Ph. D. of Philology, Senior Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, t. Gorno-Altaysk

АННОТАЦИЯ

В научной статье рассматривается значение лексемы жайык в алтайском языке. Автор приходит к выводу, что этимология слова жайык восходит к древней основе и связана с религиозной сакральной семантикой.

Ключевые слова: дух-посредник; жайык; значение слова; алтайский язык.

ABSTRACT

The article discusses the meaning of the word jayik in the altain language. The author concludes that etymology of the word jayik dates back to ancient basis and associated with the sacred religious themes.

Key words: the spirit-mediator; jayik; meaning of the word; altain language.

Жайык (дьайык / яик) – дух-посредник между высшими светлыми духами и людьми, покровитель семьи и скота [8, с. 163; 17, с. 85]. Вместилищем духа-посредника жайык служила шкурка зайца, привязанная к белой шерстяной нити, протянутой между двух березовых веток, к которой также привязывались жертвенные ленточки (жалама / кыйра) [17, с. 84; 2, с. 32]. Шкурка зайца снималась целиком с тушки животного. К ушкам и лапкам прикрепляли ленточки белого и красного цвета [7, с. 182]. Шкурка зайца заменялась и широкой с разрезами лентой

[2, с. 32]. В юрте жайык висел на почетном священном месте – төр (тёр), против очага [16, с. 438].

А.В. Анохин объясняет значение лексемы жайык (дьайык / яик): дух-посредник, дух-небожитель и «часть существа Ёлгена» [2, с. 12]. Ёлген (Ульген) – благодетельный высший небесный дух (божество) [2, с. 9]. «Жайык живет на земле среди людей. Ёлген послал его с неба охранять человека от всего худого и злого и давать всему жизнь, за что славословится в молитвах, как бог – Кудай. Но главная роль Жайык'а заключается в посредничестве между человеком и Ёлген'ем.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 13-04-00128а, 13-04-00128 "Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов").

Ўлген-пийдин жарлыкчызы,
Кызыл пулут куйулу,
Кызынгулу тискиндү,

Куба жалкын камчылу,

Тенериде тил алышкан, Ак-Жайык!

«При совершении обряда ўстүгү (обряд жертвоприношения верхнему божеству – Ўлгену – К.Я.), шаман призывает Жайыка, который ведет его на небо вместе с жертвенным животным. Без участия Жайыка шаман восходить на небо не может» [2, с. 13].

В современном алтайском языке однокоренными словами к лексеме жайык, по-видимому, являются: жайа – творить; создавать; даровать; жайачы / жайучы / жайаан – творец, создатель [14, с. 70]; жайандык – творческий; жайалта – талант, дарование и др.

В хакасском языке эти слова также используются с определенными фонетическими особенностями: чайа- / чайирға – создавать, творить; чайаан – уст. создатель, творец (эпитет Бога); чайаачы – 1) творец, бог; создатель, творец; 2) творчество [18, с. 927]. В тувинском языке близкородственные лексемы выступают с более широким значением: чаяар / чайа – творить, создавать; чаяан – 1) судьба; доля, участь, удел; 2) способность, одаренность; чаяакчы – творец, создатель; чаяачы – уст. огонь (как предмет культа) [15, с. 523-524].

В монгольских языках однокоренные лексемы сохранили и другие значения: заяа(н) – судьба; заяах – уст. 1) 1) предопределять, предвещать; 2) осчастливливать; 3) ниспосылать, даровать; 2) 1) предопределение; предвестие; 2) ниспослание, дарование [10, с. 196]; заяагша – уст. творец, создатель, бог; заяархаг – счастливый; заяата(й) – имеющий счастливую судьбу, счастливый [4, с. 269].

В древнетюркском словаре слова с основой ЖАУ- имеют религиозную семантику: ЖАУ- – принести жертву; ЖАҮҮШ – рел. жертвенное приношение у доисламских тюрок; ЖАҮҮШЛИҮ – рел. жертвенный; ЖАҮҮШЛИҚ – рел. жертвенное место [6, с. 224-225]. В алтайском языке тай- – рел. приносить жертву, жертвовать; тайылга – рел. 1) жертвенное приношение; 2) приспособление для шкуры жертвенного животного [12, с. 139]. В языке желтых уйгуров: тай- – приносить жертву бурхану (шаманск.); тайга – моление; тайыг – шаманский обряд приглашения и призывания богов; тайыг вер- – совершать шаманское моление [9, с. 109]. В хакасском языке: тайы- – приносить жертву; тайыг – жертвоприношение [3, с. 133-134].

Очевидно, основы: ЖАУ- / ЖАЙА- (ЖАЙ-) / ЧАЙА- / ЗАЯА- / ТАЙ- восходят к одному общему древнему корню с сакральной семантикой. Э.В. Севортьян рассматривая этимологию основы АЙА- (АЙ-) / АЖА- в тюркских языках, выявляет древнее значение «уважать, оказывать уважение, почитать», которое по мнению исследователя сохранилось лишь в турецких диалектах и частично в чувашском языке [13, с. 101]. В древнетюркском словаре встречаются однокоренные лексемы со значением «почитать, благоговеть»: АЖА- АҮҮҮҮҮ – парн. почитать, относиться с глубоким почтением, благоговеть; АЖАҮ – благоговение, почитание, почести; АЖАҮЛҮҮ – почитаемый, уважаемый [6, с. 25].

В языке желтых уйгуров, проживающих в провинции Ганьсу Китайской Народной Республики, сохранились слова, восходящие к древней основе АЙ- (АЙА- / АЙЫ-): айк – счастье; хорошее предзнаменование; айыг – счастье; успех, удача; счастливое предзнаменование; судьба; айыгчы – гадатель, оракул (в шаманск. стихах: особое божество, дающее счастье); айлат- – узнавать о будущем;

Вестник Ўлген-бия,

С каймой из красной тучи,

С глухим [замкнутым] поводом [из радуги]

С плетью из бледной молнии,

На небе ведущий переговоры, светлый Жайык!»

[2, с. 12-13. Перевод – А.В. Анохина, уточнен – К. Я.]. выпадают, выходить в результате гадания [9, с. 13]. В алтайском языке также используется глагол: айлат- (айлар) в значении: «узнавать о будущем».

Э.В. Севортьян основу АЙА- (АЙ-) (в значении «почитать») связывает с лексемой ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ, который в тюркских языках выступает с основной семантикой: 1) священный – кир., алт., хак., тув., як. и др.; 2) посланный (богом), счастливый, благословенный, благой; почитаемый; 3) духи рек, гор, долин, фетиш преклонения, почитания – алт., хак.; 4) приносящий счастье; счастливый, благословенный; 5) скот, посвященный в жертву [13, с. 101]. В алтайском языке глагол ыйыкта- имеет значение: «посвящать в жертву духам (божествам); жертвовать».

По-видимому, этимология слова жайык восходит к древней основе ЖАУ- / ЖАЙА- / ЧАЙА- / ЗАЯА- / ТАЙ- / АЙ- (АЙА-) / ҮЙ- и связан с религиозной сакральной семантикой. Возможно, к этому ряду этимологически родственных основ можно добавить лексические основы: БАЙ- / БҮЙ- (БҮЙА-) с древними значениями, сохранившимися в алтайском языке: бай – святой; святость, запрет; байлу – священный; почитаемый; запретный, табуированный; бай-ла – почитать; бай-ла-н – соблюдать табу, традиции и правила культуры, религии [1, с. 35]; байана (пайана) – добрый дух-покровитель; быян (пыйан) – благодать, добро, благодать; милость; благодарность; быян сур- – испрашивать благодать, благословение, просить о счастье; быяанду – добродетельный, благодатный; благодатный; благодарный; ак быян – перен. «белый (благодатный) скот» (овцы).

В древнетюркском словаре находим слова, содержащие основы БАЙ- / БҮЙ- (БҮЙ-): ВАҮҮҚ – правдивый, истинный; ВАҮҮАТ – бог (вероятно, от bay-at – букв. «истинное, святое имя») [6, с. 79]. Сочетание qut bujan имеет значение: «счастье, благополучие, благодать» [6, с. 471].

Очевидно, лексемы: бай (baj), бий (bij), бег, бей в тюркских языках со значением «господин», «властитель, владыка», бауан, бийке, бийкеш (bikes) – «госпожа», бегүм – «королева», «королева мать» [13, с. 97, с. 134; 15, с. 103, 112] также восходят к основе БАЙ- (АЙ-) с древней семантикой «священный; почтенный, почитаемый, досточтимый».

Рассмотрев близкородственные основы в тюркских и монгольских языках, можно составить следующее лексико-семантическое соотношение:

Жайачы / жайучы / жайаан (алт.); чайаан / чайаачы (хак.); чаяакчы (тув.); заяагша (монг., бур.) – творец, создатель (эпитет Бога); Бог; ВАҮҮАТ (др.т.) – бог.

Бай (baj), бий (bij), бег, бей – «господин», «властитель, владыка»; бауан, бийке, бийкеш (bikes) – «госпожа», бегүм – «королева», «королева мать».

Жайа- (алт.); чайа- / чаяар- / чайирға (хак., тув.) – творить; создавать; даровать.

Заяа(н) (монг., бур.) – судьба; чаяан (тув.) – судьба; доля, участь, удел; айк (ж.уйг.) – судьба; счастье; хорошее предзнаменование; айыг (ж.уйг.) – счастье; успех, удача; счастливое предзнаменование; быян (пыйан) (алт.) – благодать, добро, благодать; милость; благодарность; qut bujan (др.т.) – счастье, благополучие, благодать.

Байана (пайана) (алт.) – добрый дух-покровитель; ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (алт., тел., хак.) – духи гор, рек, долин, фетиш преклонения, почитания.

Быйан сур- (алт.) – испрашивать благодать, благословение, просить о счастье;

Быйанду (алт.) – добродетельный, благостный; благодатный; благословенный; ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (кир., алт., хак., тув., як. и др.) – священный; посланный (богом), счастливый, благословенный, благой; почитаемый; приносящий счастье; счастливый, благословенный; заяатай (монг., бур.) – имеющий счастливую судьбу, счастливый; заяархаг (монг., бур.) – счастливый; байлу (алт.) – священный; почитаемый; AJAYLIY (др.т.) – почитаемый, уважаемый; ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (кир., алт., хак., тув., як. и др.) священный; бай (алт.) – святой; BAJIQ (др.т.) – правдивый, истинный;

Заяах- (монг.) – 1) предопределять, предвещать; 2) осчастливливать; 3) ниспосылать, даровать; айлат- (алт., ж.уйг.) – узнавать о будущем; предугадывать; предопределять, предвещать.

Айыҗы (ж.уйг.) – гадатель, оракул

Ай- (айа- / аја-) (др.т., тур.) – почитать; благоговеть; бай-ла (алт.) – почитать;

JAY- (др.т.); тай- (тайы-) (алт., ж.уйг., хак.) – приносить жертву; ыйыкта- (алт.) – посвящать в жертву духам (божествам); жертвовать.

JAYIŠ (др.т.); тайылга (алт.); тайығ (хак.) – рел. жертвенное приношение; тайыг (ж.уйг.) – шаманский обряд приглашения и призывания богов.

На основе вышеприведенного материала мы попытались составить лексико-семантический ряд, в котором слова логически связаны между собой и восходят к древней основе АЙ- (АЙА-):

сущ. жайагы / жайуцы / жайаан (алт.); чайаан / чайаачы (хак.); чаяакчы (тув.); заяагша (монг., бур.); BAJAT (др.т.) – творец, создатель; Бог ~ Бай, бий, бей, бег (тюрк.) – «господин», «властитель, владыка; бауан (тур.), бийке, бийкеш (bikeş) – «госпожа», бегум – «королева», «королева мать» (к.калп.) ~ гл. жайа- (алт.); чайа- / чаяар- / чайирға (хак., тув.) – творить; создавать; даровать ~ сущ. заяа(н) (монг., бур.); чаяан (тув.); айік (ж.уйг.), айығ (ж.уйг.); быйан (пыйан) (алт.); qut bujan (др.т.) – судьба; доля, участь, счастье; хорошее предзнаменование; успех, удача; благодать, добро, благодать; благополучие ~ сущ. байана (пайана) (алт.); ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (алт., тел., хак.) – добрый дух-покровитель; духи гор, рек, долин, феи-тиш преклонения, почитания ~ прил. быйанду (алт.); ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (кир., алт., хак., тув., як. и др.); бай (алт.); байлу (алт.); AJAYLIY (др.т.); BAJIQ (др.т.); заяатай (монг., бур.); заяархаг (монг., бур.); – добродетельный, благостный; благодатный; благословенный; священный, святой; посланный (богом), счастливый, почитаемый; приносящий счастье; имеющий счастливую судьбу; правдивый, истинный ~ гл. заяах- (монг.); айлат- (алт., ж.уйг.) – предопределять, предвещать, узнавать о будущем, предугадывать; осчастливливать; ниспосылать, даровать ~ ай- (айа- / аја-) (др.т., тур.); бай-ла (алт.) – почитать; благоговеть ~ JAY- (др.т.); тай- (тайы-) (алт., ж.уйг., хак.); ыйыкта- (алт.) – приносить жертву, жертвовать; посвящать жертву духам (божествам).

В этом ряде слов лексема жайык по своей семантике близка к группе «духов»: жайык (алт.) – дух-посредник, дух-покровитель семьи и скота; байана (пайана) (алт.) – добрый дух-покровитель рода; ый-ық / ыд-ық / ыд-уқ (алт., тел., хак.) – духи-хозяева священных гор, священных мест.

Таким образом, лексические основы JAY- / ЖАЙА- / ЧАЙА- / ЗАЯА- / БАЙ- (ПАЙ-) / БИЙ- / БЕЙ- / БЫЙ- (ПЫЙ-) / ВУЈ- / ВЙЙ- / ВД- / ТАЙ- связаны с религиозной сакральной семантикой и восходят к древней основе АЙ- (АЙА-).

Исследователи считают, что «яик – божество в истоке своем родовое – постепенно трансформировалось в семейного духа-покровителя, хранителя домашнего очага» [16, с. 438]. С.П. Тюхтенева о жайыке пишет: «это вместилище родовых духов, изготавливавшееся после свадьбы у южных алтайцев. Оно олицетворяло духов-предков как со стороны мужа, так и со стороны жены. Одним из главных элементов его была шкурка почитаемого животного рода мужа. Так, имелись вместилища из шкурки зайца (койон жайык), из горностая (агас жайык), из колонка (сарас жайык), хорька (жоон мойын жайык)... Следовательно, в числе почитаемых животных были заяц, горностай, колонок, хорек» [17, с. 126].

В.А. Муйтуева упоминает, что раньше «алтайцы имели дьайыки, связанные с верхним и нижним мирами (тёр и сары дьайыки). Собранный материал показывает, видимо, тёр дьайык (жайык, который висел в почетном месте юрты – тёр (тёр) – К.Я.) был каким-то животным (например, койон – заяц) или птицей (например, муркут – беркут) с верхнего мира, тогда как животные и птицы сары дьайык (желтый жайык – К.Я.) – с нижнего мира (медведь, суслик т.п.). После возникновения бурханизма была изменена функция желтого дьайыка, связанного с подземным миром» [11, с. 81].

Бурханизм – религиозное движение, синтезировавшее традиционные верования алтайцев с буддизмом. Возникло на Алтае в начале XX века. А.Г. Данилин в своем научном труде «Бурханизм» (1993) сообщает, что «до последнего времени встречалось у некоторых алтайцев-шаманистов, например, в Верхнем Аносе и других местах, изображение духа-покровителя, которое можно считать прототипом сары яика бурханистов. Это шкурка колонка (сарас) с желтой лентой, подвешиваемая так же, как и сары яик, при входе в юрту. Назывался он сары-чал» [5, с. 162].

Таким образом, наряду с ак жайык (белый, чистый яик) или тёр жайык (тёр яик) в алтайском шаманизме существовал и сары жайык (желтый яик), который висел при входе в юрту. Почитание жайыков со временем перешло и в бурханизм. Бурханисты верили, что духи-посредники и духи покровители – яики (жайык) содействовали размножению скота [5, с. 160].

Список литературы

1. Алтайский морфемный словарь (с переводом на русский и английский языки) / Сост. А.Т. Тыбыкова, Дж. Б. Вуд и др. – Горно-Алтайск, 2005. – 318 с.
2. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Л., 1924. – 248 с.
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – 240 с.
4. Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. – М., 1951. – 852 с.
5. Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. – Горно-Алтайск, 1993. – 208 с.
6. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова и др. – Л., 1969. – 676 с.
7. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск, 2001. – 223 с.
8. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о Вселенной // Советская этнография. – М.; Л., 1935. – № 4-5. – С. 160-183.

9. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. – Алма-Ата, 1957. – 197 с.
10. Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957. – 715 с.
11. Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – 166 с.
12. Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 316 с.
13. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974. – 767 с.
14. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка/ Сост. В.И. Вербицкий. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 496 с.
15. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968. – 646 с.
16. Тюхтенева С.П., Халемба А., Шерстова Л.И., Добжанская О.Э. Духовная культура // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – 429-442.
17. Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста, 2009. – 169 с.
18. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / Сост. Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И. и др. – Новосибирск, 2006. – 1114 с.

ДИСКУРС КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Екшембеева Людмила Владимировна

доктор филологических наук, профессор, Казахский государственный университет им. аль-Фараби, г. Алматы

Мусатаева Манаткуль Шаяхметовна

доктор филологических наук, профессор, Казахский государственный педагогический университет им. Абая, г. Алматы

DISCOURSE AS AN INSTRUMENT OF STRATEGIC IMPACT

Yekshembeyeva Lyudmila Vladimirovna, Doctor, Professor of Filology, Kazakh National University by al-Farabi, Almaty

Mussatayeva Manatkul, Doctor, Professor of Filology, Kazakh National Pedagogical University by Abay, Almaty

АННОТАЦИЯ

В данной статье дискурсивный анализ понимается как моделирующее описание-реконструкция принципов и целей дискурсивных практик. Цель статьи заключается в выявлении специфики функционирования и закономерностей реализации смыслов дискредитационного дискурса в контексте мотивов, целей, установок, условий и средств взаимодействия людей. Метод – дискурсивный анализ. Результат – выявленные стратегии и приемы дискредитации. Вывод: основной смысл системы дискредитационных стратегий – прагматический фокус через описание конкретных ситуаций в системе ценностей, определенных доминирующей идеологией.

Ключевые слова: дискурс; дискредитация; стратегия; воздействие; прагматика; дискурсивная практика.

ABSTRACT

In the article discourse-analysis is understood as a model description-reconstruction of the principles and objectives of discursive practices. The purpose of the article is to identify the specifics of functioning and regularities of meanings' realization of discredit discourse in the context of motives, purposes, objectives, conditions and means of human interaction. The method is discourse-analysis. The result - identified strategies and techniques of discredit. Conclusion: the main point of the discredit strategies' system is pragmatic focus through the description of the specific situations in the system of values determined by the dominating ideology.

Keywords: discourse; discredit; strategy; impact; pragmatics; discursive practice.

Витальность введенного французским ученым М.Фуко в научный обиход термина «дискурс» подтвержден бурным развитием в современной антропоцентрической научной парадигме нового направления – дискурсивного анализа. Как известно, М.Фуко разграничивает такие понятия, как «анализ мысли» и «анализ дискурса». Он отмечает аллегоричность анализа мысли «по отношению к тому дискурсу, который использует. Его главный вопрос неминусом сводится к одному: что говорится в том, что сказано? Анализ дискурсивного поля ориентирован иначе: как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли быть с ним связаны, - как показать механизм исключения других форм выражения» [4, с.29].

За столь короткий срок своего существования дискурсивный анализ накопил в своем арсенале множество традиций и подходов, значительно расширивших исследовательское поле: французская школа (лингвистический

подход: письменный институциональный дискурс, текстологический анализ с опорой на методологию структурализма, лингвистики и исторического анализа документов); англо-саксонская традиция (антропологический подход: устная разговорная речь, употребляемая в обыденной жизни; коммуникативность, основанная на положениях интеракционизма, психологии и социологии).

Безусловно, в формировании дискурсивных школ большую роль сыграли теоретические разработки ученых по смежным наукам: лингвистики, философии, истории, психологии, социологии, герменевтики и др. Исходной теоретической базой послужили отдельные постулаты формальной и структурной лингвистики, в частности: Пражской лингвистической школы, созданной В. Матезиусом; Р. Барта, Ц. Тодорова (анализ повествовательных структур мифов, литературных и обыденных сюжетов); лингвистика текста.

Существенную роль в формировании и развитии дискурсивной теории сыграли исследования американских ученых по: этнолингвистике (Ф. Боас и его школа), лингвистической антропологии и этнолингвистике (устная

речь и этнография коммуникации); социолингвистике (лингвистическая вариативность, обусловленная социальными факторами – У. Лабов и др.).

На постсоветском пространстве дискурс-анализ представлен следующими подходами: коммуникативный (учет коммуникативной и прагмалингвистической сторон речевого взаимодействия), семиотический (знаковая организация, системообразующие характеристики, типология знаков различных дискурсов), прагматический (общее знание и инференция, понятие intersubjectности, связь с изучением речевых актов, конверсационных максим, дейксиса, эпистемики дискурса), когнитивно-дискурсивный (сочетание проблем двух направлений: производство и понимание речи + контекст, ситуация общения), дискурсивно-диалогический (особенности функционирования текста как дискурса в диалогическом социокультурном пространстве), когнитивный (моделирование структур сознания участников коммуникации через анализ фреймов и концептов дискурса), интегративный (дискурс как сложный феномен, несущий различные виды информации и содержания) и каузально-генетический (дискурс как интегративная единица речевой деятельности, состоящая из нескольких видов содержания, составляющих систему дискурса).

На современном этапе развития дискурсивного анализа еще нет общепринятого определения понятия дискурс. Несмотря на разные дефиниции, дискурсологи едины во мнении в следующих его характеристиках: понятие дискурс шире понятия текст, обязательность учета экстралингвистических факторов в процессе коммуникации и ориентация на социальное в языке. Мы руководствуемся определением Н.Д.Арутюновой, дискурс – это и связанный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.), и текст, взятый в событийном аспекте, а также речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [2, с. 136–137].

Дискурс как своеобразный инструмент познания, репрезентирующий авторский подход к анализу, реализуется в социальных дискурсивных практиках. По М. Фуко, дискурс – сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают. Мы, вслед за Сарной А.Я., под дискурсивной практикой понимаем «категорию, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства». [3, с.288] Данное определение предполагает сосредоточенность внимания дискурс-анализа на специфике функционирования и закономерностях реализации дискурсивных практик в различных видах контекста. Дискурсивный анализ представляет собой динамическую интегративную модель реализации дискурсии в виде дискурсивных практик.

Разновидностью идеологического дискурса можно считать дискурс, выполняющий функцию дискредитации, т.е. дискредитационный дискурс. При этом всегда явным оказывается объект дискредитации, но скрытым за именем автора статьи истинный заказчик действия. Тем не менее, как инструмент дискредитации дискурс этого типа оказывает определенное влияние на общественное мнение.

Инструментальная функция дискредитационного дискурса в современном казахстанском социуме ярко

проявляется в процессах политической, социальной или профессиональной идентификации отдельной личности.

Идентификация отдельной личности в обществе осуществляется, как правило, не в одном дискурсе, а в процессе создания многокомпонентного дискурса, подсистемами которого является серия публикаций о личности. Как правило, для этого требуется определенный отрезок времени. Отдельный дискурс детерминируется отнесенностью к конкретному периоду жизни или карьеры и выполняет инструментальную функцию в создании образа общественного/профессионального деятеля на конкретном этапе его становления. А это означает, что каждый дискурс становится средством материализации определенной идеи относительно данной личности через систему смыслов, важнейшими из которых являются прагматический фокус дискурса и качественные характеристики героя в их проекции на ценностные стереотипы общества в рамках той или иной идеологии. Это и позволяет дискурсу выполнять роль инструмента воздействия на реципиента.

Как элемент сложной системы каждый дискурс, созданный автором в рамках определенной идеологии, во взаимодействии с другими дискурсами, созданными другими авторами, позволяет проследить динамику развития самого объекта и отношения к нему в обществе. Это осуществляется через материализацию смысла новых эпизодов его деятельности, интерпретация которых формирует прагматический фокус конкретного дискурса. В рамках же многокомпонентного дискурса каждый отдельный дискурс, содержание которого детерминировано идеологией, выполняет функцию дискурсивной формации.

Историческая детерминированность идеологией характеризует многие современные материалы СМИ и Интернет-изданий Казахстана. Ведущей идеологией является идеология, направленная на изменение общественных отношений в рамках устоявшейся общественной политической практики с целью её поддержания. При этом дискурс как инструмент материализует идеологические смыслы, которые проявляются в принятии или непринятии новых субъектов политики.

В аналитическом журнале «Континент» (Казахстан) в 2002 году было опубликовано публичное обвинение в адрес Азата Перуашева, главы Гражданской демократической партии Казахстана, в низком уровне речевой культуры. [1]

Материализация смысла исследуемого дискурса осуществляется следующими дискурсивными формациями:

- отрицательной оценки политического поступка молодого общественного деятеля;
- уничтожением молодого политика через обвинение его в низкой речевой культуре;
- формированием в обществе отрицательного отношения к нему.

Средствами материализации смысла дискурсивных формаций данной идеологии стали языковые стратегии воздействия на читателя:

- стратегия номинации героя статьи: самым частотным словом оказывается его имя собственное; доминирует ироничное – главный гражданин страны; исполнитель ролей режиссера, продюсера и главного исполнителя;
- стратегия оценки речевого поступка (Заявления) героя: шоу, цирковое представление, очередная клоунада, схоластический набор заученных без всякого осмысления цитат и тезисов;

- стратегия использования трансформированных прецедентных текстов: не оскудеет земля политиками, горе от ума («Горе от ума заключается не в том, что ты много знаешь, а тогда, когда не умеешь правильно употребить свои знания»), слово не воробей, поймает, вылетит; лучше жевать, чем говорить;
- стратегия снисходительного совета: лучше жевать, чем говорить.

Если рассмотреть прагматический фокус реализованных в статье стратегий, то мы увидим, что основная импликация стратегии номинации сводится к убеждению читателя в том, что не надо воспринимать серьезно новое лицо в политике. Реализованные стратегии оценки Заявления и использования прецедентных текстов усиливают намерение автора статьи показать читателю неконкурентоспособность молодого политика и даже запугать молодого лидера молодой партии: слово вылетит (слово не воробей, поймает, вылетит) может быть интерпретировано как угроза. Именно поэтому появляется снисходительный совет: лучше жевать, чем говорить, т.е. молчать, а значит, не заниматься политикой.

Прагматический фокус данной статьи может быть сформулирован как направленная дискредитация начинающего политика в глазах читателей. Дискредитация как одна из стратегий политической коммуникации реализуется в системе смыслов дискредитационного дискурса. Основным приемом дискредитации является прием высмеивания.

Список литературы

1. Азат Перуашев. Иногда лучше жевать... // Континент – №3(65) – 6 - 19 февраля 2002. Доступ: <http://www.continent.kz/2002/03/04.html>
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Сарна, А.Я. Дикурсивные практики // Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В. Л.Абушенко, Г. М. Евелькин и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
4. Фуко, М. Археология знания: Пер. с фр. Киев: «Ника-центр», 1996. – 208 с.

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГРУППАХ С НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

Жубаназарова Каламкас Асылбаевна

старший преподаватель курса русского языка, ЗападноКазахстанский государственный медицинский университет имени Марата Оспанова, г.Актобе

АННОТАЦИЯ

В данной статье предлагается методическая разработка урока по теме «Сложноподчиненное предложение с придаточными обстоятельственными» (на материале лексической темы «Моя Родина – Казахстан»). Цель урока: повысить интерес к языкам (русский, казахский, английский); расширить общий кругозор, стимулировать интеллектуальную и языковую активность. Для организации мыслительной деятельности использованы элементы адаптивной системы обучения А.С.Границкой (работа в парах сменного состава).

ANNOTATION

In this article methodical development of lesson is offered on the topic the "Complex sentence with additional" (on material of lexical theme "My Motherland is Kazakhstan"). Aim of lesson: to promote interest in languages (Russian, Kazakh, English); to extend the general range of interests, stimulate intellectual and language activity. For organization of cognitive activity the elements of the adaptive departmental of A.C teaching are used. Границкой (work is in the pairs of removable composition).

Ключевые слова. Воспитание, обучение, лексическая и грамматическая тема, синквейн, кластер.

Keywords. Education, educating, lexical and grammatical theme, синквейн, cluster.

Скажи мне - и я забуду.

Покажи мне - и я запомню.

Дай мне действовать самому

-и я научусь.

Так гласит китайская мудрость. Эта мудрость, которая всегда рядом с нами, это своеобразный девиз в жизни каждого из нас. Эти слова взяты мною как эпитафия к данной статье. Более двадцати лет работаю с детьми: в школе, затем - в колледже, сейчас - в вузе. Но принцип работы везде одинаковый: обучаем, воспитывая; воспитываем, обучая. Эти два процесса тесно переплелись друг с другом. Работая в группах с казахским языком обучения, учитывается всё: регион, откуда он приехал; степень владения русским языком, отношение студента к русскому языку, даже его желание научиться этому языку. Программа русского языка построена таким образом, что на примере лексической темы, наши студенты повторяют, закрепляют грамматический материал. Лексические темы

интересны, познавательны для студентов: вот некоторые из них – «Моя специальность», «Моя родина – Казахстан», «Язык и общество», «Научно-исследовательская работа студентов», «Мир сегодня» и др. Как видите, каждая тема имеет свои, только ей присущие, задачи: первая - знакомит со специальностью, с её спецификой; вторая – учит патриотизму, третья – знакомит с ролью языка в обществе, толерантности; четвёртая – с видами работ в научной деятельности, правильному их оформлению и т.п.; последняя – быть в курсе всех происходящих событий. При разработке каждого практического занятия «подбираешь» и методы, приёмы, технологии (или их элементы) для прочного усвоения и лексической, и грамматической темы каждого занятия. Учитывая, что это группы с национальным языком обучения, хочется, чтобы студенты говорили, читали, писали не только на казахском, русском языках, но и на английском. Предлагаю вашему внима-

нию такое практическое занятие, где студенты знают английский язык (ведь есть группы с английским языком обучения). Тема занятия «Сложноподчиненное предложение с придаточными обстоятельственными» (на материале лексической темы: «Моя Родина – Казахстан»).

Тип урока: комбинированный (элементы технологии АСО (адаптивная система обучения))

Методы: метод проектов, метод сотрудничества

Форма работы: индивидуальная, групповая, работа в парах сменного состава (статическая, динамическая, вариационная)

Вид урока: урок решения проблемно – познавательных задач.

Задачи урока:

Образовательные:

1. Закрепить и углубить сведения о сложноподчиненных предложениях с разными видами придаточных.
2. Закрепить главные признаки, по которым выделяются придаточные предложения.
3. Отработать связи придаточного с главным, совершенству пунктуационные навыки.
4. Расширить словарный студентов.

Развивающие:

1. Развивать орфографическую и пунктуационную зоркость.
2. Уметь определять типы придаточных обстоятельственных в СПП

Воспитательные: 1. Воспитать чувство патриотизма, гордости и любви к родному краю; дух коллективизма, уважение к предмету. Межпредметная связь: казахский и английский языки, география, история. Оборудование: мультимедийный проектор, ноутбук, раздаточный материал (карточки с заданиями, таблицы, сетевой план занятия) учебное пособие. Оформление: государственные символы (флаг, герб, электронная запись гимна), портрет президента РК, карта Казахстана. Ход урока.

- I. Организационный момент. Слово преподавателя: Сегодня мы продолжаем закрепление по теме «Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными, вспомним средства связи в предложениях этого типа.

II. Актуализация ЗУН.

1. Фронтальный опрос. «Ромашка». Задание. 1. Определить тип обстоятельственного придаточного. Прочитать предложения на «лепестках ромашки» и определить тип придаточного предложения. Если ответ совпадает с ответом на оборотной стороне лепестка, то рядом с ним поставьте +. Даны предложения: 1. Где некогда было пустынно и голо, теперь младая роща разрослась. (П.) СПП с прид. места.
2. Поэт чувствует буквальное значение слова даже тогда, когда даёт его в переносном значении. (Марш.) СПП с прид. времени.
3. Цветы, оттого что их только полили, издавали влажный, раздражающий запах. (Ч.) СПП с прид. причины.
4. Чтобы понимать людей, нужно любить их. (Пауст.) СПП с прид. цели.
5. Становилось тяжело дышать, так как зной всё увеличивался. СПП с прид. следствия.
6. Город должен быть так же прекрасен, как прекрасны вековые парки, леса, море. (Пауст.) СПП с прид. образа действия.

7. С реки доносились какие-то звуки, словно охала чья-то могучая, тоскующая грудь. (М.Г.) СПП с прид. сравнительным.

8. Всякое дело надо делать хорошо, коли взялся за него. (М.Г.) СПП с прид. условия.

9. Несмотря на силу и скорость полёта, куропатки всегда летят невысоко от земли и недалеко улетают. (Ак.) СПП с прид. уступки. Вывод по данной работе (выполняет студент): СПП с придаточными обстоятельственными делаются на СПП с прид. места, цели, условия, времени и т.д.

2. Работа с текстом. Слово преподавателя: Прослушайте текст и определите лексическую тему занятия (отрывок из книги-эссе Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова "Исповедь на исходе века").

Преподаватель читает отрывок из текста «Где хорошо, там и родина». Ознакомительная информация для студентов: диалог-исповедь родился из неутолимой жажды встречи людей, родственных по духу. В книгу-эссе Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова "Исповедь на исходе века" (Плач охотника над пропастью), построенную на духовно-философских, историко-познавательных воспоминаниях, вошли братские откровения двух известных художников слова. Они размышляют о священном величии родной земли, обычаях и традициях предков, поучительном примере великих личностей, озаривших мир своей короткой, но яркой жизнью).

Текст.

Существует одна легенда. Когда-то один юноша был захвачен врагами в плен и продан в рабство на чужбину. Прошло время, джигит стал забывать вскормившую его землю, своих родителей. Он привык к чужой стране, и, в конце концов, благодаря своему терпению, мудрости и силе воли, стал тамошним властителем. Пролетели годы, властитель постарел, и вот однажды караван, прибывший из дальнего странствия по его родной стране, доставил оттуда небольшой пучок полыни. Запах горькой полыни, сорванной в далёком краю, навевал властителю воспоминания о давно забытой им беспечной поре детства, о тех безоблачных днях, когда мальчишкой собирал он в родной степи тюльпаны. Слёзы навернулись ему на глаза, и сердце больно сжалось от переполнившей его невыносимой тоски по родине. Ничто больше не могло удержать его на чужбине: ни престол, ни слава, ни богатство. Спешно оседлав коня, всемогущий властитель отправился на землю своих отцов... [1, 165с.]

Послетекстовая работа.

Вопрос к студентам: Какова основная мысль текста? (Тема родины) Таким образом мы определились с лексической темой нашего занятия. (Записать в тетради дату, тему занятия).

3) Словарная работа. Назвать ключевые слова по теме «Моя родина» (Примеры студентов: Казахстан, Родина, Астана, герб, гимн, флаг, казахи, Н.А. Назарбаев).

Задание. Ключевые слова на доске перевести на английский язык. (Студенты переводят слова на английский язык).

Аудирование. Проговорить данные слова на трёх языках. (Хоровое) проговаривание студентами слов на 3-х языках. Например: Родина-Отан- Motherland и т.д.)

Герб- ел таңба – emblem

Гимн – ән ұран – anthem

Флаг – ту- flag

Казахи – қазақтар- Kazakhs

Коренное население - жергілікті тұрғындар-indigenous population

Государственные символы – мемлекеттік рәміздер- State symbols Задание: составить предложения с данными словами.

Запись предложений на доске:

Моя Родина - Казахстан. My Motherland – Kazakhstan.

Столица – Астана. Capital – Astana.

Государственные символы – герб, гимн, флаг. The state symbols - the emblem, anthem, flag.

Коренное население – казахи. The indigenous population – Kazakhs. Президент - Н.А.Назарбаев President - Nursultan Nazarbayev Задание: устно составить предложения.

1. My Motherland – Kazakhstan.
2. Capital – Astana.
3. State symbols - the emblem, anthem, flag.
4. The indigenous population – Kazakhs.
5. President - Nursultan Nazarbayev).

Вывод: По данным ключевым словам мы можем легко составить текст «Моя Родина – Казахстан». Теперь посмотрим, как вы справились с домашним заданием.

III. Проверка домашнего задания: Выступление студентов с презентацией на тему «Города Казахстана» или «Мой город». Время выступления: 3 мин. Слушающие студенты задают вопросы на английском языке к выступающим.

Преподаватель: Практическая часть вашей презентации - найти в тексте СПП с придаточными обстоятельственными и определить тип придаточного. Вывод по презентации домашнего задания: На основе домашнего задания узнали о вашей малой Родине и о других городах Казахстана. И вторая цель – использовать в тексте СПП с придаточным обстоятельственным, с чем удачно справились.

IV. Практическая часть. Работа в группах сменного состава.

Преподаватель: Приступим к выполнению самостоятельных заданий. Следующим этапом нашего занятия будет работа в парах сменного состава

Работа в статической паре.(4 пары). (В паре работают студенты, сидящие за одной партой)

1. Задание для статической пары: Прочитать предложения, определить их структуру и объяснить друг другу. (5 мин.) (Взаимоконтроль). Преподаватель «раздаёт» предложения на листочках. (Форма контроля: взаимопроверка (ВК), контроль преподавателя(К)). Зафиксировать в оценочном листе на парте перед студентами.

2. Работа в динамической группе. Переводим на английский язык.

Задание: Прочитать свои предложения, объяснить структуру и перевести на английский язык. Послушать перевод предложений своих товарищей. (10 мин.) (Взаимопроверка (ВК), контроль преподавателя(К)). 3. Работа в вариационной группе. Прочитать свои предложения с переводами друг другу(5 мин.). «Построить» текст на русском и на английском языках. (10 мин.) (Самоконтроль (СК))

4. Вывод по самостоятельной работе: зачитывают тексты на русском и английском языках. (Преподаватель даёт правильный вариант текста, студенты сверяют свой

текст, если все предложения правильно расставлены, то себя оцениваете на «А», если одно несоответствие-«В», если больше – «С»). «Собранный» текст для 1-ой четвёрки. Сегодня республика Казахстан – государство с президентской формой правления, демократическое, светское, в котором человек является высшим идеалом, с конституционной гарантией его прав и свобод. Столицей государства является город Астана. Официальный язык в республике – казахский, который относится к группе тюркских. Площадь государства составляет 2724900 квадратных километров, население – 14820900 человек. Основное этническое население составляют казахи, второе по численности – русские. Религии, исповедующие в Казахстане – ислам, христианство, католицизм.

«Собранный» текст для 2-ой четвёрки.

Республика Казахстан является государством с рыночной экономикой. Правительство Казахстана создаёт все условия для развития социальной сферы в стране, свободы, данные Конституцией, гарантируют права и свободы человека; каждый человек имеет право говорить на своём родном языке, совершенствовать свою культуру. Развивать свои традиции. В традициях народов Казахстана главной чертой было гостеприимство, уважение к старшему поколению, помощь слабому, миролюбие и терпимость. Поэтому при поддержке президента Казахстана Н.А.Назарбаева в нашей стране взят курс на открытость, на общение между людьми, на развитие туризма.

V. Подведение итогов. Составление кластера по грамматической теме, синквейна по лексической теме. (7 мин) (Вывод показать доске).

Задание: Выявив самые главные особенности СПП с придаточными обстоятельственными, составьте кластер по данной теме. Кластер «Придаточные обстоятельственные»:

- 1) отвечают на вопросы обстоятельства,
- 2) относятся ко всему главному предложению,
- 3) уточняют место, время, причину, цель действия и др.,
- 4) соединяются с главным предложением при помощи союзов и союзных слов,
- 5) часто используются в публицистических, художественных и научных стилях.

Синквейн по лексической теме:

1. Родина
2. Необъятная, многонациональная
3. Развивается, строится, расцветает
4. Моя Родина – Казахстан
5. Отечество.

VI. Домашнее задание: Повторить весь теоретический материал по теме «СПП с придаточными обстоятельственными». Написать по одному СПП с разными обстоятельственными придаточными. Подготовиться к рубежному контролю.

VII. Оценивание студентов. Заполнение преподавателем оценочного листа.

Литература

1. Русский язык/ учеб. пособие/ Л.К.Жаналина, Н.Н.Шманова. - Алматы «Мектеп». -2007. – 165с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOME ASPECTS OF ADULTERY OF THE URBAN POPULATION IN UDMURT REPUBLIC

Goldberg-Altyntsev A.V.

M.Sc. in ecology and nature management, postgraduate student of the department of ecology and nature management, Udmurt State University, Izhevsk

Dedyukhin A.S.

Foreman, engineer for communications network, LLC "Construction company "Svod", Izhevsk

Smirnov K.D.

Postgraduate student of the department of anatomy and human and animals' physiology, Udmurt State University, Izhevsk

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУПРУЖЕСКОЙ НЕВЕРНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Алтынцев Алексей Владимирович, магистр экологии и природопользования, аспирант кафедры экологии и природопользования, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Дедюхин Алексей Сергеевич, мастер, инженер по сетям связи и телекоммуникациям, ООО «СК «Свод», г. Ижевск

Смирнов Кирилл Дмитриевич, магистрант кафедры анатомии и физиологии человека и животных, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

ABSTRACT

The background of the studying is a research of sexual infidelity as a separate component of society. We interviewed 108 urban families, which were directly involved in this social phenomenon. As a result of the scientific investigation was revealed 4 type of adultery: male infidelity (43.5%), female infidelity (37.0%), infidelity of both partners (16.7%) and pseudoinfidelity (2.8%). Also the main motives of unfaithfulness for each sex were shown. Also the main motives of unfaithfulness for each sex were shown. It was concluded that the most vulnerable to a sexual infidelity are young nuclear families, often as a result of the acute stage of unresolved family issues.

АННОТАЦИЯ

Цель исследования является изучение супружеской неверности как отдельной общественной составляющей. Нами был проведён опрос 108 семей (из 4-х городов Удмуртии), которые непосредственно столкнулись с данным социальным явлением. В результате научного изыскания было выявлено 4 типа адюльтера: мужская измена (43,5%), женская измена (37,0%), измена обоих супругов (16,7%) и псевдоизмена (2,8%). Также показаны основные мотивы супружеской измены для каждого пола. Делается вывод, что наиболее уязвимы по отношению к физической измене молодые нуклеарные семьи, часто по причине острой стадии запущенности внутрисемейных проблем.

Keywords: adultery; sexual infidelity; marital infidelity; types of adultery; families.

Ключевые слова: адюльтер; супружеская неверность; супружеская измена; типы адюльтера; семьи.

Heretofore studying of sexual infidelity in Russia as structure within the social, cultural, gender, ethnic and population models was carried [1, p. 290-296], [2, p. 20-38], [3, p. 69-89.], [4, p. 52-71], [5, p. 132-144], [6, p. 82-90], [7, p. 57-68], [8, p.148-154]. In original research (2012-2014) some aspects of marital infidelity as a separate component of society were studied. 108 families in the cities Mozhga, Izhevsk, Sarapul, Glazov (the Russia, the Udmurt Republic), that were directly involved in this social phenomenon, were interviewed to examine conjugal infidelity.

The search of families and their interviewing were realized according to the proven method [9, p. 12], [10, p. 10-11].

It was established 4 type of adultery: 1) male infidelity (43.5%); 2) female infidelity (37.0%); 3) infidelity of both partners (16.7%) is type of marital infidelity, when both man and woman had sexual contact with extramarital partners; 4) pseudoinfidelity (2.8%) is type of conjugal infidelity, when there is no real adultery but it is leads to an acute, often irreversible, crisis of family relations. The third type, includes two subtypes: a) asynchronous adultery (13.9%) – infidelity of partners took place (alternate infidelity – 9.3%) or began (par-

allel infidelity – 4.6%) at different time; b) synchronous adultery (2.8%) – independently of each other partners involved in extramarital sexual relations nearly at the same time. The 4th type can also be divided into two subtypes: a) imaginary infidelity (1.9%), when one partner wants to break off relations, believing (thereby erring) that his legitimate partner has committed adultery; b) simulated infidelity (0.9%), when one partner wants to break off relations and tries to make the appearance of unfaithfulness.

In addition, women's actual adultery always leads to disintegration of nuclear type of families (55.2% of all households). Altogether in 72.4% of cases of actual adultery, full family disintegration was registered.

Men's primary motive of infidelity is called "a one-night stand" (47.7%), women's motivated adultery is a way to find "new love" (32.8%). An important fact for the strength of marriage and family is the sexual compatibility of partners. This feature is well illustrated by the high rates of items "sexual dissatisfaction of his partner" (♀ – 25.9%; ♂ – 33.8%) and "desire to diversify sex life/feel piquancy of polygamous relationships" (♀ – 15.5%; ♂ – 13.8%) for both sexes. Interestingly,

in fourth place in the ranking of motivation of adultery among women is revenge (12.1%).

It is interesting that it was found the regularity between men's material well-being and number of parallel sexual relations: the higher material revenue of a man, the more for his extramarital partners ($r_s > p$; $r_s = 0.617$; $p = 0.25$; $n=63$). For women, this correlation was not found ($r_s < p$; $r_s = 0.115$; $p = 0.27$; $n=57$). This feature is probably connected with social-biological qualities of male sex.

We want to note that conflicts, related with marital infidelity, often appear in young families. The most of adulteries started in 1-4th year of the registered marriage. This fact shows instability of a young nuclear family and difficulty/inefficiency to resolve intrafamilial problems.

We note that distribution on the national basis showed that there are 60% monoethnic and 40% interethnic families. Perhaps difference in ethnic mentality of partners in any way affects the psychological and/or physiological need of one spouse committed adultery. When determining the impact of the level of education and religious affiliation of people to commit adultery no regularity have been identified.

It was revealed that in the process of dissolution of the conjugal relationships the declining of live quality and health conditions occurred, and all family members were affected by it.

Thus, marital infidelity is a complex social phenomenon, which is often a consequence of the acute stage of the neglect of intrafamilial problems, when fear or unwillingness of one or both partners to overcome the crisis in the family leads to new forms of social reality.

The List of Literature

1. Akhmadeeva E.V., Galyautdinova S.I. Understanding of Adultery in Families Belonging of Different Ethnic Group // Liberal Art in Russia. – 2014. Vol. 3. No 4. – P. 290-296.
2. Golod Sergey. The Family: Procreation, Hedonism, Homosexuality // The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2012. Vol. XV. No 2. – P. 20-38.
3. Golod Sergey. Transformation of Erotic and Emotional Relations of Youth in the XXth Century // The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2010. Vol. XIII. No 1. – P. 69-89.
4. Golod Sergey. Transformation of Erotic and Emotional Relations of Youth in the XXth Century // The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2010. Vol. XIII. No 2. – P. 52-71.
5. Golod S.I. Adultery: Sociologist's perspective // Human being. – 2003. No 2. – P. 132–144.
6. Golod S.I. Procreation, plural erotic landscape: history and modern state // Sociological Studies. – 2008. No 12. – P. 82-90.
7. Medaleva I.O. Gender peculiarities of spouses' attitude to adultery at different stages of family life // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. No 11. – P. 57-68.
8. Sokolova Yu.A. Gender features of the reasons of adulteries in modern families // Proceedings of the Russian State Sociological University. – 2012. No 7. – P. 148-154.
9. Алтынцев А.В., Дедюхин А.С., Мейерс-Цемашевич П.И. К вопросу о супружеской неверности // Наука Удмуртии. – 2013. №1. – С. 12-20.
10. Алтынцев А.В., Дедюхин А.С., Смирнов К.Д., Ермаков М.А. Некоторые аспекты супружеской неверности в условиях городской среды юга Удмуртии (на основе материала, собранного в городах Ижевск и Сарапул) // Образование и межнациональные отношения. Education and Interethnic Relations – IEIR2013 / Под ред. Э.Р. Хакимова. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013. – С. 10-20.

ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Андросова Любовь Александровна

доцент кафедры «Коммуникационный менеджмент», ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» канд.соц.наук, Россия, Пенза

POTENTIAL OF REGION ADVERTISING (ILLUSTRATED PENZA REGION)

Androsova Lyubov Aleksandrovna, associate professor of the department «Communication Management», FGBOU VPO «Penza State University», PhD in Sociology, Russia, Penza

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются результаты проведенного автором качественного исследования. Контент – анализ региональной рекламы позволил выявить определенные закономерности, в числе которых присутствие интеграционного потенциала.

ABSTRACT

The article discusses the results of a qualitative study author. Content - analysis of regional advertising revealed certain laws, including the presence of integration potential.

Ключевые слова: реклама, контент-анализ, интеграционный потенциал, модели поведения, молодежь
Keywords: advertising, content analysis, integration potential, behaviors, youth

С целью выявления потенциала, который несет в себе реклама автором был проведен контент-анализ регионального рекламного материала (реклама на телевидении, в журналах). В частности, перед нами стояли за-

дачи по исследованию интеграционного потенциала рекламы, анализу ценностей, мотивов, стилей жизни, встречающихся в печатной рекламе и рекламе на ТВ.

Контент – анализ проводился по 15-ти категориям, в числе которых персонажи ролика, отношения между

ними, эмоциональность и рациональность аргументов, использование архетипов в ролике, стиль жизни, транслируемый роликом, потребительские мотивы в ролике, формирование иллюзии доступности товара и пр. Отметим, что в числе категорий анализа рекламных роликов присутствует «Ориентация на возрастные группы». Отбирая материал на телевидении, мы выявили 57 % рекламных роликов, нацеленных на молодежь, 31 % – на зрелую категорию, 12 % – на старшую возрастную группу.

Вслед за А.Давтян [1,с.207-209], мы выделили характер отношений между персонажами просмотренных роликов и потребителями: субъект-объектные отношения, при которых рекламный персонаж рекомендует купить тот или иной товар, наставляет, просвещает потребителя (21 % роликов); субъект-субъектные отношения, то есть диалоги между персонажами (20 %); объект-субъектные отношения, данный тип отношений имеет наиболее значительное воздействие на целевую аудиторию, он характеризуется подражанием, при котором персонаж становится для потребителя примером, он невольно проецирует модели поведения, действия, мотивы, показанные на экране (59 %). Примечательно, что для большинства анализируемых роликов характерна именно последняя модель отношений, по мнению многих исследователей, именно она является наиболее эффективной по степени влияния на зрителя.

Персонажи – одна из главных составляющих рекламного ролика, исследование их характеристик представляется важным критерием оценки рекламных роликов. В просмотренных нами 224 роликах большинство персонажей обладают такими качествами, как уверенность в себе (41 %), чувство юмора (34 %), смелость (28 %), заботливость (13 %) (в одном рекламном герое, как правило, сочетаются несколько качеств, в связи с этим сумма процентов более 100). Последнее из перечисленных качеств, в основном характерно для следующих персонажей – домохозяек, встречающихся преимущественно в рекламе продуктов питания и товаров для детей. Уверенностью в себе, независимостью обладают как мужчины, так и женщины среднего возраста, а также молодые люди. Для молодежи, показываемой в рекламных роликах, характерны смелость, стремление к самореализации, активность, общительность, внешняя красота.

Отношения между молодыми людьми носят дружеский характер (38 %), также часто в роликах показаны влюбленные молодые люди (32 %). Более зрелые персонажи рекламы связаны семейными (43 %) и дружескими отношениями (34 %). Конкурируют рекламные герои не часто, тем не менее подобная реклама встречается.

При анализе используемых в рекламных роликах архетипов, были получены следующие результаты. Среди роликов, нацеленных на молодежную аудиторию, преобладают архетипы: искатель (38 %), друг (23 %), ребенок (21 %), любовник (18 %). Интересным представляется рассмотрение ценностей, транслируемых в просмотренных нами роликах. В основном преобладают индивидуалистские ценности (34 %) в числе которых самоутверждение, карьера, успех, свобода, уверенность в себе; гедонистические ценности (31 %) – развлечения и удовольствия; традиционные ценности – семья, здоровье, любовь (23 %).

Перейдем к рассмотрению блоков Пензенской рекламы. Безусловно, региональная реклама значительно

уступает российской и международной рекламе по качеству и степени воздействия, тем не менее пензенская реклама обладает определенным потенциалом. В частности, интеграционным потенциалом, встречающимся в роликах социальной направленности. Так, в ролике, снятом по заказу Управления культуры и архива Пензенской области, показаны лучшие стороны города. При просмотре ролика, зрители, проживающие в Пензе, легко узнают любимые многими горожанами места, а гостям города будет интересно их посетить. Начинается ролик с восходящего над городом солнца, после чего под легкую музыку показываются основные достопримечательности области, визуальный ряд сопровождается следующим текстом: «Пензенская область развивается в современных ритмах жизни. Регион расположен в центре европейской части России и входит в состав Приволжского Федерального округа. Пенза стала вдохновительницей для многих поэтов и писателей. Ценителей живописи восхитит коллекция художественных полотен Пензенской областной картинной галереи имени К.А. Савицкого. В Пензенской области находятся уникальные памятники истории, культуры и архитектуры. Уникальность края – в истории блистательных имен: М.Ю. Лермонтов, А.Н. Радищев, А.И. Куприн, В.Э. Мейерхольд, В.Г. Белинский, В.О. Ключевский и другие. В Пензе переплетаются современность и дань традициям. Пензенский Драматический театр – один из старейших в России. Пензенская область привлекает красотой православных храмов постройки XVII–XIX вв. Путешествия и паломничества по святым местам Пензенской области останутся в памяти на всю жизнь. В Пензенской области развита физическая культура. Знаковыми местами для детского культурного отдыха являются детская железная дорога и зоопарк. Пензенская область откроет для вас двери в мир путешествий и новых открытий. Не упускайте возможность познакомиться с Пензенской областью!» [2].

Интересно то что, похожий ролик был снят и рекламным агентством «Виола». Он собран из множества фотографий города, сменяющих друг друга и создающих впечатление съемки на камеру [3]. Таким образом, в региональной рекламе наблюдается положительная динамика обращения к традициям, воспитания у аудитории, в особенности у молодежной аудитории, уважения к малой родине, гордости за ее успехи, формирование идентичности с малой родиной. Причем подобные ролики создаются не только государственными органами, но и рекламопроизводителями.

Обобщая итоги качественного исследования, стоит отметить следующие закономерности. Во – первых, присутствие интеграционного потенциала в печатной и телевизионной рекламе Пензенского региона. Воспитание у молодежи чувства гордости малой родиной, ее успехами, ее историей, формирование идентичности с малой родиной – все вышеперечисленное является потенциалом, которым обладает региональная реклама. Стоит отметить, что рекламные агентства Пензы создают ролики патриотической направленности, наряду с государственными органами.

Следующий аспект, подтвержденный в ходе исследования - формирование рекламой сообществ, объединяющих молодежь в стремлении приобрести тот или иной товар. Привлекательные для молодежи модели поведения, архетипы, мотивы и ценности, встречающиеся в ре-

кламных роликах и печатной рекламе, прибегая к эмоциональным и рациональным аргументам, имеют достаточно сильное воздействие.

Визуальная реклама обладает значительным потенциалом в формировании идентичности. Объект-субъектные отношения персонажей и потребителей, имеющие значительное воздействие на аудиторию заключаются в подражании персонажу. Для молодых людей данное подражание является особенно актуальным. Активные, уверенные в себе персонажи служат образцом, молодые люди проецируют на себя модели поведения, ценности, стили жизни, показанные на экране или в глянце-вом журнале. Таким образом, молодой человек ставит себя на место рекламного героя, отождествляет свои мысли и чувства с мыслями и чувствами персонажа, хочет

соответствовать яркому образу, быть не хуже его. В определенных случаях следствием проективной идентификации является имитационная идентификация, при которой молодые люди следуют стилям жизни рекламных персонажей в своей реальной жизни.

Литература

1. Давтян, А. Коммуникативный потенциал персонажей телевизионной рекламы // А. Давтян // Реклама. Теория и практика. – 2006. – №3 (15). – С.207–209.
2. URL:<http://www.youtube.com/watch?v=LCwIppbezA>
3. URL: http://www.youtube.com/watch?v=oYHM_B2xTLI

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ КАК ОБЪЕКТ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бардин Иван Михайлович

студент 4 курса 080400.62 - управление персоналом, Рязанский государственный университет имени

С.А. Есенина, г. Рязань

Николаева Евгения Витальевна

студент 4 курса 080400.62 - управление персоналом, Рязанский государственный университет имени

С.А. Есенина, г. Рязань

PERSONNEL MANAGEMENT AS AN OBJECT OF DISSERTATION RESEARCH: A BIBLIOMETRIC ANALYSIS

Bardin Ivan Mikhailovich, 4th year student 080400.62 – personnel management, Ryazan State University named for S.

Yesenin, Ryazan

Nikolaeva Eugenia Vitalievna, 4th year student 080400.62 – personnel management, Ryazan State University named for S.

Yesenin, Ryazan

АННОТАЦИЯ

Методом библиометрического анализа исследован поток отечественных диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.) с целью определения тенденций развития этой комплексной научной дисциплины. Исследование проведено на основе 567 работ, выявленных по электронному каталогу РГБ. Используются критерии «хронология защит», «ученые степени», «содержание (по научным специальностям)», «авторы (гендер)» и «география диссертаций». Сделана оценка динамики развития отечественных исследований по управлению персоналом. Анализ данных визуализирован в форме диаграмм.

ABSTRACT

Russian dissertations on personnel management (2005 – 2014) were investigated by using bibliometric indicators in order to determine trends in the development of personnel management as a complex scientific discipline. The study was conducted on the basis of 567 dissertations identified via online catalogue of Russian State Library. The following criteria were used: data of defense of the thesis, academic degree, content (based on scientific specialty), gender of author and place of defense of the thesis. As a result, the dynamics of research in the field of personnel management was evaluated. The research findings were visualized in the form of diagrams.

Ключевые слова: управление персоналом, диссертации, библиометрический анализ

Keywords: personnel management, dissertations, bibliometric analysis

В исследованиях, проводимых в науковедении, большое внимание уделяется вопросам оценки развития научных дисциплин. Повышенный интерес к этим проблемам вызван необходимостью в рациональном планировании научных исследований, в такой организации науки, при которой органы управления периодически получают информацию о структуре области знания, о состоянии исследований в конкретных областях науки в своей стране и мире [2]. Развитие науки проявляется в росте ее количественных информационных параметров, поэтому количественные характеристики потоков научных публикаций

используются как косвенные данные о тенденциях и темпах развития конкретных наук. Изучение потока диссертационных исследований представляется в этом аспекте особенно интересным, т.к. диссертации являются оригинальными работами, обладающими научной новизной и практической значимостью.

В ноябре 2014 г. студентами направления подготовки «Управление персоналом» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина проведено библиометрическое исследование под научным руковод-

ством профессора кафедры государственного и муниципального управления и политических технологий Т.В. Еременко. Цель исследования: проанализировать количественные параметры потока отечественных диссертаций по управлению персоналом, защищенных в 2005 – 2014 гг., для определения тенденций развития данной комплексной научной дисциплины. Основным методом стал библиометрический анализ. Сущность библиометрии заключается в подсчете, сочетании, истолковании и сравнении некоторых элементов документного потока [3]. Объективная, доступная для измерения и сравнения информация способствует получению точных индикаторов для оценки динамики развития научной мысли, а результаты такого анализа интересны как для ученых, так и для практиков.

Востребованность библиометрического анализа потока диссертаций, посвященных управлению персоналом, обуславливается в первую очередь многоаспектностью проблематики этой комплексной науки. На настоящем этапе управление персоналом базируется на достижениях ряда смежных наук: экономической теории, статистики, социологии, психологии, физиологии, конфликтологии, политологии и других направлениях научного познания. Можно говорить о том, что как научная дисциплина управление персоналом проходит путь обретения самостоятельности. В этой связи попытка выявить и изучить диссертации, защищенные по управлению персоналом, способствует осмыслению этой науки как качественно новой целостности.

Источником выявления диссертаций по управлению персоналом стал электронный каталог диссертаций Российской государственной библиотеки [4]. Именно он наиболее полно отражает защищенные в России диссертации, т.к. фонд РГБ содержит отечественные докторские и кандидатские диссертации по всем отраслям знания,

кроме медицины и фармации. Результаты поиска зафиксированы на 16 ноября 2014 г. Рамки хронологического периода определены как последние десять лет, т.е. 2005 – 2014 гг. Для выявления записей использовался режим простого поиска. Запрос в строке поиска вводился с применением поисковой техники усечения окончаний, для чего использовался символ «?». Запрос, соответственно, выглядел как «управлен? персонал?». В поле «Элемент записи для поиска» был выбран тип поисковых элементов «Все элементы». В поле «Сочетание слов» – параметр «Нет». Такая поисковая стратегия обеспечивала максимальную полноту результатов поиска. Всего за 2005 – 2014 гг. выявлено 567 диссертаций по управлению персоналом.

Для определения количественных параметров потока диссертаций были выбраны следующие критерии библиометрического анализа: хронология защит диссертаций; ученые степени, на соискание которых защищены диссертации; содержание диссертаций (по научным специальностям); авторы по гендерному признаку; география диссертаций.

В совокупности такой набор критериев обеспечивал многоаспектность и полноту анализа, репрезентативность построенных на его результатах выводов о динамике развития научной дисциплины «управление персоналом».

Для выявления диссертаций по годам и ученым степеням использовался режим сложного поиска. Запрос строился на сочетании полей «Все элементы» (вводился запрос «управлен? персонал?»), «Все элементы» (последовательно вводились данные «кандидата» или «доктора») и «Год издания» (последовательно вводились данные 2005 / 2006 / 2007 / 2008 / 2009 / 2010 / 2011 / 2012 / 2013 / 2014). Результаты поиска представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количество библиографических записей диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.)

год	кандидатские диссертации	докторские диссертации	итого
2005	116	8	124
2006	86	9	95
2007	55	6	61
2008	45	5	50
2009	61	4	65
2010	32	5	37
2011	54	1	55
2012	31	5	36
2013	34	5	39
2014	5	0	5
итого	519	48	567

Данные библиометрического анализа 567 диссертаций по критерию «год защиты» представлены на рис 1. Диаграмма наглядно демонстрирует тренд снижения научной активности, с незначительным ростом в 2009 и 2011 гг. Даже принимая во внимание, что данные о диссертациях 2014 г. в электронном каталоге диссертаций РГБ отражены еще не полностью, приходится констатировать падение интереса к проблематике управления персоналом в отечественных диссертациях в последнее десятилетие: в 2013 г. по сравнению с 2005 г. их было защищено в 3,2 раза меньше.

Распределение диссертаций по критерию «ученая степень», представленное на рис. 2, предсказуемо под-

тверждает количественное превосходство работ, защищаемых на соискание ученой степени кандидата наук. Они составляют 91,6% (519 диссертаций). Исследования на соискание ученой степени доктора наук, соответственно, составляют 8,4% (48 работ).

Интересный материал для анализа представляет распределение данных не только по ученым степеням, но одновременно и в хронологии защит. Рис. 3 демонстрирует, что наиболее стремительно падает активность защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: в 2013 г. кандидатских диссертаций защищено в 3,4 раза меньше по сравнению с 2005 г. Докторских же диссертаций за аналогичные годы также защищено меньше, но только в 1,6 раза.

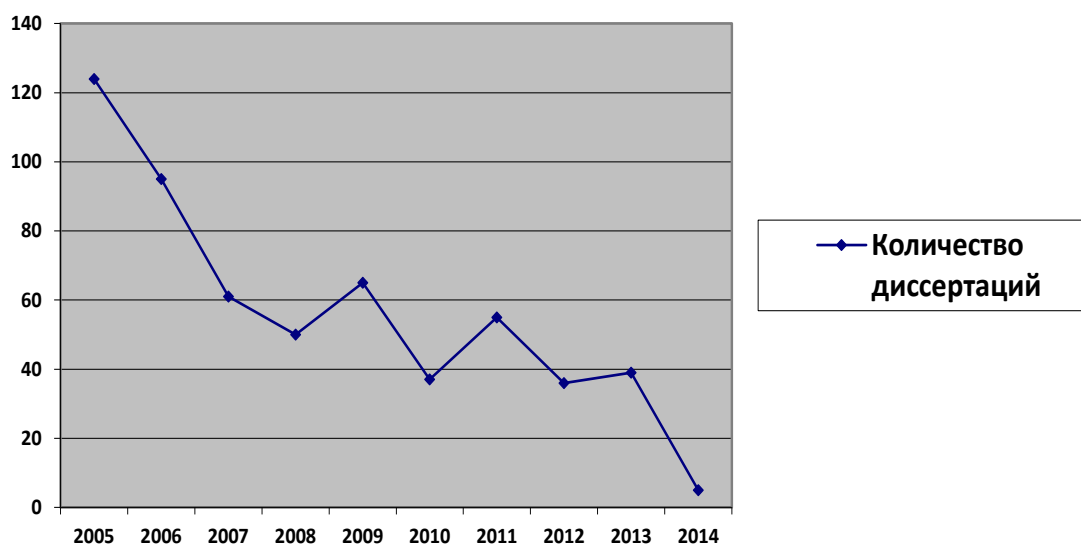

Рисунок 1. Динамика документного потока диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.)

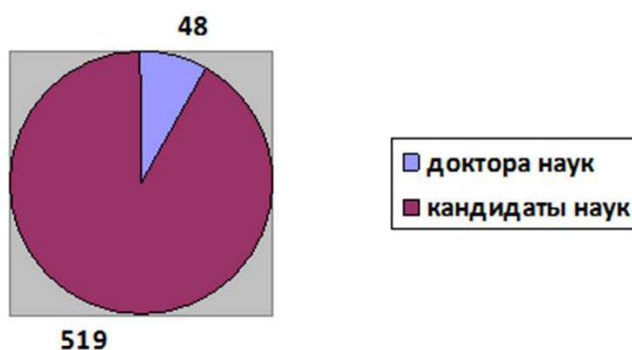

Рисунок 2. Распределение диссертаций по управлению персоналом (2005 - 2014 гг.) по ученым степеням

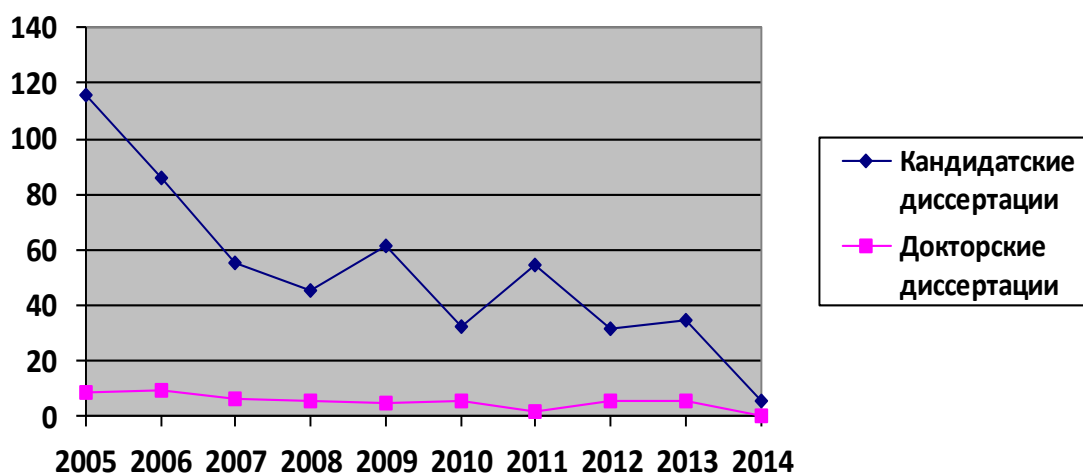

Рисунок 3. Динамика документного потока диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.) по ученым степеням

Специфика исследований в проблемном поле управления персоналом определяется его полидисциплинарностью. Диссертационные работы защищаются здесь по широкому спектру научных специальностей. В паспортах специальностей научных работников описываются области исследований, за которые может быть присуждена учёная степень кандидата или доктора наук по соответствующей специальности. Номенклатура специальностей

научных работников утверждена приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 [1].

На рис. 4 представлены результаты проведенного библиометрического анализа, в ходе которого 567 диссертаций по управлению персоналом были дифференцированы в зависимости от того, по какому направлению науки они защищались, на десять групп.

Лидирующую позицию с большим отрывом занимают экономические науки – 404 диссертации, или 71,2%. Второе место занимают диссертации по техническим наукам – 76 работ (13,4%). На третьей позиции – исследования, защищенные по социологическим наукам – 55 (9,7%). На первые три позиции, таким образом, прихо-

дится 94,3% диссертаций. Остальные 5,7% работ распределяются между педагогическими науками (2,8%); медицинскими науками (1,4%); психологическими науками (0,9%); юридическими науками (0,3%); историческими, филологическими и физико-математическими науками (по 0,1%).

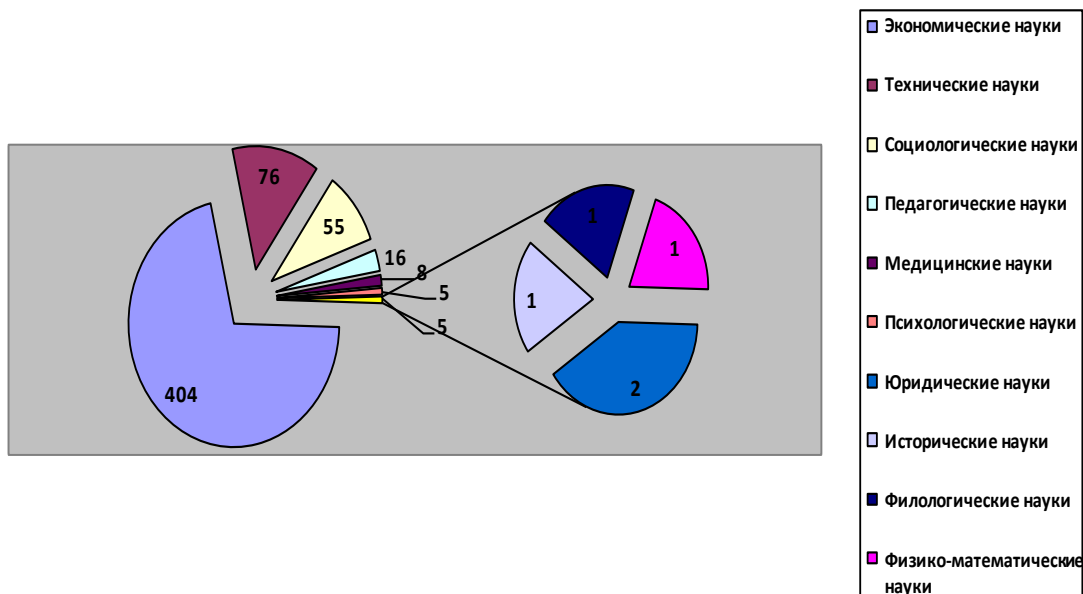

Рисунок 4. Распределение диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.) по направлениям наук (научным специальностям)

Распределение авторов диссертаций по гендерному признаку, визуализированное на рис. 5, свидетельствует о приблизительно равном соотношении авторов-мужчин и авторов-женщин: 48,3% и 51,7%.

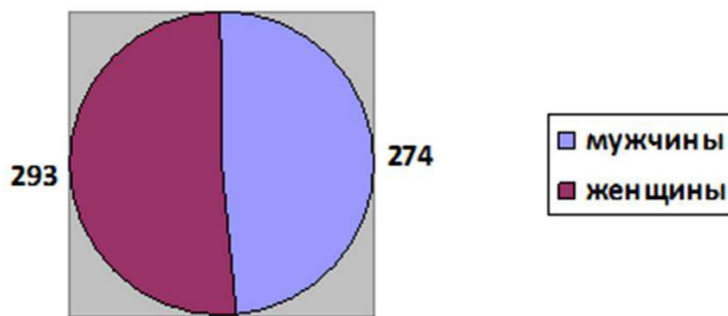

Рисунок 5. Распределение диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.) по гендерному признаку

В ходе анализа по критерию «география диссертаций» было выявлено 11 городов Российской Федерации, в которых в течение последнего десятилетия достаточно активно подготавливались диссертации по управлению персоналом.

Лидером по количеству подготовленных и защищенных диссертаций выступает Москва – 286 работ. На второй позиции в рейтинге, но с очень значительным отрывом, стоит Санкт-Петербург – 28 диссертаций. Приблизительно равен ему вклад Омска – 25 работ. Далее следуют: Воронеж – 20 диссертаций; Нижний Новгород – 15 диссертаций; Екатеринбург – 12 диссертаций; Пенза, Краснодар и Тамбов – по 10 диссертаций; Самара и Саратов – по 8 диссертаций. На остальные города России приходится в общей сложности 135 диссертаций.

Библиометрический анализ диссертаций по управлению персоналом, защищенных в 2005 – 2014 гг., дает основания для следующих выводов.

1. Научная активность российских исследователей проблем управления персоналом в последнее десятилетие постоянно снижается. Более чем в три раза сократилось количество защищаемых ежегодно кандидатских диссертаций; более чем в полтора раза – количество докторских диссертаций.
2. Управление персоналом как комплексная наука формируется по преимуществу тремя крупными научными отраслями: экономикой, техническими науками и социологией. При этом количество диссертаций на соискание ученой степени по экономическим наукам может даже служить достаточным

основанием для определения управления персоналом как «мононауки», а именно экономики.

3. Мужчины и женщины являются авторами диссертаций по управлению персоналом в приблизительно равном соотношении.
4. Лидером по количеству подготовленных диссертаций по управлению персоналом выступает Москва,

значительно опережая другие города. Научные школы в исследовании управления персоналом сложились также в Санкт-Петербурге, Омске, Воронеже, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Пензе, Краснодаре, Тамбове, Самаре и Саратове.

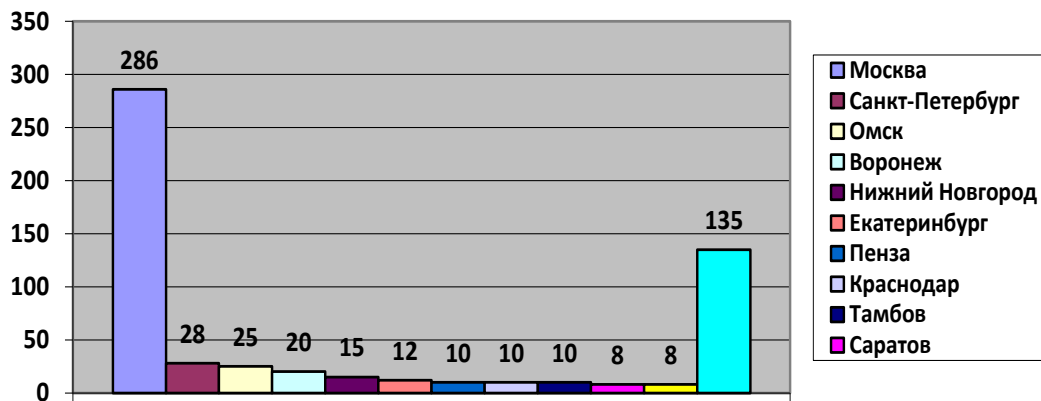

Рисунок 6. География диссертаций по управлению персоналом (2005 – 2014 гг.)

Литература

1. Номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 N 294, от 10.01.2012 N 5) [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.mon.gov.ru/work/nti/dok/vak/11.11.11-pasporta.pdf>.
2. Павловска, Е. Методы библиометрического анализа научных публикаций [Электронный ресурс] // Библиотеки и информационные ресурсы в совре-

менном мире науки, культуры, образования и бизнеса: Двадцать первая Международная Конференция "Крым 2014", 7–15 июня 2014 г. – URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2014/disk/073.pdf>.

3. Редькина, Н.С. Библиометрия: история и современность [Текст] // Молодые в библиотечном деле. - 2003. - № 2. - С. 76-86.
4. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]: Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.rsl.ru/>.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Большов Виктор Борисович

кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, г.Краснодар

EDUCATIONAL MOTIVATIONS OF DISTANCE LEARNING STUDENTS

Bolshov Victor, Candidate of Sociology, Associate Professor of Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются мотивационные факторы выбора заочной формы обучения в вузе, определяются причины выбора заочной формы обучения. Делается вывод о наличии значительных различий в мотивации разных групп студентов-заочников.

ABSTRACT

The article deals with motivational factors of selection the correspondence courses in high school and the reasons for choosing the distance learning are determined. It is concluded that there are significant differences in the motivation of different groups of part-time students.

Ключевые слова: высшее образование; заочное обучение; мотивация обучения.

Keywords: higher education; distance learning; learning motivation.

В условиях быстроты происходящих в мире трансформационных процессов, состоянии перманентного кризиса современного российского социума, значительно возрастает интерес к различным формам адаптации молодежи к изменяющимся условиям жизни. Одним из самых распространенных механизмов адаптации является

получение молодыми людьми высшего образования, в последние годы происходит процесс, который был обозначен как «образовательный бум». Получение высшего образования определяет в значительной мере потенциал современного человека, способствует накоплению его социального капитала. В данном контексте студенты вузов

находятся перед непростой задачей. С одной стороны, они должны быть полностью погружены в процесс качественного освоения как можно большего объема информации, в процессе непосредственного взаимодействия с преподавателями. С другой стороны, буквально с первых курсов значительная часть студентов, в силу разных причин, включена в трудовую деятельность. По данным ряда исследований, около 40 процентов студентов старших курсов дневных отделений заняты трудовой деятельностью, а около 50 процентов хотели бы иметь дополнительный заработок во время учебы, если бы им удалось найти работу [2, с.14; 3, с.45.]. Именно поэтому возникает проблема совмещения получения образовательной практики и трудовой деятельности. В связи с чем в последние годы значительно возрос интерес исследователей к изучению многообразия способов получения высшего образования и выявление наиболее приоритетных форм получения высшего образования.

Понимание процесса обучения в вузе в первую очередь связано с выяснением мотиваций студентов. Проблема мотивации и мотивов поведения и деятельности — одна из стержневых проблем при понимании и объяснении человеческого поведения. На сегодняшний день ни в социологии, ни в психологии не выработаны единые позиции, относительно сущности мотива и мотивации, как побудительной силы, запускающей то или иное поведение человека.

Отечественные исследователи К.А. Абулханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, Л.П. Буева, Л.С. Выготский, Е.П. Ильин, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.Ф. Сержантов, подчеркивают большую значимость формирования мотивов учебной деятельности, поскольку именно она является гарантом формирования познавательной активности, развития мышления и приобретения знаний. В психологии понятие мотивации представлено, в частности, в работах Х. Хекхаузена. Он отмечает, что слово «мотивация» выступает в качестве обобщающего обозначения многочисленных процессов и явлений, суть которых сводится к тому, что живое существо выбирает свое поведение, исходя из его ожидаемых последствий, и управляет им в аспекте его направления и затрат энергии. Процессы мотивации охватывают взаимодействие личности и ситуации. Наряду с побудительными аспектами ситуации, раскрывающимися через восприятие возможностей достижения определенных целей, на привлекательность предвосхищаемых последствий действия оказывают влияние и актуализируемые этой ситуацией мотивы [4, с.40]. Х. Хекхаузен выделяет, в частности, такой мотив как мотив достижения. Для большинства людей мотив достижения реализуется прежде всего в профессиональной деятельности.

В современных условиях мотивация к учебной деятельности приобретает самые разные причины. В значительной степени эти причины обусловлены социокультурными причинами, семейными традициями, социально-экономическим состоянием общества.

Образовательная среда является структурным элементом общей социокультурной среды и в ней следует выделять внешние и внутренние факторы. К внешним факторам следует отнести территорию, где живет и обучается студент, которая представляет ему возможность получить высшее образование. В первую очередь это затрагивает проблему наличия достаточного количества вузов,

расположенных вблизи основного места проживания студентов. По результатам исследований был зафиксирован факт, что в последние годы большая часть выпускников общеобразовательных школ г.Краснодара и особенно Краснодарского края в значительной степени ориентированы на поступление в основном в местные вузы, расположенные в основном в краевом центре.

Внутренним фактором реализации образовательных потенциалов выступает внутренний мир человека, его самосознание, жизненные стратегии, ценностные ориентации и потребности, на основе которых он выстраивает всю совокупность связей и отношений, оценивает свою жизненную ситуацию в настоящем и проецирует ее на будущее. С учетом современной экономической ситуации в стране, сохраняется ориентация на получение высшего образования как определенной гарантии для всей последующей жизни.

С целью выяснения мотиваций студентов на получение высшего профессионального образования в январе 2015 года было проведено исследование среди студентов заочных отделений Кубанского государственного университета. Выборочная совокупность составила 145 человек. В ней представлены студенты-заочники социально-гуманитарных факультетов 1-4 курсов обучения. По результатам нашего опроса возрастные характеристики студентов-заочников колеблются от 18 до 43 лет. Средний возраст опрошенных 22,5 года, что выше среднего возраста выпускника дневных отделений. Респондентов мужского пола — 16,5 процентов, женского — 83,5 процентов. На момент опроса 61,5 процент респондентов имели общее среднее образование, в том числе ПТУ; 28,6 процента среднее специальное образование (колледж, техникум); 9,9 процента высшее образование. Следует отметить тот факт, что каждый десятый респондент обучается на заочном отделении, уже имея диплом о высшем образовании.

В нашем исследовании представлено несколько групп студентов-заочников в зависимости от семейного положения, наличия/отсутствия детей, включенности/невключенности в трудовую деятельность: 60,4 процента студентов-заочников не состоят в браке, 23,1 процент состоят в зарегистрированном браке, 12,1 процент — в незарегистрированном браке, 4,4 процента — в разводе, вдова/вдовец.

Трудовая занятость студентов-заочников. Совмещают работу и обучение в вузе — 59,3 процента студентов-заочников. 17,6 процента совмещают работу, обучение и воспитание детей (11,0 процентов студентов-заочников воспитывают одного ребенка, у 6,6 процента двое детей). Обучаются одновременно на двух специальностях (в очной и заочной формах) 12,1 процента. Несколько студентов отметили, что они одновременно проходят обучение в разных вузах.

Обозначенные социально-демографические характеристики свидетельствуют о значительной вариативности положения студентов-заочников. Для студентов заочных отделений характерна существенная разница в возрасте, включенность в обучение людей с разным социальным статусом и жизненным опытом.

Цель нашего исследования заключалась в определении групп мотивов и причин, определяющих желание молодых людей проходить обучение на заочном отделении вуза. По результатам опроса выявлено, что 86,9 про-

цента студентов-заочников считают систему заочного обучения перспективной формой получения высшего образования, и только 3,3 процента ответили отрицательно на данный вопрос, каждый десятый затруднился ответить на этот вопрос. Причем абсолютно уверены в перспективности заочной формы половина опрошенных (48,4 процента).

Прослеживается зависимость между наличием работы у студента и предпочтением в форме получения образования. Студенты-заочники, включенные в трудовые отношения, а также имеющие семью и воспитывающие детей более лояльно относятся к перспективам заочной формы обучения в вузе. В ходе опроса многие указывали, что в сложившихся семейных обстоятельствах, в силу необходимости совмещения работы и обучения, заочная форма является практически единственно возможным средством получения высшего образования, она является наиболее удобной и оправдана с точки зрения финансовых и временных затрат. Также положительную позицию по данному вопросу высказывают респонденты, которые уже имеют среднее специальное или высшее образование – 54,5 процента.

Студенты, которые пришли на заочное отделение со школьной скамьи более критичны в своих представлениях об эффективности данной формы обучения. Среди них безусловную поддержку данной формы обучения высказали 45,8 процентов респондентов. В значительной степени солидарны с ними и студенты-заочники, которые параллельно получают два высших образования (одно на дневном отделении, другое – на заочном). В этой группе абсолютную поддержку заочной форме высказали только 36,4 процентов опрошенных.

По всей видимости, скептицизм этой группы по отношению к эффективности заочного образования проявляется в результате сравнения методов и форм очного и

заочного обучения, в которые они непосредственно включены. Но если суммировать положительные оценки («безусловно перспективна» и «скорее перспективна»), то все выделенные группы студентов-заочников в целом высказались за поддержку и сохранение заочной формы обучения в вузах. Характерно, что не было ни одного респондента, который бы высказался категорически против данной формы обучения в вузе.

В ходе опроса студентов-заочников был задан вопрос относительно основных мотивов получения ими высшего образования на заочном отделении. Полученные процентные распределения превышают в сумме 100 процентов, в связи с тем, что респондентам было предложено выбрать по три варианта ответа.

Как свидетельствуют данные опроса наиболее важными мотивационными факторами в ходе обучения в вузе для студентов-заочников являются возможность самосовершенствования, расширения кругозора (62,6 процента). Второй по важности мотивирующий фактор, связанным с фактом получения диплома о высшем образовании, является желание найти престижную работу (45,1 процента). Помимо этого, в качестве мотива получения диплома о высшем образовании выступает представление у студентов-заочников о наличии определенной гарантии трудоустройства (28,6 процента) и, как следствие, достижение определенного уровня материального благополучия (27,5 процента).

В ходе исследования мы также проанализировали мотивы обучения у студентов младших (1 и 2 курс) и старших (3-4 курсов) обучения. Для младших курсов доминирующими оказались «Возможность самосовершенствования, расширения своего культурного кругозора» - 66 процентов, «желание иметь интересную работу, престижную профессию» - 53,2 процента.

Таблица 1

Мотивы получения высшего образования (в процентах)

	Уровень образования		В целом
	Общеобразовательная школа	Среднее специальное, высшее	
1. Возможность самосовершенствования, расширения своего культурного кругозора	64,3	60,0	62,6
2. Желание иметь интересную работу, престижную профессию	53,6	31,4	45,1
3. Высшее образование гарантирует возможность трудоустройства	37,5	14,3	28,6
4. Достижение материального благополучия в дальнейшем	28,6	25,7	27,5
5. Освоить смежную специальность	10,7	40,0	22,0
6. Возможность с помощью высшего образования получить более высокий статус в обществе	23,2	20,0	22,0
7. Получение совершенно другой специальности	14,3	28,6	19,8
8. Возможность продвижения по служебной лестнице	16,1	20,0	17,6
9. Заниматься наукой, научной деятельностью	12,5	17,1	14,3
10. Углубить знания по специальности, по которой сейчас работаю	8,9	22,9	14,3
11. Возможность получить диплом как таковой и начать свое дело, бизнес	8,9	5,7	7,7

Студенты-заочники старших курсов помимо желания самосовершенствования (59,1 процента) высказали

также мотивы практического свойства «достижение материального благополучия в дальнейшем» – 29,5, «освоить смежную специальность» - 27,3 процента, «возможность

с помощью высшего образования получить более высокий статус в обществе» – 25,0 процента, «возможность продвижения по служебной лестнице» – 22,7 процента, «углубить знания по специальности, по которой сейчас работаю» – 22,7 процента.

Как видим, отношение к обучению на заочном отделении также носит дифференцированный характер. По мере взросления, переходя с курса на курс инструментальная составляющая мотивации обучения в вузе возрастает, больше придается значение возможности практического применения образовательного опыта, реализация его в реальной трудовой деятельности.

Кроме того, в ходе исследования респондентам было предложено самостоятельно определить основные мотивы получения высшего образования. Эти вопросы задавались в открытой форме, что позволило, на наш взгляд, выявить личностные основания мотивации. В результате опроса было получено 310 ответов.

Одной из мотиваций выбора заочной формы обучения является жизненная неопределенность, вследствие которой юноша или девушка после получения аттестата о среднем образовании не имеют четких планов дальнейшего жизненного пути. Поставленная ими цель сводится к получению не какой-либо конкретной специальности, а высшего образования в целом.

По результатам исследования основной причиной, безусловно, выступает возможность совмещения процесса обучения в вузе и работы. Данная позиция характерна для более чем половины ответов.

Среди остальных ответов выделяются следующие позиции:

- 1) семейные обстоятельства («собираюсь замуж», «воспитываю ребенка», «уделять больше внимания семье», «жизненные обстоятельства сложились так, что мне было необходимо перевестись на ОЗО»);
- 2) необходимость зарабатывания денег, трудные материальные условия («необходимо помогать семье», «нет дополнительных затрат на обучение», «низкая стоимость обучения»);
- 3) немалую роль при выборе заочной формы обучения играет территориальная удаленность высших учебных заведений от места жительства. Проживание вдалеке от Краснодара («нет возможности снять жилье для проживания», «живу в другом городе», «для жителей отдаленных районов»);
- 4) больше свободного времени, удобный график обучения («обучалась на дневном – хватит!», «короткая сессия», «не вижу смысла обучаться очно», «удобный распорядок», «уделять больше времени семье, ребенку», «нет обязательно ежедневного обучения», «учиться только на сессиях»). В этом случае заочная форма обучения позволяет получить высшее образование в подходящем для человека месте, в удобное время и в удобном темпе.
- 5) слабый уровень подготовки, недостаточно баллов по ЕГЭ для поступления на дневное отделение («плохо училась в школе», «проще поступить на

бюджет», «мало баллов по ЕГЭ», «бюджетная форма»).

Один из аспектов изучения мотивации обучения связан, на наш взгляд, с уровнем базового образования, который имел студент до поступления на заочную форму обучения. Как свидетельствуют данные исследования, по ряду позиций в данных группах студентов наблюдаются значительные различия. Для студентов-заочников, пришедших в вуз со школьной скамьи наиболее значимыми являются следующие позиции «возможность самосовершенствования, расширения своего культурного кругозора», «желание иметь интересную работу, престижную профессию» и гарантия трудоустройства после окончания вуза. У студентов-заочников, которые уже имеют образовательный уровень и диплом об окончании среднего специального или высшего учебного заведения доминирует оценка получения высшего образования как фактора расширения кругозора и самосовершенствования (60 процентов), на втором месте «необходимость освоения смежной специальности» (40 процентов) или даже другой специальности (28,6 процента), что связано с желанием сменить место работы. Также у студентов данной группы в более значительной степени выражено стремление получить более глубокие знания по специальности, на которой они сейчас уже работают. Помимо этого, группа студентов-заочников, уже имеющих определенный профессиональный уровень образования, достаточно скептически относится к суждению, что «высшее образование гарантирует трудовую занятость (возможность трудоустройства)». Эту позицию поддержали только 14,3 процента респондентов.

Таким образом, мотивация как движущая сила поведения и деятельности человека, является ведущим звеном в структуре личности и определяет эффективность любой деятельности субъекта, в том числе, деятельности, направленной на получение образования. Е.П. Ильин справедливо отмечает, что «цель будет стимулировать человека только тогда, когда ее достижение имеет для него какой-то смысл. Бессмысленная работа не только снижает силу мотива, но и унижает достоинство человека» [1, с.95]. Для формирования высокой мотивации образования, студент-заочник должен иметь сформированный образ будущей профессии, который придаст личностный смысл всему образовательному процессу. Понимая, каким образом получаемые знания влияют на изменение его профессиональную ситуацию, студент будет мотивирован на более глубокое изучение материала.

Список литературы

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2000.
2. Константиновский Д. Л., Черденченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. - М., 2009.
3. Харчева В. Г., Шереги Ф. Э. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. №12. С.41-50.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.

УПРАВЛЕНИЕ РЕЙТИНГОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ВУЗОВ РОССИИ

Денисова Юлия Валерьевна

Кандидат социолог. наук, доцент, Санкт-Петербургский Государственный Университет, г. Санкт-Петербург

Меньшикова Галина Александровна

Кандидат экон. наук, доцент, Санкт-Петербургский Государственный Университет, г. Санкт-Петербург

MANAGEMENT OF RATING BEHAVIOR IN RUSSIAN SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

Denisova Yulia, Candidate of Science, assistant professor of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Menshikova Galina, Candidate of Science, assistant professor of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

АННОТАЦИЯ

Цель работы — систематизация и анализ данных о назначении и методиках составления рейтингов. В процессе работы проводились анализ сайтов организаций, производящих рейтинговую оценку высшего образования, публикаций по теме, настоящих и прошлых рейтингов. В результате исследования были предложены рекомендации по повышению позиции российских вузов в рейтингах.

ABSTRACT

Purpose - systematization and analysis of the purpose and procedures of the rankings. In the process, carried out an analysis of sites of organizations producing rating of higher education, publications on the topic, present and past ratings. The study made recommendations to improve the position of Russian universities in the rankings.

Ключевые слова: международный рейтинг; высшее образование.

Keywords: international ranking; higher education.

Объектом исследования являются международные и национальные рейтинги вузов и научных организаций.

Цель работы — систематизация и анализ данных о назначении и методиках составления рейтингов

В процессе работы проводились анализ сайтов организаций, производящих рейтинговую оценку высшего образования, публикаций по теме, настоящих и прошлых рейтингов.

В результате исследования были предложены рекомендации по повышению позиции российских вузов в рейтингах.

Существующие рейтинги не отражают качество обучения в вузе в полной мере. Позиции российских вузов занижены в результате незнания методологии составления рейтинга, отсутствия контактов с международными организациями экспертов в области высшего образования.

Публикационная активность, учет требований к содержанию сайтов вузов, усиление международных контактов являются факторами повышения позиции российских вузов в рейтингах.

Национальные и глобальные рейтинги вузов получили международное признание. Они реализуют множество функций - от простейшего информирования самых широких слоев населения о достоинствах обучения в том или ином вузе, предоставления работодателям информации при выборе кандидатов на вакантные должности до поддержки оптимального выбора объекта для инвестиций в новой экономике знания. Рейтинг университетов призван удовлетворить спрос потребителей на легко интерпретируемую информацию о репутации высших учебных заведений, а также способен стимулировать конкуренцию между ними. Кроме того, при правильном понимании и интерпретации рейтинговые системы вносят вклад в определение "качества" высших учебных заведений.

Внедрение рейтингового оценивания в практику управления вузами началось в 80-ые годы прошлого века, что было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, это -

общее развитие системы оценивания, превращение сбора и анализа соответствующей информации в обязательный элемент управления. Развиваются методы и технологии оценивания, расширяются сферы, в которых оно становится обязательным, увеличивается количество унифицированных источников, полностью или частично ориентированных на представление общественности информации по соответствующим темам и проблемам.

Во-вторых, Болонский процесс, в который наша страна включилась в 2002г, объективно заставил оценивать качество работы Вузов страны, внедряя общемировые методики. Призванный сформировать единое европейское образовательное пространство, Болонский процесс на деле выявил объективность существования различных уровней образовательной системы. Структурировать вузы национальных систем, отследить их динамику по общемировым, хотя и различающимся между собой схемам расчета — вот одна из задач, решаемая рейтингами.

В - третьих, нарастание образовательной миграции. В настоящее время 2,5 млн. студентов обучаются за пределами своей родины, причем ежегодно число таких студентов увеличивается на 20%. В настоящее время уровень престижности вуза становится важной предпосылкой личностной успешности, поэтому абитуриенты всего мира стали особенно тщательно выбирать, где учиться.

Понятно, что ориентация на мировые образцы в нашей стране в большей мере относится к лидерам национальной образовательной системы, включая СПбГУ, однако, совершенствование деятельности в соответствии с мировыми критериями оценивания вузов должно быть в большей частью менеджмента каждого. Рассматривая рейтинги как оценку своей конкурентоспособности, вузы обнаруживают свои сильные и слабые стороны.

Первый рейтинг вузов был опубликован в 1981 г. (журналом "US News and World Report") как реакция на потребность рынка в более прозрачных и сравнимых данных об образовательных учреждениях. До этого существовали справочники по странам и образовательным

специальностям, которых насчитывалось около 31 (из них 17 осуществляли ранжирование университетов по всему миру и 14 являются национальными рейтингами). Они различаются по целям; среди них можно выделить привычные и новые, только что созданные. Существенно различаются и методы осуществления оценочных процедур.

Общим для всех рейтингов является ряд аспектов:

1. Списки участников рейтингов формируются на основании информации, представленной на сайтах министерств образования, а также на порталах, содержащих "ссылки на официальные web-сайты университетов, опроса экспертов.
2. Предметом анализа являются домены университетов, информация базы данных Scopus, Web of Science (база публикаций и цитат по исследовательской литературе, главным образом составленная из академических журналов и материалов конференций), академическая репутация вуза, репутация среди работодателей, трудоустройство выпускников и др.
3. Изучаемые рейтинги имеют относительно недавнюю историю, не более 10 лет существования.
4. Рейтинги можно классифицировать по нескольким параметрам.

- По расстановке акцентов в анализируемых показателях:

Первая группа - акцент на результатах научной деятельности вуза - Eduroute, Webometric, Тайваньский рейтинг, SCImago Institutions Ranking (SIR), рейтинг Лейденского университета.

Вторая группа рейтингов сосредоточена на общей оценке деятельности вуза, в том числе, качестве образования Рейтинг QS, рейтинг АНО НРА РейТОР, Шанхайский рейтинг, рейтинг газеты Times.

5. По целевой аудитории, на которую направлен рейтинг. Так рейтинг Times предназначен для самой широкой аудитории, в первую очередь потенциальных студентов и их родителей. Шанхайский рейтинг и рейтинг QS предназначены для использования в академической среде. Рейтинги Webometrics, Лейденского университета, SCImago Institutions Ranking (SIR) и EduRoute имеют целевой аудиторией вузы, заинтересованные в совершенствовании отдельных показателей своей деятельности. В зависимости от целевой аудитории должен варьироваться формат представления рейтинга, каналы распространения информации о результатах рейтинговой оценки. Российские вузы находятся в исследуемых рейтингах на позициях от середины первой сотни до первой тысячи. Стабильно присутствуют в рейтингах только 2 российских вуз - МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ.
6. Анализ деятельности вуза с позиции бизнес-процессов. Определение используемых ресурсов для реализации заявленных функций, оценка качества итогового образовательного продукта.

Невзирая на широкую популярность представленных выше рейтингов, мировое академическое сообщество отмечает их несовершенство. Часть из них - чересчур механистичны, не дают реальной картины качества образования; часть - слишком субъективны, многое зависит от

личных оценок. Каждый из рейтингов акцентирует внимание на отдельных сторонах учебно-научного процесса в вузе, что не дает возможности оценить ситуацию в целом.

В связи с этим представляется возможным внести предложения о разработке новых критериев для оценки вуза и научной организации. Например, вклад выпускников в ВВП (подобные разработки создаются математиками МГУ) и др.

Отвечая на вопрос о причинах низкого положения российских вузов в мировых рейтингах, можно выделить две группы причин: первая - связана с системой российского высшего образования; вторая - связана с самими рейтингами, их методиками.

К первой группе причин эксперты чаще всего относят факторы снижения качественных показателей российских вузов: отток ученых за границу, разрушение научных школ, старение ППС, снижение престижа вуза как работодателя, невысокий уровень академической мобильности, невысокий уровень интеграции образования и бизнеса. К этим факторам следует добавить также специфику организации науки в нашей стране. Она разделена на академическую и вузовскую, при этом главная функция вузов - образовательная, в то время как в Шанхайском рейтинге сделана ставка на их оценку как исследовательских организаций.

Вторая группа причин касается методологии и методики самих рейтингов. Как отмечают эксперты, например, к Шанхайскому рейтингу «у специалистов есть претензии, так как его составители оценивают вузы прежде всего, как исследовательские организации. Поэтому довольно большое внимание уделяет количеству выпускников и сотрудников вуза, получивших Нобелевские премии и медали Филдса (высшая математическая награда). Среди других критериев Шанхайского рейтинга: ещё три его показателя связаны с публикациями вузовских сотрудников, причём предпочтение отдаётся журналам уровня Nature и Science». Кроме того, эксперты отмечают, что шести показателей Шанхайского рейтинга явно недостаточно для комплексной оценки качества работы вуза, «узкое место» рейтинга в том, что в нем слабо представлены показатели качества образования. Рейтинги QS ориентированы, преимущественно, на академическую репутацию, которая создается за счет тесных научных связей, проявляющихся, прежде всего, в естественнонаучном и медицинском сообществах. Рейтинги Вебометрикс и Едурут имеют механистическую природу, но для повышения позиции в них необходимо пересмотреть политику публикации научных работ преподавателей вузов.

Среди возможных мер по повышению позиции российских научных институтов в мировых рейтингах следует указать такие меры как:

1. Разработка социальной технологии продвижения публикаций в международных изданиях. Имеется совершенно четкая обратная корреляция количества национальных журналов и количества статей в международных изданиях, чем больше есть возможности для публикации в российских журналах, тем меньше публикаций в международных изданиях. Статьи в западных журналах структурированы по определенной логике. Автор представляет либо эмпирические результаты, либо обзор литературы и сведение теоретических посылок, выстраивание

теоретических моделей, что отсутствует во многих работах, публикуемых в российских изданиях.

2. Развитие веб-страниц напрямую не заложено в Программы развития российских вузов, в том числе и СПбГУ, но рост финансирования информационной базы позволяет предположить, что активация деятельности по формированию и поддержанию в работающем состоянии веб-сайтов предусмотрена. Помимо ориентации на целевые рейтинги (Edu-route), которые напрямую оценивают веб- контент вуза, посещаемость страниц в интернете, их обновляемость, позволят популяризировать вуз среди абитуриентов и потенциальных работодателей для выпускников. Знакомство с публикациями профессорско- преподавательского состава даст возможность сформировать академические контакты, повысит интерес к российским научным школам, привлечет иностранных преподавателей в рамках академической мобильности.

Необходимо формирование подразделения, отвечающего за содержательную работу с сайтами факультетов (по направлениям), регламентирующего: темпы обновления веб- страниц, характер содержания веб- страниц, наличие англоязычных текстов публикаций сотрудников вуза.

В мире растет, и тенденция против чрезмерного увлечения рейтингами. Так, глава центра изучения политики в области высшего образования Dublin Institute of Technology Эллен Хезелкорн пишет, что «в условиях мирового кризиса страны и правительства пытаются наращивать индикаторы глобальной конкурентоспособности [4, с. 17].

Системы высшего образования вынуждаются к следованию элитаристским стратегиям, изменению образовательных программ и доминированию тех направлений и областей исследования, которые соответствуют индикаторам, что составляют основу мировых рейтингов». Эта стратегия приводит к трем группам последствий

1. Деление вузов в рамках страны на «рейтингоориентированные» и остальные. Причем, первая категория, получает избыточное финансирование исключительно по направлениям, оцениваем рейтингными индикаторами, даже если это противоре-

чит логике научных исследований вуза, или пожеланиям самих студентов. Остальные вузы, ориентированные на «массовое» образование, финансируются по остаточному принципу.

2. Преувеличенное внимание к индексу цитирования приводит к тому, что формируется диспропорция в научных исследованиях. Ибо поощряются лишь наиболее цитируемые области знания, сам же образовательный процесс, работа со студентами, не обладают столь большим удельным весом.
3. Подобная система рейтингования не повышает качества образования в целом, поскольку позволяет развивать лишь три- четыре научных области, не затрагивая все остальные.

Данная позиция не является единичной, возможно, действующие системы оценки будут пересматриваться, в связи с чем целесообразно рассмотреть те ключевые компетенции, которыми российские вузы обладают на настоящий момент, и которые могут впоследствии стать индикаторами оценки.

Анализ университетами и научными организациями своих слабых и сильных сторон с помощью результатов рейтинговых систем позволяет не только реагировать на изменения в мировом пространстве, но и наметить пути будущих перспектив "качества" образовательной деятельности.

Литература

1. Официальный сайт рейтинга Лейденского университета [Электронный ресурс] - режим доступа <http://www.socialsciences.leiden.edu> - Дата доступа 02.03.2015.
2. Официальный сайт рейтинга SCImago [Электронный ресурс] - режим доступа www.scimagoir.com - Дата доступа: 15.02.2015.
3. Официальный сайт рейтинга Webometrics [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.webometrics.info> – Дата доступа: 20.01.2015.
4. Rankings and the Reshaping of Higher Education. Ellen Hazelkorn. Palgrave Macmillan, 2011.
5. University Ranking Watch [Электронный ресурс] - режим доступа rankingwatch.blogspot.com - Дата доступа: 10.02.2015.

КАДРОВЫЕ АГЕНТСТВА И БИРЖИ ТРУДА: ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ

Горелова Людмила Игоревна

студентка 3 курса факультета заочного и дистанционного обучения кафедры УЭ-1 «Организационно-кадровая работа в органах государственной власти», аспирантка 1-го года обучения кафедры УЭ-5 «Бухгалтерский учет, финансы и аудит», Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники (МГУПИ), Россия, г. Москва

Денисов Александр Михайлович

преподаватель кафедры УЭ-1 «Организационно-кадровая работа в органах государственной власти», Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники (МГУПИ), Россия, г. Москва

RECRUITMENT AGENCIES AND LABOR EXCHANGE: TWO BIG DIFFERENCES

Gorelova Lyudmila Igorevna, 3rd year student of the Faculty of correspondence and remote training Chair of UE-1 "Organizational and personnel work in government", graduate student of 1st year students of the Department of UE-5, "Accounting, Finance and Audit", Moscow State University of Information Technologies, Radio Engineering and Electronics

(MGUPI), Moscow, Russia

Denisov Alexander, Lecturer, Department of UE-1 "Organizational and personnel work in government", Moscow State University of Information Technologies, Radio Engineering and Electronics (MGUPI), Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

Сравнение деятельности на российском рынке труда негосударственных кадровых агентств с одной стороны и государственных органов по трудоустройству и служб занятости (так называемых бирж труда) – с другой, приводит к выводу об эффективности первых на фоне бюрократического формализма вторых. В статье затронута проблематика правового статуса рекрутинга как вида деятельности, которым занимаются негосударственные кадровые агентства.

ABSTRACT

Comparison of the activities of the Russian labor market of non-state recruitment agencies on the one hand and government employment and employment services (the so-called labor exchanges) - on the other hand, leads to the conclusion about the effectiveness of the first against the backdrop of bureaucratic formalism second. The article deals with the problems of the legal status of recruitment as an activity, which involved non-state employment agencies.

Ключевые слова: кадровое агентство; «биржа труда»; эффективное управление; рынок труда; рекрутинг; саморегулирование

Keywords: recruitment agency; "labor exchange"; good governance; labor market; recruiting; self-regulation

В прежние времена, когда экономика как часть научного знания в России была в зачаточном состоянии, на предприятиях и в политическом контексте был популярен простой лозунг – «экономика должна быть экономной». В наше время, когда российская экономическая наука находится в молодом возрасте, стало окончательно ясно: экономика всегда, в идеале должна быть эффективной. Особенно во времена экономических кризисов, что особенно актуально для нашей страны на сегодняшний день.

Что же такое эффективная экономика? Это, прежде всего эффективное управление. А эффективное управление, в конечном счёте, возможно только при эффективном управлении главным ресурсом каждого предприятия – его персоналом. В итоге эффективное управление на предприятии сводится к построению эффективной системы управления персоналом, человеческими ресурсами. Если руководство предприятия, фирмы, компании желает быть эффективным, то оно понимает свою ответственность за результаты экономической деятельности не только в настоящее, но и в будущем [1]. В этом аспекте необходимо учитывать постоянное обновление кадров, их плановое и внеплановое выбытие, затраты времени и средств на поиск специалистов с нужными знаниями, умениями и навыками, их последующее адаптацию и обучение. Где быстро найти таких людей?

Для решения этого вопроса современные руководители предприятий всех форм собственности всё чаще обращаются к услугам профессионалов по подбору персонала – кадровых агентств, которые имеют все шансы стать полноправными партнерами руководства фирмы и организаций в управлении человеческими ресурсами наряду с государственными службами занятости.

Чтобы попытаться максимально чётко очертить понятие «кадровые агентства» и выявить его функции в современной экономике, отнесем его к многочисленной группе социальных организаций и воспользуемся определением А.И. Пригожина: «Социальная организация – это искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения более или менее ясно очерченной функции» [4].

Основными функциями кадрового агентства, как субъекта социальных взаимоотношений является организационная, информативная и регулятивная [2].

Организационная включает в себя кадровую диагностику, стратегии планирования персонала и рекрутинг.

Информативная функция кадровых агентств проявляется в успешном взаимодействии и коммуникации субъектов отношений и реализуется посредством программ по адаптации соискателей на новом месте работы, повышению квалификации имеющегося персонала и формированию корпоративной культуры. Семинары и тренинги – основные формы воздействия – нацелены на приобретение знаний и практических навыков эффективного общения, психологии переговоров и продаж, и помогают раскрыть профессиональные и личностные резервы участников.

Регулятивная функция кадровых агентств как посредников социальных отношений на рынке труда состоит в предоставлении правовых гарантий на рекрутинг, контроле трудовой деятельности соискателей и отслеживании перспективы, как дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества, так и решения стратегических задач предприятия-заказчика. Следовательно, кадровое агентство – это разновидность социальной организации, выполняющая функции подбора персонала по заказам различных хозяйственно-экономических и социальных субъектов рынка, а также государства. Такое краткое определение, по крайней мере, отражает и социальную, и экономическую сущность кадровых агентств в отличие от уже имеющихся на кадровом рынке и имеющих свои закрепленные функции государственных бирж труда.

Если сравнивать зарубежный и отечественный опыт деятельности кадровых агентств, то выяснится, что в России этот вид организаций сталкивается с целым рядом проблем, среди которых помимо невосприимчивого ко всем новым видам бизнеса и общественного менталитета на первый план выходит несовершенство законодательной базы.

А.М. Денисов в своей статье «Правовые основы социального управления деятельностью кадровых агентств в России» указывает на одно из проявлений такого несовершенства [1]. Анализируя Федеральный закон от 25 сентября 1998 г. №158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и Закон РФ от 19 апреля 1991 г. №1032-1 «О занятости населения», он обращает внимание на следующее несоответствие: первым нормативным актом установлены виды деятельности, для осуществления ко-

торых необходимо наличие лицензии. Вторым определено, что лицензированию подлежит и деятельность по оказанию гражданам услуг в содействии трудоустройству. Но лицензии, чтобы оказывать услуги по подбору персонала, данный закон не требует [2]. В связи с этим в выше упомянутой статье указывается на существенную разницу между услугой по трудоустройству и услугой по подбору персонала: в первом случае заказчиком выступает гражданин, ищущий работу (аппликант), во-втором – предприниматель-работодатель. А поскольку кадровые агентства работают именно со вторым типом заказчиков, то именно поэтому в вышеприведенном определении кадрового агентства проведена четкая граница между собственно кадровыми агентствами и органами по трудоустройству, службами занятости, т.е. теми государственными организациями, которые давно получили название «биржи труда», взятое из международных разделов советских газет.

Такой подход представляется тем более оптимальным, что российские государственные биржи труда давно уже перестали выполнять свою декларируемую главную социальную функцию – помощь безработным в поиске работы, а стали всего лишь конторами по проверке документов, регистрации, назначению и определению размера пособий по безработице, их продлению и т.д.

Чем же все-таки должна заниматься служба занятости? Перечислим ее основные функции[5]:

- анализ и прогнозирование спроса и предложения на рабочую силу;
 - оказание помощи в выборе работы;
 - организация подготовки и переподготовки кадров.
- Для федеральной службы частными являются

функции:

- разработка целевых программ занятости, в том числе межрегиональных и региональных;
- поиск и разработка механизма финансирования этих программ;
- определение основных направлений профессионального обучения;
- создание правовой и нормативной базы функционирования;
- координация работы региональных и местных служб занятости.

Занимаясь государственно-бюрократическим регулированием рынка труда, государственные «биржи» самоустранились от подлинного решения проблем этого рынка.

Как это выглядит на практике? Безработные обращаются в государственную службу занятости, как правило, не с надеждой найти там работу, а за официальным статусом и пособием по безработице. На бирже труда надо пару раз в месяц отмечаться, демонстрируя в ходе несложных проверочных бесед ненарушенную чистоту трудовой книжки. Разумеется, три раза в год чиновники службы занятости должны предлагать соискателям то или иное место работы, с большим трудом выуженное из компьютерной базы данных. Эта «работа», как правило, малооплачиваемая и не соответствует ни знаниям, ни умениям, ни навыкам соискателя. Но оттуда достаточно принести обратно на биржу отказной талон, о котором легко договорится. Т.е. всё происходит по чисто бюрократической схеме, известной ещё с советских времен, только с обратным знаком: «Мы делаем вид, что не работаем, а вы делаете вид, что ищете нам работу».

Таким образом, если возвращаться к определению А.И. Пригожина, никакой «более или менее ясно очерченной функции», кроме бюрократической, государственные биржи труда, как правило, не выполняют. В качестве статусной они, возможно, и претендуют на статус социальной организации, но в экономическом смысле это всего лишь одна из мелких надводных частей огромного айсберга теневой экономики, составляющей чуть ли не половину экономики страны.

Разумеется, в таких условиях соискатели, действительно ищущие адекватно оплачиваемую трудовую деятельность, которая должна обеспечить применение их знаниям, умениям и навыкам, и с другой стороны серьезные работодатели в лице ведущих предприятий экономики и государственного сектора, заинтересованные в услугах квалифицированных специалистов, обращаются не на биржу труда. Поэтому особое значение деятельности кадровых агентств, несмотря на неоднозначное к ним отношение, представленное А.М. Денисовым, представляется автору весьма однозначным и правильным. Кадровые агентства в большинстве своем не «имитируют» деятельность по оказанию услуг на рынке труда, не занимаются бюрократизацией, а действительно занимаются рекрутингом, ибо в отличие от бирж труда, которые существуют за счет государственного бюджета, существуют исключительно на экономические доходы, полученные от успешности и эффективности этого процесса. В понятие «рекрутинг», обозначающее самостоятельный вид предпринимательской деятельности входит не только подбор персонала, но и «поиск, привлечение персонала высшего и среднего управленческого звена, редких, уникальных специалистов, оценка их профессиональных знаний и навыков, психологических особенностей, составление обзоров уровней заработных плат специалистов конкретных сегментов рынка, проведение аудита трудовых ресурсов предприятия, организация и проведение программ стажировок, тренингов и многое другое» [2].

Ситуация на российском рынке труда, при которой отсутствует специальная социально-правовая регламентация рекрутинга, совершенно справедливо представляется парадоксальной – несмотря на, без малого, двадцатилетнее существование кадровых агентств доминирующее положение на рынке труда с точки зрения государства по-прежнему занимают биржи труда, которые исходят из интересов «безработных», т.е. как бы представляют в своем лице социальную функцию государства в том вопросе.

Кадровые агентства же пытаются перевернуть ситуацию и исходят из интересов одновременно и безработных, и работодателей, большинство из которых представляют серьезные сектора экономики. Таким образом, удовлетворение кадровым агентством интересов своих клиентов-работодателей позволяет наилучшим образом удовлетворять и интересы клиентов-соискателей. Им подыскивается подходящая работа, повышается их социальный и профессиональный статус, квалификация, оказывается содействие в адаптации на новом рабочем месте. Конечно, агентство агентству рознь и конкуренция на рынке присутствует, но в целом, если смотреть на ситуацию с описанной выше точки зрения, рекрутинг в исполнении кадровых агентств все чаще вносит в парадоксальный российский рынок труда элементы цивилизации.

Вопрос в том, нужно ли добиваться законодательного введения официальной лицензии, т.е. разрешение на рекрутинг? Однозначный ответ на этот вопрос дать пока затруднительно. С одной стороны, конечно, плохо, когда тот или иной вид деятельности освящен законом и находится как бы под его защитой. Но с другой стороны, не приведет ли лицензирование к излишне пристальному вниманию чиновников и введению многочисленных санкций, и давлению на этот вид бизнеса?

В этой связи для кадровых агентств автором наиболее оптимальным представляется статус некоммерческих саморегулирующих организаций, который все же не исключает механизмы частичного лицензирования.

Понятие «саморегулирование» определяется как деятельность некоммерческих организаций, специально созданных для защиты прав неограниченного круга лиц, обладающих контрольными и распорядительными функциями, свойственными органами государственной власти [3].

Деятельность кадровых агентств может быть основана на гармоничном сочетании саморегулирования с разрешительным методом как элементом государственного регулирования и контроля через лицензирование. Важно только найти эту гармонию и отстаивать ее, чтобы рекрутинг, находясь под защитой закона, оставался тем

сегментом рынка трудовых отношений, который свободен от бюрократизма и формализма, характерных для государственных служб занятости, бирж труда.

Список литературы

1. Денисов А.М. «Правовые основы социального управления деятельностью кадровых агентств в России»: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-sotsialnogo-upravleniya-deyatelnostyu-kadrovyyh-agentstv-v-rossii>
2. Денисов А.М. «Социальное управление деятельностью кадровых агентств как объект социологического анализа»: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/sociologiya/denisov.pdf
3. Плескачевский В.С. Выступление на парламентских слушаниях в Совете Федерации на тему: «Саморегулирование организации. Проблемы развития, законодательства и правоприменительной практики» М., 2004
4. Пригожин А.И. Современная социология организации. М., 2003
5. Управление персоналом: Учебное пособие / Под общ. ред. Г.И. Михайлиной. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014 – 280 с.

ЛИЦА, ОСВОБОДИВШИЕСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Касаркина Елена Николаевна

кандидат социологических наук, доцент, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск

Лебедева Анна Владимировна

студентка 1 курса направления «Социальная работа», Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск

PERSONS RELEASED FROM PRISON AS AN OBJECT OF SOCIAL WORK

*Kasarkina Elena, Candidate of Science, assistant professor Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk
Lebedeva Anna, 1st year student of direction of "Social Work", Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются ограниченные возможности социализации и адаптации к свободной жизни в современной России лиц, освобожденных из мест лишения свободы, вследствие совокупности социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений. Обосновывается актуальность социальной работы с данной категорией населения.

ABSTRACT

The article analyzes the limited possibilities of socialization and adaptation to the free life in modern Russia of persons released from prison, due to the combination of negative socio-economic, demographic, ideological, social, psychological, political, organizational and managerial phenomena. The urgency of social work with this population.

Ключевые слова: социальная работа; лица, освободившиеся из мест лишения свободы; проблемы; причины; последствия.

Keywords: social work; persons released from prison; the problem; causes; consequences.

На сегодняшний день Российская Федерация занимает одно из лидирующих мест по числу лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, и, как следствие, – освобождаемых из мест заключения. К сожалению, деятельность государственных и негосударственных учреждений, а также институтов общественности в

решении возникающих проблем на свободе у данной категории граждан, довольно слабо проработана и не скоординирована. В некоторых случаях даже неясно, какой орган и какие проблемы должен решать. Вопросы решения проблем, освободившихся из мест лишения свободы, в основном, остаются за рамками правового регулирования

ния и исчерпываются Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, законами, постановлениями, распоряжениями и приказами, которые освещают только основные моменты обеспечения непосредственного исполнения наказаний. Вследствие этого, освободившиеся из мест лишения свободы граждане предоставлены сами себе и находятся в условиях, когда социальная защита со стороны государства имеет декларативное и формальное значение.

Лица, освободившиеся из мест лишения свободы - это целевая группа социальной работы, состоящая из отбывших правонарушителей, в виде лишения свободы и дифференцированных в зависимости от характера общественной опасности и тяжести совершенных преступлений, продолжительности заключения, осознания причин

и последствий преступлений, способности к адаптации к свободной жизни, а также от пола, возраста, образования, семейного положения.

В науке и социальной практике дискуссионными являются вопросы о том, что толкает человека на совершение преступления? Какие причины и условия?

Причины преступности – это совокупность социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений, которые непосредственно порождают, продуцируют, воспроизводят (детерминируют) преступность как свое следствие [1, с. 5].

Можно выделить ряд причин, вследствие которых человек совершает преступления. Обратимся к рисунку 1.

Рисунок 2 – Основные проблемы граждан, освободившихся из мест лишения свободы

Обратимся к сути данных проблем более подробно.

1. Социальная ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы включает в себя три основных аспекта: 1) «вторичную» социализацию (освобождение от вредных «тюремных» привычек и «переобучение» полезным социальным навыкам); 2) социальную адаптацию (приспособление к изменившимся жизненным условиям свободы); 3) социальную реабилитацию (восстановление утраченного гражданского, правового и социального статуса, социально-полезных связей).

Ресоциализация бывших осужденных - это система социальных, психологических и правовых мер воздействия на бывших осужденных, которые применяются с целью противодействия десоциализации личности бывшего осужденного, направлены на ликвидацию отрицательных последствий нахождения в исправительном учреждении, на закрепление последствий исправительного воздействия и, наконец, способствуют успешной интеграции в общество после освобождения [2, с. 175].

2. Социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы - это приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для среды, приобретение навыков, позволяющих нормально жить в обществе свободных людей; восстановления индивида в качестве социализированного члена общества. Применительно к лицам, освобожденным из мест лишения свободы можно выделить две особенности процесса социальной адаптации: 1) данный процесс воздействует на особую категорию граждан; 2) он всегда в той или иной мере связан с элементами принуждения, которые являются последствиями отбывания наказания, вытекающими из института судимости.

Процесс социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы распадается на две взаимосвязанные стадии: 1) нравственной, правовой, психологической и организационной подготовки осужденных в исправительных учреждениях к жизни на свободе (исправление); 2) приспособления освобожденных к условиям

жизни на свободе, определения ими своих социальных позиций и ролей, восприятия требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом со стороны государства и общества [3, с. 57].

3. Проблемы трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Криминогенным фактором, негативно влияющим на осужденных, отбывших наказание в социальной изоляции, выступает проблема их трудового устройства в условиях свободы. Это наибольшая трудность, которую им необходимо преодолеть в постпенитенциарный период. Труд как средство общения создает и систему общественно-полезных связей, формирует личность, создает материальную базу жизнедеятельности и является источником средств существования человека. Трудовая занятость – основное условие возвращения освобожденных судимых лиц к нормальной жизни в условиях свободы. Но самое негативное из этого то, что чем меньше человек вовлечен в сферу труда, тем выше вероятность совершения преступления. В бывшем СССР существовали нормы, по которым руководители предприятий обязаны были брать на работу бывших заключенных, заниматься их перевоспитанием, дабы содействовать их адаптационному процессу. Несмотря на это руководители предприятий и организаций под разными предлогами отказывали освобожденным в приеме на работу. Никакой ответственности за это они не несли. С переходом к рыночным отношениям проблема приобрела еще более острый характер. Ведь предприятия получили право самостоятельно решать все производственные вопросы, в том числе и подбора новых работников. Трудовые коллективы часто не желают принимать на работу ранее судимых не только из-за уголовного прошлого лиц, отбывших наказание, но и в связи с их низкой квалификацией. Факты трудоустройства на постоянное место работы бывших заключенных носят единичный характер – работодатели не заинтересованы в таких работниках.

4. Жилищные проблемы лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Жилищная проблема остается одной из самых острых социальных проблем для многих жителей современной России. А для отдельных категорий граждан, в частности для бывших осужденных, она практически неразрешима. Причем речь не идет о какой-то отдельной квартире со всеми удобствами, а хотя бы о комнате в общежитии или каком-то пригодном для жилья угле. Основными причинами, вызвавшими жилищные проблемы у освобожденных, являются – утрата права на жилплощадь в связи с осуждением, нежелание возвращаться к семье, распад семьи, отсутствие жилья до ареста. Обстоятельствами, обуславливающими возникновение жилищных проблем у освобожденных от отбывания наказания, являются длительность периода с момента освобождения до получения жилья; прибытие части освобожденных в местность, где отсутствует возможность бытового и трудового устройства. Жилищные трудности у освобожденных вызваны объективными и субъективными причинами. Прежде всего, общий недостаток жилья в городах. В настоящее время, несмотря на законодательство РФ, огромная армия

освободившихся из мест лишения свободы оказывается на улице, сразу становясь бомжами, совершая преступления повторно.

5. Проблемы восстановления положительных социальных связей, утверждение морально-нравственных ценностей и норм, приобретение навыков общения и коммуникации, доступности информации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Испытывая недостаток информации и соприкасаясь с негативной средой мест лишения свободы, осужденный постепенно формирует способ поведения, который противоречит общепринятой, социально одобряемой и поддерживаемой системе взглядов, так как человеческое поведение и взгляды в значительной степени формируются под влиянием условий существования той или иной группы. Такое поведение не может соответствовать социальным требованиям. Утверждение морально-нравственных ценностей в сознании бывших заключенных – одна из важнейших проблем. Совершивший преступление и понесший за это кару человек сразу по освобождению оказывается в трудных социальных условиях. В первое же после «отсидки» время он, и без того униженный и оскорбленный самим наказанием, неизменно вынужден считаться с положением гонимого и отверженного. Ложная нравственность общества создает для него, недавнего преступника, особые нормы бытия. Таков социальный отголосок прежней судимости.

6. Психологические проблемы лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Пребывание в местах лишения свободы накладывает отпечаток на психику человека. В исправительном учреждении человек сталкивается со стрессовой ситуацией, так как оказывается вырванным из привычной социальной среды и попадает под влияние тюремной субкультуры с четкой иерархической организацией, со своими ценностями, нормами, языком, традициями. Выйдя же на свободу многие осужденные испытывают не меньшие проблемы: стрессы, депрессии, мании, фобии.

7. Проблемы в семье лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Воспроизводство нормальных семейных отношений также является важным фактором успеха или неудачи социальной адаптации. Подавляющее число освобожденных лиц стремится вернуться в семью. От того, как встретят родные, как сложатся взаимоотношения, во многом зависит их дальнейшая судьба. Освобождение из колонии при отсутствии поддержки со стороны родных и близких вызывает у человека сильнейший стресс, в результате которого развивается нервность, замкнутость и агрессивность, что в условиях кризиса может вызвать нервное перенапряжение и срыв. Особенно опасно это в первые недели после освобождения, так как может привести к совершению новых правонарушений

Таким образом, в результате проделанной работы мы сделали вывод, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы являются актуальным объектом социальной работы так как: 1) Российская Федерация занимает одно из лидирующих мест по числу лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, а на практике реальные возможности сотрудников уголовно-исполнительной системы и системы социальной работы не позволяют целенаправленно оказывать помощь освобождаю-

щимся из мест лишения свободы в целях предупреждения совершения ими повторных преступлений; 2) существующая на федеральном уровне нормативно-правовая база исчерпывается Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, законами, постановлениями, распоряжениями и приказами, которые освещают только основные моменты обеспечения непосредственного исполнения наказаний, а вопросы решения проблем освободившихся из мест лишения свободы в основном остаются за рамками правового регулирования; 3) в современной России увеличивается совокупность социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений, которые непосредственно порождают, продуцируют, воспроизводят (детерминируют) преступность как свое следствие; 4) последствия нахождения в местах лишения свободы весьма негативны для личности, семьи и общества при отсутствии достаточных механизмов их решения в современной политике российского государства. В особо трудной жизненной ситуации находится семья человека, отбывшего наказание в местах лишения свободы, она сталкивается с трудностями в экономическом, социальном и психологическом плане. Социальный институт семьи берет на себя бремя ответственности за бывшего осужденного, выполняя функцию

по его ресоциализации, которая во многом зависит от потенциала семьи осужденного: социального положения ее членов, образа жизни. Лица, освобожденные из мест лишения свободы - это целевая группа социальной работы, решение проблем которых зависит от включения, освобожденного в общественно полезный труд, обучение, установления здоровых семейных отношений, восстановления коммуникативных социальных связей, укрепления нравственных ценностей как факторов социального поведения.

Литература

1. Бабаев М. М. Причины преступности и меры борьбы с ней: монография / М. М. Бабаев. – М.: Наука, 2001.
2. Финаева А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного / А. Г. Финаева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 4 (14).
3. Бровский П. А. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы: гендерный аспект / П. А. Бровский // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 2 (51).

АДАПТАЦИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Кикоть Анастасия Сергеевна

ассистент кафедры, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования, «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВПО «ЮФУ»), г. Ростов-на-Дону

ADAPTATION OF A YOUNG FAMILY IN A TIME OF CHANGE

Kikot Anastasia Sergeevna, assistant of the Department, Federal state Autonomous educational institution of higher professional education, "Southern Federal University" (Federal state Autonomous educational institution of higher professional education "southern Federal University"), Rostov-on-Don, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из важных социальных процессов – процесс социальной адаптации молодой семьи в эпоху перемен. Так как именно молодая семья подвергается значительным радикальным изменениям в российском обществе, связанными с трансформационными процессами в российском обществе. Объясняется, это тем, что прежние механизмы адаптации семьи перестали действовать в связи с трансформацией всех институтов, а в особенности основанного института, отвечающего за продолжительность человеческого рода.

ABSTRACT

The article considers one of the important social processes - the process of social adaptation of the young family in a time of change. Because young family suffers from a lot of radical changes in Russian society associated with transformation processes in Russian society. This is explained by the fact that the old mechanisms of adaptation of the family ceased to act in connection with the transformation of all institutions, and in particular based Institute of family, which is responsible for the duration of the human race.

Ключевые слова: молодая семья, социальная адаптация

Key words: young family, social adaptation

Век перемен во все времена характеризуется нестабильностью в обществе, поиском новых решений для достижения благоприятного состояния во всех сферах деятельности. Очевидно, что XXI век обусловлен сложным процессом: социально-экономическим, политическим и социокультурной трансформацией, который влияет на деятельность основных социальных институтов. В большей степени эти процессы оказывают воздействие на состояние такого основного социального института, как семья, являющимся одним из главных социальных институтов социума. Институт семьи играет важную роль в системе

воспроизводства населения и жизнеобеспечения основных потребностей общества в области регулирования социальных отношений, социализации индивидов, их морального и физического самочувствия, жизненной самореализации.

Сегодня современная российская семья испытывает целый ряд проблем. Изменения, объясняются особенностью переходного периода в жизни нашего общества, а именно в области социальной адаптации молодой семьи в трансформирующемся российском обществе. Особо следует выделить вопрос о механизмах социаль-

ной адаптации. Объясняется это тем, что механизмы социальной адаптации, отработанные и апробированные не одним поколением советских семей, к сожалению, на современном этапе развития российского общества перестали действовать, а новые вырабатываются достаточно стихийно, большинство из которых сводится к механизмам выживания.

Как уже было отмечено основной социальный институт общества - институт семьи был подвержен серьезным изменениям. Прежде всего, трансформации коснулись молодой семьи, так как молодые семьи самые уязвимые в плане семейных отношений. Молодая семья значительно трансформировалась в связи с радикальными изменениями в российском обществе. Радикальными изменениями можно определить, как трансформацию отношений во всех отношениях. Безусловно, изменения коснулись семейных отношений, тем самым нарушив самый главный институт семьи, благодаря которому и держится продолжительность рода.

Очевидно, что молодая семья в условиях современных социальных трансформаций подвергается влиянию на себе как позитивных, так и негативных таких последствий. Социальная адаптация семьи включает в себя социально-экономические и морально-психологические трудности, с которыми сталкивается молодая семья, тем самым предопределяют ее незащищенность и ущемленность. Это влияет на социальное самочувствие молодых супругов, на их самореализацию в профессиональной деятельности.

В последние десятилетия изучение проблем семьи и семейного взаимодействия, связанных с изменением традиционных семейных установок в современном обществе акцентируется внимание на роли, функциях и требованиях к обоим особенно молодым родителям. Что же представляет собой молодая семья?

В научном поле «молодая семья» существует много определений. Например, Л.М. Иванова считает, что «...молодая семья – это двое молодых супругов в расцвете сил, имеющие одного или двоих детей. Они хорошо выглядят, интеллигентные, стремятся к пониманию друг друга и пытаются анализировать свои отношения с целью их совершенствования» [1, с.39].

На мой взгляд, определение не точно раскрывает термин молодой семьи. Так как молодые супруги в расцвете сил могут и не иметь детей и не планировать их, а жить в свое удовольствие, удовлетворяя свои потребности. Супруги могут в течении всей жизни пытаться анализировать свои отношения с целью их совершенствования. В результате, определение молодой семьи Ивановой Л.М. не достаточно раскрыто.

Социолог Е.В. Антонюк в отличии от определения выдвинутое Л.М. Ивановой осознает, что молодая семья начинается с этапа заключения брака до рождения ребенка [2, с.25]. Оба эти определения тождественны в том, что семья может откладывать рождение детей на неопределенный срок, а семья будет выполнять свои функции и в результате времени не будет называться «молодой семьей». В итоге, определение Е.В. Антонюк, на мой взгляд, выглядит тоже не достаточно раскрыто.

Можно привести следующее определение молодой семьи, которое, на мой взгляд, более подробно раскрыто. Г.И. Климантова подразумевает под определением «молодой семьи» как семью, которая существует в первые три года после заключения брака, в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семью, которая состоит из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка [3, с.5].

Данное определение более конкретно, так как в нем определен существенный критерий молодой семьи, а именно возраст супругов до 30 лет. Возраст супругов исходит из общепринятого в научной и обществоведческой литературе и законодательных актах понятия «молодежь», к которой относятся молодые люди от 16 до 30 лет [4, с. 9-10].

С точки зрения рассматривания молодой семьи с психологического подхода выявлено, что молодая семья представляет собой семью, если возраст супругов не превышает 25 лет, а супружеский стаж должен быть три года [5, с.59]. Дело в том, что, возможно, по мнению психологов, супруги, заключившие брак в 25-летнем возрасте более осознаны в своем выборе и тем самым брак будет более стабильным.

В соответствии российским законодательством молодая семья – это семья в первые 3 года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста [6, 3-4].

Согласно ряду авторов продолжительность брака 3 года недостаточна, для того, чтобы супруги приобрели, освоили новые социальные роли.

Наиболее точное определение молодой семьи, по моему мнению, сформулировано М.С.Мацковским и Т.А. Гурко. Они рассматривают молодую семью как семью из супругов не более 30 лет, где стаж совместной жизни примерно 5 лет и оба супруга состоят в первом зарегистрированном браке. Пять лет стажа семьи обусловлен, тем что в течении этого брачного периода идет процесс адаптации супругов к друг другу [7, с.92].

Таким образом, из вышесказанного сделаем вывод, что молодая семья – молодая социальная группа общества, основанная на супружеском союзе и родственных связях, на совместном ведении общего хозяйства и взаимной моральной ответственности, с возрастом супругов до 30 лет, имеющих первый брак и непродолжительный срок семейной жизни в течении 5 лет.

Определив, что собой представляет молодая семья сфокусируем внимание на определение социальной адаптации. Ее можно представить, как процесс активного приспособления индивида или группы к определенным материальным условиям, нормам и ценностям социальной среды [8, с.8]. Социальную адаптацию определяют, как «вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников» [9, с.9]. Согласно данным определениям нам предоставляется сделать вывод о том, что социальная адаптация – это, прежде всего, двусторонний процесс, который предполагает взаимное воздействие субъекта и социальной среды, а также результат их совместной деятельности. Таким образом, согласно выше определениям социальной адаптации молодая семья в эпоху перемен представляет собой двусторонний процесс, предполагающий взаимное воздействие молодой семьи и социальной среды, реализующийся в их совместной деятельности.

Литература

1. Иванова Л.М. Судьба молодой семьи. – М.: Знание, 1989
2. Антонюк Е.В. Становление ролевой структуры молодой семьи и ее восприятие супругами // Вестника МГУ. – 1993. – № 4.

3. Климантова Г.И. Проблемы молодой семьи в условиях модернизации общества // Материалы V Всероссийского социально-педагогического конгресса (Москва, 6-7 июня 2005 г.). – М., 2005
4. Осохеева Б.Р. Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации: Дисс..канд.социол.наук – Улан-Удэ, 2007.
5. Олейник Ю.Н. Исследование уровней совместимости в молодой семье // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 2.
6. Постановление Верховного Совета РФ от 03.06.1993 г. №5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 25. – Ст. 903
7. Лукьянова И.Е., Прохорова Э.М., Шиповская Л.П. Семейведение. – М.: ИНФРА-М, 2006.
8. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С.8.
9. Ольшанский Д.В. Адаптация социальная. - В кн.: Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990, С. 9.

ДЕТСКАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИЙ ЯРЛЫКОВ

Киселев Максим Игоревич

ассистент кафедры «Социальные технологии», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), Донского государственного технического университета, г. Шахты

Подольская Ольга Борисовна

к.с.н., доцент кафедры «Социальные технологии», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г. Шахты

CHILDREN AND DISABILITY IN LIGHT OF THE THEORY LABELS

Kiselev Maxim, Assistant of the Department "Social Technologies" of The Institute of services and entrepreneurship (branch) Don State Technical University, Shakhty town

Podolskaya Olga, Candidate of Science, associate Professor of The Institute of services and entrepreneurship (branch) Don State Technical University, Shakhty town

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию детей-инвалидов с точки зрения теорий И. Гоффмана, Г. Беккера и Э. Лемертонна. В качестве методологической базы выступает теория стигматизации и теория наклеивания ярлыков или социальной реакции. В статье наглядно демонстрируется процесс «наклеивания» ярлыков, как на микро, так и на макроуровнях.

ANNOTATION

The article studies of children with disabilities in terms of theories I. Hoffmann, G. Becker and E. Lemertona. As a methodological framework is supports the theory of stigmatization and labeling theory or the societal reaction. In the article we can see the process of "sticking" labels, as on the micro, so the macro levels.

Ключевые слова: дети-инвалиды, теория ярлыков, социальная интеграция.

Key words: children with disabilities, the theory of labels, social integration.

В настоящее время сформировались несколько моделей инвалидности. Наибольшее распространение в мировой практике получили две модели: медицинская и социальная. В данной статье будет предпринята попытка описания детской инвалидности с помощью положений социологических теорий таких как: теория стигматизации И. Гоффмана; теория наклеивания ярлыков или социальной реакции Г. Беккер, Э. Лемертон.

И. Гоффман, в своей работе «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» отмечает, что общество определяет набор качеств, который присущ нормальным людям и в соответствии с ними, люди оценивают других людей этого общества. Индивиды формируют свое мнение по поводу того, каким должен быть ребёнок с инвалидностью. При встрече здорового ребёнка с ребёнком-инвалидом, он замечает, что инвалиду присущи качества, которых у него нет. Таким образом, ребёнок-инвалид становится стигматизированной личностью. Как отмечает И. Гоффман: «в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного) [tainted, discounted]. Подобное качество - это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном нега-

тивном воздействии; порою его называют также недостатком, дефектом, увечьем [failing, shortcoming, handicap]»[1, с. 3].

«Термин «стигма» будет использоваться для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида [an attribute deeply discrediting]; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него. Качество, стигматизирующее один тип владельца, может лишь подтвердить обычность другого, и в этом смысле само по себе качество не является ни лестным, ни постыдным [neither creditable, nor discreditable]»[1, с. 3-4].

И. Гоффман выделяет три типа стигмы. «Во-первых, есть телесное уродство - разного рода физические отклонения. Во-вторых, есть недостатки индивидуального характера - такие, как слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или косные убеждения, бесчестность. В-третьих, родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи. Однако во всех этих различных примерах стигмы, можно обнаружить одни и те же социологические черты: индивид, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некой особенностью, которая навязчиво

привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, - тем самым перекрывая путь и другим качествам этого индивида. У него есть стигма, нежелательное отличие от того, чего мы ожидали [от его категории людей]»[1, с. 5].

И. Гофман «полагает, что человек со стигмой - не вполне человек [is not quite human]. На основании этого предположения индивиды применяют различные виды дискриминации, посредством которых существенно - причем порою не задумываясь - уменьшают его жизненные шансы»[1, с. 7].

На наш взгляд, понятие «стигма», и понятие «ярлык» несут одинаковую смысловую нагрузку при описании как инвалидности, как проблемы общества, так и отдельных категорий инвалидов. Если на улице люди встречают ребёнка инвалида, и при этом у него этот недуг явно выражен, они автоматически начинают обращать на него внимания, демонстрируя это внешне.

Согласно основным положениям теории социальной реакции Г. Беккера, Э. Лемертона наклеивание ярлыка не зависит от человека с социальным или физическим недугом (инвалида), эти ярлыки определяет общество. В связи с этим социальная интеграция в общество инвалидов практически невозможна, поскольку если общество определяет человека как инвалида, отношение должно быть к нему как к инвалиду, а неполноценной

личности. При этом можно подчеркнуть актуальность социокультурной интеграции, поскольку культура сглаживает, и делает более приемлемыми и безболезненными для детей с ограниченными возможностями, процессы социальной интеграции. Например, если социальные программы, направленные на интеграцию детей-инвалидов, носят характер социальной помощи, в свою очередь культура действует более многогранно, учитывая интересы и потребности всех сторон процесса социокультурной интеграции, делая данный процесс гармоничным как для общества, так и для ребенка-инвалида.

Таким образом, детская инвалидность в свете теорий ярлыков представлена в положениях двух теорий: теория стигматизации И. Гоффмана; теория наклеивания ярлыков или социетальной реакции Г. Беккер, Э. Лемертон. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ярлыки, с одной стороны, это субъективное восприятие здоровым людьми, ребенка с ограничениями здоровья, с другой стороны, ярлыки распределяются обществом, и интеграция ребенка в общество невозможна.

Список литературы

1. И. Гофман. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод Добряковой М.С. 52 с.

СТРАТЕГИИ РЕАГИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Фатеева Ярослава Сергеевна

магистрант Томского государственного педагогического университета

Куликова Нина Васильевна

доктор медицинских наук, профессор Томского государственного педагогического университета, г. Томск, Россия

RESPONSE STRATEGIES OF STUDENTS OF DIFFERENT AGE GROUPS IN CONFLICT SITUATIONS

Fateyeva Jroslava, Magistrant Department of Health and Safety Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Kulikova Nina, Doctor of Medicine, professor Department of Health and Safety Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель исследования - изучение поведения студентов вуза с гуманитарными специальностями разных возрастных групп в конфликтных ситуациях. В работе исследованы способы реагирования студентов в конфликтах по методике К. Томаса. Исследования у студентов вузов показали, что им присущи все пять способов реагирования в конфликтных ситуациях: соперничество (конфронтация), сотрудничество, компромисс, избегание (уклонение) и приспособление. Получены особенности реагирования в конфликтах в зависимости от возраста и пола у студентов.

Ключевые слова: конфликт; молодежь; студенты; способы реагирования в конфликтных ситуациях; стиль поведения.

Abstract

The aim of this research is to investigate the behavior of students of different age groups of humanitarian specialties in conflict situations. The paper focuses on the strategies of students' response in conflict situations according to the method of K. Thomas. Our research confirmed that the students under study demonstrate all five strategies of responding to conflict situations: the rivalry (confrontation), collaboration, compromise, avoidance (evasion) and adaptation. The obtained strategies of response in conflict situations demonstrate their dependence on age and gender.

Keywords: conflict; students; responses; conflict situations; strategies; manner of behavior.

Актуальность исследования. Одно из активно разрабатываемых направлений мировой социологической науки - это социальные проблемы молодежи. Изучают

трудовую и общественную активность, изменение ценностных ориентаций, социально-психологические особенности молодежи, управление конфликтами в молодежной среде [9, с. 227-263, 10, с.1-32].

Из одинаковых ситуаций социальный опыт у разных людей существенно разнообразен. В процессе социализации приобретает индивидуальность, то есть, одни и те же социальные ситуации по-разному воспринимаются и переживаются. Социализация продолжается в процессе всего онтогенеза человека [7, с. 123-125].

Молодые специалисты – очень уязвимая группа, если они вовлекаются в конфликт на производстве. Они часто имеют завышенную самооценку, неустойчивость поведения, излишнюю эмоциональность, не обладая достаточным опытом, что может привести к ошибкам и послужить причиной конфликта. У большинства из них нет навыков трудовой дисциплины и отсутствует умение работы в команде, построения взаимоотношений в коллективе, характерны неустойчивость поведения, излишняя эмоциональность – эти психологические возрастные особенности делают молодых специалистов мало защищенными [6, с.99].

В настоящее время опубликованы отдельные исследования по реагированию студенческой молодежи в конфликтных ситуациях [4, с. 23]. Но студенческая молодежь, как правило, оказывается в эпицентре всех событий, происходящих в обществе, поэтому важно в этой среде тщательное изучение конфликтов по половому признаку, возрастным особенностям, в зависимости от полученной специальности, социальной среды – для раннего распознавания конфликтов и принятия мер для их профилактики, а при их возникновении – эффективное управление ими.

Цель исследования - изучение поведения, работающих студентов гуманитарных специальностей разных возрастных групп в конфликтных ситуациях.

Гипотеза исследования: Мы предположили, что в процессе социализации модели поведения студентов разных возрастных групп должны изменяться и отличаться. Ведь возраст - это не только биологическая, но и социальная категория.

Задачи исследования:

1. Исследовать особенности реагирования в конфликтах, работающих студентов разных возрастных групп в социуме.
2. Выявить характерные формы реакций студентов разных возрастных групп на конфликтные ситуации в зависимости от пола.

Материалы и методы. В работе исследованы способы реагирования студентов в конфликтах по методике К. Томаса [1, с. 231-234; 5, с. 603-606]. Данная тестовая процедура по гипотетическим ситуациям взаимодействия в конфликтных ситуациях, которые предъявляются испытуемым, показывает в какой степени в поведении человека проявляются 5 стратегий: соперничества (конфронтация), сотрудничества, компромисса, избегания (уклонения) и приспособления. По каждому из 30 пунктов анкеты

необходимо выбрать только один, предпочтительный для студента вариант ответа «а» или «б». Затем по каждому из 5 разделов опросника подсчитывалось количество положительных ответов студентов (1 положительный ответ равен 1 баллу), совпадающих с ключом. Ключ опросника по методике К. Томаса включает 5 разделов:

Соперничество: 3а, 6б, 8а, 9б, 10а, 13б, 14б, 16б, 17а, 22б, 25а, 28а.

Сотрудничество: 2б, 5а, 8б, 11а, 14а, 19а, 20а, 21б, 23а, 26б, 28б, 30б.

Компромисс: 2а, 4а, 7б, 10б, 12б, 13а, 18б, 20б, 22а, 24б, 26а, 29а.

Избегание: 1а, 5б, 7а, 9а, 12а, 15б, 17б, 19б, 21а, 23б, 27а, 29б.

Приспособление: 1б, 3б, 4б, 6а, 11б, 15а, 16а, 18а, 24а, 25б, 27б, 30а.

Стиль поведения в конфликте обуславливается личными интересами и зависит насколько активно или пассивно их отстаивают. Оказывают влияние на поведение отдельных лиц и социальных групп, участвующих в конфликте, желание удовлетворить интересы других сторон и первоочередность индивидуальных или совместных действий [1, с. 132].

Изучали данные стратегии поведения у 68 (обработаны 2040 положительных ответов) студентов гуманитарных специальностей, разделенных на 2 сравнимые между собой группы с нормальным распределением по полу и возрасту: 1гр. – студенты младшей возрастной группы от 19 до 23 лет (42 чел), 2 гр. - студенты старшей возрастной группы от 25 до 30 лет (26 чел). Все студенты в обеих группах совмещали учебу с трудовой деятельностью.

Статистический анализ данных проводили с использованием пакета прикладных программ Statistica, версия 6.0 для Windows. Достоверность различий результатов исследований определяли по t-критерию Стьюдента. Различия считали статистически значимыми при достигнутом уровне значимости при $p < 0,05$. Данные по стратегиям поведения по методике К. Томаса представлены в виде среднего значения M и среднеквадратичного отклонения SD ($M \pm SD$) положительных ответов (1 положительный ответ равен 1 баллу) [2, с. 81-101].

Результаты исследования и их обсуждение.

Стили поведения в конфликтных ситуациях студентов разных возрастных групп представлены в табл. 1.

Из таблицы 1 прослеживается, что для молодежи в обеих группах характерны все 5 стилей поведения в конфликтных ситуациях (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление). Такие же данные, указывающие, что у людей применяются все пять стилей поведения в конфликтах приводятся в монографии И.Е.Ворожейкина и соавт. (2003г.) [1, с. 234].

Таблица 1

Стратегии поведения студентов различных возрастных групп в конфликтных ситуациях $M \pm SD$ в положительных ответах (в баллах)

Стратегии поведения	Группы		P
	1	2	
Соперничество	7.5±2.1	4.6±2.6	<0,001
Сотрудничество	6.1±2,1	6.6±1.9	>0,05
Компромисс	7.6±1,6	7.5±1.9	>0,05
Избегание	4.2±1,8	5.7±2.1	<0,02
Приспособление	5.1±2.5	5.6±1.9	>0,05

Примечание: 1-младшая возрастная группа, n- 42 чел; 2-старшая возрастная группа, n -26 чел; где n –число наблюдений, р – достоверность различий показателей

В наших исследованиях выявлены следующие отличия: так у студентов младшей группы достоверно чаще, чем в старшей, встречается тип поведения – соперничество (соответственно $M \pm SD$ в 1 гр. 7.5 ± 2.1 и во 2-й гр. 4.6 ± 2.6 положительных ответов, при $P < 0,001$). Соперничество (конфронтация) направлено на стремление добиться личных интересов, не учитывая интересов оппонентов и даже в ущерб им. Человек, использующий стиль конкуренции, весьма активен и предпочитает идти к разрешению конфликта своим собственным путем и действует самостоятельно и очень энергично. Он не заинтересован в сотрудничестве с другими людьми, но зато способен на волевые решения и желает отстоять и даже навязать свое решение проблемы любым путем и победить в конфликте [1, с. 134-135].

Стиль поведения в виде конфронтации используют в следующих случаях: если участник конфликта убежден, что его предложение лучшее в данной ситуации и активно настаивает на нем; проблема очень важна для конфликтующего, и он считает, что его позиция беспроигрышна; есть все возможности быстро ее решить или отстаивает свои интересы, если нет другого выбора и нет риска потери.

Наши данные (молодежь 1-й гр.) не совпадают с работой Г.В. Михайловой [4, с.18], которая выявила у студентов данного возраста меньшую популярность стиля поведения в виде соперничества. Возможно, это связано с различием будущих профессий: в нашем исследовании студенты гуманитарных специальностей, а в работе Г.В. Михайловой студенты технического вуза.

Из современной социологической литературы прослеживается, что любое давление может вызвать бурю эмоций и негативную реакцию побежденных, разрушит благоприятный психологический климат в коллективе.

Поэтому в большинстве межличностных конфликтов конфронтация - не всегда удачная стратегия поведения, т.к. стремление считать себя всегда правым нарушает взаимопонимание и сотрудничество между членами коллектива [1, с. 134-135; 8, с.44].

Имеются различия и по такому стилю поведения в конфликтах как избегание. Так у студентов старшей группы достоверно чаще, чем в младшей, встречается данный вид поведения (соответственно $M \pm SD$ в 1 гр. $4.2 \pm 1,8$ и во 2-й гр. 5.7 ± 2.1 положительных ответов при $P < 0,02$). Для поведения в конфликтах в виде избегания (уклонения) характерно у конфликтующего отсутствие намерений сотрудничать и применить усилие для реализации своих интересов, и есть лишь желание уйти от конфликта. Стиль уклонения используют: если проблема не представляется существенной и не заслуживает значительных затрат времени и сил; имеется возможность достичь цели неконфликтным путем; стороны избегают осложнений в отношениях по различным причинам; необходимо выиграть время для получения лучшего результата.

При эмоциональном межличностном конфликте уклонение более приемлемо, так как человек разумно оценивает ситуацию и понимает, что наиболее верным результатом в межличностном конфликте – это уклонение от участия в нем, со временем эмоции затихнут и конфликт, возможно, не возникнет вновь.

Но если конфликтная ситуация возникла на объективной почве, то сохранение нейтральной позиции и уклонение будут неэффективными, так как проблема, с породившими ее причинами, сохраняется и может еще более обостряться [1, с. 132-133; 8, с. 44].

Мы предположили, что возможно имеются различия в формах реакций на конфликтные ситуации не только в зависимости от возраста, но и пола в данных возрастных категориях. Результаты описаны в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Стратегии поведения студентов женского пола различных возрастных групп в конфликтных ситуациях $M \pm SD$ в положительных ответах (в баллах)

Стратегии поведения	Группы		P
	1	2	
Соперничество	7.1 ± 2.1	3.7 ± 2.5	$< 0,01$
Сотрудничество	6.4 ± 1.9	6.6 ± 2.1	$> 0,05$
Компромисс	7.6 ± 1.9	7.3 ± 2.1	$> 0,05$
Избегание	3.9 ± 2.1	5.8 ± 2.5	$< 0,05$
Приспособление	6.1 ± 2.9	6.8 ± 1.5	$> 0,05$

Примечание: 1-младшая возрастная группа, n-21 чел.; 2-старшая возрастная группа, n -12; где n – число наблюдений, р – достоверность различий показателей

В табл. 2 представлено, что у девушек в 1-й и 2-й гр. имеются все 5 стилей поведения в конфликтных ситуациях. Но имеются отличия: в 1-й группе достоверно чаще, чем во 2-й наблюдается такой вид поведения в конфликтах, как соперничество (соответственно $M \pm SD$ в 1-й гр. 7.1 ± 2.1 , во 2-й 3.7 ± 2.5 положительных ответов, $P < 0,01$). Различна по частоте, и такая стратегия поведения как избегание, наблюдающаяся достоверно чаще во 2-й, чем в 1-й группе (соответственно $M \pm SD$ во 2-й гр. 5.8 ± 2.5 , в 1-й гр. 3.9 ± 2.1 положительных ответов, $P < 0,05$).

Из таблицы 3 видно, что у лиц мужского пола в обеих группах также выявляются все 5 типов поведения в конфликтах и одинаково часто в виде сотрудничества, компромисса, избегания и приспособления. Единственное различие по стилю поведения в виде соперничества, он достоверно чаще выявлен в 1-й (младшей возрастной группе), чем во 2-й гр. (соответственно $M \pm SD$ в 1-й гр. 7.9 ± 1.6 , во 2-й 5.6 ± 2.3 положительных ответов, $P < 0,01$).

Полученные результаты показывают возможность появления у студентов соответствующих форм поведения в конфликтных ситуациях.

Мы выявили следующие особенности стратегии поведения в более молодой по возрасту группе. Они проявляются увеличением активного стиля поведения в конфликтных ситуациях в виде соперничества у юношей и у девушек, но в большинстве межличностных конфликтов данная стратегия поведения не всегда удачная, т.к. стремление считать себя всегда правым нарушает взаимопонимание и сотрудничество между членами коллектива.

Особенности старшей возрастной группы - преобладание такого пассивного стиля поведения как избегание: он способствует тому, что проблема остается не разрешенной и, при стечении благоприятных для развития конфликта обстоятельств, может опять обостриться. Хотя, если данный вид конфликта возник на эмоциональной основе со временем он может просто угаснуть.

Таблица 3

Стратегии поведения студентов мужского пола различных возрастных групп в конфликтных ситуациях $M \pm SD$
в положительных ответах (в баллах)

Стратегии поведения	Группы		P
	1	2	
Соперничество	7.9±1.6	5.6±2.3	<0,01
Сотрудничество	5.9±2.4	6.4±1.8	>0,05
Компромисс	7.6±1.6	7.9±1.5	>0,05
Избегание	4.5±2.1	5.3±2.3	>0,05
Приспособление	4.1±1.1	4.7±1.5	>0,05

Примечание: 1-младшая возрастная группа, n-21 чел.; 2-старшая возрастная группа, n-14; где n – число наблюдений, p – достоверность различий показателей

Заключение. Для работающих студентов гуманитарных специальностей разных возрастов в обеих группах, а также для лиц мужского и женского пола, характерны все 5 стратегий поведения в конфликтных ситуациях (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление).

Имеется разница в стратегии поведения: так у студентов младшей группы (1-я гр.) достоверно чаще в конфликтных ситуациях, чем в старшей по возрасту (2-я гр.), встречается тип поведения – соперничество и достоверно реже – избегание.

Выявлены отличия по поведению в конфликтах в зависимости от пола: в 1-й группе достоверно чаще, чем во 2-й наблюдается такой вид поведения в конфликтах, как соперничество у девушек и у юношей; и достоверно реже у девушек стиль поведения - избегание.

Для эффективного управления конфликтом, необходимо учитывать не только возрастные особенности студентов, но и зависимость поведения от пола, и тогда его последствия смогут играть положительную роль, способствуя в дальнейшем как достижению целей учебного заведения, так и более благоприятной работе на производстве.

Литература

1. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник. - М.: ИНФРА, 2003.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. Пер. с англ..-М.: Практика, 1998.
3. Меткин М.В. Конфликтология. Учеб. пособие/ под ред. В.А. Ачкасовой.- С/Петербург, 2001.
4. Михайлова Г.В. Подготовка студентов к разрешению конфликтов в учебных группах (на примере технического университета): автореферат дис. ... канд. пед. наук. - Архангельск, 2003.
5. Основы психологии: Практикум / Ред.-сост. Л.Д. Столяренко.- Ростов н/Д: Феникс, 2006.
6. Парягина О.А. Молодой специалист: эволюция понятия в современных условиях// Право и Образование.-2009.- №1.- С. 99.
7. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика.- СПб.: Питер, 2007.
8. Сорокина Е.Г. Конфликтология в социальной работе: учеб. пособие для студентов вузов.-М: Академия, 2009.
9. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. – М.: Юрайт-Издат, 2003.
10. Черкасова Т.В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: автореферат дис... докт.соц.наук.- Самара, 2008.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Липатова Мария Евгеньевна

Научный сотрудник, Социологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

CONSTRUCTION OF LIFE STRATEGIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL UNCERTAINTY

Lipatova Maria, Research associate, Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные процессы, происходящие в современном обществе. Рассматриваются понятия «неопределённость» и «жизненные стратегии». Роль неопределённости в формировании жизненных стратегий.

Ключевые слова: жизненные планы; жизненные стратегии; молодёжь; неопределённость; ценности.

ABSTRACT

The article analyzes the main processes taking place in the modern society. The article discusses the concepts of "uncertainty" and "life strategies" and the role of uncertainty in shaping of life strategies.

Keywords: life plans; life strategies; uncertainty; values; youth.

Современное российское общество сегодня во многом является отражением тех проблем, которые характерны для современного западного общества плюс

внутренние особенности нашего развития, которые связаны с нашей ментальностью, идентичностью, сосуществованием традиционной системы ценностей и новыми

ценностями, которые активно внедрялись, начиная с 90-х годов XX века.

За прошедшие двадцать лет реформ произошли изменения, затрагивающие всю структуру российского общества. В экономической сфере - это становление рыночной экономики с изменением форм собственности; в политической - появление новых институтов, например, таких как институт выборов, президентства и др. Изменилось административно-территориальное деление и дальнейшие трансформации продолжаются (последнее тому подтверждение, присоединение в 2014 году Крыма). Одни поселения теряют своих жителей и практически прекращают своё существование, другие наоборот, принимают всё больше граждан, приезжающих на учёбу или работы.

Провозглашение свободы выбора, плюрализма мнений и убеждений, верований, норм жизни способствовали разрушению существовавшей ранее советской системы ценностей и норм, разделявших подавляющим большинством общества. Заметнее и ощутимее стало социальное неравенство, социальное расслоение. Все это не могло не сказаться на ценностных установках граждан и нашло отражение в выборе жизненных целей, моделях поведения и выбираемых средствах для решения поставленных задач.

Возросла роль средств массовой информации, которые наряду с рекламой, оказывают воздействия на образ мысли, образ жизни населения, формируют определённые стереотипы, выступают в качестве проводников новых моделей поведения, субкультур, основанных на новых ценностях. Всё большую роль приобретает Интернет как пространство общения, самовыражения и реализации, при этом не теряется и его основное значение – проводник, хранитель огромного массива разнообразной информации.

Следует так же учитывать глобализационные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности. Открытость общества способствует взаимопроникновению культур, различных социокультурных образцов, ценностей, моделей поведения и т.д. При этом может происходить разрушение местных социокультурных норм и тогда необходима адаптация к новому, приспособление этого нового к сегодняшним реалиям. Таким образом возникает новая реальность, которая включается в себя такие составляющие как неопределённость и риски. Эти две категории для современного общества являются одними из определяющих, так как человек старается снизить порог неопределённости, спрогнозировать последствия своих или предлагаемых решений, заглянуть за горизонт событий.

Так Н. Луман, рассматривая такие категории как уверенность и доверие, связывает их с понятием «риск», которое возникает в «период современности» [4]. На протяжении всей истории человечества люди хотели знать, что их ждёт в будущем, для чего они обращались к различного рода предсказателям. Все это позволяло снизить риски или устранить неуверенность в отношении будущего. Сегодня риск рассматривается как результат действий и решений индивида, а не действием божественных сил или сил природы.

У современного человека выбор зачастую сопровождается множеством альтернатив и принимая решение о том или ином вектора развития на жизненном пути, он понимает, что выбор сопряжён с риском, поскольку при вмешательстве некоторых нежелательных условий, непредвиденных событий, можно подойти в будущем к нежелательному эффекту. Поэтому, делает вывод Н. Луман, свободного от риска поведения не существует [4, с. 155]. Мы не можем рассчитывать на абсолютную надёжность принимаемых решений, выбора одной из альтернатив, и

в любом случае, если решение принимается, то риска избежать нельзя.

Для современного общества, отмечает Э. Гидденс [1, с. 146], характерно воздействие институционализированных систем риска, связанных глобализационными процессами. Появляется больше событий со значимыми последствиями, которые напрямую не связаны с индивидами, но имеют непосредственную угрозу для жизненных планов каждого. Выполняя в рамках повседневной деятельности рутинные задачи, иногда человек сталкивается с особыми ситуациями, носящими характер значимого события и в то же время проблематичного. Они проистекают из общего развёртывания хода событий и не зависят в значительной степени от человека, или же в некоторых случаях создаются им самим. Здесь приходится принимать решение исходя из полученной информации, имеющей судьбоносное значение для индивида (например, создание семьи, смена работы, выбор определённого занятия или учебного курса и т.д.). Другими словами, риск влияет на будущие события и соотносится с текущей деятельностью, активно используется для его формирования. По мере развёртывания будущего создаются новые формы риска.

Особое значение имеет то, подчёркивает Э. Гидденс, что человек имеет дело с добровольно выбираемым риском, который является частью структуры социальной жизни. В первом случае происходит процесс выбора – делать или не делать выбор в пользу той или иной альтернативы [1, с. 120]. Осуществление активного выбора риска является важно составляющей атмосферы риска, то есть, можно сказать, ситуации неопределённости. Принятие или непринятие рисков связано с определёнными характеристиками образа жизни и в способе жизненного планирования. Само по себе жизненное планирование нужно для видения будущего и его развёртывания в соответствии с целями человека. Исследователь обозначает этот процесс как «колонизацию будущего». В полном объёме реализовать запланированное затруднительно в силу вмешательства различных факторов, влияющих на оценку риска. Эта оценка может делаться по инерции или происходит формирование набора оценок риска, которые являются чёткими для индивида исходя из его информированности о возможных обстоятельствах, способных привести к риску.

Жизненное планирование является важным элементом формирования жизненных стратегий, представляющих собой, по определению ряда учёных, идеальную модель, систему целей и задач человека, которая может быть сконструирована во всех сферах жизнедеятельности. Эта модель является отражением смысла жизни индивида и включает в себя выбор способов достижения поставленных целей и возможные решения задач [3, с. 131].

В качестве главных отличий стратегий жизни от концепции жизненных историй, концепции жизненных планов и сценариев жизни Ю.М. Резник и Е.А. Смирнов выделяют то, что стратегии представляют собой сложный, комбинированный феномен личности, в котором сочетаются «идеальные и реальные, «естественные» и «искусственные», субъективные и объективные, интернальные и экстернальные стороны её деятельности» [6, с. 82 – 83].

Общество, по Э. Гидденсу, к концу XX века вступило в эпоху «поздней современности», характеризующаяся значительной ролью случайностей и риска в жизнедеятельности людей. Как отмечают многие исследователи случайности или судьбе, в рамках открытого человеческого контроля над природными и социальными мирами всё меньше отводится места. Однако полностью исключить их из жизни современного общества невозможно [2, с. 107]. Динамические изменения, происходящих в нашем обществе, нельзя обойти вопрос о влиянии новых условий на постановку целей, мотивацию, принятие решений и

конструирование стратегий. Жизненные стратегии являются практической реализацией установок индивида и формируют жизненный путь личности, так как происходит взаимодействие идеальных конструктов и реального поведения, деятельности.

Исследователи Ельникова Г.А. и Алиев Ш.И. [3, с. 204 – 211] выделяют три блока в структуре жизненных стратегий: блок самоопределения, ценностно-мотивационный и смыслообразующий блок. Первый блок, позволяет ответить молодому человеку на вопросы и получить представление о самом себе. Происходит процесс самоидентификации, выделение себя из окружающего мира.

Во второй блок включены такие компоненты, как ценностные ориентации, потребности, мотивации и жизненные нормы. Ценности, по мнению различных авторов, имеют значение не только регуляторов поведения и деятельности индивида, но также отражают личные жизненные приоритеты индивида и их соотносённость с общепринятыми нормами и культурными образцами. И это находит выражение в различных аспектах жизнедеятельности человека [3; 5; 6]. Для каждой из систем ценности будут выполнять свою функцию, выступая в случае ориентирования в качестве ценностей-приоритетов, в системе мотивации – ценности-предпочтения, в системе поведенческой готовности – ценности-средства.

В третий блок включаются жизненный выбор, цели, задачи, способы их достижения. Как отмечает Наумова Н.Ф., наличие целей является непременным атрибутом, свойством, человека и они представляют собой упорядоченную структуру целей, обладающие свойствами дискретности, сравнимости и рядом других. Это позволяет характеризовать человеческую деятельность как целенаправленную. Важной чертой такого рода является осознанность цели, выбор из ряда целей наиболее предпочтительных и выстраивание определённой иерархии, отражающей оценку субъективной полезности и желательности, устойчивости порядка предпочтений. Выбор средств, позволяющих достичь поставленной цели, должен быть подчинён этим целям. При этом характер средств определяется «условиями, обстоятельствами, возможностями» [5, с. 27 – 28]. В соответствии с доступной информацией осуществляется «расчёт результатов, последствий, эффективности поведения».

Согласно опросу молодых людей, в 2014 году (в рамках исследования «Жизненные стратегии молодёжи в современной России»), несмотря на окружающие их изменения, молодёжь планирует своё будущее, ставит цели и выбирает адекватные, по её мнению, средства их достижения. Уверенность в достижимости своих целей (94% респондентов) они связывают как с оценкой своих личных возможностей, так и с общей ситуацией в стране. Россия рассматривается как страна, где возможно реализовать свои способности (52% ответивших). В случае возможных затруднений (например, безработица) молодые люди (57%) будут добиваться поставленных целей, а 20% постараются приспособиться к создавшей ситуации.

Принятие решения относительно будущего молодые люди стараются делать самостоятельно (17,5%), но чаще всего прислушиваются к мнению родителей (39%), других родственников или знакомых (11,3%). Но есть

определённое противоречие в том, что при реализации жизненных планов, с одной стороны, респондентам хотелось бы проявить самостоятельность (рассчитывают только на собственные силы 38,3%), но, с другой стороны, 64% рассчитывают на некоторую помощь со стороны родителей.

Основными ресурсами в достижении поставленных целей выступают трудолюбие и добросовестность (16,5%), образование (12,9%), предприимчивость (12,7%) и определённая доля везения (11,3%). Образование, как и в дореформенный период, продолжает оставаться важнейшей ценностью (60,4%). В качестве достаточного средства для достижения поставленных целей является высшее образование (68,8%) и, в соответствии с тенденциями последних лет, развитие непрерывного образования, многие хотели бы продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре (23,6%).

Современное российское общество можно рассматривать как развивающуюся систему, в условиях усиления неопределённости социальной ситуации в которой живёт и действует человек, что подтверждается событиями последних нескольких лет. При этом основными факторами, оказывающими воздействие на поведение, установки и стратегии индивида являются его социальный и индивидуальный жизненный ресурс, начальный социально-экономический статус и его изменение в дальнейшем, те социальные, экономические, политические трансформации, которых происходят как в российском обществе, так и в мире в целом.

Кризисы в экономике различных стран, техногенные и природные катастрофы, принимаемые в ряде случаев противоречивые или бессистемные решения на разных уровнях власти и ряд других факторов, в том числе и невозможность предугадать будущее делают затруднительным принятие оптимальных решений человеком. Несмотря на это, молодые люди демонстрируют умение адаптироваться к такого рода изменчивым условиям среды и осуществляют планирование своего будущего, выбирая при этом активную жизненную позицию и, в соответствии с ней, «достижительную» жизненную стратегию.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011;
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis – 1994. Вып. 5;
3. Ельникова Г.А., Алиев Ш.И. Жизненные стратегии молодёжи: теоретический и методологический анализ. – Белгород: Кооперативное образование, 2008;
4. Луман Н. Понятие риска // Thesis – 1994. Вып. 5;
5. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М.: Наука, 1988;
6. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). – М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002.

ПРИЧИНЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БИОЭТИКИ

Никулина Марина Алексеевна

кандидат философских наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

REASONS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF BIOETHICS

Nikulina Marina Alekseevna, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные причины генезиса биоэтики. Автор демонстрирует, что бурное развитие наукоемких технологий во второй половине XX века стало лишь импульсом для поиска путей и способов решения, давно назревших комплексных этических-аксиологических проблем, инициированных антропологическим кризисом и связанных с разрушением экзистенциальных оснований человека, его духовной и физической целостности, его базовых жизненных ценностей.

ABSTRACT

In article the main reasons for genesis of bioethics are analyzed. The author shows that rapid development of high technologies in the second half of the XX century became only an impulse for search of ways and methods of solving urgent complex ethic and axiological problems initiated by anthropological crisis and connected with destruction of existential bases of the person, his spiritual and physical integrity, his basic vital values.

Ключевые слова: биоэтика, биотехнологии, генезис, социокультурные основания, антропологический кризис.
Keywords: bioethics, biotechnologies, genesis, sociocultural bases, anthropological crisis.

При определении причин зарождения биоэтики первым и основным, а иногда и единственным, считается научно-технический прорыв в медицине, появление новых биотехнологий. Это только одно из оснований и, по нашему мнению, не самое главное.

Социология и социологи, на наш взгляд, гораздо точнее и конкретнее определяют причины появления биоэтики как науки, как практической деятельности и как социального института, утверждая, что основаниями этого всего стали предшествующие социокультурные трансформации общества. Биотехнологические процессы обуславливают формирование качественно нового типа взаимоотношений общества и природы, где ценностным ориентиром должна стать идея «благоговения перед жизнью», единение человека и природы.

Биотехнологии социальны по своему характеру, они реализуются в обществе, детерминированы общественными потребностями, интересами, осуществляются социальными субъектами. На развитие биотехнологий оказывают влияние различные социальные факторы, среди которых потребности людей, система социальных отношений. Поэтому биотехнологии имеют ярко выраженный гуманистический аспект, связанный с определением границ биотехнологической деятельности.

Социальную сущность биотехнологий позволяет понять их аксиологическое содержание, которое проявляется в ценностном осознании биотехнологии как особой социальной формы деятельности. Преобразование социальной действительности с помощью биотехнологий, вторжение в эволюцию жизни может создать угрозу существованию человека. Поэтому в самой деятельности появляются элементы должного, несущие ценностно-ориентированную нагрузку, которые должны если не предупредить полностью, то свести к минимуму неизбежные и серьезные отрицательные последствия бурного биологического прогресса.

Абсолютно очевидна рискованность в части социальных аспектов развития биотехнологий - безопасности, проблем биоэтики, моральной ответственности ученых в современном мире. Актуальными становятся главные проблемы биотехнологий в медицине, связанные с вопросами биоэтики и биобезопасности, разрешение которых должно обеспечить безопасность всего биотехнологического прогресса [4].

В ситуации стремительных научно-технологических преобразований в медицине и связанных с этим социальных метаморфоз, очень важно рассматривать происходящее становление биоэтики в контексте трансформации социокультурных факторов, т.е. необходимо своевременно оценивать не только само воздействие изменяющейся социальной действительности на человека, но и предвидеть вероятный спектр реакций - социальных действий и их последствий. Следует отметить, что в биоэтике для

этого уже накопился существенный потенциал, а изменения современной социальной парадигмы определяют векторы ее развития. В этих условиях совершенно очевидно закономерное сближение социологического и биоэтического дискурсов. Определяется оно тем, что возникла объективная необходимость социологического осмысления биоэтики и на теоретическом, и на методологическом, и на эмпирическом уровнях. И диалог этих отраслей знания уже начат.

Так что же все-таки обусловило рождение биоэтики? Что кроме биотехнологий инициирует «тревогу и критическую озабоченность перед лицом научного и общественного прогресса», «страх человечества... перед наукой и техникой», «новую экзистенциальную угрозу для жизни, чести и достоинства человека», угрожает «разрушением социальных и культурных ценностей, касающихся родственных связей, преемственности поколений»? Вот несколько соображений по данному поводу.

1. В середине XX века в условиях культурного и духовного кризиса нарастают антициентистские тенденции. Это сопровождается укороением сомнений в безграничных возможностях науки, которая «поступив на службу» техногенной цивилизации не в состоянии защитить самого человека от своих же успехов. Вера в торжество человеческого разума так же потеряна. Научная рациональность превращается в индустрию по удовлетворению потребностей. Производство ядерного оружия, глобальные экологические проблемы, достижения геномной инженерии говорят о том, что современная наука в своих притязаниях на раскрытие тайн природы и особенно человеческой природы, приблизилась к критическому порогу, переступив который человечество ставит под сомнение дальнейшее свое существование.

К середине XX века наука теряет авторитетное право различения истинного и ложного, которое в свое время было ею получено в результате идеологически поставленной власти научной (естественнонаучной) рациональности [5, с. 10]. В ситуации децентрации ценностного мира [10, с. 30], выражающейся в утрате наукой своего непоколебимого авторитета и возникает биоэтика.

2. В XX веке стремительными темпами развивались и процессы глобализации. Американский социолог Р. Робертсон, оказавший большое влияние в распространении термина «глобализация» в научном лексиконе, определил его как «процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах» [8, с. 216].

Основной идеей глобализации становится мысль о том, что многие проблемы, в том числе и биоэтические, невозможно верно изучить, оценить и решить на уровне

одного государства. Формулируя их с точки зрения глобальных процессов, мы неминуемо выходим на необходимость их мирового осознания, анализа и разрешения. Одним из первых знаковых примеров мирового сотрудничества в сфере правового регулирования международных отношений, где впервые прозвучало развернутое обсуждение проблем биоэтики, связанное с «делом врачей» и проведением медико-биологических экспериментов над человеком немецкими врачами вопреки данной им клятве Гиппократу в годы Второй мировой войны, стал Нюрнбергский процесс. Принятый на нем «Нюрнбергский кодекс» называют первым биоэтическим документом, сформулировавшим биоэтические принципы и правила, не смотря на то, что биоэтика как наука оформилась гораздо позже.

Однако нельзя не отметить и негативные последствия процессов глобализации, которые прямо или опосредованно влияют на развитие биоэтики как науки и формирование биоэтических институтов. Процессы интеграции, глобализации в реальной жизни вместо равноправного диалога между культурами иницируют, например, навязывание западных ценностей традиционным культурам, что находит свое подтверждение в насильственной вестернизации культуры либо вообще навязывание ценностей одной культуры всему миру, американизация культуры становится раздражителем во многих регионах земного шара [15, с. 16]. Все это ведет к конфликту ценностей и проблематизирует однозначное определение того, на какие культурные нормы и ценности, на какие образцы поведения и другие культурные характеристики следует опираться конкретному человеку в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

3. Стремительное развитие новых информационных технологий влечет усреднение массовой культуры. Э. Тоффлер по этому поводу замечает, что «централизованно разработанные образы, впрыснутые в массовое сознание средствами массовой информации, способствовали стандартизации нужного для индустриальной системы поведения» [12, с. 264-265]. Новые информационные технологии включили процесс «культурной гомонизации», когда аналогичные пристрастия и образцы «культурного потребления» получают популяризацию во всех слоях населения, от привилегированных до малообеспеченных [3, с. 409].

Современная информационная среда манипулирует любознательностью человека, особенностями его психики, а научные прогнозы и предположения сочетаются в ней с разнообразными утопиями и вненаучными спекуляциями. Однако успехи в области биотехнологий впервые заставляют задуматься о будущем человеческой жизни на Земле. Реальные возможности в буквальном смысле конструировать самих себя заставляют иначе смотреть на проблему методов и средств, целей и намерений биомедицинской науки. В этом и состоит третья основа генезиса биоэтики – процесс включения биоэтики в информационное пространство осуществляется в лабиринте биоэтических дилемм, а информационная среда является важным инструментом манипулирования массовым сознанием [6, с. 141].

Таким образом, происходящий процесс разрушения традиционных норм и ценностей, гарантирующих человеку стабильность существования, характеризуется вместе с тем целенаправленным навязыванием стандартизированных, искусственно сконструированных ценностей, что делает проблематичной свободу самовыражения человека.

4. Социокультурным основанием зарождения медицинской, биомедицинской этики, а значит и биоэтики, принято считать также социальные движения того времени: молодежные революции студентов в Европе, движение «новых левых», хиппи и др. [7, с. 38], движение черных за гражданские права в США, феминистские, экологические и сильное антивоенное движение [13].

Антипсихиатрические движения, обращенные против власти медицины над человеком, против ее социально-принудительного характера, полемика по поводу этических аспектов искусственного аборта и легализации абортов, феминистские движения на фоне влияния новых технологий определили социальный контекст и причины появления биоэтики.

5. Кризис в философской этике в середине XX века – следующая предпосылка формирования биоэтики как самостоятельной отрасли знания. Произошел разрыв между этическими учениями и человеческой практикой, когда теоретические понятия морали становились все более абстрактными, а значит и трудно применимыми к реальным ситуациям [1, с. 10-11]. Нарушенной оказалась системность и целостность самой этики. П.Д. Тищенко говорит, что ««этик» в современном мире слишком много» [11, с. 103]. Т.Х. Энгельгард данный процесс называет революцией в этике 1960-х, которая в свою очередь, и «породила биоэтику 70-х» [16, с. 13]. Все это привело к рождению прикладной этики, которая представляет собой качественно новый этап развития философской этики, «предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер» [2]. Именно такие проблемы изначально и инициировали биоэтический предмет.

6. На рубеже XIX – XX веков общество вступило в совершенно новый период развития, когда классическая модель культуры, традиционные ценности (Бог, душа, мораль, творчество, духовный аристократизм, индивидуализм) уходят в прошлое. Меняются политические реалии, экономическая ситуация, уровень развития техники, духовный климат. Проблема же заключается в том, что моральные и духовные установки человека не могут меняться с той же скоростью, что и уровень техники, и в XX веке впервые создается уникальная и трагическая ситуация, когда технический прогресс опережает скорость его гуманитарного осмысления. Еще А.Тойнби выдвинул идею об отрицательной зависимости между технологическим и социально-духовным ростом. Человек в этой ситуации ощущает состояние кризиса. Термин «антропологический кризис» крайне популярен сегодня в гуманитарных дисциплинах. Современная ситуация европейской (и мировой) культуры заставляет вкладывать в понятие «антропологический кризис» новый, более драматический смысл. Речь идет о кризисе человека как биологического вида [9], что становится предметом биоэтики.

Бурное развитие наукоемких технологий во второй половине XX века стало лишь импульсом для поиска путей и способов разрешения, давно назревших комплексных этико-аксиологических проблем, инициированных антропологическим кризисом и связанных с разрушением экзистенциальных оснований человека, его духовной и физической целостности, его базовых жизненных ценностей.

7. Изменение врачебных практик повлекло и изменение роли, места, функций медицины в обществе, а в конечном результате сформировался ее переход в новое состояние, что можно считать еще одним основанием появления биоэтики. М. Фуко в книге «Рождение клиники» демонстрирует, как медицина, обретая форму клинического опыта, в начале XIX века «по полному праву заняла статус

философии человека» [14, с. 295]. Возникает новый социальный институт – здравоохранение, обеспечивающий контроль над самими врачами, ограждая народ от шарлатанов и знахарей, а внутри него создаются особые структуры, призванные гарантировать квалификацию врача, причем основным критерием выступает клинический опыт. Новой функцией здравоохранения становится поддержание здоровья нации, а также формирование у людей «медицинского бдительного» сознания [14, с. 63]. Эти черты медицины-здравоохранения определяют процессы социализации медицины и медиализации общества, которые беспрецедентно усиливаются биотехнологическим прогрессом.

Итак, анализ показал, что выделенные выше социокультурные основания генезиса биоэтики в совокупности проблематизировали неопределенность сущности человека и неустойчивость его природы, что проявилось в появлении биоэтики, предназначение которой с самого начала было направлено на обеспечение прав, свобод и защиту достоинств человека.

Таким образом, к концу 60-х годов XX века вопросы «что такое человек?», «в чем сущность человека?» перестали быть предметом интереса исключительно философии. Адекватные ответы потребовались общественной практике и конкретным людям в связи с тем, что появилась необходимость защиты отдельного человека и его целостности. В то же время в современном обществе сложилась парадоксальная ситуация: медицина, изначально возникшая с целью лечения и спасения человека, в процессе своей социализации стала все чаще выполнять репрессивные функции, что наглядно показал Нюрнбергский процесс.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: ИФ РАН, 1995. 348 с.
2. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике. [Электронный ресурс] URL: <http://www.guseinov.ru/publ/Razmyshl.html> (дата обращения: 17.03.2014).
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Учебник для студентов высших учебных заведений. Издание третье, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
4. Никулина М.А. Биотехнологии в медицине и современный социум: биоэтический аспект // Инженерный вестник Дона. 2012. Т. 19. № 1. С. 249-257. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2012/667> (дата обращения 06.03.2012).
5. Беляев В.А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.
6. Никулина М.А. Социоанализ методологических стратегий современной биоэтики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36). С. 138-141. [Электронный ресурс] URL: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/35.html (дата обращения 07.10.2013).
7. Поттер Ван Р. Биоэтика: мост в будущее / Под ред. С.В. Вековшиной, В.Л. Кулиниченко; пер. с англ. Т.Г. Будковской, С.В. Вековшиной. Киев: Издатель Карпенко, 2002. 216 с.
8. Робертсон Р. Дискурсы глобализации: предварительные размышления / Р. Робертсон // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 215-218.
9. Сулова Р.А. Культура и антропологический кризис: современное понимание // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2011. №3. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-3-2011/11056-kultura-i-antropologicheskij-krizis-sovremennoe-ponimanie.html (дата обращения: 17.03.2014).
10. Тищенко П.Д. Биоэтика как теоретическое основание образования членов этических комитетов // Национальные и локальные комитеты по биоэтике: опыт Центральной и Восточной Европы. Материалы международных научных конференций по биоэтике / Под ред. Т.В. Мишаткиной, Я.С. Яскевич, Г.В. Годовальникова, Д.С. Денисова. Минск: Проспектплюс, 2006. 180 с. С. 28-33.
11. Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. 230 с. С. 102-128.
12. Тоффлер Э. Третья волна /Пер. с англ.; Вступ. ст. П. Гуревича. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. 784 с.
13. Фоушин Н. Зачем нужна медицинская этика? [Электронный ресурс] URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/fotion_2.html (дата обращения: 17.03.2014).
14. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
15. Хренов Н.А. Глобализация в истории становления идеологии модерна // Культура на рубеже XX-XXI веков: глобализационные процессы. М.: ГИИ, 2005. 492 с. С. 16-67.
16. Engelhardt T.H. Jr. Global Bioethics: An Introduction to The Collapse of Consensus // Global Bioethics: The Collapse of Consensus / Edited by H. Tristram Engelhardt, Houston: Jr. Rice University, 2006. pp. 1-17.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ СПЕЦИАЛИСТОВ-КИНОЛОГОВ

Попцова Ольга Сергеевна

кандидат сельскохозяйственных наук, старший преподаватель кафедры зоотехнии, Пермский институт ФСИН России, г. Пермь

Нефедова Мария Владимировна

курсант 4 курса учебно-строевых подразделений, Пермский институт ФСИН России, г. Пермь

АННОТАЦИЯ

Статья рассказывает о положительном влиянии занятий со служебными собаками на психоэмоциональное состояние обучающихся по специализации «Кинология». Авторы предполагают, что наличие у собак таких качеств, как обучаемость, контактность и привязанность к человеку способствуют установлению более тесного контакта между дрессировщиком и собакой, стабилизации психоэмоционального состояния у обучающихся и повышению качества обучения.

В статье приведены результаты исследований психоэмоционального состояния обучающихся по специализации «Кинология» и сотрудников кинологической службы.

SUMMARY

The article talks about the need for tribal selection of service dogs on indicators such as learning, engaging and affection for the man. The authors suggest that the presence of these qualities in animals promote closer contact between the handler and the dog, which leads to stabilization of the emotional state of the students and improve the quality of education.

In article results of research on the emotional state of students majoring in «cynology» and employees of a service dog.

Ключевые слова: служебные собаки; эмоциональное состояние; обучение; тревожность; агрессия; уравновешенность; возбуждение.

Key words: working dog; emotional state; learning; anxiety; aggression; balance; initiation.

Эффективность деятельности специалистов кинологической службы во многом зависит от способности собаки усваивать определенный курс общей и специальной дрессировки и выполнять требования дрессировщика. Задача специалистов состоит в том, чтоб в минимальные сроки обучить собаку комплексу необходимых навыков, что возможно при наличии у собаки высокой врожденной способности к обучению [4, с.25]. В таком случае для разведения собак, предназначенных для использования в кинологической службе, следует отбирать животных, имеющих хорошо выраженную мотивацию к обучению, стремление выполнять приказы человека, способность подстраиваться под его эмоциональное состояние.

Опыт практической деятельности показывает, что связь между психологическим настроем кинолога и состоянием собаки оказывает решающее значение на выполнение стоящих перед ними задач. У кинологов, которые умели ставить реально выполнимые задачи, и обладали умеренно выраженными личной и ситуативной тревожностью, собаки в большинстве случаев обучались и работали эффективнее, чем у тех, кто в течение срока подготовки собаки отличался изменениями в самооценке. Определенно можно говорить о наличии связи между человеком и обучаемым животным, которая возникает в тех случаях, когда отношения между сторонами наиболее оптимальны. Не вызывает никаких сомнений, что влияние такой связи сказывается и на состоянии дрессировщика, доказано, что собаки оказывают благотворное воздействие на психологию и здоровье человека [2, с. 160; 5].

В условиях учреждений ФСИН агрессивная внешняя среда является неотъемлемой частью несения службы. Именно этот факт послужил основой для проведения исследований среди сотрудников-кинологов и курсантов, обучающихся по направлению подготовки «Зоотехния» специализация «Кинология».

Цель исследования. Настоящая работа выполнена с целью изучения психоэмоционального состояния, возникающего у обучающихся в процессе обучения, а также установления влияния животных (служебных собак) на эмоциональную устойчивость обучающихся и мотивацию на повышение работоспособности и эффективности учебной деятельности. Тестирование обучающихся на курсах повышения квалификации проводилось с целью установления зависимости психоэмоционального состояния от опыта и уровня квалификации сотрудников.

Материалом к написанию данной работы послужили исследования, проведенные на кафедре зоотехнии Пермского института ФСИН России, всего было исследовано 56 человек с I по IV курс и 9 сотрудников, обучающихся на курсах повышения квалификации. Возрастные категории исследуемых находились в пределах 17-48 лет.

Эксперименты проводились в учебных аудиториях, в спокойной обстановке. У курсантов III курса тестирование проводилось дважды в спокойной обстановке до занятия по дрессировке собака и сразу после занятия. В тестах оценивалось эмоциональное состояние обучающихся по следующим показателям: «спокойствие-тревожность», «энергичность-усталость», «приподнятость-подавленность», «уверенность в себе-беспомощность», что позволяет выявить самооценку в отдельности по каждому показателю.

Результаты исследования.

В процессе исследований были выявлены некоторые особенности психоэмоционального состояния, обусловленные процессом обучения у курсантов-кинологов и служебной деятельностью у сотрудников кинологической службы, обучающихся на курсах повышения квалификации.

Основные результаты исследований представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика степени устойчивости эмоционального состояния курсантов и сотрудников

	Неустойчивое, Тревожное состояние	Устойчивое тревожное состояние, скрытая агрессия	Стабильное, уравновешенное состояние	Приподнятое, Возбужденное состояние
I курс(14 учебная группа)	47,4%	26,3%	21%	5,3%
II курс (25 учебная группа)	54,5%	18,2%	18,2%	9,1%
III курс (35 учебная группа)	50%	37,5%	12,5%	-
IV курс (45 учебная группа)	27,8%	27,8%	33,3%	11,1%
Курсы повышения квалификации	11,1%	11,1%	55,6%	22,2%

Результаты таблицы указывают, что наблюдается стабильная динамика снижения уровня скрытой тревожности у курсантов с I по IV курс, достигая минимального значения у наиболее подготовленных сотрудников курсов повышения квалификации.

Наибольший уровень скрытой тревожности (54,5%) выявлен у курсантов второго года обучения, что возможно связано с особенностями морально-психологического климата в данной учебной группе. Общий уровень тревожности при тестировании в спокойной обстановке был выше других у курсантов III курса, которые занимаются дрессировкой служебных собак. У них также установлено отсутствие приподнятого, возбужденного состояния. Самый низкий уровень тревожности выявлен у курсантов IV курса (27,8%), у них же отмечен самый высокий показатель уровня уравновешенности среди групп курсантов

(33,3%), а также наивысший уровень приподнятого эмоционального состояния (11,1%).

Сотрудники курсов повышения квалификации демонстрируют наиболее стабильные показатели, у них отмечен наибольший процент стабильного и приподнятого состояния, соответственно 55,6% и 22,2%.

Таким образом, предположим, что длительная профессиональная деятельность, включая профессиональную среду, воздействует на функциональное состояние специалиста-кинолога, который способен регулировать собственное состояние и эмоции в зависимости от ситуации и своих возможностей.

Анализ возрастной устойчивости психоэмоционального состояния обучающихся указывает, что пик тревожности приходится на возраст 19-20 лет и резко уменьшается с увеличением возраста, достигая минимума к возрастной категории 25-48 лет (рис.1).

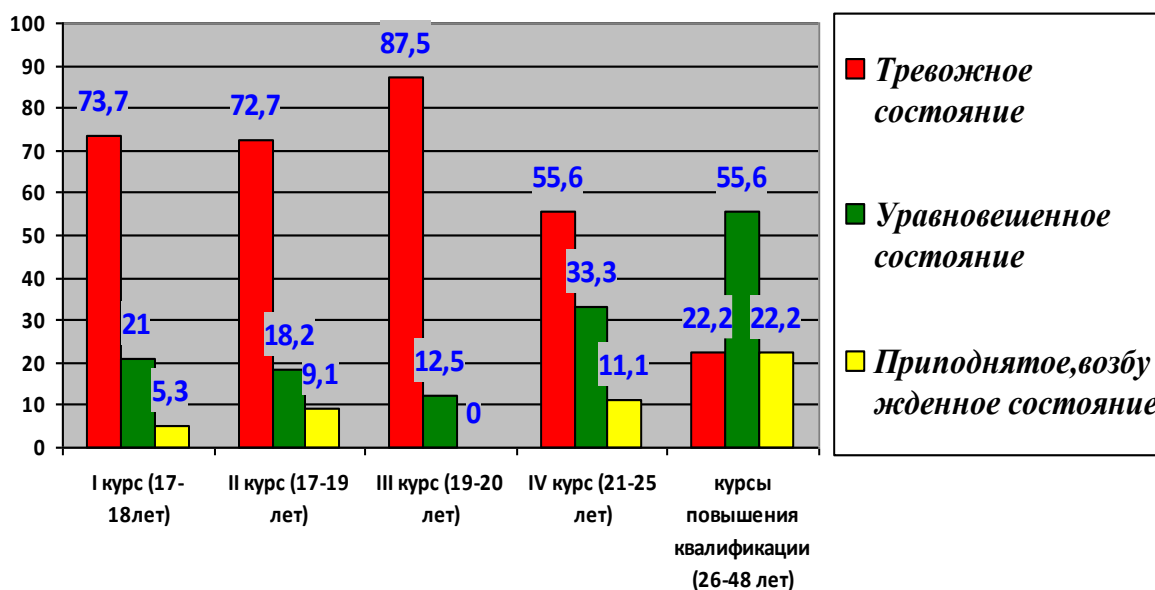

Рис.1. Динамика эмоционального состояния курсантов и сотрудников в зависимости от возрастной категории

Особое внимание обращалось на эмоциональное состояние курсантов III курса, которые проходят практическое обучение со служебными собаками. Анализ диаграммы показывает, что у курсантов III курса отмечалось повышение степени уравновешенности после занятий по

дрессировке служебных собак по сравнению со спокойной обстановкой на 14,1% (рис.2). У них также отмечено наличие приподнятого, возбужденного состояния после общения с собакой, увеличение уверенности в собственных силах (рис.2).

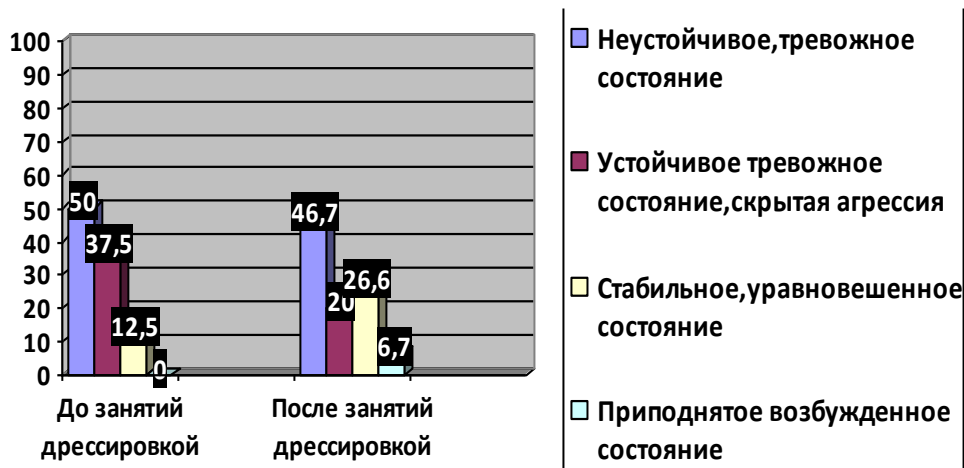

Рис.2. Динамика эмоционального состояния курсантов III курса до занятий дрессировкой и после

Степень эмоциональной уравновешенности, уверенности в себе, приподнятого состояния после занятия дрессировкой и тренировкой служебных собак выросла на 20,8%, а показатель устойчивого тревожного состояния и чувство агрессии уменьшились на 17,5%.

Таким образом, исследованиями установлено, что наивысшая индивидуальная устойчивость психоэмоционального состояния наблюдается у курсантов после занятий со служебными собаками. На основании этого можно предположить, что эмоциональное состояние обучающегося зависит от прочности контакта в паре человек-собака. Чем прочнее связь между ними, тем выше показатели спокойствия, стремления к деятельности, энергичности. Устойчивость психоэмоционального состояния имеет тенденцию к повышению, связанную с возрастом обучаемых и сроком обучения.

Данные показатели в целом согласуются с исследованиями, проведенными среди курсантов Пермского военного института ВВ МВД России, которые также показали, что у курсантов с I по III курс отмечается положительная динамика в сторону снижения нервного напряжения, что может быть следствием развития адаптивных способностей к действию стрессоров у курсантов с возрастом и стажем обучения [1, с.122; 4, с.25].

Рассматривая биологический комплекс «дрессировщик — собака», следует исходить из того, что взаимодействие и взаимосвязь этих самостоятельных биологических систем обуславливается не только внутренним состоянием каждой системы, но и социально-биологическими

отношениями между ними, складывающимися в условиях конкретной среды обитания [2, с.17].

При подборе пар кинолог-собака необходимо учитывать соответствие типов нервной деятельности животного и человека, а также способность собаки к обучаемости, желание работать с человеком. Следовательно, при разведении собак служебных пород необходимо уделять должное внимание отбору собак по способности к дрессировке, привязанности и контактности к человеку.

Литература

1. Бочкарев С. В., Бочкарева Е. В. Влияние стресса на показатели гемодинамики у курсантов // Кинологический вестник ПВИ ВВ МВД, Пермь. 2006. С.122-128.
2. Калягина Г.В. Сравнительная психология и зоопсихология, СПб: Питер, 2001. 416с.
3. Лыдова Г.М. Негативные психические состояния студентов в ситуациях с неопределенным исходом: Монография. - Елабуга: Изд-во ОАО «Алмедиа», 2006. - 160 с.
4. Шалабот Н.Е., Бочкарева Е.В., Садыкова Ю.Р. Изучение некоторых аспектов физического развития и физической работоспособности курсантов – кинологов // Материалы III Самарской региональной научно-практической конференции ученых и педагогов-практиков. – Самара, 2005. – С. 25 -31.
5. http://zooshef.ru/articles/polozhitelnoe_vlijanie_sobak_na_zdorove_cheloveka. Дата обращения 22.11.2014.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Роянова Ксения Валерьевна

Студентка 3 курса, Северо-Восточный государственный университет, город Магадан

SOCIOLOGICAL STUDY OF MUSICAL CULTURE OF A YOUNG MAN

Royanova Kseniya Valerevna, 3rd year student, Northeastern State University, the city of Magadan

АННОТАЦИЯ

Анализ полученных данных в ходе проведенного глубинного интервью позволил сказать, что музыка способна изменять у личности не только их взгляды на различные вещи, но также влиять на их восприятия реальности окружающего их социального мира, представления, интересы, внешние характеристики, особенности их деятельности и т.д. Данное исследование позволило изучить особенности формирования музыкальной культуры у молодого человека, а также то, каким образом музыкальная культура оказывает влияние на личность индивида, его повседневную жизнь. Мы можем сказать, что музыка не играет роль основного стимула, для какой-либо деятельности у студентов, но при этом она способна дополнять эту деятельность и тем самым вносить разнообразие в повседневность индивида.

ABSTRACT

Analysis of the data obtained in the course of in-depth interviews allowed to say that music can change in personality, not only their views on various things, but also influence their perception of reality surrounding social world, views, interests, external characteristics, especially their activities and so on. d. This study allowed us to study features of formation of musical culture of the young man, as well as the way in which music culture influences the personality of the individual, his daily life. We can say that the music is not playing the role of the main stimulus for any activity in students, but it can complement these activities and thus contribute to the diversity of everyday life of the individual.

Ключевые слова: социология музыки, музыкальные стили, музыка, молодежь, музыкальные интересы; sociology of music, musical styles, music, youth, musical interests.

Современное общество идентифицирует всех индивидов по различным социальным статусам. Индивид имеет как врожденный социальный статус, так и способен

приобретать различные социальные статусы в зависимости от своих потребностей и интересов. Также зачастую социальный статус диктует определенные нормы и правила, которые, так или иначе, оказывают воздействие на

личность. В зависимости от такого влияния формируются наши интересы, мировоззрения, стиль в одежде, манеры, образ жизни и так далее. Музыка в современном обществе способна фигурировать, как род постоянной деятельности или хобби, поэтому она так же способна оказывать влияние на индивида.

Изучением музыкальной культуры занимались различные ученые, в том числе и социологи, к примеру, такие как: Теодор В. Адорно [1, с. 10], затрагивая современность, стоит отметить таких авторов, как: Жижин С.В., Жижина М.В. [2, с.10], Сидоренко И.А. [2, с.10] и многие другие. Эти ученые занимались изучением музыкальной культуры с различных сторон, выясняя причины и степень влияния музыки в обществе, а также, то каким образом это происходит. Такое количество научных работ по музыкальной тематике, свидетельствует о том, что даже в отношении социологии, музыка является актуальной темой для исследования, хотя при этом и не является самой распространенной, как например исследования социального института семьи.

В качестве основного метода исследования мы используем – метод неформализованного глубинного интервью. На наш взгляд неформализованное глубинное интервью, позволит респондентам более свободно выражаться, а также непринужденная обстановка при общении, на наш взгляд, позволит более подробно изучить данный вопрос, а также собрать как можно больше информации. Стоит сказать, что для нашего исследования будет отобрана определенная группа лиц, то есть студенты с 2 по 4 курс очной формы обучения, социально-гуманитарного и физико-математического факультетов.

Для нашего неформализованного интервью, количественный метод по расчетной формуле, который используется, например, при анкетировании, не подходит, поскольку наш метод является качественным. Поэтому, чтобы наше исследование было объективным и подробным, позволяющим рассмотреть интересующую нас тему более разносторонне, мы зададим определенные критерии, для отбора респондентов.

Критерии отбора для респондентов глубинного интервью:

1. Мужчины и женщины в соотношении 50/50.
2. Респонденты должны быть отобраны по принадлежности или нет, к неформальным субкультурам, то есть из женщин должно быть по принципу 50/50 отобраны неформальные представители и нет, и так же с мужчинами.
3. Респонденты не должны быть учащимися одной группы, то есть однокурсниками.
4. От каждого курса (с 2 по 4) должно быть отобрано по 2 респондента, по принципу пункта 2.
5. Респонденты по принципу 50/50, из указанных ранее критериев, должны быть отобраны с разных факультетов (социально-гуманитарный и физико-математический).

Данные критерии для всех респондентов являются одинаковыми, и в процессе отбора респондентов мы должны отобрать ровно 6 респондентов по данному критерию. Первый курс для исследования мы решили не брать, поскольку первокурсники проходят адаптацию в новой социальной группе, и мы не можем полностью быть уверены в сформировавшемся их музыкально-культурном вкусе.

В результате проведенного нами неформализованного глубинного интервью, мы получили различные качественные данные. Их мы решили сформировать в группы, по схожести ответов респондентов.

Из всех ответов опрошенных респондентов наиболее частыми ответами на вопрос «Кто оказал влияние на ваши музыкальные интересы?» были ответы «Друзья», «Родители». Данную информацию можно просмотреть в интервью с респондентами.

Из интервью с респондентом Л: «...какие-то мелодии, которые запоминались в детства, а телевизор, какие-то концерты определенные, друзья которые привозили из отпусков какие-то новые мелодии. Ну и как-то так оно одно за другое цеплялось»; «...в принципе, оказывает только мама. Бабушка моя такую музыку не слушает, хотя тоже стала, последнее время на норвежский рок подсаживаться, что-то там. Но мои интересы распределяет мама...».

Из интервью с респондентом Б: «Друзья, так же в дальнейшем сеть, интернет. Так же друзья».

Из интервью с респондентом А: «...родители в свое время повлияли, когда в детстве папа показал какую музыку хорошо слушать, какая музыка хорошая».

Из интервью с респондентом Е: «...у меня родители, они у меня увлекаются американским роком, Хеви Металл, то есть у меня отец очень сильно любит...и может это как-то повлияло на мое виденье музыки, то есть, как бы может быть, поэтому мне нравится больше рок, чем что-то другое...»; «...подруга дала. Это был очень хороший человек, много чему интересному научила из японского рока. Спасибо ей, что она меня посвятила в этот, жанр такой».

Из интервью с респондентом М: «...по телевизору. Ну и по интернету тоже».

Из интервью с респондентом Л: «...окружение. Сначала с одной компанией общалась, слушала одно. Потом, с другой компанией, слушала другое».

Как видно непосредственно из интервью, респондентов можно разделить несколько групп: влияние на интерес оказали друзья, влияние на интерес оказали семья и друзья, влияние оказало СМИ.

Можно сделать вывод, что семья, а также и друзья имеют возможность формировать музыкальный вкус, а также его регулировать в зависимости от своих принятых правил и норм.

Так же не менее важным фактором, на наш взгляд, является лояльность со стороны респондентов по отношению к тем музыкальным жанрам, к которым они не проявляют интерес. Данный вопрос был сформулирован следующим образом: «Может, есть какие-то музыкальные жанры, к которым вы испытываете симпатию, или может антипатию?». Данный вопрос формулировался в зависимости от того, как проходило интервью, и каким образом респондент отвечал на вопросы.

Из интервью с респондентом Л: «Антипатию я м, как сказать. Испытываю я к репу и к современной попсе. По крайней мере, к русской, если американская она еще имеет какие-то определенные биты, имеет какую-то суть, то наша русская, к сожалению, абсолютно не подлежит, по моему мнению, для прослушивания».

Из интервью с респондентом Б: «Антипатия вызывает, лишь только Спиткор. Симпатию... опять-таки музыка, которая просто понравится. Даже если там плохой вокал, я буду слушать чисто из-за музыки».

Из интервью с респондентом А: «...Я очень не люблю реп, по-моему, это не песня, на мой взгляд, и слишком уж они отрицательные, либо грустные. Как, например, как не знаю.... Мне не нравится, что музыка есть, а слова как бы читаются. Как молитва какая-то. М и песни без слов, как он как популярный сейчас Dub-step все электро, эти направления. Музыка либо нет слов, либо

они извращаются, растягивают, мне вот, это, вот, не нравится».

Из интервью с респондентом Е: «...Антипатию я испытываю креп музыка. Я не считаю ее музыкой, не конечно бывают исключения, не спорю, есть исключения. Очень красиво поют, складно, но вот, как музыку, не воспринимаю. Я не понимаю тех людей, которые слушают реп».

Из интервью с респондентом М: «М..., ну, у меня только к отдельной группе антипатия есть. Ну, допустим рок, Rammstein. Потому что я вообще не люблю эту группу, а так в принципе нормально».

Из интервью с респондентом Н: «...те, которые мне не нравятся, наверное,... Сейчас музыка такая пошла, какие-то пуки, крики, сморкания, я даже не знаю, как это назвать еще. Наверное, поэтому не слушаю. Еще мне нравятся там еще.... Так. У меня есть одноклассница, корейскую попсу слушает, я такое не смогу слушать, мне не нравится язык, например. Языки, которые такие.... Мне вот не нравится, например, французский язык, реп там, например. Я не пойму, как так можно. Еще мне не нравится, я такое в школе слушала, сейчас, наверное, не смогу. Скрим или как его там, когда связки разрываются. Я не знаю, как такое слушать...».

Таким образом, можно сделать вывод, что чаще всего респонденты говорят об антипатии относительно тех музыкальных жанров, которые они не слушают и к которым не проявляют какой-либо интерес. Отметим, что при ответах на данные вопросы интервью особой агрессии респонденты не проявляли. Иначе говоря, по отношению к не интересующим жанрам, респонденты проявляют лояльность, но при этом не считают такие жанры за музыку.

Дальнейшее направление нашего исследования заключалось в том, чтобы найти доминирующие факторы: для чего обычно используется прослушивание музыки, и то при помощи чего, а главное где (места прослушивания музыки). Были получены следующие ответы. На наш взгляд, эти факторы, позволяют составить образ личности в современном обществе.

Можно сделать вывод о том, что независимо от прослушиваемого музыкального жанра, опрошенные респонденты используют музыку в одних и тех же целях и при одних и тех же обстоятельствах. Данные обстоятельства можно вынести, как характерную схожую черту для всех респондентов, вне зависимости от их музыкальных предпочтений.

Музыку как искусство студенты не рассматривают. Это выражалось не только в их сбивчивых ответах, но и во внешних данных: респонденты заметно волновались и подолгу отвечали на вопросы с паузами.

Но все по-своему говорили о том, что музыка — это способ выразить чувства и то звучание, которое создает музыка, их определенно привлекает.

Из интервью с респондентом Л: «...думаю настроение, настроение музыки, ритма».

Из интервью с респондентом Б: «Самовыражение людей. Просто посыл, который пытаются передать через музыку».

Из интервью с респондентом А: «...это не телевиденье, которое можно смотреть только дома, хорошо устроившись. Можно, например, вовремя, когда тебе одиноко и тепло слушать, можно сказать... это тебе собеседник. Ну, когда тебе плохо, ты можешь включить музыку и если это любимые авторы, любимые исполнители, то тебя может успокоить музыка, может придать настроение. Из-за того, что она разнообразна. Музыка без слов, когда та же песня,

но без слов, она помогает сосредоточиться, особенно когда занимаешься чем-то».

Из интервью с респондентом Е: «...мне вот нравится, например, игра на пианино ...мне очень нравится, как звучит пианино. Ну и скрипка. Тоже очень вдохновляющая. Ну хотя я больше склоняюсь к пианино».

Из интервью с респондентом М: «Культура, все, что созданное человеком. Ну и искусство. Настроение человека. Тот же Бетховен, создал свои музыкальные шедевры, исходя из настроения там».

Из интервью с респондентом Н: «...не знаю. Для меня музыка, просто послушать, там для расслабления. Сейчас музыка, уже совсем не искусство. Просто способ заработать деньги и все, поэтому все пишут и пишут. А как искусство, это способ самовыразиться у людей».

Как видно из ответов респондентов, можно сказать, что музыка как вид искусства привлекает их своим звучанием и в качестве способа расслабления. Таким образом, музыка в современном обществе привлекает своим содержанием (тексты песен, мелодии и т.д.).

Так же на наш взгляд важно и то, каким образом музыка оказывает влияние на образ жизни людей, если оно как таковое существует. По внешним данным респондентов, можно сделать вывод о том, что музыка оказала влияние на внешние особенности только у одного респондента, на остальных респондентах внешних отличительных признаков не было. Но для того, чтобы уточнить оказала ли музыка влияние на глубинные особенности личности, мы задавали следующий вопрос: «В целом, если говорить о музыке и вас в настоящем, она оказала какое-нибудь влияние на ваш образ жизни, взгляды?».

Из интервью с респондентом Л: «Да, в свое время музыка мне заменила семью, друзей. Ну, когда было действительно трудно, музыка стала действительно моим счастьем и без нее себя уже не представляю».

Из интервью с респондентом Б: «В целом, да. Музыка помогает думать и размышлять в свободное время. Ну и вообще музыка последнее время, так скажем для меня один из способов концентрации. Я уже в полной тишине работать не могу».

Из интервью с респондентом А: «Сложно сказать, я же слушаю музыку всю свою сознательную жизнь. Поэтому я даже не знаю, оказывает она влияние или нет. Единственное, что помогает найти людей, которые разделяют мои вкусы и может, как-то влиять слегка на стиль одежды. Хотя я не одеваюсь так, как мне хотелось бы».

Из интервью с респондентом Е: «Не, наверное, другой интерес повлиял на мою музыку, а не музыка на интерес. Благодаря какому-то хобби своему, я стал, мне кажется именно так мыслить. То есть вот так вот».

Из интервью с респондентом М: «Думаю, что нет, не оказала никакого влияния».

Из интервью с респондентом Н: «Можно сказать что да, оказала. Слушала там, в школе какой-то рок, ходила там, на концерты и общалась там с людьми. И сейчас, да оказала».

Как видно из ответов, полученных от респондентов, музыка в той или иной степени оказывала влияние на их сферы жизни, в которых они находятся. Но так, же стоит отметить, что для некоторых музыка до такой степени связанная с их жизнью, что они даже не могут ответить на то, оказала ли она какое-либо влияние.

В качестве итога можно сказать, что музыка способна изменять у личности различные не только их взгляды на различные вещи, но так, же влиять на их восприятия реальности и восприятие окружающего их социального мира.

Данное исследование позволило изучить особенности формирования музыкальной культуры у молодого человека, а также то каким образом музыкальная культура оказывает влияние на личность индивида, его повседневную жизнь. Музыка является стимулом основной деятельности, дополнять и в тоже время вносит разнообразие в повседневность. Музыкальная культура молодого человека отличается разнообразием жанров, служит способом для стимуляции основного вида деятельности, а также способствует концентрации внимания и мышления, но при этом музыкальная культура не является основным видом деятельности. Это говорит о том, что у современной молодежи существуют другие приоритеты и ценности

для осуществления своей деятельности, как членов социальных групп, в которые они включены.

Список литературы

1. Адорно Т. Избранное: социология музыки. // Университетская книга. – М.; СПб. – 445с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrentmorkovkin.ucoz.ru/load/0-0-0-29-20>
2. Колчинская В.Ю. Виды музыкальной деятельности // Материалы III Всероссийского социологического конгресса / Секция 16. Социология культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208267483.pdf

СУБКУЛЬТУРА ФАНАТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Стрельникова М.С., Подольская О.Б.

кандидат социол. наук, доцент, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г. Шахты

THE SUBCULTURE OF FANS THROUGH THE PRISM OF THE SOCIAL CONSTRUCTION THEORY

Strelnikova M. S., Podolskaya O. B.

Candidate of Science, associate Professor, of The Institute of services and entrepreneurship (branch), Don State Technical University, Shakhty town

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию субкультуры фанатов. В качестве методологической базы выступает теория социального конструирования, которая, опираясь на понятие «стереотип», качественно демонстрирует социальное поведение фанатов.

ANNOTATION

This article is about the subculture of fans. The basic of methodology is the social construction theory. This theory has use the definition "the stereotype", which qualitatively demonstrates the fans' social behavior.

Ключевые слова: футбольные фанаты, социальное конструирование, стереотип, социальное поведение.

Key words: football fans, social construction, the stereotype, social behavior.

Процессы, происходящие в современном социуме, подвергались тщательному анализу и различного рода исследованиям во все времена. В качестве предметов исследования выступали не только социальные процессы, но и категории населения, выступающие как социальными объектами, так и субъектами. Для реализации этого использовались методологии, популярные или разделяемые научной мыслью в том или ином историческом периоде.

Так история социологии может продемонстрировать некоторые этапы своего становления как науки со свойственными ей парадигмами и специфическими методологическими подходами. К таким подходам можно отнести структурализм, структурно-функциональный анализ и т.д.

В настоящее же время считаем необоснованно неиспользуемым такой подход, как социальное конструирование. Эффективность этого подхода можно продемонстрировать на анализе такой субкультуры, как фанаты.

Все мы – продукты социального мира, и на каждого из нас может быть наложен определенный стереотип, который не всегда несет истинный или позитивный характер. И прежде чем давать оценку произошедшему событию, нужно немного поразмыслить, как стоит воспринимать данное явление. А вдруг наше представление будет решающим звеном в совокупности с представлениями

других людей и в дальнейшем отразится на нас не лучшим образом.

В данной статье речь пойдет о том, как общество накладывает на нас определенные рамки поведения, которые представлены стереотипами. Стереотип – это привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Процесс формирования определенного поведения мы рассмотрим на примере такой категории населения как футбольные фанаты. Проанализируем, почему иногда их поведение может принимать различные формы девиации.

Все дело в стереотипах, которые сложились в обществе в отношении данной категории населения. Именно стереотипы в значительной степени определяют моральные нормы общества, его политические, мировоззренческие и религиозные концепции. Стереотипы тесно связаны с рефлексам. Можно утверждать, что стереотип – разновидность условного рефлекса относящийся к области мышления. Полученные таким образом продукты нашего мышления (стереотипы) перерастают в социальные конструкты, которые представляют собой порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определенным условным правилам. То есть мы сами в

процессе жизнедеятельности корректируем дальнейшее поведение окружающих нас людей.

Если сейчас провести социологический опрос на улице или просто поспрашивать свое ближайшее окружение: «Кто такие футбольные фанаты?», то наверняка мы услышим: «агрессивные группы», «воинственные болельщики», «обезумевшая толпа», «неуправляемые скандаллисты», «дебоширы», «групповые хулиганы». То есть мнение о футбольных фанатах не совсем положительное. Всем нам известна проблема агрессивности футбольных болельщиков, большой уровень преступности на фоне футбольного фанатизма, причем преступления совершают не только взрослые люди, но и несовершеннолетние. О негативной стороне футбольного фанатизма можно говорить очень много. Но наша статья нацелена на понимание того, почему именно так, а не иначе ведут себя футбольные фанаты.

Особенности поведения футбольных фанатов можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, нужно брать во внимание общество в целом, которое естественно оказывает способствующее влияние, по средствам социальных структур. Но с другой стороны, нужно учитывать и внутреннее влияние, которое исходит от особенностей субкультуры фанатов.

Как и у любого общества, у фанатского движения существует своя история, которая складывалась на протяжении долгого периода и формировала отличительные черты, проявляющиеся в поведении фанатов. Но в последнее время русская форма фанатизма перенимает западную окраску. Это наглядно демонстрируют определенные обычаи фанатов западного общества, например, все члены клуба надевают единую форму, которая отличает их от представителей другого клуба фанатов. Или существует обычай фанатского культа, такой как ездить по всем городам, где будет играть любимая команда. Это легкие примеры заимствования.

Представители фанатской группы имеют определенные роли и статусы. У субкультуры фанатов имеется довольно четкая статусная структура. Здесь можно выделить две группы фанатов, которые различаются не только

статусом, но, как следствие, и поведением. Это болельщики (большая часть людей, представленных на стадионе) и собственно фанаты, которые называют себя элитой футбольного фанатизма. Именно от этой элиты и исходит большой поток агрессии, проявляющийся в различных стычках с представителями других клубов. Можно сказать, что это элита является лицом всех футбольных фанатов, и от ее поведения зависит мнение об остальных представителях футбольных фанатов.

В фильме «Около футбола» точно показан пример, как определенные люди, считающие себя фанатами, управляют другими людьми для борьбы против других клубов. И здесь речь идет не об отстаивании интересов футбольной команды, а о личной выгоде данных руководителей. Но важно отметить, что это агрессивное поведение регулируется с помощью определенных норм, соблюдаемых членами фанатских группировок (например, в бою запрещено использование подручных средств, палок, арматуры, ножей; поединок считается выигранным, когда все противники «лежат», либо когда противник бежал).

Все эти тонкости субкультуры фанатов достаточно крепко укрепились в современном обществе. Наказание правонарушителя за такие бои не ведут воспитательной работы. Все потому, что внешняя сторона воздействия (общество) принимает фанатов такими, какие они есть, с их девиациями и относительными нормами. Отсюда и сложившееся мнение окружающих о поведении фанатов, которое не изменится, так как воспринимается агрессивное поведение фанатов, как неизбежный факт.

Анализ поведения фанатов и принятия их поведения обществом, показывает нам, как последнее ведет двойную игру: оно, с одной стороны принимает относительные «нормы» поведения фанатов, с другой возлагает на них ответственность за правонарушения. А мнение общества, как мы сказали вначале, формируется из наших представлений. Поэтому давайте задумываться, прежде чем поддаться сложившемуся стереотипу.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Тугушева Аделя Минхатовна

Соискатель кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, г.Волгоград

SOCIALLY-PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF MUNICIPAL SERVANTS: EXPERIENCE OF EMPIRIC RESEARCH IN REPUBLIC OF TATARSTAN

Tugusheva Adelya, Competitor of department of sociology, of Volgograd State University, Volgograd

АННОТАЦИЯ

Приводятся результаты анализа социально-профессиональных ориентаций муниципальных служащих, работающих в Республике Татарстан. В статье представлено авторское определение термина «социально-профессиональные ориентации». В фокусе интересов исследования оказываются вопросы: чем руководствуются, на что ориентированы муниципальные служащие в своей профессиональной деятельности, что можно сказать о процессах динамики региональной элиты в связи со складывающимися профессиональными ориентациями группы муниципальных служащих. В ходе проведенного в 2011 году в Республике Татарстан социологического исследования автор получил формулу основополагающих ценностей муниципальных служащих, работающих в Республике Татарстан: интересная, творческая работа - как главная цель и как следствие материальное благосостояние; авторитет, уважение окружающих - как духовно-моральная ценность. Данные исследования фиксируют факторы этнической идентичности и общинной мотивации как наиболее значимые в развитии местных социально-территориальных сообществ.

ABSTRACT

Results over of analysis of socially-professional orientations of municipal servants working in Republic of Tatarstan are brought. In the article an author offers the determination of the term "socially-professional orientations". In focus of research interests appear such questions as what is followed by, to what municipal servants are oriented in the professional activity, how mentality of region influences on these orientations, about the processes of dynamics of regional elite in connection with the accordion professional orientations of group of municipal servants. During conducted in 2011 in Republic of Tatarstan sociological research an author got the formula of fundamental values of municipal servants working in Republic of Tatarstan: interesting, creative work - as a primary objective and as a result material welfare; authority, respect of wider public - as a spiritually-moral value. The results of researches fix the factors of ethnic identity and communal motivation as most meaningful in development of local socially-territorial associations.

Ключевые слова: социально-профессиональные ориентации; муниципальные служащие; ценностные ориентации; мотивационные факторы; культурные нормы; профессиональные качества.

Keywords: socially-professional orientations; municipal servants; valued orientations; motivational factors; cultural norms; professional qualities.

Социальное явление, относящееся к преобразованиям в российском обществе конца XX в., названное учеными и политиками «перестройкой», в значительной степени переопределило глобальные процессы в мире, изменило сферу частной жизни миллионов людей, вызвало к действию целый ряд социокультурных интенций. Одна из новаций произошедших реформ, отражающая политическое настроение, но вместе с тем, характеризующая сдвиги в сфере занятости – появление в социально-профессиональной структуре российского общества профессии «муниципальный служащий».

В этом процессе для социолога представляет интерес не только новая грань социальной дифференциации, позволяющая различать профессиональную группу муниципальных служащих, но также и динамика властных групп в определенном региональном сообществе, поскольку работники муниципалитета обладают властными ресурсами и способны влиять на политику. Важность региональных особенностей развития группы работников муниципалитета в контексте социокультурных характеристик Республики Татарстан обусловлена тем, что менталитет жителей Татарстана определяется влиянием традиций мусульманства, задающих (зачастую латентно) ориентиры на власть старейшин, высокую групповую сплоченность и социальную ответственность. Поэтому динамика местного самоуправления в виде муниципалитетов и процессы элитообразования в данном регионе имеют свои особенности, отличные от особенностей самоуправления, например, в центральных районах России.

Имеющийся в исследованиях социальной структуры опыт оценки состояния социально-профессиональных групп основан на учете следующих статистических показателей: численности, социально-демографического состава, общего и профессионального образования, что в современных условиях недостаточно для понимания специфики самоуправления в регионах. Важен учет не только объективной, но и субъективной оценки профессиональной группы, а именно – социальных ориентаций представителей данной профессии. Учитывая тот факт, что муниципальные служащие сравнительно молодая социально-профессиональная группа, в этих условиях на первый план органично выступает социальная составляющая профессии: как люди понимают ситуацию, так они и действуют. Поэтому в фокусе интересов исследования правомерно оказываются вопросы: чем руководствуются, на что ориентированы муниципальные служащие в своей профессиональной деятельности, как влияет менталитет региона

на данные ориентиры, что можно сказать о процессах динамики региональной элиты в связи со складывающимися профессиональными ориентациями группы муниципальных служащих.

В развитии сообщества муниципальных служащих велика роль социальных и культурных факторов, определяющих их профессиональную деятельность, идентичность и имидж. Социокультурный аспект не получил пока должного признания и применения в регулировании развития данной профессии. Между тем, судя по мировому опыту и программным установкам представителей российской элиты, в муниципальной службе России предполагается культуральный сдвиг, связанный с модернизацией России в новых геополитических условиях. Плодотворные исследования социально-профессиональных ориентаций муниципальных служащих Республики Татарстан диагностируют ситуацию в мировоззрении и целеполагании важнейшей группы, включенной в региональные процессы элитообразования.

Обращение к теме социально-профессиональных ориентаций муниципальных служащих Республики Татарстан обладает эвристичностью не только для диагностики текущих профессионально-структурных изменений, но также для понимания процессов элитообразования в регионе. Полученные эмпирические данные о социальных притязаниях представителей муниципальной власти, о ценностных ориентациях, о факторах аномии в данной социальной группе позволяют анализировать динамику в сообществе региональной элиты, прежде всего, политической.

Под социально-профессиональной ориентацией автор понимает направленность муниципального служащего на работу с различными группами людей, используемого при этом принятые культурные нормы и ценности, в комплексе которых «социальное» (влияние профессии) может вступать в противоречие с «культурным» (влияние этноса, религии, ценностных «поворотов» в глобальном мире).

На наш взгляд, социально-профессиональные ориентации муниципального служащего включают в себя следующие характеристики: ценностные ориентации, мотивационные факторы, культурные нормы (рис.1) и неразрывно связаны с профессиональными качествами служащих. А также находятся в непосредственной зависимости от среды жизнедеятельности индивида, национальной культуры, сложившихся в российском обществе моделей поведения (рис.2).

Рисунок 1. Структура социально-профессиональных ориентаций

Основные характеристики личности данной профессиональной группы включают как объективные характеристики личности работника, так и субъективные - ориентации, ценности, этические особенности. Процесс формирования профессии муниципальных служащих рассматривается автором в непрерывном единстве личностных и профессиональных качеств.

Говоря о формировании новой профессиональной ниши, мы рассматриваем личность в профессии как синтез различных качеств. С одной стороны качества личности муниципального служащего определяются положением в системе общественных отношений, принадлежностью к определенной профессиональной группе, с другой стороны личность муниципального служащего обладает индивидуальным своеобразием социально-психологических свойств. При анализе профессиональных качеств муниципальных служащих учитывают личные качества, профессионализм и опыт, а также конкретные профессиональные навыки и умения.

Социально-профессиональная группа муниципальных служащих – общность, сплоченная не только функционально, но и доминирующим набором ценностных ориентаций, в которых протекает деятельность ее членов, социальным обликом и другими характеристиками. Соотношение муниципальной службы с профессией выражает внутренние и внешние представления о своем месте в профессиональной общности. Это соотношение сопровождается принятием определенных ценностей и смыслов через отношение к профессиональной деятельности, с учетом объективных и субъективных характеристик (профессиональный статус, профессиональные ценности, профессиональные и личные качества, оценка содержания трудовой деятельности, самоидентификация, социально-профессиональный статус, социально-демографические особенности).

На протяжении ряда лет (2006-2011 года) автор собирал эмпирический материал о группе муниципальных служащих, работающих в Республике Татарстане. В статье отражены результаты социологических исследований, проведенных автором:

- анкетный опрос «Отношение государственных и муниципальных служащих к идее создания Этического кодекса», 2006 год (N=200);
- анкетный опрос государственных гражданских служащих «Управление карьерой государственных гражданских служащих», 2007 год (N=300);

- анкетный опрос муниципальных служащих «Социально-профессиональные ориентации муниципальных служащих», 2010 год (N=600);
- полуструктурированное интервью экспертов (2011год). Интервью проводилось с муниципальными служащими, опыт работы которых составляет более 10 лет. В качестве экспертов выступили заместители глав муниципальных районов, начальники отделов, специалисты отделов (N=10).

Ценности и ценностные ориентации определяют отношение человека к окружающей реальности, которая в свою очередь влияет на его поведение и характер деятельности, способы самореализации. Ценностная система выполняет функции личностных стандартов, на ее основе строятся внутриличностные и межличностные отношения, формируется самооценка личности.

В идеальной модели профессии муниципального служащего базисной ценностной ориентацией является его устойчивая направленность на соблюдение общественных интересов, на достижение поставленных перед аппаратом социальных целей. Но в практической повседневной деятельности эта базисная ориентация реализуется не непосредственно, а через конкретизирующие ее промежуточные звенья. В качестве таких промежуточных звеньев и рассматриваются непосредственные ориентации служащих.

В ходе проведенного социологического исследования автор получил формулу основополагающих ценностей муниципальных служащих, работающих в Республике Татарстан: интересная, творческая работа - как главная цель и как следствие материальное благосостояние; авторитет, уважение окружающих – как духовно-моральная ценность.

«Современное образование» отнесли к своим ценностям 25% респондентов. Респонденты видят в образовании не самостоятельную ценность или цель, а средство реализации своих главных ценностей – интересной работы и материального благосостояния.

Помимо названных к малопопулярным у данной группы ценностям личной жизни относятся: интересный досуг, полноценный отдых; надежные социальные связи. Все эти факторы представляют скорее средства достижения целей, чем сами цели.

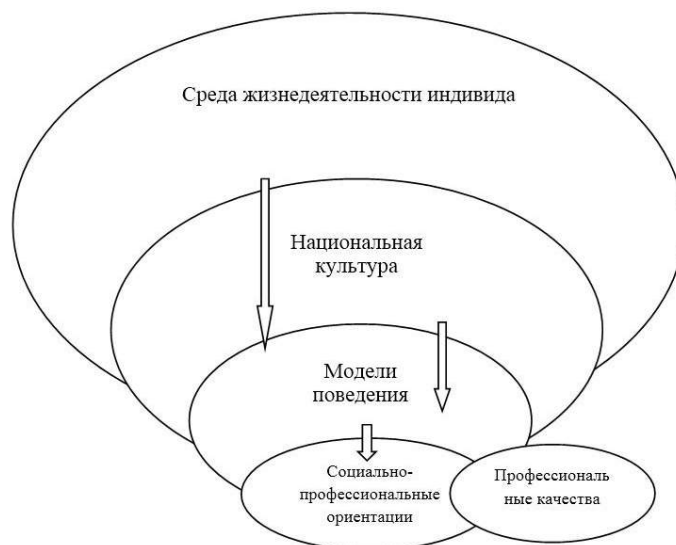

Рисунок 2. Сфера влияния на социально-профессиональные ориентации муниципальных служащих

Человек в российском обществе находится в достаточно сложной ситуации, когда длительное время сохраняется несоответствие процессов социальной дифференциации и институционализации, которое, в свою очередь, создает ситуацию противоречия в системе ценностей, неизбежно возникающих, в том числе, на фоне изменений в их иерархии. Кроме того, радикальные изменения в российском обществе в 90-х годах, произошедшие на принципах непреемственности, вызвали всеобщие процессы ресоциализации, т.е. смены, устоявшихся в обществе (в социальных группах, институтах) норм и ценностей – новыми. Настоятельное обращение официальной пропаганды к идее патриотизма сегодня, по нашему мнению, есть попытка использовать эту идею в качестве основополагающей ценности, способной сплотить народ и власть, государство и социум, различные слои населения, и укрепить межпоколенные связи.

Патриотизм – это мера ориентации личности на социальное действие: служить отечеству, приносить ему пользу. Любое социальное действие социального субъекта можно измерить через объективные и субъективные критерии патриотизма. Кроме того, к патриотизму применимо слово «чувство»: единения со своим народом, тесной привязанностью к родному краю, сопричастности к происходящим событиям, ответственности за общую судьбу народа. Патриотизм формирует личность и создает мотивационную основу ее деятельности.

Согласно исследованию, проведенного автором, только 42,5% опрошенных муниципальных служащих связывают понятие «Родина» с Россией и (или) Татарстаном. Для 30% служащих Родина идентифицируется с «малой Родиной», для 18,75% понятие «Родина» ассоциируется с обычаями, традициями, образом жизни своего народа. Для 1,25% респондентов Родина – «там, где хорошо», столько же служащих отметило, что Родина – «пустое слово, еще один способ обмануть человека». То есть 2,5% опрошенных вообще лишены какого бы то ни было патриотизма, о значении которого как консолидирующей обществу идеи говорят сегодня российские политики и идеологи.

Высокая правовая культура – основа эффективной профессиональной деятельности муниципального служащего. Правовая культура – достаточно сложное явление, которое представляет собой совокупность взглядов, ценностных ориентаций, убеждений, поступков и действий, основанных на праве, профессионально-правовых знаниях, взглядах и умениях их практического применения.

Уровень правовой культуры муниципального служащего зависит от множества социально-правовых, организационно-управленческих и нравственных факторов. Правовая культура муниципального служащего – это правовая грамотность, законность принимаемых решений, уважение и защита прав и свобод человека, активная борьба с правонарушениями. Это ориентированность не только и не столько на свои собственные оценки и интересы, но и на правовые и нравственные нормы во всех жизненных, а тем более служебно значимых ситуациях [18, с.122].

На современном же этапе функционирования муниципальной службы преобладает жесткая «привязка»

деятельности служащих к указаниям руководителей, ведущая к распространению авторитарно-бюрократического стиля руководства. Авторитарное руководство характеризуется с одной стороны, применением волевых, административно-командных методов управления, покровительственным отношением к верным и преданным сотрудникам, а с другой – склонностью и способностью служащих к конформизму, проявлению личной преданности вышестоящему руководителю. Авторитарно-бюрократический стиль руководства воспроизводит и укрепляет в организации клиентарные служебные отношения личной преданности и покровительства, которые в ряде случаев дополняются отношениями, основанными на профессионализме [9, с.585].

Так, при выполнении своих должностных обязанностей муниципальные служащие, прежде всего, руководствуются законодательством (31,3%), сугубо личными интересами (20%), указаниями непосредственного руководителя (17,7%). Следует подчеркнуть, что такие благородные, положительные мотивы к выполнению должностных обязанностей, как интересы общества и интересы ведомства являются определяющими для относительно небольшого количества муниципальных служащих (4,4%)¹.

Одной из важных черт правового сознания респондентов является их отношение к необходимости (возможности) соблюдать законы в современных условиях. На вопрос, допустимы ли нарушения законов, 60% опрошенных считают, что закон всегда закон и его нельзя нарушать. 40% опрошенных считают допустимым нарушение законов, объясняя это тем, что «законы ограничивают права личности»; «бывают непонятны»; «во многих законах реально заложены невыполнимые нормы». А также «нарушить закон можно во имя пользы дела» (6,25%) и «из-за быстрой смены законов» (3,75%).

При изучении социально-профессиональных ориентаций немаловажную роль играет и изучение интересов муниципальных служащих (их культурные/досуговые ориентации). Это то, чем живут служащие вне работы, как проводят свободное время, какие предпочтения у них в литературе и другое.

Говоря о внерабочем (свободном) времени муниципальных служащих, стоит еще раз отметить ценность семьи, как абсолютную по отношению ко всем остальным ценностям. Свободное время современные муниципальные служащие проводят в кругу семьи (75%), с друзьями (47,5%), за чтением книг (30%). 25% опрошенных в свободное время занимаются спортом, а 18,75% посещают театры, музеи, выставки. Положительным является тот факт, что лишь 1,25% всех опрошенных свободное время предпочитают проводить на дискотеках, в барах, казино, несмотря на сравнительно молодой состав муниципальных служащих. Анализ досуговых ориентаций муниципальных служащих позволяет говорить о высоком уровне культуры в муниципальной среде.

Социально-профессиональные ориентации чиновника не ограничены рамками должностных функций и формируются на основе сложного комплекса мотивов. Важнейшим психологическим фактором, определяющим направленность личности на какие-либо цели, а также

¹ При оценке мнений респондентов использовалась числовая шкала от 1 (наименее значимо) до 7 (наиболее значимо). Эта шкала была перекодирована следующим образом: опции 1 и 2

были объединены как «наименее значимые», 3 перекодирована как «менее значимая», 4 и 5 были перекодированы как «более или менее важно», 6 и 7 были объединены как «более важно + важно».

силу этой направленности, являются мотивы выбора ею конкретной работы.

Для того, чтобы проникнуть в более глубокие, фундаментальные слои сознания личности, необходимо выявить, что им дорого, что движет их поведением, какую роль играет работа на муниципальной службе, каковы мотивы и стимулы работы именно в этой области, какими соображениями руководствовались при выборе места работы, оправдались ли ожидания, какова степень удовлетворенности работой, каковы личностные перспективы.

Служащий может успешно овладеть профессиональными умениями, проявлять некоторые способности и в то же время отрицательно относиться к своей профессии. Такая неадекватная мотивация может сказаться на эффективности реализации потенциала профессионального развития личности [15, с.17].

При выборе места работы, 25% служащих руководствовались «необходимостью где-то работать», 20% «личными интересами», 18,75% «надеждой сделать карьеру», 15% «стремлением занять престижное место в обществе» и только 12,5% респондентов «общественными интересами». Мотивы общественного служения занимают периферийное положение в системе социально-профессиональных ориентаций муниципальных работников. Муниципальные служащие в своем большинстве ориентированы на интересную, творческую работу и собственное материальное благосостояние. Проблемой является то, что интересы населения не являются приоритетными для служащих.

Социально-профессиональные ориентации муниципальных служащих детерминированы общей обстановкой в стране, нестабильностью общества. Современное российское общество с точки зрения ценностных ориентиров неоднозначно, в нем отсутствуют устойчивые ценности и нормы. Все это, безусловно, сказывается на социально-профессиональных ориентациях муниципальных служащих.

Политическая власть в Татарстане, а точнее говоря, ее институционализация в постсоветский период развития, имеет специфические социальные характеристики. Так, согласимся с мнением анализировавшей институциональное развитие политической власти в Республике Татарстан Д. С. Кокорхоевой, выделившей три этапа: «суверенизация (конфедерализация) 1990–1994 гг., децентрализованный федерализм 1995–2000 гг. и унитарный федерализм» [10, с.184]. То есть современное функционирование институтов власти в республике характеризуется спадом настроения активной регионализации и ориентацией на федеральный центр. По нашему мнению, слой муниципальных управленцев, который может быть рекрутирован в органы республиканской власти, также в перспективе будет демонстрировать скорее конформизм по отношению к Москве. О вероятности этой тенденции свидетельствуют ценностные ориентации муниципальных работников: значимость материальной стабильности, карьерный прагматизм. Данные ценностные ориентации будут блокировать настроения риска, необходимые для противостояния существующим процессам централизации и «выравнивания» региональных суверенитетов. Однако сохранение тенденции «унитарной федерализации» может развиваться только, если сильный федеральный центр и вертикаль общероссийской власти, оформившиеся с начала 2000-х гг., будут воспроизводиться в российском поле политики.

Вместе с тем, представляет интерес для прогнозирования развития социально-профессиональной группы муниципальных служащих как ресурса региональной

элиты, значимость символа «малой родины». Идеология, основанная на общности этнического самосознания, обладает большим потенциалом. И это, безусловно, относится к реалиям Республики Татарстан. Проведенные нами опросы фиксируют фактор этнической идентичности как значимый. Аналогичные выводы есть в работе А. К. Магомедова [11, с.61]. Этот исследователь также акцентирует внимание на сплывающей этнической идеологии для динамики локальных республиканских элит вообще, и элиты Татарстана в частности.

Нельзя не отметить также компоненты общинной мотивации и земляческих чувств, которые отличают статусные слои Республики Татарстан. Как пишет В. А. Беляев, номенклатура Татарстана имеет преимущественно аграрное происхождение и агротехническое образование [4, с.153]. Этот фактор влияет и на социально-профессиональные ориентации изучаемой нами профессиональной группы. Так, например, «авторитет» как значимая ценность, отмеченная в авторских опросах муниципальных служащих, хотя и косвенно, но свидетельствует об общинной мотивации, для которой характерно признание авторитетов. Наличие общинной мотивации по нашим предположениям будет способствовать сохранению «ситуативного патернализма», то есть таких ориентаций, при которых сильный федеральный центр признается, а настроения регионализации блокируются, но ослабление власти федерального центра ведет к суверенизации и приоритетную опору на республиканскую вертикаль власти.

Список литературы

1. Аберкромби Н. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского университета, 1997.
2. Андреев А. Л. Современная Россия: запрос на компетентного чиновника // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1.
3. Ахмадуллин Н. Р. Самоуправление: Татарстан сказал «да» // *Татарстан*, 2005. № 11.
4. Беляев В. А. Мировоззрение и социальное поведение правящей элиты Татарстана // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3.
5. Бурганова Л. А. Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.
6. Бызов Л. Г. Контуры новорусской трансформации. (Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюции социально-политической системы). М.: РОССПЭН, 2013.
7. Ершов А. Н. Местное самоуправление в Республике Татарстан: проблемы и перспективы: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2010.
8. Заславская Т. И. Трансформационный процесс в России: социокультурный аспект // *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / ред.кол. отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина*. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999.
9. Kets de Vries, M. The Anarchists Within: Clinical Reflections on Russian Character and Leadership Style // *Human Relations*. 2001. No. 54 (5).
10. Кокорхоева Д. С. Институциональное развитие политической власти в Республике Татарстан // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. 2011. № 2 (20).

11. Магомедов А. К. Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология. Вып. 2.
12. Мальцев В. А. Государственный служащий современного типа. М.: Н.Новгород, 1995.
13. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1966.
14. Назарова Г. Ф., Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Серегина Т. В. Культура. Наука. Образование. Издательство «Академия Естествознания», 2010.
15. Павленко М. В. Духовно-нравственные основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях России: [Электронный ресурс]: Дис. на соискание уч.степени канд. социол. наук 22.00.06. – социология культуры, духовной жизни. Курск, 2006.
16. Попов В. Г., Костина С. Н., Чертенко А. Л. Социальная адаптация государственных и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.Чиновникъ.uara.ru> – 2001.html.
17. Рывкина Р. В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4.
18. Соколов В. М., Турчинов А. И. Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика: Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС; Статут, 2006.
19. Тугушева А. М. Социокультурные основания социально-профессиональных ориентаций муниципальных служащих // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И РЕКЛАМА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (В КОНЦЕПЦИИ Р.МЕРТОНА)

Ушкина Ирина Александровна

Аспирант, Пензенский государственный университет, г. Пенза

COMMUNICATION MEDIA AND ADVERTISING IN THE SOCIAL STRUCTURE OF MODERN SOCIETY (IN THE CONCEPTION OF R. MERTON)

Ushkina Irina, postgraduate student, Penza State University, Penza

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема влияния средств массовой коммуникации и рекламы на личность человека и современное общество с точки зрения социологической концепции Р. Мертона. Анализируются основные уровни и направления данного воздействия. Особое внимание уделяется функциям и дисфункциям средств массовой коммуникации, а также их последствиям, которые находят отражение в развитии отдельных социальных феноменов и социальных процессов.

ABSTRACT

The article is concerned with the problem of communication media and advertising influence on the personality of man and modern society from the perspective of the sociological conception of R. Merton. The main levels and directions of that impact were analyzed. The author pays a special attention to the functions and dysfunctions of communication media and their consequences that appear in the development of social phenomena and social processes.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации; СМК; реклама; социальная структура; социальные процессы; Р. Мертон; социальный статус; социальный контроль; конформизм.

Keywords: communication media; advertising; social structure; social processes; R. Merton; social status; social control; conformism.

Современное общество развивается в эпоху глобализации и интеграции информационных процессов, которые сегодня играют ключевую роль во всех сферах социальной жизни. Информация становится основой развития экономических и политических отношений, инструментом в решении возникающих межличностных, групповых, национальных и глобальных конфликтов, фактором, оказывающим значительное влияние на формирование облика новой личности в условиях непрерывно изменяющихся социально-экономических условий. На фоне подобных процессов особое значение приобретают средства массовой коммуникации (СМК), выступающие источником актуальных сведений, новых норм, мнений, образцов поведения.

Статусу СМК в информационном обществе посвящено довольно много работ исследователей, представляющих различные научные дисциплины и направления. Одним из первых проблему влияния СМК на общественный социальный облик проанализировал социолог Р. Мертон. Его особо интересовало положение средств массовой коммуникации в общественной структуре и их влияние на социальные процессы, протекающие в различных сферах. Ученый отмечал, что СМК занимают важное место

в социуме, и это обуславливает необходимость детального изучения их воздействия на личность, ее облик и поведение. Особую роль в данном процессе он отводил коммерческой рекламе, которую характеризовал не только как экономический, но и мощный инструмент социального воздействия, сопровождающий жизнь каждого человека.

Анализируя роль СМК и рекламы в структуре социальных отношений, Р. Мертон выделил их социальные функции: присвоения статуса, укрепления социальных норм, социального контроля и инициации массовых действий [1]. Так, общественным проблемам, отдельным личностям, организациям или движениям, оказавшимся в центре внимания средств массовой коммуникации, присваивается более высокий статус. Наиболее ярко это проявляется в рекламных кампаниях с привлечением известных людей и экспертов, которые делают заявления относительно продвигаемого продукта, предлагают собственные советы и рекомендации. Р. Мертон отмечает, что при использовании подобного инструмента повышается не только имидж рекламируемого товара, но и имидж говорящего: «большой и влиятельный мир коммерции отмечает данного индивида в качестве статусной персоны, чье

мнение стоит иметь в виду многим» [3, с 246]. Таким образом, социальную поддержку получает не только продукт, но и конкретная личность. В свою очередь, мнение статусной персоны, поддержанное средствами массовой коммуникации, оказывает влияние и на широкие массы целевой аудитории: точка зрения представителей СМК чаще всего воспринимается как экспертное мнение, к которому необходимо прислушиваться. Отрицательным последствием данной функции является факт формирования и продвижения в обществе «общественных идолов» - почитаемых большинством людей образцов, которые воспринимаются как единственно возможные и правильные.

Вторая важная функция средств массовой коммуникации в социальной структуре общества – укрепление социальных норм. Р. Мертон считает, что происходит это «посредством фокусирования общественного мнения на нормативных отклонениях» [3, с 249]: положительных или отрицательных. В случае фиксации внимания на положительных образцах поведения происходит либо укрепление уже существующих норм, либо появление новых. Если речь идет об акценте на отрицательных проявлениях – демонстрируются негативные последствия, доказываются недопустимость определенных форм деятельности, происходит их массовое порицание. Показывая условия, которые отличаются от принятых в данном обществе, СМК выступают инициатором массовых действий, направленных в поддержку или порицание подобных норм. Это могут быть не только единичные акции, но и целые социальные кампании, масштабные по своей географии и временным рамкам [1]. Реклама в этом плане способствует «объединению» вокруг продвигаемых норм, форм поведения и стилей жизни, иллюстрируя их как всеобщие, нормальные, разделяемые всеми, что часто способствует отказу индивида от своих личных мнений и принятию рекламируемого образа. Таким образом, посредством СМК происходит регулирование и социальный контроль поддерживаемых в обществе принципов, стереотипов и убеждений.

Однако Р. Мертон подчеркивает, что далеко не во всех случаях данный процесс носит позитивный характер. Структура социального контроля сегодня может носить разнообразный характер. Так, в случае рекламы контроль чаще всего исходит от рекламодателя – представителя бизнеса, который преследует в первую очередь собственные коммерческие цели. В итоге массовая аудитория воспринимает именно те нормы, процессы, личности, которые выгодны бизнесу сфере [1]. Ее представители подчиняют себе СМК и рекламу, являющиеся мощными инструментами социального воздействия. По мнению социолога, в подобных обстоятельствах «социальные цели последовательно приносятся в жертву коммерческими средствами массовой коммуникации, если они препятствуют достижению коммерческого успеха» [3, с 252].

Еще одной важной дисфункцией средств массовой коммуникации является «наркотизация» человеческого

сознания [1], что приводит к бездействию, социальной пассивности, «усыплению» критического восприятия действительности, бдительности человека. Это достигается, во-первых, за счет огромного потока информационных сообщений, который «сваливается» на человека, вызывая перегрузки, негативные эмоции, нежелание слушать и слышать. А во-вторых, за счет демонстрации образцов поведения и стиля жизни обычного обывателя, интересующегося лишь собственными проблемами и не вникающего в окружающие события. Все это, по замечанию Р. Мертона, может «преобразовывать энергию людей от активного участия к пассивному знанию» [3, с 251] и восприятию. В результате жизнь переживается только в мечтах и фантазиях, которые реализуются в сюжетах и образах СМК.

В целом Р. Мертон, уделяя в своей социологической теории особое внимание экономическим факторам развития и преобразования общества, отмечал, что в современных условиях экономическое давление сказывается практически на всех сферах общественной жизни [2], в том числе и средствах массовой коммуникации, которые все чаще выполняют определенный коммерческий заказ. Они оказывают влияние не только на отдельные социальные процессы, но и на развитие социальных феноменов, в числе которых пассивность, массовизация, социальная апатия, а также социальный конформизм. Проявление последнего связано с «опусканием» важных социальных проблем [3, с 252] и поддержкой удобных мнений, модных направлений и тенденций, господствующих в обществе.

Таким образом, в концепции Р. Мертона подчеркивается ключевая роль, которую средства массовой коммуникации и, в частности, реклама играют в современном обществе. Они рассматриваются как мощные инструменты социального влияния, оказывающие воздействие не только на отдельную личность, ее образ, характер, стиль жизни, установки и цели, но и на общество в целом: его структуру, социальные нормы и действия, преобладающие формы поведения, а также на проявление значимых феноменов общественной жизни и важнейших социальных явлений, в числе которых социальная мобильность, девиация, социальная интеграция и другие.

Список литературы

1. Lazarsfeld, P., Merton, R. Mass Communication, popular taste and organized social action, in Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. – New York: Harper and Brothers, 1948.
2. Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. – М.: Изд-во АСТ, 2006.
3. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. – Москва: Изд-во Аванти Плюс, 2004.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Вяткина Наталья Владимировна

аспирант кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, г.Пермь

VALUE ORIENTATIONS OF MIDDLE MANAGERS IN MODERN RUSSIA (VIA RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Vyatkina Natalia, graduate student of sociology and political science Perm National Research Polytechnic University, Perm

АННОТАЦИЯ

Менеджеры среднего звена, *middle-менеджмент* – наиболее влиятельная социально-профессиональная группа в когорте современных российских менеджеров. В статье рассматривается структура ценностей современных миддл-менеджеров, в частности, ценности-цели и ценности-средства. Авторское исследование, проведенное по результатам анкетирования 481 сотрудника коммерческих предприятий 18 отраслей экономики России, позволило установить, что структура ценностей-средств вызывает большее единогласие среди респондентов, чем структура их ценностей-целей, а также что в целом современный российский менеджер среднего звена – это человек, ориентированный прежде всего на индивидуальный успех как себя, так и окружающих его менеджеров.

ABSTRACT

Middle managers - the most influential socio-professional group in a cohort of contemporary Russian managers. The article deals with the structure of values of modern Middle-managers, in particular, values, goals and values-means. Copyright study conducted by the results of the survey 481 employee businesses 18 sectors of the Russian economy, revealed that the structure-property assets is of great unanimity among respondents than the structure of their values, goals, and that in general the contemporary Russian middle manager - a man focused primarily on the individual success of both himself and those around him managers.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценности-цели, ценности – средства, менеджеры среднего звена, иерархия ценностей

Keywords: value orientations, values, goals, values -means, middle managers, the hierarchy of values.

Специализация «менеджмент» появилась в российских вузах сравнительно недавно, в 1990-е годы, за одно поколение стала одной из наиболее востребованных квалификаций и превратилась в профессию. Около 10 миллионов россиян получили за это время знания в области экономики и современного менеджмента. Более того, менеджеры образовали новый социально-профессиональный слой российского общества, стали социальной группой, в значительной мере, влияющей на экономические процессы в государстве, контролирующей использование трудовых и финансовых ресурсов на всех уровнях социальной и экономической деятельности.

Особое значение приобрели функции менеджеров среднего звена, связующего между высшим и линейным менеджментом организаций. Менеджеры именно этого уровня в значительной мере определяют внутрикорпоративный дух и морально-психологический настрой персонала всей организации, сильнее других влияют на эти факторы корпоративного развития. Представители именно среднего менеджмента наиболее мощно выражают идею и способность государства формировать и развивать инновационный базис изменяющегося российского общества. В этом смысле возможности среднего менеджмента могли бы стать более понятными благодаря изучению ценностей и мотивов его представителей. Такому изучению автор и посвятила исследование, результаты которого рассматриваются в настоящей статье.

Изучению структуры ценностей и ценностных ориентаций различных социальных групп в социологической науке традиционно придается огромное значение. Ценности - культурные стандарты, отталкиваясь от которых люди определяют благо, добродетель и красоту и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе. Ценности - это то, что важно к чему стоит стремиться [1, с.360].

Термин «ценностные ориентации» появился начале 20веке в социологии, благодаря У. Томасу и Ф. Знанецкому, которые рассматривали ценностные ориентации как социальную установку личности, регулирующую ее поведение [2, с.64].

В современной социологии присутствует огромное количество формулировок, автору ближе такое определение: «Ценностные ориентации — это важнейшие элементы структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отделяющие значимое, существенное для данного индивида от незначимого, несущественного» [3, с. 143]. Совокупность ценностных ориентаций личности обеспечи-

вает координацию поведения человека в социуме, формирует каркас восприятия реальности, регулирует направленность интересов и мотивации личности.

Концепция М.Рокича, разработавшего концепцию «ценностей-целей» и «ценностей-средств» легла в основу выявления структуры ценностных ориентаций менеджеров среднего звена в процессе проведенного исследования. [4, с.26].

Интерес современной социологии к данной теме подчеркивает большое количество исследований по данной теме. Например, в работе С. П. Дырина изучаются рядовые работники и руководители среднего звена. В итоге был сделан вывод о том, что для руководителей на первом месте стоит работа в хорошем, доброжелательном коллективе, на втором месте – хорошая заработная плата и моральное удовлетворение от работы, а на третьем месте – возможность профессионального роста. [5, 4-14]

Еще одно исследование подобного рода провел С. Ю. Флоровский. Он изучал влияние ценностных ориентаций на деятельность руководителей. При этом было выяснено, что удовлетворение духовных потребностей от работы, саморазвитие эффективно влияют на отношения в коллективе, а также на отношения между руководством и подчиненными. [6, 208 - 212]

Социальный успех профессиональной группы – это ценность, обладание которой достигается совокупностью личностных направленностей ее участников. В свою очередь, направленность процесса индивидуального развития зависит от индивидуальных ценностных ориентиров. Наиболее актуальными для менеджеров среднего звена представляются ценности-цели и ценности-средства. Под ценностями-целями, или аксиологическими ценностями, подразумеваются индивидуальные целевые установки менеджера относительно будущего окружающих его в профессии и в жизни людей. Под ценностями-средствами, или акмеологическими ценностями, подразумеваются индивидуальные целевые установки менеджера относительно его личного будущего.

Рассмотрим вначале приоритеты, расставленные миддл-менеджерами в отношении аксиологических ценностей, то есть основных своих жизненных целей:

- 90,2% - личная жизнь, наличие крепкой семьи и детей
- 72,9% - высокооплачиваемая работа, дающая возможность самореализации
- 58,3% - здоровый образ жизни, поддержание и сохранение личного здоровья

- 48,8% - самореализация и самоопределение, возможность гордиться собой, наличие хобби
- 43,5% - достижение материального благополучия, накопление богатства
- 39,2% - самосовершенствование за счет получения образования и роста профессионализма
- 20,0% - реализация карьерных амбиций

Если представить полученную иерархию ценностей графически (рис.), то можно четко различить три блока ценностей, более или менее разделяемых современными российскими менеджерами среднего звена, и увидеть степень согласованности выбора:

Явственно выделяются три кластера целей-ценностей – личностный, материальный, философский.

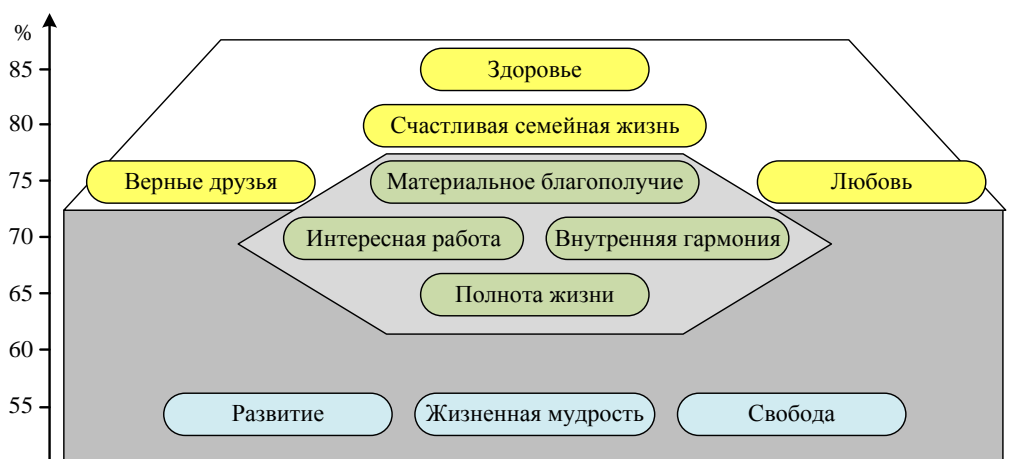

Рисунок 1. Иерархия ценностей-целей у менеджеров среднего звена

Философский кластер наполнен «вечными» ценностями свободы и совершенства, о которых упомянули, впрочем, лишь половина (55 процентов) менеджеров. Это несколько отвлеченные ориентиры, в перспективе, однако, позволяющие любому человеку стать наиболее гармоничным в профессии и в жизни, но для миддл-менеджеров, как показало исследование, наименее привлекательные: жизненная мудрость, самосовершенствование тела и духа, работа над собой, независимость в суждениях и поступках, самостоятельность.

На основе более подробного анализа автором были выявлены четыре присущие современным миддл-менеджерам аксиологические особенности.

Во-первых, менеджеры среднего звена безусловно приоритетом для себя считают общественно полезный, преимущественно интеллектуальный, достойно вознаграждаемый труд. При этом социальная полезность труда первична, материальный аспект вторичен.

Во-вторых, большинство менеджеров среднего звена считают труд необходимым источником личного развития. Труд должен быть наполнен индивидуально-значимым смыслом и, одновременно, оставлять время на иные интересы, встречи, занятия. При этом духовное самосовершенствование не происходит в отрыве от коммуникаций с другими людьми, но гармонично сочетается с ними.

В-третьих, подавляющее большинство менеджеров среднего звена (более 80 процентов) уверены, что жизненными благами и радостями нужно пользоваться не откладывая, нужно не ущемлять личные потребности, но удовлетворять их при первой возможности. Приоритет

Личностный кластер объединяет индивидуальные установки, ориентированные на достижение здорового, гармоничного и счастливого будущего в окружении родных, близких и друзей. Все эти ценности выбирают от 75 до 85 процентов опрошенных менеджеров. Личностный кластер включает личное здоровье как базу счастливой семейной жизни, наличие любви, физической близости, наличие хороших и верных друзей.

Материальный кластер объединяет индивидуальные цели, способствующие созданию экономического фундамента личного счастья и благополучия. Такие ценности выбирают от 65 до 75 процентов менеджеров. Здесь и наличие интересной работы, и уверенность в себе как предпосылка внутренней гармонии, и ощущение полноты жизни, и деятельностная активность, и эмоциональная насыщенность бытия.

отдаётся оптимистичному и уверенному взгляду в будущее. Кропотливая наработка материальных благ и общественного признания отвергаются.

В-четвёртых, 60,4% менеджеров среднего звена ориентируются на индивидуальный успех, и только 36,9% - на взаимопомощь и взаимную поддержку. Причем каждый сам определяет для себя, что для него значит быть успешным, и не ориентируется на внешние критерии успеха, как его понимает, например, общество, какая-либо социальная группа или референтная личность. В таком самоопределении выражается стремление миддл-менеджеров к свободе и независимости.

Следующий блок приоритетов, расставленных менеджерами среднего звена, касается акмеологических ценностей – таких свойств личности, обладание которыми позволяет их носителю достичь индивидуального жизненного успеха. Основные ценности-средства, выделенные миддл-менеджерами, таковы:

- 79,2% - жизнерадостность, оптимизм, чувство юмора
- 78,9% - ответственность, чувство долга, умение держать слово
- 70,9% - образованность, эрудиция, интеллигентность
- 69,9% - воспитанность, хорошие манеры, знание этикета
- 61,9% - честность, правдивость, искренность
- 60,4% - независимость, свобода, решительность, самостоятельность

Общий видимый ориентир менеджеров среднего звена – будучи оптимистом и стремясь к самосовершенствованию, достигая успеха ответственно и честно.

В отличие от ценностей-целей, где ту или иную цель определяли для себя важной от 20 до 90 процентов опрошенных миддл-менеджеров, те или иные ценности-средства приоритетны для большего числа менеджеров – разброс значений здесь значительно меньше, от 60 до 80 процентов. В то же время, более глубокий анализ акмеологических ценностей показал значительные различия в индивидуальных детализациях понимания ценностей-средств. Автором выделены три особенности относительно выбора приемлемого поведения менеджерами среднего звена.

Во-первых, большинство миддл-менеджеров предпочитают следовать общечеловеческой морали и нравственности, быть этичными. Они считают недопустимыми для себя ложь, преступление, притворство, а между карьерой и совестью выбирают приоритетом совесть. Ориентир большинства – честный заработок.

Во-вторых, мнение о том, что выбрать – рисковость или рассудительность – разделяются с небольшим перевесом в пользу первого. Считают, что для достижения успеха нужно рисковать, 56,8% миддл-менеджеров. Выработку надёжной продуманной стратегии выбирают 40,3% менеджеров среднего звена.

В-третьих, более 80 процентов миддл-менеджеров уверены, что самая выигрышная стратегия для них – иметь яркую индивидуальность, уметь представлять себя и выделяться из толпы, из «серой массы».

Таким образом, проведённое исследование позволило структурировать и прояснить ценностную сферу новой сформировавшейся социальной группы российского общества, middle-менеджмента. Это люди, которые нацелены на индивидуальный успех и готовы использовать для этого все возможности персональной непохожести.

Демонстрация индивидуальности – главное средство достижения успеха, так считает большинство менеджеров среднего звена.

Индивидуальный успех невозможен и без социального окружения, поэтому менеджеры среднего звена стремятся к созданию такой коммуникативной окружающей среды, которая позволила бы им создать социальную, психологическую и экономическую, а в меньшей степени и философско-практическую основу персональной внутренней гармонии и счастья. Быть здоровым, иметь семью и друзей, трудиться во благо общества, получая в ответ достойное вознаграждение и своевременный отдых – вот цели, реализуемые работающими в сфере миддл-менеджмента профессионалами.

Литература

1. Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе. - СПб.: Питер, 2008.
2. Американская социологическая мысль: Тексты. М., Изд-во МГУ, 2004.
3. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом. А. А. Грицанов. 1999.
4. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. - М.: Эксмо, 2007.
5. Дырин, С. П. Многовариантность организационной культуры современных российских предприятий / С. П. Дырин // Управление корпоративной культурой. – 2009. – № 1.
6. Флоровский, С. Ю. Ценностно-ориентационная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей / С. Ю. Флоровский // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений. М. – Кострома: КГУ, 2003. Т. 2.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Яковленко Анастасия Егоровна

Бакалавр, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г. Краснодар

MERITS OF MODERN YOUTH

Yakovlenko Anastasia Egorovna, Bachelor, Krasnodar state university of culture and arts, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу положительных качеств современной молодежи. Автор старается показать молодое поколение с лучшей стороны, отметить его заслуги и успехи в спорте, науке, культуре

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of merits of modern youth. The author tries to show the younger generation from the best party, to note his merits and progress in sport, science, culture

Ключевые слова: молодежь; положительные качества; молодое поколение; молодые люди

Keywords: youth; merits; younger generation; young people

На сегодняшний день можно услышать много негатива в отношении современной молодежи, например, о том, что она не уважает старших, не обладает чувствами патриотизма, эгоистична, жестока, развращена в связи с отсутствием всякой цензуры в СМИ и тем более Интернете. Как правило, каждое поколение считает своих потомков хуже себя - это все идет еще с глубокой древности. Но стоит задуматься, может все не так плохо, как кажется на первый взгляд. В настоящей статье мы освятим вопросы, связанные исключительно с положительными качествами современной молодежи, не затрагивая очевидных отрицательных.

Даже в современном мире подрастающее поколение нашей страны не теряет интереса ни к спорту, ни к науке, ни к волонтерству. Эти факторы не могут не радовать. Как много побед и достижений принес нам 2014 год и уже начало 2015. Взять, к примеру, олимпиаду в Сочи, где сборная РФ заняла первое общекомандное место в медальном зачёте с самым молодым на соревнованиях составом. И всё это произошло спустя всего четыре года после позорного фиаско в Ванкувере, когда наша страна даже не вошла в первую десятку сильнейших[2]. 2010 год принес нам 15 медалей, в то время как 2014 - 33, то есть в 2 раза больше. О чем это может говорить? А только о том, что спорт в РФ набирает популярность среди молодежи.

Также необходимо вспомнить про волонтеров, которые помогали иностранцам ориентироваться в городе, преодолеть культурные и языковые трудности. Эти добровольцы работали не ради денег, славы, а просто для себя, для своей страны. Таким образом они старались показать Россию с хорошей стороны, чтобы у всех участников Олимпиады остались только теплые воспоминания и уважение к РФ. К счастью, очень много детей в настоящее время можно встретить на спортплощадках, некоторые посещают спортивные секции, такие как волейбол, баскетбол, футбол, аэробика, бокс. Такой активный образ жизни способствует укреплению здоровья молодого поколения, а значит и будущим достижениям всей страны. Также необходимо вспомнить последние события, а именно зимнюю Универсиаду студентов в феврале 2015 года, где сборная России уверенно заняла первое место в неофициальном командном зачёте, завоевав 56 медалей – в четыре раза больше, чем у ставшей второй команды Южной Кореи [1].

Не затихает интерес некоторых студентов к учебе и получению знаний. Есть еще молодые люди, которые пишут научные статьи, участвуют в научных конференциях, различных конкурсах, мероприятиях, посвященных не только науке, но и культуре. В награду за свою работу они получают гранты, повышенные стипендии и в тоже время самосовершенствуются. Встречаются юноши, которые добровольно идут служить в российскую армию, чтобы встать на защиту своего Отечества и своих близких. Также современная молодежь может быть отзывчивой, духовно и нравственно развитой, воспитанной. Немногочисленное число молодых юношей уступает место в трамваях и

маршрутках не только пожилым людям, но и женщинам, девушкам. Немаловажно и то, что достаточное количество современной молодёжи хочет быть полезной своей стране, хочет заниматься любимым делом, получать достойную оплату за свой труд, хочет без страха жениться и выходить замуж, заводить детей [3]. А значит, у нее есть цели, к которым она стремится.

Итак, подводя итог, хочется отметить, что поколение XXI века не так уж плохо. К огромной радости его интересует не только Интернет и телекоммуникационные технологии, но и по-прежнему спорт, наука, культура. Среди молодежи можно найти целеустремленных, воспитанных людей, готовых помочь другому. А значит государству есть на кого опереться и кем гордиться.

Литература

1. Архив новостей [Электронный ресурс].- URL: http://www.allsportinfo.ru/archive.php?id=90004&s_s=0&s_d=4&s_m=2&s_y=2015&b=0&l=40 (дата обращения 01.03.2015 г.)
2. Итоги Олимпиады Сочи-2014: триумф вместо провала [Электронный ресурс].- URL: <http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1111317> (дата обращения 28.02.2015 г.)
3. Социальная ситуация социализации и самореализации молодежи современной России [Электронный ресурс].- URL: <http://conf.omua.ru/content/socialnaya-situaciya-socializacii-i-samorealizacii-molodezhi-sovremennoy-rossii> (дата обращения 02.03.2015 г.)

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МОДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРИЗМА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Зацепина Н.А.,

кандидат пед.наук, доцент, Запорожский национальный технический университет, г. Запорожье

THE IMPACT OF CURRENT FASHION TRENDS ON THE FORMATION OF CULTURAL PRACTICES OF DOMESTIC TOURISM UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL SOCIAL CHANGE

N.A. Zatsepina, Candidate of Science, assistant professor of Zaporizhzhya National Technical University, Zaporozhye

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено туризм как перманентно обновленный культурный контент, который становится распространенной социальной практикой, способом формирования идентичности. Исследованы современные тенденции моды в туризме, которые становятся фактором влияния моды на конструирование культуры туристского потребления, основанное на анализе экспертных интервью, интервью с туристами, данных анкетного опроса клиентов туристических фирм. Определено, что туризм в условиях глобализации, интенсификации межличностных коммуникаций и виртуализации становится важным фактором конструирования идентичности людей.

ABSTRACT

The article deals with tourism as a permanent updating of cultural content, which is becoming a common social practice, a way of identity formation. Studied modern fashion trends in tourism, which becomes a factor of influence on fashion design culture tourism consumption, based on the analysis of expert interviews, interviews with tourists, questionnaire data customers travel companies. Determined that tourism in the context of globalization, the intensification of interpersonal communication and virtualization becomes an important factor in the construction of identity of people.

Ключевые слова. Туризм, мода, социокультурные практики, культура потребления, турпродукт.

Keywords. Tourism, fashion, social and cultural practices, the culture of consumption, tourism product.

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия особую актуальность приобретает проблема

потребления и строительства культурных тождеств. Растущие потоки туристов в Европу и по всему миру из постсоветских государств участвуют в процессах глобализации и

культурного обмена наравне со всеми остальными. Постоянство туристских перемещений стало повседневной практикой украинцев, что приводит к колоссальным социальным и культурным изменениям.

Актуальность данного исследования обусловлена заинтересованностью в решении проблем формирования культурных практик отечественного туризма государственными и бизнес-структурами, академическими сообществами, образовательными учреждениями, соответствует стратегическому направлению его развития в Украине. Актуальность темы исследования заключается в изучении социальных условий создания, трансляции и воспроизведения идей, представлений и образцов поведения, которые реализуются туристами в своих культурных практиках. В туризме наблюдается плюрализм поведенческих стратегий актеров, отражается в эволюционном переходе от дискурса равенства в ценности инаковости. Реализуясь в настоящем, практики туристов сочетают ретроспективные и прогностические функции, выражающиеся в обращении к культурному наследию, социальной памяти, семейным традициям, с одной стороны, и способствует конструированию индивидуальных жизненных стратегий с другой. В работах П. Бергера, И. Гофмана, Т. Лукмана, Дж.Г. Мида, А. Шютца анализу подлежат индивидуально-личностные конструкции окружающего мира, смыслы и значения межличностных коммуникаций. В культурной перспективе постмодерна рассматривают туризм Н.Е. Покровский, Н. Урили, Т.И. Черняева. Конструированием культурной идентичности туристов занимались такие исследователи как Д. Бурстин, В. Галан-Мутафи, Н. Граберн, Е. Коэн, Дж. Криппендорф, Д. Маккенел, М. Палмер, С. Райан. Вопросы конструирования имиджа субъектов и объектов туристской активности рассматриваются в работах Ю.М. Голубчиков, М. Маяцкого, Е.В. Мошняги, И.Л. Савкиной. С критикой общества потребления выступает Ж. Бодрийяр. Потребление как доминанта современного социума освещается И.М. Ивановой, Т.А. Хагуровым; особенности потребления в туризме рассматриваются

В.И. Ильиным, Я.М. Рошиной, Т.И. Черняевой; вопрос моды исследуют Р. Барт, Г. Фершоу, А.Б. Гофман, А.Ю. Гурова, Л.И. Ятин. О специфике развития средних потребительских слоев пишут Н.Г. Балобанова, Б.С. Гладарев, Д.В. Иванов, Т.Р. Калимуллин, А.В. Лешкова, В.А. Литвинов, Р.Х. Симонян, А.Б. Фенько, Ж.М. Цинман, уделяя внимание туристским предпочтениям.

Но без концептуальной обработки остаются проблемы формирования туристских ценностей и мотиваций, конструирования типов идентичности современных украинских туристов, выявление особенностей социальных интеракций между актерами культурных практик туризма, локальных ограничений и социальных барьеров реализации туристской активности. В исследовании фокусируется внимание на разработке социологии культуры туризма как перспективном научном направлении, благоприятном распознаванию индивидуального опыта путешествий и социальных взаимодействий в пространственно-временном универсуме эпохи глобализации.

Целью исследования стало изучение современных тенденций моды в туризме, степени влияния моды на конструирование культуры туристского потребления, основанное на анализе экспертных интервью, интервью с туристами, данных анкетного опроса клиентов туристских фирм.

В исследовании туризм концептуализируется в качестве распространенной практики средних потребительских слоев. По туризму как виду деятельности и типу активности респондентами разделяются разные точки зрения: со значительным отрывом преобладают мысли о том, что туризм — это отдых, эмоциональная подзарядка, познания, общения. Туризм рассматривается как общение в два раза чаще, чем физическая активность.

На выбор туристом поездки, маршрута, места отдыха влияет совокупность факторов, их ранжирование по степени значимости приводит к выводу, что на первом месте находится фактор личного опыта; на втором — влияние других актеров, СМИ; на третьем мода и реклама.

Таблица 1

Приоритеты выбора потребителями туристских услуг при осуществлении покупки	
Приоритет выбора	Число туристов, которые отдали предпочтение туристскому продукту на основе данного приоритета, %
Советы друзей и знакомых	21,6
Цена	16,7
Наличие дополнительных услуг	10,1
Набор услуг, которые предоставляются бесплатно	8,6
Рейтинг туристского центра	7,8
Личный опыт	6,0
Советы профессионалов, которые работают в индустрии туризма	5,3
Опыт и советы сотрудников фирмы	4,8
Опыт и престиж организации на туристском рынке	4,7
Реклама	3,7
Информация о туристской услуге в специальных справочниках и в Интернете	3,4
Удобное место расположение	2,5
Другое	4,8
Всего	100

Таким образом, можно сделать выводы о том, что на принятие окончательного решения о покупке наиболее повлияли два основных фактора это отношение других

людей к выбранному направлению путешествия и отношение к репутации туристской организации, которая реализует турпродукт.

Для выявления основных мотивов, влияющих на предпочтения выбора турпоездок респондентами, проведен факторный анализ, в процессе которого выявлено наличие шести факторов (шести блоков мотивов), избранных респондентами из предложенных по степени важности, согласно которым они отправляются в турпоездки и влияющие на их выбор турпоездки. Факторы обладают сильной внутренней взаимосвязью, для которых собственные числа составили не меньше единицы, полная объяснена дисперсия 52,382%. Факторам присвоено наименование: рациональная активность, расширение кругозора, новизна ощущений, выход из повседневности, отдых с близкими, престижная тусовка. Проведенный иерархический кластерный анализ данных анкетного опроса выявил три сопоставимых по размеру кластера: основой первого есть молодые активные туристы, во втором сосредоточены поливариантные туристы, ядро третьего туристы с опытом, ориентированные на познавательные практики. В результате анализа данных анкетного опроса клиентов турфирм установлен значимый коэффициент корреляции по переменной «престижность места отдыха». Ранжирование факторов на основе коэффициента регрессий позволило установить фактор максимального влияния на выбор туристов СМИ и минимального воздействия советы друзей и знакомых.

В процессе исследования были проанализированы особенности потребительских предпочтений украинских туристов. По результатам опроса клиентов турфирм выявлены наиболее важные причины турпоездок: получение новых впечатлений; изменение обстановки; отдых от работы; наслаждение природой; расширение культурных познаний; оздоровления. Причинами низкой степени значимости являются: решение деловых проблем; поиск романтических отношений; пребывания в одиночестве. Опрос показал наиболее популярные для посещения города: Киев, Ялта, Львов; предпочтительны для туризма и отдыха традиционные города-курорты Черноморского побережья: Ялта, Алушта, Севастополь, Судак. Данные различных опросов о намерениях украинцев посетить зарубежные страны позволяют выявить страны-лидеры: Франция, Италия, Египет, Турция, США, Великобритания, Германия.

Анализ результатов социологических опросов 2008–2013 годов демонстрирует количественно разные данные о частоте и периодичности проведения украинцами отпуска за границей: если среди клиентов турфирм эта доля высокая (69%), то в рамках всеукраинской выборки процент колеблется от 8,5 до 16,9%. Различия в поведенческих стратегиях украинских туристов обусловлены факторами: возраст, состояние здоровья, система ценностей и мотиваций, уровень дохода. Препятствиями являются дефицит финансовых и временных ресурсов, семейные обстоятельства, проблемы со здоровьем, незнание иностранного языка для зарубежных поездок, риски и отсутствие гарантий безопасности, сформирована потребность путешествовать. В настоящее время отчетливо проявляется активное развитие в Украине средних потребительских слоев, к которым можно отнести около 37% респондентов из числа клиентов турфирм. Согласно социологическим опросам последних лет, выездной туризм стал распространенной практикой представителей средних потребительских слоев, проведенный за рубежом отпуск становится характерной чертой их повседневного

опыта и поведенческих стратегий. Отдых за рубежом может служить индикатором того, чтобы человека и его семью отнести к средним потребительским слоям. Результаты групповых дискуссий позволяют утверждать, что иерархия предпочтений украинских туристов на турецких курортах состоит из географических приоритетов, финансовых возможностей, устойчивой склонности к выбору системы обслуживания олл-инклюзив, сочетание пляжного, культурно-познавательного видов туризма, шопинга. Проявляется широкая амплитуда ценностей и мотиваций в реализации туристской активности украинских туристов на курортах Турции, которая входит в 2010–2013 годах в пятерку лидеров по приему украинцев. Туризм стал важным компонентом жизни и деятельности современных людей, стремящихся не только работать и зарабатывать, но и отдыхать и путешествовать разнообразно и комфортно.

Также было исследовано феномен моды, взаимосвязанный с локальными культурными модусами потребления туруслуг и отражает глобальные тенденции культуры эпохи консюмеризма. Будучи явлением массовым и популярным, туризм наглядно демонстрирует образ жизни с ориентацией на культурное освоение земного пространства, он выступает в качестве своеобразного двигателя и законодателя моды, одновременно обращаясь к ней как средства собственной популяризации. Представление о полноценном отдыхе становятся неотделимыми от турпоездки, на выбор которой влияют факторы моды и престижного потребления. Было определено, что мода способствует формированию индивидуального стиля и имиджа потребителя. Согласно П. Бергер и Т. Лукману, идентификация служит ключевым моментом субъективной реальности, подчеркивает определяющую роль стиля в процессе социализации и самопрезентации. Индивидуальный стиль туриста является элементом структурирования социальной реальности, выполняет функцию идентификации человека в этой социальной роли. На основе анализа эмпирических данных было выявлено современные тренды взаимодействия индустрии моды и сферы туризма, степень влияния туристской моды на конструирование культуры потребления, обоснованно тезис о важности формирования общественного мнения по развитию внутреннего туризма и путешествий по Украине. Анализ экспертных интервью свидетельствует о тесной взаимосвязи моды и престижа в туризме. мода в туризме как фактор престижного потребления занимает важное место в системе современных символов социальной стратификации, распространяется на виды и направления туризма, дестинации, курорты, отели, турфирмы. Она формируется профессионалами турбизнеса, транслируется СМИ потенциальным клиентам. Современная мода конструирует культуру потребления туруслуг.

Организация и осуществление туристских поездок детерминированы выбором приоритетов в потребительских практиках, системой ценностей и мотиваций, на которые влияют факторы: личный опыт путешествий, мысли близких, советы сотрудников турфирмы, СМИ, Интернет, реклама, мода. Конструирование идентичности туриста есть, с одной стороны, упорядоченным процессом, с другой гибко-ситуативным. Индивидуальная поведенческая стратегия туриста в условиях глобализации сопоставима с общей жизненной траектории, одновременно тщательно планируемой и сложно предсказуемой. Выбор поведен-

ческой стратегии украинского туриста зависит как от собственных интересов и потребностей, так и от событийного ряда, можно интерпретировать как контекстуально-пространственную мобильность. Туристы дифференцированы в оценке степени важности причин, по которым отправляются в путешествия, что зависит от возраста, уровня образования, дохода, места проживания. Выездной туризм становится распространенной практикой представителей средних потребительских слоев, стандарту потребления которых принадлежат культурные практики туризма за рубежом как ресурс развития социального и символического капитала.

Современные украинские туристы реализуют различные поведенческие стратегии, в основе которых лежит, с одной стороны, архетип советского образца, с другой — западные модели поведения иностранных туристов рядом с транслируемыми СМИ образцами. Развиваются новые социальные практики: организовано участие туристов в масштабных мероприятиях, виртуальные путешествия, заказ туруслуг по Интернету, кредитования путешествий. Наблюдается рост туристских коммуникаций в пространстве Интернета с помощью различных сетевых ресурсов (веб-сайты, порталы, блоги, электронные журналы, онлайн-путеводители, Интернет-форумы), что свидетельствует о стремлении туристов конструировать свою положительную индивидуальную и групповую идентичность. Социальные изменения в туризме проходят по двум осям коммуникаций межличностные интеракции (турист турист; турист местный житель; турист турагент) и виртуальные практики (турист турагент; турист Интернет, СМИ; турагент Интернет, СМИ). В силу виртуализации современного общества туризм становится своего рода глобальным сетевым медиапроектом. Глобальные системы коммуникации активно влияют на сознание и поведение людей, формируя туристические потребности, предпочтения, ценности, мотивы.

Современный турист находится в пространстве бесконечного многообразия образов, текстов, символов, знаков, требующих как личного осмысления, так и внешних интерпретаций. Значимость когнитивного, этического и эстетического компонентов туризма в настоящее время усиливается как никогда раньше, что приводит к распространению образцов культуры и стилей поведения. Однако транслируемое СМИ деперсонифицированное знание не может заменить личный опыт путешествий.

На восприятие и формирование предпочтений, выбор туристами мест отдыха, позиционируются в качестве престижных, влияют СМИ, личный опыт путешествий, рекомендации сотрудников турфирм, советы друзей и знакомых. СМИ оказывают максимальное влияние на выбор туристами мест отдыха, наименее значимый фактор воздействия советы друзей и знакомых. Уровень доверия по-

тенциальных туристов к сотрудникам турфирм невысокий, о чем свидетельствуют коэффициенты регрессионного анализа, из чего следует вывод о необходимости улучшения качества обслуживания как ресурса повышения репутации турфирмы. Украинский турист является субъектом современных социальных изменений. Мотивы и ценностные ориентации в реализуемых туристами поведенческих стратегий лежат в основе модели типов идентичности. Туристская идентичность представляет собой совокупность мотиваций, ценностных установок, стратегий поведения, видов деятельности человека, находящегося в социальной роли туриста.

Социальные практики туристов способствуют формированию культуры потребления и образа жизни. Понятие о полноценном отдыхе становится неотделимым от турпоездки, на выбор которого влияют тенденции моды, занимающие важное место в системе современных символов социальной стратификации. мода в туризме является средством выражения социальных и культурных предпочтений и различий между потребителями турпродукта. В контексте туристической моды можно рассматривать престижное потребление и формирования индивидуальной культуры туристов как потребителей. В эпоху глобализации туризм способствует дальнейшей индивидуализации потребительских запросов, которые формируют моду в туризме профессиональными агентами, экспертами туристического сообщества, СМИ.

Список литературы

1. Карамашева А.А. Роль туризма в развитии личности // Тип культуры. Альманах. Вып.2. — М.: РАГС, 2004. — С.222—234.
2. Лысикова О.В. Престижное потребление как фактор персонализации туризма и самоидентификации туриста / О.В. Лысикова // Проблемы управления социально-экономическими системами: межвуз. сб. науч. трудов / под. ред. Л.В. Соколовой. Саратов: СГСЭУ, 2007. Вып. 1. С. 151—156.(0,4 п.л.). ISBN 978-5-87309-644-2.
3. Crick-Furman D. Prentice R. Modeling tourists' multiple values // *Annals of Tourism Research*, 2010. Vol. 27, No. 1, Pp. 69—92.
4. *Experiences capes: Tourism, Culture and Economy* / ed. by Tom O'Dell and Peter Billing (eds). Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2005.
5. Pearce Ph. L. and Lee U. Developing the Travel Career Approach to Tourist Motivation// *Journal of Travel Research*, 2005. Vol. 43. Pp.226 — 237.
6. Uriely N. The Tourist Experience: Conceptual Developments / *Annals of Tourism Research*, 2005. Vol. 32(1).